

И ПУТЕСКОЕ ПИСЬМО

Н.К. РЕРИХ

АЛТАЙ – ГИМАЛАИ

РОССИЯ
МОСКВА

LITRU.RU

Annotation

Написанная в форме путевых заметок, книга «Алтай – Гималаи» в действительности гораздо глубже по своему содержанию, чем обычный путевой дневник. На страницах этой книги читатель познакомится с множеством интереснейших фактов из истории, культуры, духовной жизни древнего и современного Востока. Книга Н.К. Рериха станет настоящим подарком для всех, интересующихся эзотерической духовной культурой Индии и Тибета.

Николай Рерих
Алтай – Гималаи
Путевой дневник

I. Цейлон – Гималаи (1923—1924)

«Урус карош!» – кричит лодочник в Порт-Саиде, увидав мою бороду. Всюду на Востоке звенит этот народный привет всему русскому. И сверкает зеленая волна, и красная лодка, и бело-голубая одежда, и жемчуг зубов: «Карош урус!». Привет Востока!

Вот и Синай показался в жемчужной дымке. Вот источник Авраама. Вот и «двенадцать апостолов» – причудливые островки. Вот и Джидда, преддверие Мекки. Мусульмане парохода молятся на восток, где за розовыми песками скрыто их средоточие. Направо древним карнизом залегла граница Нубии. На рифах торчат остовы разбитых судов. Чермное море ^[1] умеет быть беспощадным вместе с аравийским песчаным ураганом. Огненный палец вулкана Стромболи недаром грозил и предупреждал ночью. Но теперь, зимою, Чермное море и сине, и не жарко, и дельфины скачут в бешеном веселье. Сказочным узором залегли аравийские заливы – Кория Мория.

Японцы не упускают возможности побывать около пирамид. Эта нация не теряет времени. Надо видеть, как быстрозорко шевелятся их бинокли и как настойчиво насущны их вопросы. Ничего лишнего. Это не вакантный туризм усталой Европы. «Ведь мы же договоримся наконец с Россией», – деловито, без всякой сентиментальности говорит японец. И деловитость пусть будет залогом сотрудничества.

В Каире в мечети сидел мальчик лет семи-восьми и нараспев читал строки Корана. Нельзя было пройти мимо его проникновенного устремления. А в стене той же мечети нагло торчало ядро Наполеона. И тот же завоеватель империи разбил лик великого Сфинкса.

Если обезображен Сфинкс Египта, то Сфинкс Азии сбережен великими пустынями. Богатство сердца Азии сохранено, и час его пришел.

Древний Цейлон – Ланка Рамаяны.^[2] Но где же дворцы и пагоды? Странно. В Коломбо встречает швейцарский консул. Полицейский – ирландец. Француз торговец. Грек с непристойными картинками. Голландцы чаевики, Италиянец шофер. Где же, однако, сингалезы? Неужели все переехали в театры Европы?

Первые лики Будды и Майтрейи^[3] показались в храме Келания около Коломбо. Мощные изображения хранятся в сумерках храма. Хинаяна^[4] гордится своей утонченностью и чистотой философии перед многообразной махаяной.

Обновленная большая ступа^[5] около храма напоминает о древнем основании этого места. Впрочем, и все Коломбо, и Цейлон только напоминают по осколкам о древней Ланке, о Ханумане, Раме, Раване^[6] и прочих гигантах.

Множество храмов и дворцовых строений могут хранить остатки лучшего времени Учения. Кроме известных развалин сколько неожиданностей погребено под корнями зарослей. То, что осталось поверх почвы, дает представление о былом великолепии места. Всюду скрыты находки. Не надо искать их, они сами кричат о себе. Но работа может дать следствия, если будет произведена в широких размерах. К развалинам, где один дворец имел девятьсот помещений, нельзя подходить без достаточного вооружения. Цейлон важное место.

Общие купания около кисло-сладкой горы Лавиния не являют царство гигантов древности. Тонкие пальмы стыдливо нагнулись к пене прибоя. Как скелеты, стоят фрагменты Анурадхапуры. По обломкам Анурадхапуры можно судить, как мощен был Борободур на Яве.

И опять неумолимо мелькают лица наших спутников японцев, с которыми мы оплакивали останки каирских пирамид, перешедших из славной истории в паноптикум корыстного гида.

Неужели Индия? Тонкая полоска берега. Тощие деревца. Трещины иссушенной почвы. Так с юга скрывает свой лик Индия. Черные дравиды еще не напоминают Веды^[7] и «Махабхарату».^[8]

Пестрый Мадурай с остатками дравидских нагромождений. Вся жизнь, весь нерв обмена около храма. В переходах храма и базар, и суд, и проповедь, и сказатель Рамаяны, и сплетни, и священный слон, ходящий на свободе, и верблюды религиозных процессий. Замысловатая каменная резьба храма раскрашена грубыми нынешними красками. Художник Сарма горюет об этом, но городской совет не послушал его и расцветил храм по-своему; Сарма горюет, что многое тонкое понимание уходит и заменяется пока безразличием.

Предупреждает не ходить далеко в европейских костюмах, ибо значительная часть населения может быть враждебна. А в Мадуре все-таки один миллион жителей. Сарма расспрашивает о положении художников в Европе и в Америке. Искренно удивляется, что художники Европы и Америки могут жить своим трудом. Для него непонятно, что искусство может дать средства к жизни. У них – занятие художника самое бездоходное. Собирателей почти нет.

Махараджи предпочитает иметь что-либо хоть поддельное, но иностранное или вообще не имеют, заменяя продукты творчества аляповатыми побрякушками, или тратят тысячи на лошадей. Довольно безнадежны эти соображения о положении искусства.

Сам Сарма – высокий, в белом одеянии, с печально-спокойною речью, ждет что-то лучшее и знает всю тяготу настоящего.

Часто жалуется в Индии на недостаток сил. Говорят, что тем же страдает школа Рабиндраната Тагора в Больпуре. Недавно, в 1923 году, школа понесла тяжелую утрату. Умер друг дела Пирсон; помните его прекрасную книжечку «Заря Востока»? Было в школе несколько приезжих хороших ученых, но их влияние было кратковременным. Профессор С. Леви жаловался, что состав слушателей не отвечал его курсу. Индусы боятся за дальнейшую судьбу школы Тагора. Они говорят: покуда поэт жив, он может давать на это дело личные средства и личным воздействием доставать вспомоществование от махараджей и навабов.^[9] Но что будет, если дело останется без руководителя и без притока средств?

С Тагором не пришлось повидаться. Странно бывает в жизни. В Лондоне поэт нашел нас. Затем в Америке удавалось видаться в Нью-Йорке, а Юрию – в Бостоне, а вот в самой Индии так и не встретились. Мы не могли поехать в Больпур, а Тагор не мог быть в Калькутте. Он уже готовился к своему туру по Китаю, который прошел так неудачно. Китайцы не восприняли Тагора.

Бывали многие странности. В Калькутте мы хотели найти Тагора. Думали, что в родном городе достаточно упомянуть его имя, ибо все знают поэта. Сели в мотор, указали везти прямо к поэту Тагору и бесплодно проехали три часа по городу. Прежде всего нас привезли к махарадже Тагору. Затем сотня полицейских, и лавочников, и прохожих бабу^[10] посылала нас в самые различные закоулки. Наконец на нашем моторе висело шесть добровольных проводников, и так мы наконец сами припомнили название улицы, Дварканат-стрит, где дом Тагора.

Передавали, что, когда Тагор получил Нобелевскую премию, депутацию от Калькутты явилась к нему, но поэт сурово спросил их: «Где же вы были раньше? Я остался тем же самым, и премия мне ничего не прибавила». Привет Тагору!

Мы встретили родственников нашего друга Тагора. Абаниндранат Тагор, брат Рабиндраната, – художник, глава бенгальской школы. Гоганендранат Тагор, племянник поэта, – тоже художник, секретарь бенгальского общества художников. Теперь он подражает модернистам. Хороший художник Кумар Халдар, теперь он директором школы в Лакхнау. Трудна жизнь индусских художников. Надо много решимости, чтобы не покинуть этот тернистый путь. Привет художникам Индии! Отчего во всех странах положение ученых и

художников так необеспеченно?

Тернист путь и индусских ученых. Вот у нас на глазах борется молодой ученый Боше Сен, биолог, ученик Д. Боше. Он организовал свою лабораторию имени Вивекананды. В его тихом домике над лабораторией помещается комната, посвященная реликвиям Рамакришны, Вивекананды и других учителей этой группы. Сам Б. Сен – ученик близкого ученика Вивекананды – несет в жизнь принципы Вивекананды, бесстрашно звавшего к действию и познанию. В этой верхней светелке Б. Сен собирается с мыслями, окруженный вещами, принадлежавшими его любимым водителям. Запомнился ярко портрет Рамакришны и его жены. Оба лица поражают своею чистотою и устремленностью. Мы посидели в полном молчании у этого памятного очага. Привет!

Тут же, в Калькутте, недалеко за городом два памятника Рамакришны. На одном берегу Дакшинесвар – храм, где долго жил Рамакришна. Почти напротив, через реку, – Миссия Рамакришны, спальня самого учителя, его жены, Вивекананды и собрание многих памятных вещей. Вивекананда мечтал, чтобы здесь был настоящий индусский университет. Вивекананда заботился об этом месте. Тут много тишины, и с трудом сознается, что это так близко от Калькутты со всеми ее ужасами базаров и сумятицы.

Мы встретили сестру Кристину, почти единственную оставшуюся в живых ученицу Вивекананды. Ее полезная работа была прервана войною. И вот после долгого ряда лет сестра Кристина снова приехала на старое пепелище. Люди изменились, сознание занято местными проблемами, и нелегко сестре Кристине найти контакт с новыми волнами жизни.

В памятный день Рамакришны собирается до полумиллиона его почитателей.

После самого чистого – к самому ужасному. В особых кварталах Бомбея за решетками сидят женщины-проститутки. В этом живом товаре, прижавшемся к решеткам, в этих тянущихся руках, в этих выкриках заключен весь ужас осквернения тела. И индус-садху^[11] с возжженными курениями в руках медленно проходит этим ужасным местом, пытаясь очистить его.

Калькутта, так же как и Бомбей и Мадрас, как и все портовые города, оскорбляет лучшие чувства. Здесь гибнет народное сознание.

Когда мы входили в Чартеред-банк, навстречу из дверей вышла священная корова. И это сочетание банка со священной коровой было поражающе.

Огорчило нас «Модерн Ревью». Мы хотели установить связи с Америкой, но редактор сказал: «Мы интересуемся только тем, что касается самой Индии». При таком сужении кругозора трудно развиваться и эволюционировать.

Много узости и много запутанности и подозрительности. От этого тухнет пламя искания и смелости. Хотел я зайти в редакцию газеты. Друг остановил меня: «Вас не должны там видеть, могут возникнуть подозрения». И так трудно лучшим людям Индии.

Книга по изучению древних религий, присланная нам из Америки, была принята за мятежную литературу. *Американский Экспресс* имел много переписки, прежде чем мог доставить нам посылку. А отски статьи Юрия и совсем не дошли из Парижа.

Рычат тигры в Джайпуре. Махараджа запрещает стрелять их. Пусть лучше пожирают его подданных, но его светлость должна иметь безопасную забаву стрельбы тигров из павильона на спине слона. В Голта Пасс сражаются два племени обезьян. Проводник устраивает этот бой за самую сходную плату. Теперь все битвы могут быть устроены очень дешево.

Сидят факиры, «очаровывая» старых полуживых кобр, лишенных зубов. Крутится на базаре жалкий хатха-йог,^[12] проделывая гимнастическую головоломку для очищения своего духа. «Спиритуалист» предлагает заставить коляску двигаться без лошадей, но для этого нужно, «чтобы на небе не было ни одного облачка».

И тут же рядом фантастичный и романтичный обломок старой Раджпутаны – Амбер, где с

балконов принцессы смотрели на турнир искателей их сердец. Где каждые ворота, где каждая дверка поражают сочетаниями красоты. И тут же углубленный и причудливый Голта, который не может представить фантазия – только «игра» жизни наслаивает такие неожиданные созидания. И тут же Джайпур со сказочной астрологической обсерваторией и с очарованием неисторченного индо-мусульманского города. Фатехпур Сикри, Агра – редкие обломки ушедшей культуры. Но стенопись Аджанты уже не прочна.

Все остатки строительства Акбара^[13] имеют налет какой-то грусти. Здесь великий объединитель страны хоронил свои лучшие мечты, так непонятые современниками. В Фатехпур Сикри беседовал со своим мудрым Бирбалом и с немногими, понявшими его уровень. Здесь он строил храм единого знания. Здесь он терял немногих друзей своих и предчувствовал, как не сохранится созданное им благополучие государства. И Агра, и Фатехпур Сикри – все полно безграничною грустью. Акбар знал, как будет расхищено достояние, данное им народу. Может быть, уже знал, как последний император Индии дотянет до половины девятнадцатого века, торгуя мебелью своего дворца и ковыряя из стен дворца в Дели осколки мозаик.

Новый Дели с какими-то ложноклассическими колоннами, казарменно-холодными, нарочито вычурными, показывает, что это строительство не может иметь общее понимание с сознанием Индии.

Очистить Индию и возвеличить ее можно не этими мерами. И прежде всего надо вместить индусское сознание.

При всей запыленности временем архитектура Бенареса все же сохраняет очарование. Все смещение форм староиндусских, дравидских и мусульманских может давать новые решения для непредубежденного архитектора. Легко можно представить комбинацию многоэтажного тибетского строения с удобствами американского небоскреба. Можно провести уравнение от дворцов Бенареса к дворцам Венеции и к жилому особняку. Можно разработать стиль пуэбло^[14] американских в новейшем понимании, как делается в Санта-Фе.^[15]

Но обезобразить Индию чуждыми ей ложноклассическими колоннами и казарменными белыми бараками?! Это глубокое безвкусие происходит от отсутствия всякого воображения и прозрения.

Один индус жаловался мне на отсутствие индусов-архитекторов. Я говорил: «Если нет архитектора, дайте живописцу разработать идею, но идите от гармонии народного сознания с характером природы». Нельзя опоганить весь мир одним казенным бунгалом.^[16] Нельзя из Явы делать шведский Стокзунд.^[17] И нельзя команчей и апачей видеть в коттеджах Бостона. Соизмеримость должна быть соблюдена.

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю пранаяму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых браминов Золотого храма. Вспоминалось иное.

Гигантские ступы буддизма – погребальные памятники, обнесенные оградой, те же курганы всех веков и народов. Курганы Уппсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан.^[18] Всюду те же очищающие сожжения.

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжел дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято.

Значит, опять писатели напутали, когда описывали исключительно «дикие» погребальные обычаи Тибета. Откуда же это желание показать все чужое более диким. Черня других, сам белее не станешь. Лишь отсутствие горючих материалов заставляло отступать от лучшего способа, то есть от сожжения.

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки. Нет грубых бранных слов Запада.

Махараджа Майсора просыпается под особые песни. Песни начала и конца.

В Мадуре, в тесном закоулке, старик чеканит изображения «богов». Последний старик, с ним умрет это уменье. Прошлое умирает. Так приходит будущее.

На полях стоят круги из белых керамиковых коней. Откуда эти Световитовы^[19] кони? На них тонкие тела женщин мчатся по ночам. Спина, днем согбенная в домашнем обиходе, выпрямляется ночью в полете. Что это – козлий прыжок на шабаш? Нет, это скачка валькирий – дев воздуха. Скачка за прекрасным будущим. Привет женщине!

Рука женщины каждый день покрывает особым рисунком песок перед входом в дом. Это символ того, что в доме все благополучно, нет ни болезни, ни смерти, ни ссоры. Если нет счастья в доме, то и рука женщины замолкает. Как бы щит красоты в час благополучный полагает перед домом рука женщины. Уже девочки в школах учатся разнообразию узоров для знаков счастья. Невыразимая красота живет в этом обычае Индии.

Вивекананда звал к работе и свободе женщину Индии, он же спросил так называемых христиан: «Если вы так любите учение Иисуса, почему вы ни в чем ему не следуете?» Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех учений и научившегося на жизни «не отрицать». Вивекананда не есть прилежный «свами». Что-то львиное звучит в его письменах. Как он был бы нужен Индии сейчас!

«Буддизм – самое научное учение», – говорит индусский биолог Боше. Радостно слышать, как этот большой истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему существу достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебряные звонки электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира.

Мать Боше в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое «царство», говорит: «Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям». Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Тимирязева о его трудах. Одну из лучших книг своих Боше написал на высотах Пенджаба в Майявати – в общине Вивекананды.

Слишком рано ушел Вивекананда. Боше и Тагор – лучшие лики Индии.

Фрески Аджанты, мощная Тримурти^[20] Элефанты и гигантская ступа в Сарнате – все это говорит о каких-то других временах, теперь уже неприложимых. Существует известие, что уже во времена Будды культура Индии начала поникать. И сейчас, может быть, нигде так не мерещится эта бывшая красота, как иногда в тонком и стройном силуэте женщины, несущей свою вечную воду. Воду, питающую очаг. И колодезь, так же как в библейские времена, остается местом средоточия всего поселения.

На самых задворках в маленькой клумбочке убогих цветов покоится безобразненькое изображение Ганеши – слона счастья. Семья индусского кули, живущая в шалаше, уделяет ему последние зерна риса. Не много счастья принесло им это изображение. Индию надо знать не только из дворцов махараджи.

По разным соображениям, понятным лишь для бывших на Востоке, пришлось отказаться от

личной встречи с Ауробиндо Гхошем. Помните ли, видели ли замечательные предсказания Гхоша о ближайших судьбах человечества в Азии? Эти замечательные письма Поля Ришара и прозрения Ауробиндо Гхоша? На современном фоне близоруких политик его работа полна знания для будущего. Обычно о нем мало слышат люди. Помните ли слова о семи нациях? И о мировых катаклизмах? Привет!

И ведь люди, ругающие все русское, втайне мечтают о какой-то торговле и сношениях именно с Россией.

Экспортеры Цейлона, Ассама и Дарджилинга очень хотели бы иметь дело с русскими. Китайский Туркестан, говорят, мечтает об этом, ибо трудный караванный путь через Каракорум и Кашмир необычайно сложен.

Несмотря на обилие туристов, как-то мало знают Америку. Оно и понятно. Вся масса туристов быстро протекает через блиндированные каналы *Томас Кук и К°* и *Американского Экспресса* и не может входить в действенный контакт с жизнью страны. На севере Индии американцев называют «кочевниками», ибо агентства придают этим спешащим, запыхавшимся группам особый характер, совершенно вне народного понимания. Из окон вагона мелькают притаившиеся деревушки, эти первоначальные поставщики всех продуктов и делатели народа. Кому дело до этих первоисточников?

При наличии таких изысканных ценностей, как Рабиндранат Тагор, Д. Боше, нельзя примириться с тем, что еще составляет содержание храмов. Вот фаллический культ – лингам в Элефанте. Еще до сих пор в святилищах этого культа видны следы свежих жертвоприношений. Из древней мудрости мы знаем, что «Лингам – сосуд знания», и знаем научное объяснение этого незапамятного понимания мудрого распределения сил. Но ведь сейчас, вне всяких пониманий, идет суеверное поклонение.

Другое безобразное зрелище? В Золотом храме в Бенаресе мимо нас провели белую козочку. Ее увели в святилище. Там, вероятно, она была одобрена, ибо через малое время ее, отчаянно упирившуюся, спешно протащили перед нами. Через минуту она была растянута в притворе храма и широкий нож брамина отсек ей голову. Трудно было поверить, что было совершено священное действие. Мясо козы, должно быть, пошло в пищу браминам. Ведь брамины мяса не кушают, за исключением мяса жертвенных животных. А таких животных запуганное население, вероятно, приводит ежедневно. Учение, предполагавшее браминов, очевидно, видело их какими-то иными, но не теми, как они выродились сейчас. Даже декоративно они не хороши. Могут ли они хранить красоту символов знания? Пока уложение каст не изменено в Индии, страна не может развиваться.

Теперь касты пришли в неопишемую неразбериху. Махараджи иногда бывают из низшей касты чистильщиков нечистот. Впрочем, каждый чистильщик нечистот знает, что в следующем воплощении он будет королем. Не отсюда ли происходят внешность и мозговые качества некоторых королей? А сколько драм, убийств и самоубийств происходит вследствие кастовой разницы между мужьями и женами. Даже за наше пребывание пришлось читать о нескольких тяжелых семейных драмах на этой почве явного пережитка. В то же время веданта^[21] и адвайта^[22] ясно устанавливают принцип единства. Некоторые, наиболее космогонические части Вед написаны женщинами. И теперь в Индии приходит время женщин. Привет женщине Индии!

Памфлет Бенгалии кончается обращением к Великой Матери Кали. Люди, мало знающие, были бы удивлены. Индию и весь Восток надо знать во всех его ликах.

Может быть, мы пристрастны к браминам? Вспомним, что о них говорил Вивекананда в своих письменах. Строго и полно осудил Вивекананда тех из них, которые погрязли в суеверии.

Рамакришна говорил: «В Атмане нет различия между мужчинами и женщинами, между браминами и кшатриями».

Рамакришна исполнял самые черные работы, чтобы лично показать отсутствие различий.

В декабре хотим ехать в Гималаи. На нас смотрят изумленно: «Но ведь там теперь снег». Снега боятся! Между тем единственное время для Гималаев – ноябрь – февраль. Уже в марте подымается завеса тумана. А в мае – августе совсем редко можно на короткое время увидеть всю сияющую гряду снегов. Правда, такое величие нигде не повторено.

Так же как когда приближаетесь к Большому каньону Аризоны, подъезжая к взгорьям Гималаев, попадаете в особо неинтересный пейзаж.

И только на рассвете в Силигури, как первые вестники, перед вами на миг покажутся белые великаны и опять скроются в курчавых джунглях. И опять чайные плантации. И опять казарменные бараки и фактории. Иногда только покажется «местное» жилье и спрячется, точно видение другого мира. Рассказы о нападениях тигров и леопардов. Горы ящиков чая с мякотью Оранжево-Пико. Миссионер-бельгиец из Курсеонга.

Становится прохладно. Толпы маленьких кули чинят обвалы – следы минувшего муссона. В морозном воздухе нельзя себе и представить гнет муссонного летнего ливня, от которого плесневеет вся природа. Птиц мало. Видны орлы.

Горы плотно закрылись. Вид самого Дарджилинга разочаровывает. Неужели нужно искать Гималаи, чтобы найти такую неталантливую Швейцарию? Цветистые типы базара не видны сразу, а бесталанные бараки и бунгало уже бьют в глаза. Еще хуже выглядит Лебонг, где Нагу-ла и Джелап-ла.

Ищем дом. Первые сведения неутешительны. Уверяют, что хороших домов нет. Показывают нечто, лишенное и вида и простора, нечто тонущее в закоулках деревянных дач и заборов. Все не то. Мы хотим – вот туда, перед ликом всех Гималаев, где не играет городской оркестр, где нет приглашений на игры в клубах. «Там ничего не найдете». Но мы упрямы. Идем сами. И находим отличный дом. И тишину. И уединение. И всю цепь Гималаев перед нами. И еще неожиданность. Именно здесь жил далай-лама^[23] во время своего долгого бегства из Лхасы. И до сих пор паломники приходят издалека поклониться этому жилью. А для нас это именно то, что надо.

Не раз мы просыпались от пения и мерных ударов вокруг дома. Это ламы, земно простираясь, многократно обходили наш дом. Побывали и тибетцы, и бутанцы, и непальские шерпы.^[24] Появляется в огненно-красном халате монгол из Ордоса. Все само пришло.

Кто-то сказал, что это дом привидений. Где-то в народе болтали, что в этом доме живет черт и показывается в виде черной свиньи. Но чертей мы не боимся, а в соседней деревне Бхутия Басти много черных свиней, похожих на кабанов. Не исполняли ли роль черта наши милые обезьяны, забравшиеся к нам в ванную и поедавшие около дома горох и цветы,

Скучная необходимость иметь много слуг. И причины – все те же касты. Доходит до абсурда. Сторож не чистит дорожки... Почему? Оказывается, по касте своей он кузнец и не имеет права взять метлу в руки, иначе он осквернится и станет чистильщиком нечистот. Он решает эту проблему оригинально: начал разгребать дорожки пятернею, ползая по земле. Конюх оказался из высокой касты кшатриев и намекал на потомков короля, что не мешало ему утаскивать лошадиную пищу. Иногда на кухне утраивались религиозные митинги, и повар, председатель местной Ария Самадж,^[25] в чем-то долго убеждал своих слушателей. Лучше всех себя вели тибетцы. У них, у буддистов, нет никаких запретов. Работают быстро. Веселы. Очень понятливы и легко усваивают. А уж если пойдут по круче скалы, то не угонитесь.

Много рассказов о Тибете, о воинственном племени кам и о диких голоках,^[26] которые сами себя называют «дикие псы». Там уже времена Зигфрида:^[27] закрепляют братскую клятву, смешивая и выпивая братскую кровь. Не расстаются с оружием.

Складывается серия «Его страна» и начинается серия «Знамена Востока». В июне после первых дождей оказалось, что вся темпера покрылась белыми пятнами плесени. Нужно было усиленно топить, чтобы она высохла и начала сходить.

«Его страна». В самом Сиккиме^[28] находился один из ашрамов махатм. В Сикким махатмы приезжали на горных конях. Их физическое присутствие сообщает торжественную значительность этим местам. Конечно, сейчас ашрам перенесен из Сиккима. Конечно, сейчас махатмы оставили Сикким. Но они были здесь. И серебро вершин цепи сияет еще прекраснее...

В сопровождении учеников, художников и ваятелей приходит величавый Ринпоче^[29] из Чумби. Ходит по всему краю, воздвигая новые изображения Майтрейи. Все ускоряется. В длинной беседе лама^[30] указывает, что все может быть достигнуто лишь через Шамбалу.^[31] Для тех, кому Шамбала представляется легендарным вымыслом, это указание – суеверный миф. Но есть и другие, вооруженные более практическими знаниями.

Славный Атиша,^[32] столп учения, шествовал из Индии в Тибет для очищения учения. Учитель проходил мимо уединения Миларепы.^[33] Великий отшельник обратил внимание на проходящее шествие и, желая испытать силы столпа учения, оказался сидящим на конце стебля травинки. Славный Атиша, увидя это проявление отшельника, сошел с носилок и также поднялся на конец соседней травинки. И тогда обменялись ученые дружественным приветом. Миларепа сказал: «Одинаковы познания наши, но отчего подо мною слегка погнулась травинка, а под тобою она сохранила свое напряжение?» Славный Атиша улыбнулся: «Поистине, одинаковы знания наши, но я иду из страны, где жил и учил сам Благословенный Татхагата, и это сознание возносит меня».

Какие магниты заложены в Индии? Неповторяема прелесть детского хора под Мадрасом. Эти крошечные гопи^[34] и малюсенький Кришна – Лель и Купава.^[35] Самые лучшие образы рассыпаны в неосознаваемом богатстве, Индия знает всепроникающее качество магнита.

«А как же с чудесами в Индии?» – спросят приятели Запада. Скажем, «чудес» не видели, но всякие проявления психической энергии встречали. Коли говорить о проявлениях «высшей, чудесной» силы – тогда вообще не стоит говорить. Но если осознать материально достигаемое развитие психофизической энергии, тогда Индия дает и сейчас самые замечательные проявления. Знаменитый «злой смертный глаз» Востока существует, и люди покорно умирают в назначенный срок, если не сумеют противопоставить свою еще более тренированную волю. Передача волевого приказа на расстоянии – существует. Внушение в любой форме – существует и в очень сложных сочетаниях. Часть явлений производится сознательно, а значительная часть бессознательно, в силу природной способности и благоприятных атмосферических условий. И то, что для цивилизованного европейца необычайно, то самое для культурного индуса или, вернее, азиата будет самым материально обыденным.

Посмотрите, как замечательны физиологические сравнения, проводимые индусами между явлениями космическими и человеческим организмом. И матка, и пуповина, и фаллос, и сердце – все это в данное время введено в стройную систему развития мировой клетки. Только трудно вызвать их на эти беседы. Опять нужно то доверие, которое пирушкой не установите.

Во времена инквизиции за инвольтацию с терафимом^[36] сжигали, но в Индии и сейчас практикуется этот способ воздействия напряжения воли. Еще в Америке рассказывали о ксендзах, применяющих это воздействие. И сейчас на Малабарских холмах^[37] могут прийти темные люди и за неисполненное желание будут стремиться прикоснуться к вам, сказав: «Господин будет болен», или: «Проживешь только десять дней». Если организм в этот момент утомлен или воля слаба, то приказ исполняется. И вылечить можно тогда только контрвнушением. Но часто обратное воздействие менее сильно.

Передаваемые случаи «смертного глаза» составляют замечательное и совсем не изучаемое задание для психиатров и криминалистов. Лицо, получившее волевой удар, в назначенные сроки начинает терять жизненную энергию и теряет самозащиту, и, наконец, аппарат останавливается. Врачи, не применив вовремя внушение, теряются в средствах и начинают еще более отравлять парализованную нервную систему. Злостное малокровие, поражение сердца или селезенки, или желчного пузыря, нервные спазмы и удушья часто являются официальным следствием волевого приказа. Трудно установить, как происходит качество поражения органов; вернее представить, что наиболее слабый орган скорее реагирует на поражение нервов. В малой и грубой степени то же явление знакомо в шаманизме, но степени воли и применения ее совершенно несравнимы. Справедливо указывается, что такое волевое убийство или повреждение гораздо опаснее механического. И где искать границы этих воздействий? На Востоке можно иногда услышать многозначительную фразу: «Он не будет жить». Значит, почуяна искра волевого удара.

Два качества нужно отдать англичанам – выдержка и точность во времени. Оба эти качества поразительны для Востока. Если бы к ним еще прибавить чистоту мысли! Но этим свойством все европейцы мало отличаются. Именно детскими попытками скрыть истинные свои намерения европейцы закрывают себе врата Востока. Точность в назначенных сроках, конечно, совершенно необходима, ибо «худшая кража есть кража чужого времени», но одна точность без ясности и силы мысли еще мост не создает.

Не опаздывайте, если хотите, чтобы вас уважали. Не лгите мысленно, если собираетесь найти друзей.

Началось с неизвестных следов, найденных Эверестской экспедицией. Затем в «Стетсмен» английский майор рассказывал, как во время одной из экспедиций в область Гималаев он встретил странного горного жителя. На восходе солнца среди студеных снегов майор вышел из стана и поднялся на соседние скалы. Взглянув на соседнюю скалу, майор, к изумлению, увидел высокого, почти обнаженного человека, стоящего опершись на высокий лук. Горный житель не смотрел на майора. Его внимание было всецело привлечено чем-то невидимым за изгибом утеса. И вдруг человек нагнулся, напрягся и безумно опасными скачками бросился со скалы и исчез. Когда майор рассказал своим людям о встрече, они улыбнулись и сказали: «Саиб ^[38] видел «снежного» человека. Они стерегут охраненные места».

Рассказывают недавний случай в Бенгалии. Садху ехал в поезде без билета. На ближайшей станции его высадили из вагона. Раздаются звонки. Паровоз свистит и не двигается. Так продолжалось некоторое время. Пассажиры вспомнили о высаженном садху и потребовали водворить его на место. Тогда поезд двинулся. Вот это массовое воздействие!

Европейка, жившая в Индии, зашла в глухую часть сада и задумалась, отчего не проложены дорожки на этих полях. Через три дня она идет туда же и видит свежепроведенную дорожку, но окончание дорожки как-то затерялось. Позвали старика садовника: «Кто провел дорожку?» – «Ведь мемсаиб ^[39] хотела иметь дорожку, но я не знал, как окончить ее». И женщина вспомнила, что конец ее мысли о дорожке был неясен.

Джагадис Боше утверждает, что чувствительность растений совершенно поразительна. Так, растения чувствуют образование облачка задолго до его видимости глазом. Восток чует мысль при ее зарождении.

В реальном чередовании очевидного и незримого глазом, в эпической простоте особых возможностей очарование Индии.

Махендра Пратап замечательно говорит о Лемурии ^[40] и о сравнении Запада и Востока.

Приходит тибетский портной шить кафтаны. Всю мерку снимает на глаз. Но удивительнее всего то, что кафтан выходит впору. И все-то делается не зря. И качество золота на обшивку, и цвет подкладки, и длина – и все обдуманно. Местная домодельная ткань очень узка, и надо

удивляться, как умеют заглаживать многие швы. Для войска эта же ткань делается гораздо шире, но в частную продажу она не поступает.

Тибет помнит о троекратном разделе всех имуществ, бывшем в VIII веке.

Если возьмем твердые исторические даты прошлого века, то можно поразиться, как планомерно освобождалось народное сознание от явных пережитков средневековья. Защитники пережитков могут просмотреть исторические пути и удостовериться, что происходящее сейчас не случайно, но определенно планомерно. Кто страшится этой планомерности, тот не может понять эволюцию.

Неожиданная поддержка основного буддизма. Реальнейший из реальных Хаксли говорит: «Никто, кроме поверхностных мыслителей, не отвергает учение о перевоплощении как нелепость. Подобно учению о самой эволюции, названное учение имеет свои корни в мире реальностей, и оно имеет право на такую поддержку, на какую имеет право каждое рассуждение, исходящее из аналогий».

Две прекрасные подробности буддизма: «Подобно льву, не уstraшенному шумами. Подобно ветру, неуловимому сетью. Подобно листу лотоса, непроницаемому водою. Подобно носорогу, иди в одиночестве». «Изучение и проявление энергии во всех ее видах. Энергия вооружения. Энергия приложения в действии. Энергия неудовлетворения, рождающая вечное устремление, вводящее человека в ритм космического потока», – так говорит Асанга.^[41]

Где же бездейственный пессимизм? Где же философия отчаяния? – как иногда называли буддизм малопонимающие люди. Сколько книг было написано под влиянием ложной романтики девятнадцатого века. Сколько ученых, не владея языками, питали свое сознание этими мечтательно-кислыми заключениями. А теперь показался иной лик: Будда с мечом, в львином дерзновении, во всеоружии всех энергий в мировом строительстве, в космическом устремлении.

«Наблюдай движение светил, как принимающий участие в нем, и постоянно размышляй о переходе элементов друг в друга. Ибо подобное представление очищает от грязи земной жизни», – так размышляет Марк Аврелий. То же самое говорит вам образованный индус Гималаев.

Л. Хорн пишет: «С принятием учения об эволюции старые формы мысли рушатся всюду, встают новые идеи на место изжитых догматов, и мы имеем перед собой зрелище общего интеллектуального движения в направлении, до странности параллельном с восточной философией».

Небывалая быстрота и разносторонность научного прогресса в течение последних пятидесяти лет не могли не вызвать одинаково небывалого ускорения мышления и в широких внеученых кругах общества. Что высочайшие и наиболее сложные организмы развились из простейших организмов; что на единой физической основе жизни стоит весь живой мир; что не может быть проведена черта, разделяющая животное и растительное царства; что различие между жизнью и нежизнью есть различие по степени, а не по существу, – все это сделалось уже общими местами в новой философии. После признания физической эволюции нетрудно сказать, что признание эволюции психической – вопрос лишь времени».

В «Дао дэ цзин»^[42] сделано такое подразделение типов ученых: «Ученые высочайшего класса, когда слышат о Дао, серьезно проводят свои знания в жизнь. Ученые среднего класса, когда слышат о Нем, иногда соблюдают Его, а иногда снова теряют Его. Ученые самого низшего класса, когда слышат о Нем, лишь громко над ним смеются». Лао-цзы знал это.

Наблюдательность на Востоке и поражает и радует. И не показная наблюдательность, сводящаяся к мертвому трафарету, но тонкая молчаливая наблюдательность по существу. Вспоминается, как учитель предложил новопришедшему ученику описать комнату. Но комната

была пуста, и в сосуде плавала лишь одна маленькая рыбка. За три часа ученик написал три страницы. Но учитель отверг его, сказав, что об одной этой рыбке он мог бы писать всю жизнь. В технической подражательности сказывается та же острая наблюдательность. В усвоении песенного лада, в характере зова, в движениях вы видите старую мощную культуру. Где-то сравнивали индусов, завернутых в плащи, с римскими сенаторами. Это сравнение ничтожно. Скорее, философы Греции, а еще лучше создатели Упанишад,^[43] «Бхагавадгиты»,^[44] «Махабхараты». И никакого Рима и Греции не было, когда цвела Индия. И последние раскопки начинают поддерживать этот несомненный вывод.

Проникновенно смотрит индус на предметы искусства. Конечно, от индуса вы уже ожидаете интересный подход и необычайные замечания. Так оно и есть, и потому показывать картины индусам настоящая радость. Как увлекательно подходят они к искусству! Не думайте, что их занимает лишь созерцание. Вы будете изумлены замечаниями о тональности, о технике и о выразительности линии. Если зритель надолго замолчит, не подумайте, что он заскучал. Наоборот, это добрый знак. Значит, он вошел в настроение, и можно ждать особо интересных выводов. Иногда он скажет целую притчу, и в ней не будет ничего грубого или пошлого. Удивительно, как преображаются люди Востока перед художественными произведениями. Положительно, зритель Европы труднее входит в струю творчества и часто менее умеет синтезировать свои впечатления.

В эпических узорах Индии все укладывается. Окажется в толпе вашим ближайшим соседом оловянный, побелевший от проказы, – вы не пугаетесь. Прислонится к вам садху, выкрашенный синими разводами, с прической из коровьего помета – вы не удивляетесь. Обманет вас факир с беззубыми кобрами – вы улыбаетесь. Давит толпу колесница Джаганната – вы не поражаетесь. Двигается шествие страшных нагов^[45] Раджпутаны с кривыми жалами клинков – вы спокойны. А где же те, ради которых вы приехали в Индию? Те не сидят на базарах и не ходят в шествиях. И в жилища их вы не попадете без их желания. Да правда ли они есть? Не пишут ли только о них досужие писатели для необыкновенности? Есть, есть и они. И есть их знание и умение. И в этом изоощрении человеческих качеств возносится вся человеческая сущность, и никакая проказа не отвратит вас от Индии.

Все происходящее в метапсихическом институте Парижа, опыты Нотцинга и Рише по эктоплазме, опыты Барадюка по фотографированию физических излучений, работы Котика по экстерниоризации чувствительности и попытки Бехтерева по передаче мыслей на расстоянии – все это знакомо Индии, только не как маловероятное новшество, но как давно известные законы. Мало говорят на эти темы по недостатку сведущих, научно просвещенных собеседников. Древний метод индуизма и буддизма – открывать двери постучавшемуся, но никого не зазывать и ничего не навязывать. Но и качество стука должно быть мощно. В практическом учении буддизма четко развивается самодеятельность сознания и как следствие ее – непоколебимая выдержанность и всепобеждающее терпение. Наибольшее терпение склонит победу. Вот бы невеждам отрицателям окунуться в настоящий Восток, поучиться и воспринять способность вмещения.

Передают два характерные эпизода о таши-ламе.^[46] Когда таши-лама был в Индии, к нему обратились с вопросом, владеет ли он какими-либо психическими силами. Таши-лама молча улыбнулся. Через короткое время, будучи тесно окружен хранителями и офицерами, таши-лама неожиданно исчез. Все поиски были безуспешны. Наконец через значительное время офицеры увидели его спокойно сидящим тут же в саду, а вокруг него суетились в бесплодных поисках хранители. Также и далай-лама был спрошен в Индии. Также и он промолчал. Потом он показал присутствующим большую картину Поталы,^[47] и вдруг все увидели его сидящим над Поталой. Этот случай напоминает, как говорил мне когда-то Горький, что он сам смотрел яркие

изображения индийских городов на чистых металлических листах альбома, показанного ему однажды на Кавказе индусом. При всей своей реальности Горький, однако, утверждает, что видел в ярких красках то, что указал индус. Привет Алексею Максимовичу!

Очень чувствителен мир Востока. Притяжение мыслью поразительно. Хотелось иметь старого тибетского Будду, но это уже трудно теперь. Говорили и мыслили между собою, как достать. Через несколько дней приходит лама и несет отличного Будду: «Госпожа хотела иметь Будду, и мне указано отдать Будду с моего домашнего алтаря. Не могу продать священное изображение – примите в дар». – «Как же вы узнали наше желание иметь Будду?» – «Белая Тара^[48] явилась во сне и указала отнести вам». Так и бывает чудесно и просто.

Только что прочли в «Стетсмен», что низшие касты Индии начинают охотно принимать буддизм. Рабиндранат Тагор в беседе с Ганди высказывался против каст. Из уст брамина это признание значительно. Много значительных и прекрасных знаков!

Особое внимание должно быть обращено на Пураны.^[49] В них множество ценнейших указаний. «Когда сочетаются Солнце и Луна, и Тишья, и Юпитер, тогда наступит век Сатиа – век истины». Так отмечает Вишну Пурана век Майтрейи.

Постоянно приходят ламы. Развешивают по лужайке картины. И нараспев, указывая палочкой, говорят целый эпос. Яркие краски картин сливаются с самоцветами природы. Воздействие через зрение уже издавна оценено. Приходит монашка. Садится у порога и, закинув благообразную голову, поет молитвы. Разбираем только «Тра-ши-то!» Вообще с языками трудно. Все эти горные наречия немного похожи на тибетский, но все же разница очень велика. А число наречий маленьких племен тоже велико. Наконец, приезжает из Лхасы кунг – кушо^[50] из Доринга, чтобы поклониться дому далай-ламы. Кунг (титул вроде герцога; замечательно совпадение: конунг, кунг, кинг) – важный старик с добродушной женою и круглолицей, как украинка, дочерью, с многочисленными слугами. На черных рослых мулах подбитые серебром высокие седла и многоцветные чепраки. На лбах ярко-красный колпачок с изображением Чинтамани.^[51] В 1912 году на кунга напали китайские солдаты, едва не ранили. Убили его секретаря. Это повело к восстанию Тибета. Кунг удивлен и обрадован нашим буддийским предметам. Завтракаем. Делаем тибетские блюда. Очень чинный старик.

Интересны рассказы об атаках конницы камской и голокской. Дикае наездники не нуждаются в уздах. Кони их, как в древних описаниях, принимают участие в битве зубами и копытами. На битву всадники сбрасывают халаты до пояса. В шлемах, с мечами, копьями и ружьями эта лавина несется, временами исчезая под брюхом коня. Если все средства нападения иссякли, то всадники хватают камни с земли и бьются с криком, похожим на хохот. Есть один знак, который сразу обуздывает эту лавину. Конечно, каждое племя имеет свои особенности в битве, и незнанием их можно ослабить самую лучшую силу. Иногда тибетские женщины и в песнях и в жизни не отстают в проявлениях отваги. Они обливают врага горячим варом; они насмешливо встречают временных победителей.

С двух сторон пытались поработить Тибет; пытались сделать из сильной страны механический заградительный барьер; пытались нарушить внутреннее сознание страны. Но свободен дух Тибета, и эта срединная страна хранит потенциал своего достоинства. Умеет хранить непроницаемо.

Около Гума^[52] стоит высокая скала. Говорят, на вершине ее лежит знаменательное пророчество. В каждой ступе положены какие-нибудь значительные предметы. Ошибочно думать, что те книжные полки, которые показывают в храмах некоторым путешественникам, составляют все книжное имущество монастыря. Кроме этих официальных томов учения, всюду в тайниках у настоятеля имеются рукописи необычно интересные. Одно опасно. Часто эти

тайники повреждаются сыростью, или мышами, или просто забываются при стремительных отъездах. Часто лама вам скажет: «У меня записаны пророчества, но с собою их не ношу. Они лежат под камнем». Но происходит какое-то нежданное событие; лама спешит закинуть мешок за спину и идти, а нужные списки погибают.

Характерны некоторые условные приказы. «Надеть штаны» – значит готовиться к походу. Условные выражения часто вносят затруднения в переговоры. Однажды посланник говорил в очень высоких выражениях о «волосах Брахмы». Никто не понял, и переговоры прекратились. Между тем он имел в виду не что иное, как реку Брахмапутру. Часто языки, преподаваемые в университетах, не помогают на местах.

Китайская книга «Вей Цзян-ду ши» описывает Поталу: «Горные дворцы сияют в пурпурном блеске. Сияние вершин гор равняется смарагду. Истинно, красота и совершенство всех предметов делают это место несравненным».

Читаем о строителе Поталы Пятом Далай-ламе, именуемом «Владыка заклинаний, красноречивый, священный, океан бесстрашия». Это он, вступив в достоинство далай-ламы в 1642 году, строил Поталу, Красный дворец (Пхо-Бранг-Марпо) на Красной горе (Марпори). Он же строил замечательные монастыри: Мо-ру, Лабран, Гармакиа и много других. Он же воздвиг на скале колоссальный рельеф Будды и подвижников буддизма. При нем монголы во второй раз вступили в Тибет. Иезуит Грубер очень не любит этого сильного деятеля, хотя и находит, что он был осторожен в средствах, стремителен и предан искусству и знанию.

Необычен конец этого далай-ламы. По одной версии, далай-лама умер в восьмидесяти годах, и смерть его в течение нескольких лет была скрывается, чтобы урегулировать разные политические обстоятельства. По другой версии, далай-лама добровольно покинул правление и много лет скрывался в том самом уединении в Гималаях.

История сопровождается следующим древним преданием: «Каждое столетие архаты^[53] делают попытку просветить мир общиной. Но до сих пор ни одна из этих попыток не удалась. Неудача следовала за неудачей. Сказано, до тех пор, пока лама не родится в западном теле и не явится как духовный завоеватель для разрушения векового невежества, до тех пор будет мало успеха в рассеянии козней Запада».

Другое предание говорит, что «истинное учение будет сохраняться в Тибете лишь пока Тибет будет свободен от иностранных вторжений».

Китайские императоры жили согласно астрономическим временам года. Для каждого времени года имелся особый цвет одеяния. Каждая часть года проводилась в особой части дворца».

Метод буддийского учения напоминает метод каббалы.^[54] Не навязывание, но привлечение и указание лучшего пути. Говорят о замечательном монастыре Мо-ру, об особой учености лам монастыря. На три летних месяца ламы уходят для сосредоточения на запад.

При «слушании» ламы часто закрывают голову тканью. Это напоминает «библейские» обряды. Напоминает свидетельство Дамиса – ученика Аполлония Тианского, как Аполлоний, когда слушал «тихий голос», всегда обертывался весь с головою в длинный шарф из шерстяной ткани. Этот шарф сохранялся лишь для этого употребления. Совсем из других времен доходят те же подробности. Современники удивлялись, как иногда Сен-Жермен странно «закутывался». Вспомним и теплый платок Блаватской. Ламы очень наблюдают известное состояние температуры, что подсказывает научное отношение к разным явлениям.

Приезжала леди Литтон смотреть картины. В семье Литтон остались традиции их знаменитого деда Бульвер-Литтона. Приезжал полковник Бейли. Потом пришла вся экспедиция с Эвереста. Все-таки непонятно, что они оставили двух погибших товарищей без длительных розысков. Между прочим добивались узнать, не поднимались ли мы к Эвересту. На картине

«Сжигание тьмы» они узнали точное изображение глетчера около Эвереста и не понимали, как этот характерный вид, виденный только ими, попал на картину.

Опять вспоминаем споры об учении в нашей кухне. Повар руководит спорами. Тибетец Вонг-тю хихикает: «Не умеют спорить. Не знают, как ведутся разговоры об учении у нас в Тибете». Спор идет до полуночи.

Страница истинного Востока: «Опять приступят с вопросом – как быть с препятствиями? – Кому семья мешает, кому нелюбимое занятие, кому бедность, кому нападки врагов. Добрый всадник любит изощряться на неученых конях и предпочитает препятствие рва ровной дороге. Всякое препятствие должно быть рождением возможности. Явление затруднения перед препятствием все-таки происходит от страха. В какой бы убор ни нарядился трус, мы должны найти страницу о страхе. Друзья, пока нам препятствия не являются рождением возможностей, до тех пор мы не понимаем Учение. Удача лежит в расширенном сознании. Невозможно приблизиться при наличии страха. Луч мужества поведет вверх явления препятствий, ибо теперь, когда мир знает куда идет, – семя крови растет. Если путь усеян костями, можно идти смело. Если народы говорят на незнакомых языках – значит, можно открыть душу. Если надо спешить – значит где-то новый кров готов. Будьте благословенны препятствия, вами мы растем!»

Индия, знаю твои скорби, и все-таки будем вспоминать тебя с тем же радостным трепетом, как первый цветок на весеннем лугу. Из браминов твоих мы выберем самого лучшего, который понял мудрость Вед. Изберем Раджу, который стремился к нахождению пути истины. Усмотрим вайшью и шудру, которые вознесли свое ремесло и труд для восхождения мира. Котел кипящий – горнило Индии. Кинжал верований над белою козочкой. Призрак пламени костра над вдовицей. Вызывания и колдовство. Сложны складки одеяния твоего, Индия. Грозны покрывала твои, раздутые вихрем. И смертоносно палящи неумолимые скалы твои, Индия. Но мы знаем благовония твои. И мы будем вспоминать тебя с тем же трепетом, как лучший первый цветок на весеннем лугу.

II. Сикким (1924)

Зазывно и остро свистят стрелы через овраг из рощи бамбука. Сиккимцы вспоминают свое исконное любимое занятие. Говорят: «Стрела лучше пули. Стрела поет поражая, а пуля кричит при вылете».

Утром принесли красный лист: «Вечером придет *Санге*».^[55] После заката по зигзагу тропинки засверкали огни и загудели трубы. И вот пришло, привалило. Пестрое, шумное, трубное, барабанное. И с драконом, и с самодельными конями и с бумажными яками. И с хлопушками, и с разноцветными огнями. И само действие, и пестрая толпа, уходящая в лиловую эмаль ночи, и взрывы пламенных искр. Это половецкие пляски! А знамена на шестах – это бунчуки Чингисхана!

Если вы поймете, то и вас поймут. Трогательны дары лам. Надо знание, чтобы понять всю тонкость замысла подарков. Кому какое именно изображение. Кому медвежьей шкуру. Кому – леопардову. Кому шубу. Кому – халат. Кому – хадак ^[56] (шарф), или с рисунками, или белый. По иероглифам вещей можете прочесть все отношение к вам. Признаны ли большим ученым, или оставлены в пределах условной вежливости, или оставлены без внимания. Часто непонятная «церемонность» – просто краткий изысканный шифр жестов и отношений.

Два мира выражены в Гималаях. Один – мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков, курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена, субурганы^[57] или ступы. Вскходы тропинок переплели крутые подъемы. Орлы спорят в полете с многоцветными бумажными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима.

Разнообразный земной мир. Суровая лиственница рядом стоит с цветущим рододендроном. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу.

Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое, надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенные мглой.

Помимо Эвереста пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от реки Великий Рангит^[58] осмотреть все подступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе – особое зовущее впечатление и величие Гималаев – «Обитель снегов».

В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную. Зубчатый бесконечный хребет священного ящера. Трудно догадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джеллапла и Нату-ла по дороге на Шигацзе и Лхасу. Туман особенно часто закрывает этот путь.

Навершия буддийских знамен составлены из крестовидного копья, диска, полумесяца и лепестков лотоса. Не все ли эмблемы учений срослись на одном древке? В этих напоминаниях о символах элементов природы каждый найдет изображение, ему близкое.

На иконах и на украшениях Тибета часто горит драгоценными камнями изображение рыбы – счастливый знак – так же, как на стенах римских катакомб. Сошлись в одном понимании: «колесо жизни»^[59] Будды, круг «начал, тайну образующих» христианской церкви и колеса

Иезекииля.^[60] Многоокие серафимы и бесчисленные глаза светлой Матери Мира проникают в те же тайники души.

В культах Зороастра изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шеклях^[61] времени Соломона и древнее. В индусских раскопках эпохи Чандрагупты Маурьи^[62] видим то же самое мощно стилизованное изображение. Сергей Радонежский,^[63] трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях бодхисаттвы^[64] держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов.^[65] Горела чаша Грааля. Не воображением, но именно делами сплетаются великие учения всех веков. Язык чистого огня.

Давно сказано: «Вера без дел мертва». Будда указал три пути: долгий – путь знания, короче – путь веры, самый краткий – путь действия. Давид и Соломон славословят устремления труда. Веданта твердит о проявлении дел. Поистине в основании всех заветов положено действие. Творящий огонь!

Разве чужды символы индусской Тримурти – Троицы? Разве буддийское *древо желаний*, увешанное предметами всех желаний, не отвечает нашему понятию рождественской елки? А все детали устройства алтарей храмов? А схимники и пещерники, затворившиеся в каменных гробах? А лампы и огни заклинаний? А венки и свечи добрых молений, посылаемые по течению Ганга? Троицына березка. Muskus и ладан. Кованые, усыпанные камнями ризы. И камни, брошенные в Будду его близким родственником, разве не сродни камням Стефана? Право, не случайно запечатлена буддийская легенда на фресках пизанского Кампо Санто.^[66] И глубокое значение имеет мусульманское предание, что мать Иисуса явилась матери Магомета перед рождением пророка. И ладакские замки возносятся в том же взлете, как орлиные гнезда Фаэнцы или Монте Фальконе.^[67]

В Джидде – в этом преддверии Мекки – мусульмане особенно почитаемо берегут так называемую могилу Евы. Тот же самый – Старого и Нового Завета – архангел Гавриил на горе Хира указал Магомету начать проповедь.

Монгольские царицы носили почетный титул Мириам. Мириам, Мария, Матерь Мира. Уже давно древнейшие забытые храмы славословят ожидание новых эпох.

В древнем городе Киш недавно найден храм Матери Мира.

Сарнат и Гайя, места личных подвигов Будды, лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же как Иерусалим остается лишь местом паломничества. «Ибо сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве».

По преданию, Будда принял посвящение в присутствии высших. Место посвящения названо «святейшая ступа», но где оно – не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти Учителя – в Непале. По некоторым указаниям, посвящение совершилось еще севернее – за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же Иисус был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? – Где эти Кория Мория? Можно ли их поведать?

Легендарная гора Меру по «Махабхарате» и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях – обе лежали на север и служили высотами посвящений. И нигде подробно не сказано о таких местах высокого знания.

Мудрые общения. Сверху виднее. Вместо мелких ссор отрицания история напоминает нам о поистине международных связях. Указывается как на исторический факт, что монгольский богдохан^[68] был спасен от болезни «явлением Николая». Монгольские хутухты,^[69] чье знание и духовность считаются очень высокими, указывают это. Все полно знаками. Лишь не просмотрите. Смотрите зорко и радостно, и подвижно.

На кисти руки тибетской женщины странный синий знак. Присмотрелись. Оказалось, нататуирован синий равноконечный крест. Спросили, откуда такой знак. Получилось разъяснение, что знак нанесен тибетским врачом во время «очень опасного кашля» – по-видимому, воспаления легких. Под таким знаком обычно тибетские врачи впрыскивают лекарства. Этот знак был сделан личным врачом далай-ламы во время трехлетнего пребывания в Дарджилинге. Этот знак – символ зарождения жизни и огня.

По пророчеству ламы Царинпоче и нынешняя попытка овладеть Эверестом окончится лишь потерями. Посмотрим, прав ли старый лама.^[70]

Лама изумился желанию чужеземцев непременно подняться на вершину Эвереста. «Зачем принимать столько трудов в земном теле? Не проще ли побывать там в духе?» Ламы легко выделяют астральное тело, которому, конечно, любая высота не является препятствием.

Из этого окна^[71] посылал верховный священник моления обеспокоенному китайцами Тибету. Три года перед стеной Гималаев бодрствовал. Спать далай-лама обычно не ложится. На отдых остается сидя, в молитвенном движении.

Во времена старых иезуитских миссий, около трехсот лет тому назад, в Лхасе была христианская часовня. Великие ламы посещали ее. Сейчас никто не помнит даже приблизительного места ее.

Лама жалуется на приезжих охотников. Пришли и убили много оленей. И теперь, когда лама идет в лес, к нему приходит очень мало оленей. А он любит, чтобы к нему приходили животные. Не «дикостью», но культурностью звучит эта жалоба. Напоминает сказ про старца Авраамия, который пастушествовал за Уралом, и, когда обращался к Востоку, то и все овцы в молчании обращались к восходу солнца.

В буддийских монастырях был обычай запирасть в библиотеку проигравшего в ученом споре. Поучись еще. Отличный обычай.

«Китайский амбань^[72] (губернатор), человек злой и распутный, добивался навесить почитаемого святого игумена местного монастыря в Тибете. Настойчиво и властно потребовал свидания. Но когда вошел в приемную комнату, где был игумен, то на троне вместо святого увидел обличье уродливой свиньи. И бежал в ужасе. Распутный человек, ворвавшись силою, нашел облик, которого был достоин». Прекрасное напоминание всем насильникам. «В юге меру мерите – возмерится и вам».

Среднеазиатское^[73] предание говорит о таинственном подземном народе *агарты*. Приближаясь ко входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. Вспомним русское предание о таинственной *чуди*, ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном граде Китеже ведет в тот же тайник.

Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, о храмах, ушедших под воду. И русский, и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков и снова – до времени – уходящих под землю. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много, когда в Ла-Манше и сейчас виден город, «ушедший под воду».

О подземных жилищах в области Лхасы и Кукунора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание: когда строили основание монастыря Гандана во времена Учителя Дзон-Капа^[74] (XIV век), то заметили, что через щели скалы поднимаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где неподвижно сидел старец. Дзон-Капа вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какое теперь учение на земле. И затем исчез. Также указывается, что Потала, дворец далай-ламы, имеет скрытые помещения большой древности.

Конечно, проверить это случайным путешественникам не удалось. По выражению лиц высоких лам ничего не поймете. Иным путем надо искать.

Если так много лежит под землю, то как же многое лежит под молчанием! Наивно утверждать по первому осторожному ответу. Опытный астролог уверяет, что он ничего не знает, так что-то только слышал. Знающий пути ко многим древностям только что утверждал, что он и не слышал о них. Да и как же иначе? Не предать бы. Самое горшее – предательство. И так много предателей. Видим и настоящую преданность, а за нею и глубокую сохранность.

Соломон явил такую преданность делу строения храма, что, даже испустив дух, остался стоять на молитве, пока муравей не подточил его посох. Пример стойкости и преданности.

Осталось непонятным стремление Соломона к единому началу, приютившему все прочие проявления знания. Покинутый Фатехпур-Сикри – около Агры – полон знаками Единого начала, которое понял Акбар Великий, проповедуя Единый храм. Среди дворцового двора еще стоит храм объединенной религии. Легкомысленные писатели изумляются, отчего на стенах этого загадочного дома еще видны остатки столь разнородных изображений. Следы буддизма перемешаны с индусскими и христианскими фрагментами. Единый светоч уже был проявляем в жизни.

«Премудр сердцем и могущ силою; кто восставал против Него и оставался в покое? Он распростирает небеса и ходит по высотам моря. Сотворил Ас, Кесиль и Хима (Медведицу, Орион и Плеяды), и тайники юга, делает великое, неисследимое и чудное без числа», – восклицает Иов о Едином. Не туда ли ведут указания таинственных знаков вотана и сензара, получаемых великими ламами? Спросили ламу: «Правда ли Праздник Общины приблизился?» Он посмотрел и сказал: «Таковы предсказания».

С 1924 года по тибетскому летосчислению началась новая эра. Век считается не в сто лет, а в шестьдесят.

Слушаете чтение Бхагавадгиты. Слушаете возгласы буддийских служителей. Слушаете пение клира. И разве не встает перед вами Единый Лик, Единая воля к счастью и радости, к единению сознания? Ласкающий и покоряющий, и возвышающий, и научающий АУМ. ^[75]

Не следует ли задуматься, отчего всюду – во всех Заветах – выявлено одно действенное начало? Отчего проявление феноменов всегда сопровождается одним и тем же, необъяснимым словами, но всегда ярким актом сознания? Писания говорят: «Возмутился духом». И без этого чудесного «возмущения духа», без этого невидимого акта, никакие формулы не действительны. Он осознал и озарился. Исполнился несокрушимым мужеством.

Самые формулы часто поражают свою общечеловечностью. В них соединяются возгласы мистерий с молитвами самых неожиданных культов, разделенных целыми эпохами, целыми материками. Язык Матери Мира одинаков для всех колыбелей.

«Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя» или «Аллелу, Аллелу, Аллелу» – заклинание древних служений против демонов. От халдеев, вавилонян, через израильтян дошло оно до христианства. Оно же известно у некоторых племен Индии.

Простой человек, проводник, вдруг оборачивается на пути и спрашивает: «Ведь должны люди наконец признать, что все едино и все равны? Ведь скоро придет Он, Кто соединит?» Так мыслит и допрашивает простой и бедный человек среди синеющих холмов Сиккима. Из-за ожиданий проводника слышится мощное признание Вивекананды: «Если бы я встретил на моем пути Иисуса, я бы омыл кровью сердца моего Его ноги». Откровенно утверждал мужественный Вивекананда; пытался идти близким путем языка сердца. Без отрицаний, лишь во всемогущем обобщении и благом понимании. Хочется, чтобы священники Запада так же мыслили о Будде, как просвещенные ламы говорят о Иисусе. Только в таком благом понимании залог будущего строительства. Все созидатели общины должны быть узнаны.

Главное – поменьше невежественных отрицаний.

С трудом удастся достать растения, которыми питаются мускусные бараны. Но как донести эту горькую хвою до лаборатории? Ниже шести тысяч футов (1800 м) растения гибнут.

Со стороны Бутана чаще всего напозадают мохнатые сизые клубы тумана. Не только снеговой хребет, но все предгорные ступени проваливаются в густую мглу. Трудно поверить скрытому сверканию. Не начать ли отрицать самое существование Гималаев? Раз их не видно – значит, их нет. Раз нам сейчас что-то невидимо – значит, оно и не существует. Так полагает убожество.

Горные пути сложны. Столько поворотов! Столько осыпей под копытами. Столько пересекающих потоков и ручьев с мертвящей сыростью из-под зелено-синей листвы! Поистине, много змей под цветами. И язык шорохов в листве непонятен.

Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное. Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона, поражает своей распространенностью.

Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского Азиатского общества многозначительна неожиданная заметка: «Император Бабур ^[76] в начале своих мемуаров говорит: «В окрестностях Баракуха находится мечеть, называемая „Джауза Маджид“. Истинное значение этого названия есть „Дом Ориона“. Джауза есть имя Ориона». С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабуром, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь? Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ориона включает знаки «Три Мага». В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока!

Только на Востоке ощущаете жизненный смысл астрологии в ее научном понимании. Обсерватории в Джайпуре и в Дели покоряют своей фантастической убедительностью.

Воздух чист. Маленькие лепча – сиккимские кули – несут на спине огромные камни в гору. К неведомому строению. Головы их так низко нагнулись, что не рассмотрите лица из-за платка и металлических колец и цепочек. Донесут ли? Можно ли перегрузить четырехфутовое тело непомерною тягостью камня? Но вместо скрежета – раздается смех из-под согнутой спины. Много смеха слышится в Сиккиме. Чем дальше к Тибету – тем говорливее люди. И поют чаще, и провожают шуткой. Воздух тут лучше.

Сардар называется начальник каравана. Плотно сидит в лиловом кафтане на белой горной лошадке. Много здесь белых коней.

Далеки еще пещеры Канченджанги, ^[77] где хранились сокровища. В одной из пещер находится статуя Падма Самбхавы ^[78] (Учитель Тибета), а за нею виднеется каменная дверь – никем никогда не открытая. А они говорят: «Ничего сокровитого не осталось!»

«Сознание человеческое часто – как хвост собачий. Уж если свернулся калачиком – как его ни выпрямляй, а он все скрутится норовит». Так сказали древние китайцы.

Но ведомо также, как всецело преобразуется сознание лишь одним прикосновением.

«Отчего вы не говорите подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или веши расставляете». По вехам сами весь путь пройдете. Сами – ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Пуками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. «Отдадите», излучите свою волю.

Иначе материя опять не выльется «в песне труда немолчного». Таким путем отделится пустое любопытство от истинного стремления. Один «современный мудрец» предлагал основать

институт, где бы каждый пришедший с улицы мог немедленно удостовериться в феноменах. «Мудрец» забыл предложить этим уличным проходящим хоть руки вымыть для опыта. Дух очищения сознания тоже был бы далеко не излишен. Есть пути, которые должны быть пройдены с чистыми руками и своею волею.

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса – какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза. Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга! И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

Разноцветная толпа фигур ада попирается мощными ногами Белых Держателей. Красные и зеленые «хранители входов» многоруко, в страшном оскале зубов грозят разрушителям. Взрывно кудрявятся золотые языки стихийного пламени. Мерцают тусклоцветные ауры сияний...

Почтительно-холодно-ватого или писарски-научно рассматриваем тибетские и непальские знамена-картины в Британском музее, или в Музее Гимэ в Париже, или в Фильдс Музее в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем иное. Каждое движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые сущности с их бесчисленными символами из орнамента преобразуются в живущий эпос. Оправлены образы поражающей гармонией тонов. Лучше старинная работа, но и новые картины бывают отличны.

Предскажем этим изображениям большое будущее, так же как двадцать лет назад было указано грядущее значение русских икон.

Было оказано справедливое внимание китайскому и японскому искусству. Сложная литература кристаллизовала это тонкое художество. Но после изучения классического Египта, после японской зоркости, после романтического Китая и после узорчатости персидской и монгольской миниатюры, теперь появился новый предмет изучения и любования. Подходит среднеазиатское искусство. В пламенной фантастике, в величавости тонкой формы, в напряженной сложной гамме тонов явлено совершенно особое яркое творчество. Своим спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества. Образует собой Азию, к которой вовремя направлены вопросы и поиски.

Только бы постучаться в двери этой красоты без угроз, без оружия, без грабежа. С полной готовностью собрать жемчуг глубочайших, анонимных достижений. И без внешне научного лицемерия, и без подкупного предательства.

Изучать жизнь соловья, прежде всего убив его, не есть ли это варварство?

Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова в Хара-Хото, в Монголии. Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости.

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

Не только о мечях татарских надо вспоминать, представляя жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается высокой. Даже к ханским ставкам приглашались лучшие художники.

Помню, как бедствовал один молодой доктор, по службе посланный в Ургу, в Монголию. Бедный, он не знал, как и что искать. Если бы молодежь знала, какие сокровища для нее уже приготовлены и лежат на краю дороги неподнятыми! Иногда только взять остается.

Пастушонок нашел три пуда золота в скифских предметах, ибо заинтересовался искоркой металла, блеснувшей в откосе смытого дождями холма. Сколько таких искр сверкают, но часто глаза полны лени.

Благословенный Майтрейя – Мессия всегда изображается в венце, в большом образе. В Ташилунпо (монастырь таши-ламы) три года назад поставлено гигантское изображение Майтрейи – носителя нового века мировой Общины. Эту идею принес наступающий век тибетского летосчисления.

Во время служения в храмах разносят дымящийся тибетский чай. Есть идея Грааля в этом наполнении сосудов перед Ликом Благословенным. Не оставьте сосуд пустым – это противно

обычаю Востока! И потом эти гигантские трубы, как глас грозы с громом, с призывом к будущему. И согбенные спины в пурпурных плащах мыслят о будущем. Сто восемь огней пламенным полем переливаются под ликом Мечты Мира.

В особом помещении хранятся маски хранителей. Неужели страшные личины могут символизировать путь блага? Они не символы блага, но образы земных сил стихийных. И небо, и земля.

Даже физический мир учения тантры,^[79] опустившийся в современном понимании, должен быть очувствован возвышенно. Не мог учитель Падма Самбхава явить лишь низменное учение.

Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния Учителя Падма Самбхавы. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь; вот спасает утопающего; пленяет мелких злобных духов; безоружно покоряет зверей и магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей; вот он заклинает бурный поток и посылает дождь. Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом. Вот учитель летит превыше всех гор. Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И, наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно.

Или другая старинная картина – «Рай Падма Самбхавы». Учитель сидит в храме, окруженный праведными. Храм стоит на горе, отделенной от земного мира голубою рекою. Через реку протянуты белые хадаки, и по ним самоотверженные путники совершают переход ко храму. Опять ясная картина озаренного восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии.

Конечно, учитель Дзон-Капа нам еще ближе. Он повысился за пределы магии. Он запретил монахам проявлять магические силы. Его учение – Желтые ламы – представляется менее испорченным.

Под Новый год, четвертого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по холмам. И звон гонгов и дальние барабаны звучат... Утром – танцы.

Перед Новым годом уничтожают злых существ – заклинаниями, танцами. В оленьем танце разрубается фигура злой сущности и части ее разбрасываются. И важно ходит по кругу Покровитель Учения, взмахивая мечом. И кружатся, размахивая крыльями широких рукавов, черноголовые ламы. И музыканты в желтых высоких шапках выступают, как берендеи в «Снегурочке». И орлы черкают по воздуху над узорными углами храма. И на уступах холма пестреют собравшиеся толпы.

И самые танцы в день Нового года со страшными символами злых существ и скелетов приобретают жизненное значение. И как далеко впечатление страшных масок на солнечном фоне Гималаев от давящей черноты углов музеев, где такие атрибуты часто составлены, пугая посетителей видом условного ада. Конечно, весь этот ад и создан для слаборазвитых душ. Много фантазии положено на изощрение адских обликов.

В монастыре «красных шапок» впечатление не так светло. Там, где ближе Благословенный Майтрейя, там звучнее и светлее движения и мощнее трубные гласы. В Красных монастырях Падма Самбхавы символика более условно земная. Действо начинается простою «мистерию» суда над умершими. Приходит важный владыка ада со своими помощниками. Зверообразные служители влекут черную душу умершего злодея: взвешивают преступления. Чаша проступков перевешивает, и злодея тут же ввергают в кипящий котел. То же происходит с душою преступницы.

Но вот ведут святого – в одеянии ламы. Белый шарф украшает его. Конечно, суд милостив, и

три вестника радости ведут вознесенного в рай.

Пятнадцать лет назад умер замечательный лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных событий будущего. Видели его изображение – в типе русского схимника. Сильный лик, непобедимо тверды скулы, остро зорки глаза. «Во время ухода этого сильного духа радуга играла над основанным им монастырем». У него были редкие книги.

Книги доставать трудно. Надо посылать доверенное лицо в далекий путь. Существуют замечательные книги. Есть книга одного таши-ламы о посещении им священной Шамбалы. Имеются сборники символических притч, имеется трактат о переселении душ. Эти не переведены.

Учения, принесенные из Шамбалы, попадают и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек, венгр родом, живший в начале XIX столетия. Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В тридцатых годах прошлого века Чома де Кереш^[80] скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддой иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии – характерно. Загадочна его деятельность.

Еще искра из Шамбалы. Известный таши-лама часто впадал в экстаз во время бесед с учениками. Иногда же и вовсе как бы исчезал, переносясь в святилище Шамбалы. Эти экстазы живо переносят во времена бесед Св. Иоанна Делакруа со Св. Терезою, когда оба блаженные собеседника, придя в восторг, поднимались к потолку комнаты.

Среди благих действий припоминаются и искры возмущения. Поноситель приблизился к Будде, но Благословенный так возмутился, что искра молнии поразила дерзкого. Конечно, Благословенный остановил обратный удар и вернул к жизни нечестивца. Но тот уже был так потрясен случившимся, что забыл все свои приготовления нападения. Искры обратного удара.

Известен случай, когда Сенген-лама,^[81] перед казнью в Лхасе, указал, что он скоро снова воплотится на земле. И действительно, очень скоро в Китайском Туркестане родился мальчик с тем же редким характерным физическим недостатком на колене, каким отличался покойный лама. У нас был сын слуги покойного ламы, ездивший по поручению отца к молодому князю.

Кому ведома верховая езда по Кавказу или по каньонам Аризоны и Колорадо, тот знает, как взбираться по кручам холмов Сиккима. Только вместо красочной трагедии американских чудес вы имеете восходящий сад, возвращенный таинственным подъемом возвышенного учения. И сейчас по неведомым пещерам сидят отшельники и на струнах земли творят легенду жизни неба.

Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси с их цветущими холмами и пряно пахучим бором – тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Каждый перевал увенчан красивым мендангом^[82] с колесами жизни, с рельефами молитв и с нишами седалищ перед ликом зовущих далей. Здесь медитируют ламы и путники. Здесь развешаются знамена. Здесь каждый ездок приостановит коня.

С перевалов опять окунаетесь в уходящие холмы. Убегают ребра разноцветных бугров, точно спины барсов, тигров и волков.

После холмов опять сказки леса. Зеленые лесовики и чудища загораживают путь. Спутались зеленые нити. Змеи переплели стволы. Притаились мшистые тигры и леопарды. Заколдованный мир.

Самые причудливые холмы и скалы образуют как бы Священную Чашу – обширную долину. Посередине долины неприступно стоит опоясанная двумя реками гора *Белый Камень*, увенчанная монастырем Ташидинг, что значит «долина, открытая небу». Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал. Попробуйте найти

сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний, и бессмертную амриту,^[83] и сто изображений Будды, и все священные, временно сокрытые книги, и все другое, указанное в древней рукописной книге «Путешествие по Сиккиму».

Очень трудны подступы к Ташидингу. Лишь недавно непроходимые тропы обратились в крутые пешеходные тропинки. Поистине, путь духа должен быть пройден ногами человеческими!

Один переход через висячий бамбуковый мост не легок. Гремит и мчит под ним горная река, неся ледяной поток с Канченджанги. И выше моста по отвесным склонам много раз остановитесь: дойду ли? Много дыхания надо набрать, чтобы одолеть вековую гору.

На верхнем склоне нам устроена почетная встреча от землевладельцев. Брага, сахарный тростник и танжерини^[84] под плетеным навесом, украшенным желтыми букетами. Дальше гремят барабаны и звенят серебряные гонги. Встреча от монастыря. На последнем уступе встречаются рожочники и трубы.

Среди рядов пестрой толпы идете к старому месту. За воротами монастыря встречают нас ламы в пурпурных одеждах. Впереди их чудесный старик – настоятель монастыря. Точно тонкое резное изображение XV века. Так идете до раскинутых бирюзовых палаток, среди леса ступ и разноцветных знамен, среди веселых верениц огней.

В первое полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидинге годовой праздник. Происходит чудо наполнения чаши.

С давних времен, более восьми поколений, заповедано это чудо. Из указанного места горной реки берется небольшой сосуд воды и вливается в старинную деревянную чашу. В присутствии свидетелей, представителей махараджи Сиккима, чашу закрывают плотно и запечатывают. Через год в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается. В год великой войны вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки.

Этот недобрый знак увеличился еще другим знаменем. Двадцатого февраля было полное затмение. Небывалый знак, недобрый.

Загудели трубы, пронзительно завывали свистки, народ в костюмах их «Снегурочки» устремился к большой ступе. Громкий хор пошел толпой вокруг. Многие распростерлись ниц на земле. Гулко загремели барабаны лам. Только что ясное лунное небо зачернело. Золотые огни приношений засверкали, как по черному бархату. Полное затмение! Демон Раху^[85] похитил луну! Такого еще не бывало в день чуда Ташидинга.

Сказал асура Раху солнцу: «Так как ты обманом унес рашиану, да проглочу я тебя, бог солнца, в то время когда тридцатого числа ты соединишь узлы орбит!» И еще произнес Раху пророческое пожелание: «В воздаяние за то, что ты, луна, узнав меня, указала меня разрубить, да схвачу и пожру я тебя пятнадцатого числа, во время полнолуния!» И внимательно следят люди за лунными и солнечными затмениями, и бьют в барабаны, и угрожают Раху.

Но был и один добрый знак. На восходе солнца старший лама видел, как по вершинам гор загорелись гирлянды огоньков.

Когда луна была возвращена миру, вокруг главной ступы пошли танцы. Суций русский хоровод. И песни, тоже словно русские. Содержание их духовное. «В монастыре живет наш Владыко Будда. Ему несем наше приношение». Так начинается одна песня. Или: «Велика священная книга, но я найду ей место у моего сердца». Или: «Вспоминаю я священный монастырь».

В белом кафтане подходит художник, делавший роспись местного храма. Сговорились, что он пойдет с нами и будет писать Благословенного Майтрею. Покажет технику местного

живописания.

Красные, желтые, белые женские рукава. Остроконечные шапки с опушками. Говор, пение, две ночи хождения вокруг ступы.

Прикладываются к камню, на котором благословлял сие место Учитель Падма Самбхава. Обходят другой Камень с отпечатком ступни Учителя и отпечатком копыт и звериных лап. И опять хоры вокруг ступы исполнения всех желаний.

Входя во храм, идете по левую руку до стены алтаря. В храмах желтой секты в середине алтарной стены статуя Будды или теперь даже Майтрейи Будды. В красной секте посередине Падма Самбхава, а Будда по правую руку. Иногда нижний храм посвящен Падма Самбхаве, а верхний Будде, такое размещение очень соответствует внутреннему смыслу учений. Будда – небо, Падма Самбхава – земля. По боковым местам изображения Авалокитешвары^[86] – духовный коллектив, многоглавый и многорукий, – как наша русская Сторучица, а также статуи «Держателей молний», основателей монастырей, и шестнадцать архатов, сидящих в резных пещерах. На алтаре – светильники и всякие приношения, семь чаш с водой, блюдец риса и кадиланицы курений, ковчег реликвий.

Стены покрыты росписью. Чаще всего одна стена – алтарная. При входе – изображения хранителей четырех стран света. В каждом храме найдется изображение семи сокровищ, предлагаемых человечеству; среди них на белом коне изображение чудесного камня.

В особом помещении хранятся священные книги. Общая мечта монастырей увеличить число книг. Но книги дороги. Священный сборник – до тысячи рупий.

Особо трогательно служение тысячи огней под вечер. Низкий храм с расписными колоннами и балясинами. Посередине длинный стол, уставленный огнями. Вдоль стен тоже вереница огней, и все это море огоньков ласково колышется и мерцает, подернутое облачком курений сандала, дикой мяты и других благовоний, сожигаемых в кадиланицах. Стройно, хорошо пели во время этого служения.

По всем тропинкам вьются караваны богомольцев. Высокие седла покрыты яркими тканями. Совсем дикие лошадки несут пузатую поклажу. Все толпится. Ищут место ночевки. Воздвигают новые знамена в память живых, но чаще умерших. Толпа собралась до двенадцати сотен – но мирная, добрая толпа.

На ранней заре, задолго до восхода, когда снега на горах еще мутно янтарны, – лагерь уже шевелится. Ползет и ширится неясное гудение. Ранние молитвы мешаются с ударами копыт коней и мулов.

Утром к нашим шатрам идет шествие. Сам старший лама возглавляет несение даров. За ним, высоко поднятые, следуют подносы с рисом, с ребрами барана, с сахарным тростником, с брагой и плодами. Сам лама передает приношение в нашу походную кухню.

Посреди ступ раскинулись шатры богомольцев. Вот под зеленым навесом сидят ламы из Тибета. Женщины им переворачивают длинные страницы молитвенников. Под ручные барабаны и гонги ламы поют тантрическую песнь. Где же Стравинский, Стоковский, Прокофьев, где же Завадский, чтобы изобразить мощный лад твердых призывов? И как тонко бело-золотое лицо у той, которая переворачивает страницы перед певцами.

Недалеко группа из Непала бьет в такт ладонями и припеваает. Посередине них женщина с застывшим лицом экстатически танцует танец шерпов, полный тонких движений волхования. Иногда она трепещет руками, как птица, и издает какое-то птичье рокотанье. Очень замечательно.

Тут же странники из Бутана молятся под красным навесом. Перед раздачей целебной воды вокруг ступ идет священный ход. Впереди трубачи в высоких красных шапках; за ними ламы в тиарах, следом – длинный ряд священных книг.

На закате в палатке старший лама тихо говорит о святынях Сиккима, о «чудесах», слышанных и им самим виденных. То шум роя невидимых пчел, то пенье и небесная музыка, то явление образов священных. При нашем отъезде лама указал два добрых знака. По пути три полных бамбуковых водоноса и два дровосека с полными вязанками дров – навстречу.

Ташидинг принадлежит к приходу большого монастыря Пемайанцзе в дне пути. Тоже на вершине, Пемайанцзе стоит властно. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России. И сановиты главные ламы. И торжественны пурпурные одежды. И красные тиары на головах полны достоинства. Но все-таки еще больше вспоминается восьмидесятилетний настоятель Ташидинга. И все-то он борется, и заботится, и старается улучшить строение свое. И хозяйственный глаз его везде проникает.

За воротами Пемайанцзе стоят стражи трехсотлетних деревьев. Сказочный лес Берендея. А улочка домов лам, как берендейская слободка, раскрашена и оснащена крылечками цветными и лесенками.

Вот «Небесная Священная Гора», и на вершине ее блестит горное озерко. Там маленький храм, основанный на месте жития основателя красной секты в Сиккиме. Из Дубди основатель перешел на Святое озеро, а оттуда в древний Санга Челлинг.

Четыре древнейших монастыря Сиккима: Дубди, Санга Челлинг, Далинг и Роблинг. И значение названий отличное: «Место размышления», «Остров тайного учения», «Остров молнии», «Остров счастливого устремления».

Славный монастырь Санга Челлинг. Незабываем Далинг с бело-синим, словно фарфоровым, входом среди бамбуковой рощи. Там бережно у алтаря хранится запечатанный, нескрываемый ящик с реликвиями основателя храма. Знамена – золотые по черному фону. В Санга Челлинге нет реликвий, но зато там камень, освященный благословением основателя. Когда чиста жизнь монастыря, прочен и камень. Всякая грязь жизни заставляет камень трескаться.

Вот они, мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она, прекрасная фресковая живопись. Вот они, цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей. Вот те же согбенные спины богомольцев, преданных вере. И огни прилежных приношений. И наши кули засвечают огонек. Истинная лепта вдовицы. А над ними властно возвышается «Держатель молний».

В Пемайанцзе учитель Падма Самбхава не был, но в монастыре хранятся вещи, принадлежавшие основателю религии. Вещи запечатаны, но изредка показываются. Одевание, головные уборы, четки, колокольчики чудного звона, два магических кинжала и небольшое чудесное изображение Будды.

И трубы громче в Пемайанцзе, и драконы-охранители страшнее, и влияние монастыря больше, и развалины дворца махараджи вблизи. Первый махараджа был по-библейски избран на царство главою религии. Но фигуры Майтрейи нет в большом монастыре.

Некоторые одинокие храмы с единым огоньком, обвеянные персиковым, розовым цветом и усыпанные орхидеями и дикими пионами, еще ближе ведут по стопам простого постижения Учения.

Из леса выходит крестьянин, и голова его украшена белыми цветами. Где же это возможно? Только в Сиккиме.

Бедны ли сиккимцы? Но там, где нет богатства, там нет и бедности. Просто живут люди. На холмах среди цветущих деревьев стоят мирные домики. Сквозь цветные ветки горят яркие звезды и сверкают снежные хребты. Люди носят овощи, люди пасут скот, люди приветливо улыбаются. Со сказочной музыкой ходят по круглым тропинкам в свадебных шествиях. Зная о перевоплощениях, спокойно сжигают прах тел. И поют. Заметьте, часто поют.

Правда, можно петь под навесом из разных цветов и растений. Орхидеи, как цветные глаза,

прилепились ко стволам деревьев-великанов. Розовые, пурпурные и желтые букеты усыпают путь веселыми искрами. И не простые растения, много среди них издревле лечебных.

Полная даров ждет природа. Придите излечиться. *Шарура*, *парура*, *оррура* – три самых главных плода против простуды, кашля и лихорадки. Шарура – как желтая вишня, парура – как зеленый каштан, оррура – зелено-желтое яблочко. Все терпки и полны танина. Вот красная кора *аку омбо* для исцеления ран. Как гигантский сухой боб *серги пруба* – от лихорадки. *Шута* – сухой горький корень против опухоли и для горла. *Бассак* – коричневый порошок от простуды. Красный стебель *цо* поставляет маженту;^[87] горькая на вкус *пурма* – для курений. Варевое из корней *берекуро* – против женских болезней. Цветы *дангеро* – для желудка, так же как и цветы красного рододендрона; лист *дисро* – для дезинфекции ран. *Мемшинг пати* – священное растение в Непале, им украшают голову на торжествах. Без конца полезных растений, ждущих лучшего применения и изучения.

Листы травы *ауа дуги* «размягчают» камни, так же как и снежные лягушки в Гималаях. Потому, если видите на камне отпечаток копыта оленя или лапы зверя, значит, они или ели, или касались чудесной травы. Еще один поворот к легенде. Около Фалюта на путях к Канченджанге растет драгоценное растение – черный аконит. Цветок его светится ночью. По этому свету и отыскивают это редкое растение. Легенда русского Жар-цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведет не к предрассудку, а в тот же родник, где скрыто еще так многое.

Перед нашими воротами оказался странный дар. Ветка пихты, рододендрона и еще какого-то растения лежали, обращенные листьями к нашему дому, прикрытые плоским камнем. Это *сунниум*, заклятие. Человек, поднявший это приношение, получает на себя то, что положено заклятием. Или худое, или хорошее, или болезнь, или горе, или радость. Много дней лежал этот *сунниум*, и даже лошади как-то не касались его. Такое же заклятие видели мы в предместье Джайпура. Там посреди улицы в плоской корзине лежала печень барана, цветы и три серебряных рупии. Никто не дотронулся до них. Эти заклятия очень древнего происхождения. Инвольтация черных магов всегда говорит о заклятых предметах.

Также всюду известны легенды о случайном посещении охраненных мест, причем болтливость вызывает немоту или даже смерть. Так, говорят, что один *шикари* (охотник) в Ассаме случайно дошел и видел тайны священного места, но пытался рассказать об этом и потому онемел.

По берегу моря шагает палка. Одна шагает, кверху ее привязан зажженный трут. Это колдуны Малабарского берега посылают заклятие поджечь дом врага. Доктор Джонс из Калькутты пытался догнать такую палку, но она «ушла» быстрее его.

Легенда около Монголии. «Скончалась почитаемая мать, и сын хотел, чтобы высокий лама, обладающий высшими силами, совершил по ней службы. Но такого ламы не нашлось. Сын в момент смерти собрал дух умиравшей в сандаловый коробок и крепко обмотал это хранилище, а сам пригласил лучших лам из Тибета. Ламы сосредоточились над коробком. И вот один из них изменился в лице. Сперва покраснел, потом посинел. И у всех на глазах коробок лопнул и разлетелся вдребезги. Этот лама мог освободить дух и потому мог совершить служения».

Много говорят. Трудно отличить магические приемы от символов.

Все знают. Обо всем слышали. Обо всем могут толковать и припоминать в сумерках: *нам-иг* (небесные письма) – письма и священные книги, упдающие с неба; кольца, меняющие цвет серебра или бирюзы в знак предостережения или предвещения; *зи* – камень-буса, посылаемый с неба поддержать здоровье. Нахождение предметов, после исчезающих. Все это знают.

Женщина была очень набожна и мечтала получить изображение Будды. Работая утром в саду, среди цветов она увидела изображение и принесла в божницу, но скоро забыла его, и Будда исчез из божницы. Женщина нашла в саду крутящийся сверкающий камень. Положила его в

сундук и забыла. Камень тотчас исчез. Всякое небрежение вызывает уход посланного счастья.

Записывайте не то, что прочтут из книг, а то, что расскажут, ибо эти мысли живут. Не по книге, но по мысли будете судить о жизни.

В сумерках при загорающихся звездах, в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о «Владыке Мира»,^[88] о Его мощи, о Его действии и мудрости, о Его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какою-либо необычной силою. О сроках нового века общины.

Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения далай-ламы и таши-ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет Некто очень большой. Его прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936.

Когда пришло время Благословенному Будде покинуть эту землю, просили его четыре владыки Дхармапала^[89] оставить людям его изображение. Благословенный дал согласие и указал лучшего художника. Но не смог художник снять точные промеры; ибо дрожала рука его, приближаясь к Благословенному. Тогда Будда сказал: «Я стану у воды. Ты сними промеры отражения». Смог художник это сделать, и таким путем произошли четыре изображения, отлитые из священного состава семи металлов. Два из них сейчас в Лхасе, а два пока сокрыты до времени.

Тибетский владыка женился на китайской и непальской принцессах, чтобы за ними привлечь в Тибет два священных изображения Будды.

Через тысячу двести лет после Будды Учитель Падма Самбхава приблизил к земным путям учение Благословенного. При рождении Падма Самбхавы все небо светилось и пастухи видели чудесные знаки. Восьмилетний Учитель показался миру в цветке лотоса. Падма Самбхава не умер, но ушел, чтобы научить новые страны. Без его ухода миру грозила бы опасность.

В пещере Кандро Сампо, недалеко от Ташидинга, около горячих ключей жил сам Падма Самбхава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную Страну. Тогда поднялся Благой Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падма Самбхавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли.

Отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах? Владыка Тибета решил призвать из Индии, из мест жизни Благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения. Чем же встретить гостя? Высокий лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука.

Отчего так звучны гонги во храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает легенду о высоком ламе и китайском императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение ламы, император сделал для него сидение из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: «Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?» «Здесь нет священных книг», – отвечал лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император ламе дары и много колоколов ясного звона. Но лама велел бросить их в реку, сказав: «Я не могу донести все это. Если надо, то река донесет эти дары до моего монастыря». И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки.

Талисманы. Одна мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: «Вот умру здесь перед тобой, если не

принесешь и теперь мне». Но побывал сынок в Лхасе и опять забыл материнскую просьбу. Уж за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил вынуть зуб собаки и обернул его желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: «Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?» Подает он ей собачий зуб в шелке и говорит: «Это зуб Будды». И кладет мать зуб в божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает все свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы.

Человек двенадцать лет искал Майтрейю-Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит – странник конским волосом пилит железную палку и твердит: «Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю». Смутился человек: «Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством, вернусь я к моим исканиям». И тогда явился человеку Сам Майтрейя-Будда и сказал: «Давно уже Я с тобою, но не замечаешь и гонишь, и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём». Пошел человек, зная, что несет Майтрейю, но шарахнулись от него люди, разбежались, носы заткнули и закрыли глаза. «Почему бежите вы, люди?» – «Что за ужас у тебя на плече – вся в язвах смердящая собака». И опять не увидели люди Майтрейю-Будду. И увидели то, чего каждый достоин.

Лама сказал: «Три рода учения: одно – для посторонних, другое – для своих, третье – для посвященных, могущих вместить. Вот по неразумию они убивают животных и пьют вино, и едят мясо, и живут грязно. А разве Учение позволяет все это? Где красота – там учение. Где учение – там красота».

Чувствительны здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, что хотите. Иначе вместо Будды увидите собаку.

Главное не то, что захоронено в прошлом, что заплыло в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас возвращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа.

Под Канченджангой притаились пещеры, где хранимы сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего. Но будущее уже овеяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете – почитание и ожидание Майтрейи-Будды. Уже три года, как таши-лама в своем Ташилумпо торжественно и явно воздвиг изображение Грядущего. Идет незримая, напряженная работа.

Таши-лама через Сикким и Калькутту, путями Китая проехал в Монголию. Никогда такого не бывало. Тайна. Впрочем, может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам лама двинулся на Монголию.

В священное утро на горах засветились вереницы огоньков: другая тайна!

Сейчас волна внимания к Тибету. За стеною гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез таши-лама? Какие военные действия на границу Китая?

Что делается на монгольской границе? Год событий!

Называли Сикким страной молний. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: «Страна небесных ступеней»? Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроникаемая страна скал и цветов.

Как в сказке, как на блюдечке за серебряным яблочком, открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима; наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконге. Большой Субурган и монастырь в Ринченпонге. На следующей горе белеет Пемайанцзе, еще выше – Санга Челлинг. Ташидинг почти не виден. По другую сторону долины – Далинг и против него – Роблинг, и еще ближе – Намцзе. За сорок миль видны монастыри. Не забудем, что здесь видится необычно далеко.

И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но белоснежный пояс раскинулся по вершинам стены – пояс земли. Поставим стрелу на север – там должны быть основания горы Меру.

Талмуд говорит, что голубь принес первую масличную ветвь Ною с горы Мория. И гора Мория, и гора Меру – в Азии. Здесь начало всего. Здесь начало всех путников, всех искателей. Здесь воздвигнуто первое изображение Благословенного Майтрейи – Мессии – Мунтазара.^[90] Трижды мощное М! Здесь, поверх всех споров, учения подняли масличную ветвь нового Мира. Здесь заповедана Мировая Община.

Подошел сам, потрогал-прикоснулся к нашему шатру. Кто этот человек, с длинной черной косою, с бирюзовой серьгой в ухе, в белом кафтане? Местный иконописец – лама Пема Дондуб.

Мы спросили: «Можешь ли написать нам Благословенного Майтрею совершенно так, как в Ташилунпо?» Взялся, и вот сидит на коврике, в уголке белой галереи, и различно-цветно пишет полный символами Лик. Приготавливает ткань для писания, покрывает ее левкасом (мел на клею) и выглаживает раковинной. Совершенно как русские иконописцы. Так же растирает краски, так же греет их на жаровне, так же втыкает запасную кисть в черные густые волосы. И жена его, из Тибета, помогает ему готовить краски.

И так в уголке белой галереи расцветивается замысловатый образ. Все символы укрепляют Благословенного. И страшный, птицеподобный Гаруда,^[91] и мудрые Наги, и Ганеша – слон счастья, и Чинтамани – Конь, несущий на спине хоровод избранных образов. А на лик и благие руки кладется чистое золото.

И так же, как наши иконописцы, поет лама-иконописатель стихиры во время работы. Стихиры усилились – значит, приступил к самому Лику.

И еще диво, возможное только в этой стране. В глубоких сумерках, когда наливающийся месяц уже вступает в права, по дому разносятся серебряные звуки самодельной флейты. В темноте художник лама на коврике переливчато играет перед Ликом Майтрейи – Мессии – Мунтазара.

Струны земли!

III. Пир-Панджал (1925)

Где проходили орды великих монголов? Где скрылось исчезнувшее колено Израилево? Где «Трон Соломона»?^[92] Где пути Христа-Странника? Где зарево шаманского бон-по^[93] – религии демонов? Где Шалимар – сады Джахангира?^[94] Где пути Памира, Лхасы, Хотана? Где таинственная пещера Амарната? Где тропа великого Александра к забытой Таксиле?^[95] Где стены Акбара? Где учил Асвагоша?^[96] Где созидал Авантисвамин?^[97] Где твердыни Чандрагупты Маурьи? Где мудрые камни царя Ашоки?^[98] Все прошло по Кашмиру. Здесь древние пути Азии. И каждый караван мелькает, как звено сочетаний великого тела Востока.

Здесь и песчаные пустыни на пути к Пешавару; и синие вершины Сонамарга; и белые склоны Соджила. И в полете орлов тот же неутомимый дух; и в резвых конях то же непреклонное движение. И мир роз и шалей кашмирских не похож на забытый и скрытый мир кашмирских клинков.

«Весна священная».^[99] Когда мы сочиняли ее со Стравинским, не думалось, что Кашмир встретит нас этой постановкой. В Гари на ночлеге, когда вызвездило яркое весеннее небо и засинели горы, мы заметили вереницы огней по горам. Огни двигались, расходились и странно кружились. И по всем склонам зажглись эти огненные процессии. И в деревне внизу закружились темные силуэты, размахивая смоляными факелами на длинных шестах. Огненные круги возвещали о конце холодов зимних. И песни возвещали весну священную. Этот праздник девятого марта.

«Буль-Буль» – соловей-птица поет на яблоне. Кукушка отсчитывает долгую жизнь. На лужайке расстелены белые полотна и кипит самовар. Красные и желтые яблоки и сдобные лепешки предлагаются сидящим на весенней траве. Глазки фиалок и бело-желтые нарциссы ткнут пестрый ковер. А вечером стада уток и станицы гусей усеивают мочажины озер. Выходят на весенние поляны маленькие медведи. И никто не боится их, разве если это матка с детьми...

Пологие речные берега. Вереница бурлаков ведет крытые лодки... По широкой дороге тянутся волы и скрипят колеса. Трехсотлетние чинары и высокие тополя оберегают пути. И часто блестят зубы встречных путников в улыбке привета.

На сеновале лежат сани – московские розвальни. На дворе скрипит журавль над колодцем. Соломенная крыша проросла зеленым мхом. Скрючились придорожные ивы. Гомонят приветствия детишек. Где же это? В Шуе или на Коломне? Это в Шринагаре, в «городе солнца».

Пузатые белые колонки; мелкая роспись орнаментов; крутые каменные лесенки; золоченая крыша храма; скрипучие расписные ставни окон; заржавленные замки; низкие дверки «с поклоном», резные балюстрады, покосившиеся плиты каменных полов, запах старого лака, мелкие стекла оконцев. Где же мы? В Ростовском Кремле? В суздальских монастырях? В ярославских храмах? И стаи бесчисленных галок. И голые ветки за окнами. Это главный дворец махараджи Кашмира. Любопытно все, что от старины сохранилось. Все новейшие приделки ужасны.

По дорогам много моторов Форда. В столовой гостиницы видны лица американцев. В ювелирной лавке рядом висят две картины: одна – вид Дели, другая – вид Московского Кремля. Среди кристаллов, в которые смотрят судьбу, среди кашмирских сапфиров и тибетской бирюзы зеленеют китайские жадеиты^[100] и цветными садами раскинулись полы шитых кафтанов. Как ценные шали, залиты комнаты музея мелким иранским узором, и отбитая судьбою Гандхара^[101] сводит воедино расколовшиеся ветви Запада и Востока.

В характере храмов и мечетей, в угловых резных драконах, в шатровой четырехскатной вышке неожиданное сочетание деревянных старых церквей Норвегии и китайских пагод. Из одного колодца почерпнута романская химера, звериный орнамент Алтая и зверьки Китайского Туркестана и Китая. Сибирские пути народов далеко вынесли одинаковый смысл украшений.

Твердо стоит крепость Акбара. Но когда подыметесь по всем кручам и ступеням, то видно, что старые кирпичи и глинобитная смазка с трудом держатся. Своды готовы упасть.

Нишад – сад Акбара – занял место от озера до взгорья. Высокое место. Строения скромны и по углам любимые им башенки. Характер простоты и ясности.

Шалимар – сад Джахангира – тоже в характере своего хозяина, стоит «для себя». Меньше внешнего вида, больше роскоши. Той роскоши, которая довела до нищеты потомков моголов. Последний могол, в Дели, тайно продавал мебель из дворца и разрушал ценные облицовки стен Шах-Джахана^[102] и Аурангзеба.^[103] Так кончилась великая династия.

Ткач Кашмира сопровождал каждый узор особым напевом. Великую гармонию труда напоминает такое искание ритма.

Ни в одной песне не сказывается, отчего гора «Трон Соломона» носит это имя. Ведь это место очень древнее. Еще Джанака, сын Ашоки, утвердил там один из первых буддийских храмов. Через семь веков храм был перестроен и посвящен Махадеве...^[104] Но откуда имя Соломона? Имя Соломона гора получила от легенды, что Соломон, желая скрываться от условностей царской жизни и тягостей двора, на ковре-самолете с любимой женой переносился на эту гору. Опять упоминание о «летательном аппарате» Соломона. Такая же гора в Туркестане и Персии.

Не только гора «Трон Соломона» переносит сознание в библейские сферы. В долине Синда почему-то особенно почитается пророк Илия. Очень звучны легенды о том, как пророк, сидя в пещере, спасает рыбаков и путников. В различных обликах, то благой, то грозный, пророк является на защиту дел справедливости и благочестия. Мусульмане и индусы, разрозненные многими причинами, одинаково чтут пророка Илию.

Лиловый ирис всегда будет напоминать мусульманское кладбище. Они залиты этими цветами. Но вот радость: распустилась сирень, закивали ландыши и забелела черемуха...

После «мелкого рисунка» современного Кашмира отдыхаете на развалинах Мартанда и Авантипура. И здесь девятый и десятый век дали расцвет. Здесь фантастика азиатской колыбели романеска^[105] торжественно слилась с радостным культом Вишну. Чувствуете, что и здесь, на фоне сапфировых предгорий Гималаев, стояли величественные сооружения. Вскрыты они лишь частично. Пологие наносные бугры скрывают целые дворцы и города. Картина мощи Азии еще не явлена. Только искры ее можно отметить на случайных листках. Любящие руки соберут чашу прекрасного сознания.

«Слава тебе, Хакаура, Гор^[106] наш, Бог по бытию, защищающий страну, обуздатель пустыни змеем своего урея,^[107] без лука пускающий стрелу, как делает богиня Сихмет.^[108] Язык царя обращает в бегство азиатов». Так говорит гимн в честь Сенусерта III.^[109] Два выражения имеют особое значение. «Пускающий стрелу без лука» – воздействующий на расстоянии. «Обуздатель пустыни змеем своего урея» напоминает о древнейшем культе Азии – жены и змея. Змеинообразные капители колонн Азии и майев говорят о том же культе – мудрой жены. О том же указывает старое блюдо, найденное в Кашмире: посередине сидит царь змеев с волшебным цветком в руке. У царя две пары рук – черные и светлые, ибо мудрость имеет полное вооружение. Перед царем женщина с покрывалом на голове, женщине царь вручает мудрость. Вся группа находится на фоне множества змей, поднявших и соединивших головы. Вокруг срединного изображения ряд отдельных фигур властителей, имеющих на шее изображение змея.

Этот знак мудрости заставляет человекообразных и животноподобных джиннов^[110] служить и помогать владельцам древнего знака. В длинную трубу джинны передают далекие вести. Джинны приносят цветы для украшения жизни. Джинны, в виде животных, переносятся по воздуху. Джинны приносят ларцы драгоценностей. Джинны присутствуют в виде стражи. Так хранят древний знак мудрости.

«Гулиджан-Марда», «Илло-Алладин-Шабаша», «Илайла-Сулейман» – перекликаются гребцы. Весла с сердцевидной лопаткой режут желтую воду.

Современному Шринагару не более 150—200 лет. От старого «города солнца» ничего не осталось. Старые мечети остались лишь в остовах. В уродливых облицовках «набережной» видны следы рельефов отличных камней девятого, одиннадцатого веков. Отдельные осколки, ничто не связывает их с грязными домиками современности.

Старые мосты должны скоро рухнуть. Кто положил начало кашмирских каналов? Кто обсадил дороги частым тыном тополей? Не сделал ли это кто-то из пришельцев от Средней Азии, где зима заставляет обозначать путь и пески требуют каналы орошения? И откуда эти *шикари* – легкие гондолоподобные лодки?

У ровного берега пошли бечевою. И желтые плесы напомнили Волгу или Миссисипи. Река Джелам – нерв Кашмира.

Самое большое озеро Вулар, самое красивое, самое грозное. Две ночи опасно било лодку о глинистую отмель. Еще остались бы, еще поработали бы, но «ковчег» может треснуть. На этом озере все привлекательно. Весь сияющий снегами Пир-Панжал – на западе. Густые горы – на север и восток. Даль Шринагара – на юг. Перед закатом поднимается изумительная Валгалла^[111] над Пир-Панджалом, а утром – кристально-синие горы востока. На отмелях стала, и каждый конь виден на далекой мели, так воздух небывало прозрачен. На восточной отмели виден островок. На нем развалины храма и, бывает, сидят размышляющие садху и факиры. Мир религии в Кашмире менее заметен.

Детали разрушенного храма на островке могут быть перенесены в любой романский собор. Много ходили готы и всюду посеяли свой стиль. Украшения женских шапочек напоминают готские фибулы.^[112] Только не красная эмаль, а красные стекла вставлены в медную оправу.

Около лодки носятся касатки-ласточки. По борту важно шагают удоды. Над полями звенит жаворонок. Посреди деревни кладбище – бугор, усеянный камнями, – наш северный «жальник».^[113] На бугре часовня с шатровой зеленою крышей. Старинные, костистые чинары сторожат покой. Около деревень остатки храмов и «городища» – песчаные бугры с засыпанной стариною. Гребцы, под вечер, поют протяжные песни «бурлацкие», и горласто лают стаи собак. От дальнего севера до юга одно и то же строение жизни. Удивительно!

На северо-востоке озера Вулар горы сходятся. В этом проходе какая-то зовущая убедительность. Само селение Бандипур уже имеет какой-то особый характер. Когда подходите к почтовому отделению, вы поймете значительность места. Здесь подымается в горы дорога на Гилгит. Вы проходите до первого подъема и следите за извилинами восходящего пути. На вершине перевала первый ночлег. Потом путь сперва идет по самому гребню, где еще белеет снег полоскою, а затем окунается в новое преддверие. Гилгит и Читрал берегутся особо. Если трудно идти на Ладак,^[114] то Гилгит и Читрал всегда под особым запретом. Лиловые и пурпурные скалы, синева снежных вершин. Каждый всадник в чалме привлекает внимание: не с севера ли? Каждая вереница груженных лошадок тянет глаз за собою. Значительный угол!

Сундук, караул, самовар, чай, чепрак, сюды-сюды, кавардак, колпак и много других слов странно и четко звучат в кашмирской речи. И плетеные лапти напоминают о других, северных путях.

Лодочник устраивает нам кашмирский обед. Приходят шесть поваров. Стол засыпается синими ирисами. С утра, кроме чая, нам ничего не дали. Собра и его брат Рамзана, и сметливый Ибрагим, и какие-то неведомые братья и дяди, и, может, сам столетний дед, сидящий с хуккой (трубкой) в кухонной лодке, – все заняты каким-то таинством. Наконец, в семь часов вечера появился таинственный обед. По очереди было подано двадцать семь блюд. И каждое должно было быть испробовано. Перечень всех изощрений шести поваров: миндальный суп, намки плов, мехти, табак маз, кабаб, руган ящ, дупиаз, батха курма, абгош, алюбукар курма, чана курма, марзеванган курма, субзе курма, намки кабаб актаби, куфта, куфта тикеа, дампокта, кокарпугу, канди руган иош, мета плов, тула шум, риваш, мета зунт, мета тул, дизи алю, пирини, тула халва. Так назывался этот апофеоз баранины и пряностей. И как было сказать, что именно изысканность обеда была так чужда нам.

Кашмирское пение. Семеро в белых чалмах. Один – рыжий – с длинной ситарой. У троих – саазы.^[115] В глубине сидит искусник на двух таблах (узкие барабаны). По углам двое поющих, в середине – певица в синей шали с серебряными браслетами и пронизками. Поют персидские песни, арабские, урду и кашмирские. Как и в ассирийских рельефах, певица поднимает указательный палец или левую ладонь, или складывает руки у лба. Иногда она вскакивает и «уточкой» мягко обегает круг. Персидская песня «Сурам» – песнь разлуки и вечных воспоминаний. «Шахназ» – арабская песнь: «Самый богатый не возьмет с собой имущество после смерти». «Когда Христос возносился – прославляли Его все слуги». Вот песнь урду: «Два друга на всяком расстоянии думают взаимно. Мир – ничто, и каждый должен уйти из него». «Кошюр» – кашмирская песнь: «Ты идешь по пути, но невидим Ты мне. Дал мне вина жизни и ушел от меня. Все зависит от Бога». «Если я увидел одного человека или женщину – я уже увидел весь мир». «Камач» – кашмирская песнь: «Говорят хвалу Христу всякими словами. Он был лучше солнца и луны».

Так на красном ковре восемь мусульман, непрошенно и нежданно, до полуночи славословят Христа и мироздание. Вслед за ними и все лодочники шевелят белыми чалмами и качаются, подпевая. И саазы гудят, как шепот леса. И наш конфуцианец китаец твердит по-тибетски: «Як поду», то есть «хорошо». А потом виктрола^[116] повторяет «Песнь Леля» Шаляпина Римского-Корсакова, и чутко кивают чалмы кашмирцев. Одно сознание! Кончаем песнею про Акбара. И вся полночь проходит без всяких отрицаний. И все обоюдно найденное принято с доброй улыбкой.

Можно ли превратить эту полночь понимания – в пошлость безобразия? Вероятно, можно. Видели постыдные письма, посылаемые иностранцами туземцам. Постыдные запросы плоти. Можно заменить улыбку гримасою звероподобности? Конечно, не трудно. Можно вызвать весь ужас безобразия. Можно разрушить всеобщее благо. Можно уйти с клеймом пылающим – пошлости. Можно уйти во мрак невежества и предрассудка.

Как и в Сиккиме, так же и в Кашмире поражает духовная понятливость. Не успеете подумать, а уже собеседник делает соответственный жест. И сколько добрых мыслей можно сеять этими струнами чутья.

И опять ритмично перекликаются гребцы: «Ампошь-пампошь», «Дазнир – Кашмир», «Шахан-шах – падишах». А значат эти клики: «Страна роз», «Храм», «Царь царей», «Лотос», «Человек», «Все хорошо»...

Живем на взгорьях Пир-Панджала. Град в голубиное яйцо. Звезды – как свечи! Землетрясения – каждую неделю.

В Сибири есть такие городища на крутых буграх, опоясанные гремучими потоками. Кедровые и сосновые рощи сурово хранят эти жилья, а высоко сверкают белые шапки гор. Дятлы, горлинки, иволги, мускусные бараны и горные козлы. Так и живем в желтом,

некрашеном рудовом домике. Если солнце – все напоено хвоею, но если гроза... Трое суток свирепо грохотало и ослепляло ночью. Кольцо молний! И неслись ливни, и град сразу белил все зеленеющие бугры. Грозно!

Разрешение на Малый Тибет через три недели получено. Тысячи рупий были истрачены на поездки и телеграммы. А... тот вообще даже на письма не отвечает.

Серия «Знамена Востока» сложилась. 1. «Будда Победитель» перед источником жизни. 2. «Моисей Водитель» – на вершине, окруженный сиянием неба. 3. «Сергий Строитель» – самосильно работает. 4. «Дозор Гималаев, в ледниках. 5. „Конфуций Справедливый“ – путник в изгнании. 6. „Йенно Гуйо Дья“ – друг путников (Япония). 7. „Миларепа Услышавший“ – на восходе познавший голоса дэв. 8. „Дордже Дерзнувший“ стать лицом к лицу с самим Махакалой. 9. «Сараха^[117] – Благая Стрела», не медлящий в благих посылках. 10. «Магомет на горе Хира (весть архангела Гавриила)», предание. 11. «Нагарджуна^[118] – Победитель Змия» видит знамение на озере владыки Нагов. 12. «Ойрот – вестник Белого Бурхана», поверье Алтая. И те, что уже в Музее: 13. «Матерь Мира». 14. «Знаки Христа». 15. «Лао-цзы». 16. «Дзон-Капа». 17. «Падма Самбхава». 18. «Чаша». 19. «Змий Древний».

В Монголии есть обычай большой древности. В случаях народного бедствия или нужды ламы всходили на высшую гору и с заклинаниями разбрасывали бумажных коней. Конь как символ Будды, силы и счастья. И, кружась, неслись эти кони валькирий, эти Световитовы кони, неся помощь неведомым бедствующим. На Двине сидел Прокопий и благословлял неведомых плывущих; на хребтах Азии ламы слали коней неведомым бедствующим. И в этой неведомости – та же забота об общем благе. Такие обычаи лам ценны. Это не «сидение под деревом», не просьба в пространство, не фигурные движения ритуала, но «приказ» о помощи неведомым бедствующим, горный голос, требующий, чтобы умиротворились беды людские.

И еще два трогательных облика не должны быть забыты. Основатель так называемого манихейства, Мани, в третьем веке распятый на воротах города в Персии за синтез учений и за идею общины. Другой – Гуру Камбала, отдавший голову свою как символ преданности и служения. И Камбала и кони в сущности тоже входят в «Знамена Востока».

Манихейство жило долго. В самой Италии манихеи, преследуемые, жили до XIV века. Может быть, от них Беноццо Гоццоли^[119] воспринял содержание пизанской фрески о четырех встречах царевича Сиддхарты – Будды, озаривших его сознание. Вместо индусского владельца движется кавалькада итальянских синьоров. И в некоторых восточных трактовках, точно где-то в глубине понимания, чудится характерная фантастика Гоццоли, с его пышно-узорными скалами и хвойными деревьями, с его золочеными чепраками и навершиями ярких знамен. Ручные «пардусы» Востока сидят за седлом, а чалма охотно обвивает шлем, как на символах крестоносцев. Что это? Отзвучия крестовых походов, о которых мечтал даже Герри мет де Блес?^[120] Или более древняя организация синтеза верований Мани пронизала и связала сознание Востока и Запада? Сколько необъяснимых явлений! Сколько имен оклеветанных! Сколько истинных, просвещенных исканий, сваленных в одну кучу с откинутым мусором. Особенность будущих изучений должна заключаться в беспредрассудочной справедливости.

И еще подробность, связующая Восток и Запад. Помните ли Турфанскую Матерь Мира с младенцем? Среди Азии, может быть, несториане^[121] или манихеи оставили этот облик. Или, вернее, этот облик остался претворенным от времен гораздо более древних. Кали или Гуаньинь^[122] – кто знает, сколько им веков? За ними скрываются жена и змий. Древность этого символа уже неисчислима. Не к библейской странице, не к символам каббалы ведет этот облик. Несуществующие материки уже сложили красоту Матери Мира – этой светоносной материи. Только невежество толкует о незнании древности.

Спрашиваете, как мы обходимся без театров? У нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр, с легендами о небывалых народах. То зловещий балет кашмирских купцов-шайтанов. То угрожающий монолог полицейского. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессии коней. То тихие вечерние песни. То фуриозо града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц, когда весь мир участвует в мистерии эволюции. Когда обновленные понятия входят в жизнь повелительно, в новообразованиях вселенской красоты.

В Монголии поход объявляется посылкою стрелы князю-нойону. Стрела, прилетевшая к Федору Тирону, шла с Востока.

Юрий едет на коне из Яркенда. Я и китаец на конях из Хотана. У моего – звезда; у яркендского коня тавро китайское, крест в квадрате – знак поля – Тиань.

IV. Ладак (1925)

Индра, Агни и Сурья – воздух, огонь и солнце! Индусская Тримурти-Троица остается позади. Древняя Сарасвати Вед – великий Инд – ведет к своим снежным истокам. Если Ганг – приветствие: сидение: сосредоточение: то Инд – движение: неуклонность, стремительность. И как притягательно неуклонны пути движения народов через Гиндукуш и Памир!

Опять караван. Опять легко забываются дни и числа. Качество дня становится значительнее его числа или названия. Подобно египтянам: называвшим года по их качеству – «год битвы» или «год неурожая», – можно сохранить лишь качество дней. День коня, когда лошади провалились на снеговом мосту; ночь волка, когда звери пробрались к становищу; заря орла, когда беркут со свистом налетел на шатер; закат замка, когда вознесся самый неожиданный замок, приросший к медно-огненной вершине... Вместо тюрбана из-за камня поднялась мохнатая шапка. Путь в страну Будды.

Качества Будды: Шакья-Муни – мудрый из рода Шакья, Шакья Синха – Шакья Лев, Бхагават – Благословенный, Саттха – Учитель, Джина – Победитель.

Говорил Будда изуверам и ханжам: «Все ваши правила низки и смешны. Иной из вас ходит нагой; иной не станет пить из кувшина или есть с блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками или между двумя блюдами; иной не примет подаяния в том доме, где есть беременная женщина или где встретит собаку; иной не есть из двух сосудов и на седьмом глотке перестает есть; иной не садится на скамьи или на циновки; иной лежит нагой на колючих растениях или на коровьем помете.

Чего ожидаете вы, произвольные труженики, за свои «тяжкие» труды? Ожидаете от мирян подаяния и уважения: и когда достигаете этой цели: вы крепко пристращаетесь к удобствам временной жизни и не хотите расстаться с ними. Если завидите издали посетителей: как тотчас показываете вид: будто вас застали в глубоком размышлении. Когда вам подают грубую пищу, вы отдаете ее другим, а всякую вкусную еду оставляете у себя. Предаваясь порокам и страстям, вы надеваете личину скромности. Не таково истинное подвижничество!»

Шесть лет положил Будда на убеждение Кашьяпы.^[123] Даже возжигал огни чуждых ему алтарей, прежде чем упрямство старых убеждений Кашьяпы было сломлено и Будда мог присоединить к новому учению «старый авторитет». Там, где выдвигается красота, научный подход и просвещенная жизненность, там «старые крепости» особенно прочны. Надо понять все трудности Будды при ломании предрассудков, если один человек потребовал шесть лет на усвоение прекрасной простоты, чтобы потушить огни никому не нужных приношений суеверия.

Прожить восемьдесят лет в постоянном учительстве, видеть, как на глазах извращалось учение, понимать, как многие государи и священники принимают учение лишь из своекорыстных соображений, предчувствовать уже приготавливаемую оболочку новой условности...

Он, сам вместивший понятие ничтожности власти, сказал: «Идите, вы нищие, несите спасение и благо народам». В одном слове «нищие» заключена вся программа. Пришло время, когда из-за позолоты идола появляется лик Будды: великого общинника, учащего против собственности, против убийства, пьянства, излишеств. Появляется могучий облик, зовущий к переоценке ценностей, к труду и познанию.

Много раз очищали учение Будды, и все-таки оно быстро засыпалось копотью предрассудков. Жизненность превращалась в груды трактатов и метафизическую номенклатуру.

Что же изумляться, если и сейчас еще высятся стены монастыря Ламаюры – твердыни верований бон-по, с их шаманскими вызываниями, зародившимися задолго до рождения Будды?

Но все-таки произошло полезное сознание: привыкли очищать учение. Конечно, не пресловутые соборы в Раджагрихе, Весали и Патне^[124] возвращали учение к первоначальной простоте общины. Но сильные духом отдельные учителя искренне пытались снова явить прекрасный лик учения. Атиша, поражавший условщину, боролся с темным пережитком чародейства бон-по. Асвагоша, основатель всей Махаяны севера, применявший для убедительности и наглядности форму драматических представлений. Смелый Нагарджуна, почерпавший на озере Юмцзо мудрость из бесед с Нагом – «змеиным царем». Тибетский Орфей – Миларепа, окруженный животными и слушавший вещи голоса гор. Поборовший силы природы Падма Самбхава, мощный, хотя и искаженный условностями «красных шапок». Ясный и деятельный Дзон-Капа, так полюбившийся всему северу, основатель «желтых шапок». И многие другие, одинокие, понимавшие преуказанную эволюцию, счищали пыль условности с заветов Будды. Их труды снова прикрывались затхлым слоем механических ритуалов. Условный ум «обывателя», даже признав учение Будды, все-таки пытался одеть его по своему предрассудочному разумению.

Ни у Алары Каламы,^[125] ни у Уддаки Рамапутты^[126] Будда не нашел спасительных решений. Преобразователь, стремившийся к жизненности, не мог удовлетвориться перетолкованиями Ригведы.^[127] Далеко уходит Будда, в тайники гор. Предание доводит смелого искателя до Алтая. И сказание о Белом Бурхане^[128] сохраняется на Алтае во всей жизненности. Около таинственной Урувелы^[129] Будда приближается к простейшему выражению всех накоплений. И на берегах Наиранжары^[130] озаряется решимостью сказать слова об общине, об отречении от личной собственности, о значении труда на общее благо и о смысле познания. Установить научный подход к религии было истинным подвигом. Обличить своекорыстие жрецов и браминов было высшим бесстрашием. Явить истинные рычаги скрытых сил человеческих было неслыханно трудно. Царю прийти в облике могучего нищего было необыкновенно прекрасно!

В осознании эволюции человечества облик общинника Будды занимает неоспоримое, прекрасное место.

Будда должен был телесно услышать грохот разрушения родного города Капилавасту. Конфуций должен был переезжать изгнанником с места на место. И его странственная колесница поставлена в храме вместе с его сочинениями и музыкальными инструментами. Не диво, ибо в основе учения Конфуция лежит та же община. Вспомним его учение: «Если любовью будут воспламенены сердца смертных, то весь свет будет наподобие одного семейства. Все люди будут представлять в себе одного человека, и все вещи, по причине удивительного взаимного порядка и союза, покажутся одним и тем же существом. Мы должны любить других, как самих себя, следовательно, должны желать им всего того, чего себе желаем». «Лицемерие есть порок ненавистнейший». «Тот, кто прикрывается одною внешностью добродетели, походит на злодея, который днем показывается честным человеком, а ночью занимается похищением имущества ближнего».

«Опасайся тех, которые учиняются скорей хвалителями добродетели, нежели ее последователями. Не обманывайся их учеными рассуждениями, которые хотя бы можно было понимать за выражение души убежденной, но они являются лишь плодом испорченного ума и выдуманными побуждениями сердца. Те, которые говорят с некоторым родом чувствительности о смиренномудрии, о благе общем, не всегда сами бывают в том примерами».

«Воздержание, простота в одеянии, приличество, изучение наук и искусств, отвращение к ласкателям, любовь к низшим, бескорыстие, благоразумие, постоянство, доброта – суть

обязанности предписанные».

«Учись наукам и изящным искусствам, пользуйся наставлениями мудрости». «Скупой, будучи сам в беспокойствии, делается для других предметом страшным и отвратительным. Благоразумие да управляет всеми твоими делами».

«Для узнания людей, добры ли они или злы, нет лучшего способа как смотреть на зрачок глаза; ибо зрачок глаза не может скрывать порока, таящегося в сердце».

«Не давай чувствовать высокого твоего положения низшим, не покажи преимущества твоих заслуг равным».

«Нет ничего такого, чего не могло бы достигнуть постоянство. Могу всякий день приносить корзину земли, и если я то продолжаю, то наконец воздвигну гору».

«Человек должен стать сотрудником неба и земли».

«Все существа питают друг друга». «Законы движения светил свершаются одновременно, не нарушая друг друга».

«Действия неба и земли разделяются на бесчисленные потоки, действуя на каждое существо по отдельности. Их общее действие совершает великие превращения – вот в чем величие неба и земли».

«Сознание, человечность и мужественность являются тремя мировыми качествами, но, чтобы приложить их, нужна искренность».

«Человек, не осознавший свое назначение, не может считаться великим человеком».

«Не существует ли панацея для всего сущего? – Не есть ли это любовь к человечеству? Не делайте другим того, что не желаете для себя».

«Если человек умеет управлять собою, какую же трудность мог бы он встретить в управлении государством?»

«Мудрец тверд, но не упрям. Будьте медленны в словах и быстры в действии».

«Мудрый ждет все от самого себя, ничтожество – все от других».

«Я люблю блеск добродетели, который не проявляется громкими словами и напыщенными движениями. Шумиха, возвешение – вещи очень второстепенные в преобразовании народов».

«Невежда, гордящийся своим знанием; ничтожный, желающий чрезмерно свободу; человек, возвращающийся к древним обычаям, – подвержены неминуемо бедствиям».

«Стрелок являет пример для мудреца. Когда он не попадает в середину цели, он ищет причину в себе».

Уча об общем благе, Конфуций должен был всегда под рукою иметь свою колесницу...

Толкует старый китаец о Конфуции. Эти старые мысли сливаются со следами старых китайских путешественников, оставивших столько полезных сведений об Индии и всей Средней Азии.

Если из-за идола Будды трудно усмотреть высокий Лик Будды Учителя, то еще неожиданнее в Тибетских горах встретить и узнать прекрасные строки об Иисусе. Буддийский монастырь хранит учение Иисуса, и ламы отдают почтение Иисусу, здесь прошедшему и учившему. Если кто-либо будет слишком сомневаться о существовании таких документов о жизни Христа в Азии, то, значит, он не представляет себе, как широко были распространены в свое время несториане и сколько так называемых апокрифических легенд ими было распространено в древнейшие времена. И сколько правды хранят апокрифы!

Ламы знают, что Иисус, проходя по Индии и Гималаям, обращался не к браминам и кшатриям, но к шудрам – к трудящимся и униженным. Записи лам помнят, как Иисус возвеличил женщину – Матерь Мира. Ламы указывают, как Иисус отрицательно относился к так называемым чудесам.

Записи лам говорят, что Иисуса убил не еврейский народ, но представители римского

правительства. Империя и богатые – капиталисты – убили Великого Общинника, несшего свет и трудящимся и бедным. Путь подвига света!

Послушаем, как говорят в Гималаях о Христе. В рукописях, имеющих древность около 1500 лет, можно прочесть: «Исса (Иисус) тайно оставил родителей и вместе с купцами из Иерусалима направился к Инду, за усовершенствованием и изучением законов Учителя.

Он провел время в древних городах Индии Джаггарнате, Раджагрихе и Бенаресе. Все его любили. Исса жил в мире с вайшьями и шудрами, которых он обучал.

Но брамины и кшатрии сказали ему, что Брахма запретил приближаться к сотворенным из его чрева и ног, Вайшьи могут слушать Веды лишь по праздникам, а шудрам запрещено не только присутствовать при чтении Вед, но даже смотреть на них. Шудры обязаны только вечно служить рабами браминов и кшатриев.

Но Исса не слушал речей браминов и ходил к шудрам проповедовать против браминов и кшатриев. Он сильно восставал против того, что человек присваивает себе право лишать своих ближних человеческого достоинства.

Исса говорил, что человек наполнил храмы мерзостью. Чтобы угодить камням и металлам, человек приносит в жертву людей, в которых обитает частица Высшего Духа. Человек унижает работающих в поте лица, чтобы приобрести милость тунеядца, сидящего за роскошно убранном столом. Но лишаящие братьев общего блаженства будут лишены его сами, и брамины и кшатрии станут шудрами шудр, с которыми Высший Дух пребудет вечно.

Вайшьи и шудры были поражены изумлением и спросили, что они должны делать. Исса говорил: «Не поклоняйтесь идолам. Не считайте себя всегда первыми и не унижайте своего ближнего. Помогайте бедным, поддерживайте слабых, не делайте зла кому-либо, не желайте того, чего не имеете, но что видите у других».

Многие, узнав про эти слова, решили убить Иссу. Но Исса, предупрежденный, оставил ночью эти места.

Затем Исса был в Непале и в Гималайских горах...

«Сделай же чудо», – говорили ему служители храма. Тогда Исса сказал: «Чудеса начали являться с первого дня, как сотворился мир. Кто же их не видит, тот лишен одного из лучших даров жизни. Но горе вам, противники людей, горе вам, если вы ждете, что Он засвидетельствует свое могущество чудесами».

Исса учил не стараться видеть своими собственными глазами Вечного Духа, но чувствовать его сердцем, и стать душой чистой и достойной... «Не только не совершайте человеческих жертвоприношений, но и не закалывайте животных, ибо все дано на пользу человека. Не воруйте чужое, ибо это было бы похищением у ближнего. Не обманывайте, чтобы вас самих не обманули. Не поклоняйтесь солнцу, оно только часть мира».

«Пока народы не имели жрецов, естественный закон управлял ими, и они сохраняли непорочность души».

«И говорю: бойтесь все совращающее с истинного пути и наполняющее людей суевериями и предрассудками, ослепляющее зрячих и проповедующее поклонение предметам».

Иссе исполнилось 29 лет, когда он прибыл по возвращении в страну Израиля. Исса учил: «Не впадайте в отчаяние, не покидайте дома вашего, не губите благородства чувств ваших, не поклоняйтесь идолам, наполняйтесь надеждой и терпением, Вы поднимите упавших, дадите есть голодным, поможете недужным, чтобы быть совершенно чистыми и праведными в день последний, который я вам готовлю. Если хотите совершать дела благодати и любви, делайте их со щедрым сердцем. Да не будет в этих действиях надежды на прибыль или на торговый расчет. Дела прибыли и расчета не приблизят вас».

Тогда Пилат, правитель Иерусалима, приказал схватить проповедника Иссу и доставить его

судьям, не возбуждая, однако, неудовольствия народа.

Но Исса учил: «Не ищите прямых путей в темноте и под страхом, но соберите силы и поддержите друг друга. Поддерживающий соседа укрепляет самого себя.

Разве не видите вы, что могущественные и богатые сеют дух мятежа против вечного небесного сознания.

Законы Моисея я старался восстановить в сердцах людей. И вам говорю, что вы не разумеете их истинного смысла, ибо не мести, но прощению они учат, но значение этих законов извращено».

Правитель же пришел в гнев и подослал к Иссе своих переодетых слуг, чтобы следить за всеми его действиями и доносить о словах его к народу.

«Праведный человек, – сказали Иссе переодетые слуги правителя Иерусалима, – научи нас, нужно ли исполнять волю кесаря или ожидать близкого освобождения?»

Но Исса, узнав прислужников переодетых, сказал: «Я не предсказывал вам, что вы освободитесь от кесаря, – я сказал, что душа, погруженная в грех, будет освобождена от него».

Тем временем старая женщина приблизилась к толпе, но была отстранена одним из переодетых. Тогда Исса сказал: «Почитайте женщину, мать вселенной; в ней лежит истина творения. Она – основание всего доброго и прекрасного. Она – источник жизни и смерти. От нее зависит существование человека, ибо она опора в его трудах. Она вас рождает в муках. Она следит за вашим ростом. До самой ее смерти вы причиняете ей томление. Благословляйте ее. Читите ее. Она ваш единственный друг и опора на земле. Почитайте ее. Защищайте ее. Любите ваших жен и уважайте их, ведь они завтра матерями будут, а позднее – праматерями всего рода. Любовь их делает человека благородным, смягчает ожесточенные сердца и укрощает зверя. Жена и мать – неоценимое сокровище, они украшение вселенной. От них родится все, что населяет мир.

Как свет отделяется от тьмы, так женщина владеет даром отделять в человеке добрые намерения от злых мыслей. Черпайте в них ваши нравственные силы, необходимые вам, чтобы помогать ближнему. Не подвергайте ее унижениям, этим вы унизите только самих себя. Этим вы потеряете то чувство любви, без которого ничего здесь на земле не существует. Принесите почитание жене, и она защитит вас. Все, что сделаете матери, жене, вдове или другой женщине в скорби – сделаете для духа».

Так учил Исса; но правитель Пилат, испуганный приверженностью народа к Иссе, который, если верить его противникам, хотел поднять народ, – приказал одному из соглядатаев обвинить его.

Исса, думавший только о блаженстве своих братьев, переносил страдания. Сказал Исса: «Недалеко то время, когда Высшею Волею народ очистится, ибо явится объявление освобождения народов и соединение их в одну семью».

И затем обратился к правителю: «Зачем унижаешь свое достоинство и учишь подчиненных жить во лжи, когда и без того ты имеешь возможность обвинить невинного?»

Так создаются сказания и легенды.

Такой высокий и близкий всем народам облик Иисуса сохраняют буддисты в своих горных монастырях. И не то диво, что учения Христа и Будды сводят все народы в одну семью, но диво то, что светлая идея общины выражена так ясно. И кто будет против этой идеи? Кто умалит простейшее и красивейшее решение жизни? И община земная так легко и научно вливается в великую Общину всех миров. Заветы Иисуса и Будды лежат на одной полке. И знаки древнего санскрита и пали объединяют искания.

Другой источник, менее известный, говорит также о жизни Иисуса в Тибете. «Около Лхасы был храм учений, богатый рукописями. Иисус хотел ознакомиться с ними сам. Минг-Сте,

великий мудрец всего Востока, был в этом храме. Через много времени, с величайшими опасностями, Иисус с проводником достигли этого храма в Тибете. И Минг-Сте и все учителя широко открыли врата и приветствовали еврейского мудреца. Часто Минг-Сте беседовал с Иисусом о грядущем веке и священной обязанности, принятой народом этого века. Наконец, Иисус достиг горный проход, и в главном городе Ладака – Лэ он был радостно принят монахами и людьми низкого состояния. И Иисус учил в монастырях и на базарах; там, где собирался простой народ, – именно там он учил.

Недалеко жила женщина, у которой умер сын, и она принесла его Иисусу. И в присутствии множества людей он возложил руку на ребенка, и ребенок встал здоровый. И многие приносили детей, и Иисус возлагал руки на них, излечивая их.

Среди ладакцев Иисус провел много дней; он учил их лечению и о том, как превратить землю в небо радости. И они полюбили его, и, когда пришел день ухода, печалились, как дети. И утром пришли множества проститься с ним.

Иисус повторял: «Я пришел показать человеческие возможности. Творимое мною все люди могут творить. И то, что я есть, все люди будут. Эти дары принадлежат народам всех стран – это вода и хлеб жизни».

Сказал Иисус об искусных певцах: «Откуда их таланты и эта сила? За одну короткую жизнь, конечно, они не могли накопить и качество голоса и знание законов созвучий. Чудеса ли это? Нет, ибо все вещи происходят из естественных законов. Многие тысячи лет назад эти люди уже складывали свою гармонию и качества. И они приходят опять еще учиться от всяких проявлений».

После жизненного облика Иисуса, сохраненного в Азии, нельзя вспомнить слова Евсевия^[131] в его труде «Жизнь Константина»: «Чтобы придать христианству большую привлекательность в глазах благородных, священники приняли внешние облачения и украшения, употреблявшиеся в языческих культах». Всякий, знающий культ Митры,^[132] оценивает справедливость этого замечания. Преданный неоплатоник, почитатель древней философии, Климент Александрийский^[133] поучал христианских епископов.

Незнание! Русские князья гибли в ханских ставках за нежелание почитать изображение Будды; в то же время монастыри Тибета уже хранили прекрасные строки об Иисусе. Кирилл Александрийский погубил подвижницу Ипатию,^[134] но именно ученику ее, Синезию, была предложена епископия Птолемаиды, даже до принятия им крещения.

Суеверие! Иероним^[135] советовал новообращенным христианам топтать тело их языческой матери.

Цинизм! Папа Лев X воскликнул: «Как полезна нам сия притча Христова!»

Не должен быть забыт Ориген,^[136] знавший значение древних мистерий и понимавший истинный смысл учения Иисуса. Ориген еще мог сказать словами «Деяний»: «Все же верующие были все вместе и имели все общее, продавали имения и всякую собственность и разделяли всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали и, преломляя по домам хлеб, принимали пищу в веселии и простоте сердца».

Ориген знал, почему это общее благо важно, и глубоко заглядывал в истину. За это церковь, иногда очень щедрая на звание святых, лишила его этого титула. Но даже враги не отказали назвать Оригена – учителем. Ибо он подходил к учению научно и не боялся говорить об очевидном.

В чем обвиняли Оригена? «Жития Святых» говорят: «Ориген, чудо своего века по громадности своего ума и глубине учености, на двух Александрийских соборах и, после кончины, на Константинопольском соборе был осужден как еретик. Ориген неправильно

мыслил о многих истинах христианской церкви. Развивая неправославное учение о предсуществовании душ, он неправильно мыслил о Христе, полагая, что было создано определенное число духовных существ разного достоинства, из которых один с такой пламенной любовью устремился, что неразрывно соединился с Высшим Словом и стал его носителем на земле. Держась еретического воззрения на воплощение Бога-Слова и сотворение мира, Ориген неправильно понимал и крестную смерть Христову, представляя ее чем-то духовно повторяемым в духовном мире. Ориген приписывал слишком многое действию обыкновенных сил, коими одарена наша природа...» Хороши были соборы, которые могли говорить против бесконечного, космического смысла материи!

Сергий, Строитель Общин, запрещал своим сотрудникам принимать подаяния. Пища и вещи могли быть принимаемы лишь в обмен на труд. Голодая, сам он предлагал свою работу. Строеие общины и просвещение были единственными занятиями этого замечательного человека. Отказ от митрополичьего ^[137] сана и от ношения на себе ценных металлов в его жизни является естественным поступком без всякой рисовки. Неутомимость труда; подбор молодых, никому неизвестных сотрудников; простота как наверху, так и внизу. Отказ от личной собственности не по указу, но по сознанию вредности этого понятия. В списке строителей общины Сергий сохранил большое место.

Их не так много – строителей жизни, отвечающей во внутреннем смысле грядущей эволюции. И бережно мы должны отбирать эти имена грядущего света, продолжая список их до современности.

Один из великих махатм Индии говорит: «Вам было сказано, что наше знание ограничивается нашею Солнечною системою; значит, как философы, желающие быть достойными этого наименования, мы не можем ни отрицать, ни утверждать существование называемого вами высшего, всемогущего, разумного Существа за пределами нашей Солнечной системы. Но если такое существование и не вполне невозможно, все же, если только единообразие законов природы не нарушается у этих пределов, мы держимся положения, что оно в высокой степени невероятно. Тем не менее мы горячо отрицаем положение агностицизма в этом направлении касательно нашей Солнечной системы. Наше учение не знает компромисса: либо утверждает, либо отрицает, ибо оно учит лишь о том, что известно как истина, и поэтому мы отрицаем Бога, как философы и как буддисты. Мы знаем, что в нашей системе нет такого существа, как Бог, личный или безличный».

В борении и явлении истины, на колесницах времени встают законоположенники общего блага: неутомимый водитель Моисей; суровый Амос; ^[138] Лев-Победитель – Будда; справедливость жизни – Конфуций; огненный поэт Солнца – Зороастр; преображенный, отраженный «теньями» – Платон; великий в жертве бессмертия – Благий Исса; толкователь мудрости, одинокий Ориген» великий общинник и подвижник Сергий. Все ходившие неутомимо; все подлежавшие современному преследованию; все знавшие, что учение общего блага придет непреложно; все знавшие, что каждая жертва общему благу есть лишь приближение путей.

На горах говорят об этих учениях и внимают им просто. И в пустынях, и в степях люди поют в каждодневном обиходе о вечности и том же – общем благе. Жители Тибета, Монголии, буряты – все помнят о благе общем.

Как мыслят народы Азии? Алтайцы помнят о Белом Бурхане. Даже пострадали за ожидание его лет двадцать тому назад. Они обращаются к Белому Бурхану – на вершине Харема:

Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами —

Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы —
Белый Бурхан!
Ты, Дух Алтая —
Белый Бурхан!
Ты, поселивший в себе, в золоте и серебре,
Народ, Белый Алтай!
Ты, который светишь днем —
Солнце-Бурхан!
Ты, который светишь ночью —
Месяц-Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур!

Белый Бурхан требует сжечь идолов и обещает плодородие общей земли и пастбищ. И вот общее благо дойдет и до алтайских становищ. Так претворяют давнее предание о приходе Будды на Алтай.

Как мыслят народы Азии? Буряты поют:

Скажешь: солнце, стой ты!
Что же значит его захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?
Скажешь: луна, стой ты!
Что же значит ее захождение?
Скажешь: век, постой ты!
Что же значит, что он стареет?
Скажешь: снег, останься ты!
Что же значит его таяние?
Скажешь: старцы, останьтесь вы!
Что же значит их отправление?
Скажешь: облако, стой ты!
Что же значит, что оно скрывается?
Скажешь: старцы, стойте вы!
Что же значит их отшествие?

Монголы поют:

Тот, кто не имеет вещей, которые он
собирал бы корыстолюбиво,
Не имеет вещей, с которыми не хватит
у него сил расстаться,
Кто твердо мыслит —
Обладает прочным и прекрасным наслаждением.

Да, Азия мыслит твердо. И под чалмою, и под феской, и под тюрбетейкой – находчивый ум и уменье богато применяемое.

Древние китайцы сохранили прекрасный гимн Матери Солнца, называя ее Владычицей Востока.

Горы, 1925.

V. Ламаюра – Лэ – Хеми (1925)

В древних китайских сторожевых башнях были находимы среди манускриптов словари и биографии знаменитых женщин. На далеких границах были такие устремления.

Когда уже знаете красоты Азии, уже знаете всю насыщенность красок ее, и все-таки они опять поражают, опять возносят чувства. И самое недостижимое становится возможным.

Мухи, москиты, блохи, ухвертки! Всякие дары Кашмира. Уход наш был не без крови. В Тангмарге банда негодяев напала на наш караван и начала железными палками избивать наших людей; семерых повредила. Пришлось с револьверами и маузерами оберегать порядок. За выход из Кашмира можно и заплатить. Заплатили и вышли. В Гунде конюхи накормили коней ядовитой травой; кони начали дрожать и легли. Всю ночь их выхаживали. Особенно пострадали мой Мастан и Сабза Юрия. Погонщики развели костры вокруг ящика с патронами. В палатку под постель Юрия заползла дикая кошка. Много мух, москитов, блох и ухверток, и «шайтанов» в Кашмире.

Пришел Саттар-хан (караванщик), привел пять оборванцев: «Это особая стража от деревни». Оборванцы спали около палаток. Никто грабить не пришел.

Древние готы не сравнивали ли Тироль с Кашмиром? Или с Рейном? Ажурна, непрочна красота Кашмира. Трудно представить себя в мощной Азии. Дальше, дальше – туда, к скалам и янтарным пескам.

Мокрый, ненастный Балтал. Не успели раскинуть мокрые палатки, как является новая провокация. Приходит полицейский с рапортом о том, что наши люди только что уничтожили санитарный пост и тяжело оскорбили врача. По счастью, сторож почтовой станции не подтвердил эту злую выдумку. Повторяем нашим людям не отвечать ни на какие оскорбления. Караванщики заставили лишний день простоять в Балтале из-за боязни обвалов на Соджи. Толковали, ходили на гору и с трудом решились тронуться. Никаких обвалов не было, хотя, как всегда на горных карнизах, могли быть отдельные падающие камни. На перевале, как всегда, ледяной ветер. Шуба делается легче газа.

Балтистанец^[139] заболел животом. По неосторожности ему дали коньяку. Немедленно «заболели» еще трое; а когда им дали очистительного, они стали требовать того же лекарства, как и первому.

Около Драса^[140] в поле работали замечательно красивые женщины. Арабский тип, одеты в черные рубахи, на головах черная повязка. Думали, что это дарды,^[141] но, говорят, это африды,^[142] пришедшие на летние пастбища из Афгана; те самые, которых боятся.

Рассказы, как уничтожаются караваны: один тибетский караван был захвачен сининским амбанем. Другой был уничтожен полностью монгольским. Дже-ламой, который, начав национальным деятелем, кончил феодальным бандитом. Его хошуны^[143] до сих пор грабят в Цайдаме.

Рассказы о высоких процентах, взимаемых китайцами. Чиновники и офицеры все дают деньги в рост, беря до 20 процентов месячных. Ужасно.

Идут встречные караваны. Всякие народы – дарды, балтистанцы, ладакцы, асторцы,^[144] яркендцы. Языки совершенно различны. Точно переселение народов.

Показалась береза – белая сестра. Встречный старик опять говорит об обвале на Соджи. Будто идти нельзя. Пошлем шикари^[145] разведать. Из-за оползней просидели день в Балтале. Много ядовитых трав в Балтале, и все эти травы принимают благонамеренный вид. Опасно для

коней. На Соджи выпал снег – очень рано для половины августа.

После Соджи все изменилось. Позади остался Кашмир со всеми его ядовитыми травами, холерою и насекомыми. Пройдя ледяные мосты над гремящею рекою, прошли как бы в иную страну. И народ честнее, и ручьи здоровые, и травы целебные, и камни многоцветные. И в самом воздухе бодрость. Утром – крепкие заморозки. В полдень – ясный сухой жар. Скалы пурпурные и зеленоватые. Травы золотятся, как богатые ковры. И недра гор, и приречный ил, и целебные ароматные злаки – все готово принести дары. Здесь возможны большие решения.

После Драса встретили первую буддийскую весть. Около дороги две каменные стелы, изображающие Майтрею. Около них камень с изображением всадника. Не на белом ли коне этот всадник? Не вестник ли нового мира? Значительно, что первым буддийским знаменем является именно облик Майтреи.

В Маульбеке^[146] мы побывали в типичном тибетском доме старого уклада. Взошли по приставной лестнице, как по подъемному мосту. Домашняя моленная, запах курений. Степенная вдова – хозяйка. С балконов – прекрасный вид со всеми горами и фантастикой песчаных изваяний. Тихие горницы. На полу, около двери, девушка выжимает растительное масло для лампад. За спиной у нее шкура яка, на голове тяжелый убор из бирюзы.

В Драсе лишь первый знак Майтреи. Но в древнем Маульбеке гигантское изображение Грядущего стоит властно при пути. Каждый путник должен пройти мимо этой скалы. Две руки к небу, как зов дальних миров. Две руки вниз, как благословение земли. Знают, Майтрея идет. Не об этом ли гигантском изображении писал Фа Сянь^[147] в своих дневниках? Похоже!

Монастырь Маульбек с двумя храмами и бесчисленными развалинами венчает скалы необычно героическим аккордом. Как драгоценный бронзовый слиток! И спит страна забытого геройства. Забыта легенда Геродота о муравьях, приносящих золото с берегов Инда. Но кто-то помнит об этом золоте. И Гессер-хан^[148] в срок обещает открыть золотые поля людям, которые сумеют достойно встретить грядущее время Майтреи – век общего блага. Век мировой общины, завещанный самим Буддою.

Ладакские погонщики буддисты перед каждой едой моют руки, голову и полощут рот. И поют звонко и радостно. И мой черный конюх начинает пляс по дороге. Идем весело. Замечаем краски и профили скал.

Те, кто строил Ламаюру^[149] и Маульбек, знали, что такое истинная красота и бесстрашие. Перед таким размахом, перед такой декоративностью тускнеют итальянские города. И эти торжественные ряды ступ, как радостные светильники, на турмалиновых песках. Где вы найдете такую декорацию, как замок «Тигровая вышка» или бесчисленные развалины замков около Тибетского Карбу, увенчавшие все утесы? Где же страна, равная этим забытым местам? Будем справедливы и преклонимся перед истинной красотой.

Поразительно! В Ламаюре, в этой твердыне не только красной секты и даже бон-по, в ряду прочих изображений стоит большое изображение Майтреи. Поставлено около 200 лет назад. Даже сюда проникло это знание. Только Майтрея прочно связывает махаяну с хинаяной, включая Цейлон. В этом почитании соединились желтая и красная секты. Есть величие в этом почитании будущего.

Встречные караваны приветствуют друг друга. Всегда спросят: «Откуда?» Никогда не спросят: «Кто вы?» Личность уже тонет в движении. Над караваном несутся возгласы «шабаш», т. е. хороший конец, или «каварда», то есть опасность, внимание. И правда, по крутым откосам желто-гремящего Инда всегда могут быть жесткие потоки щебня, могущие смести коня в кипень потока.

Саспул, открытое, веселое место. Кругом много монастырей. При самой дороге маленький монастырь, а в нем гигантское изображение сидящего Майтреи. По бокам тоже гиганты –

Манджушри^[150] и Авалокитешвара. В переднем храме древняя каменная стела с теми же изображениями (век X или ранее). Лама при храме сознательно говорит о Майтрейе. Храм этот мало отмечен описаниями.

Майтрейя стоит как символ будущего. Но видели и знаки прошлого. На скалах изображения оленей, круторогих горных козлов и коней.

Где мы видели такие же изображения? На камнях Северной Америки, на сибирских скалах. Та же техника, та же стилизация и то же уважение к животным. Людских изображений мало. Видели лишь одного стрелка из лука и какую-то вереницу людей, может быть, ритуальную. Через эти изображения Америка и Азия протягивают руку друг другу. На стене полугрота, где мы остановились на отдых, рука неведомых путников также оставила изображение животных.

Базго – старинный монастырь на острых скалах. Такую причудливую линию без всякой мелочности – редко встретишь.

В деревнях ладакских не пахнет гадко. Наоборот, часто слышны запахи курений, дикая мята, шалфей, яблоки и абрикосы.

Прошли Калацзе. Там на мосту была прибита рука «разбойника» Сукамира, пытавшегося завоевать Ладак для Кашмира. Кошка съела кровожадную руку, и пришлось позаимствовать руку у умершего ламы, чтобы символ не пострадал. В Калацзе – уже миссионеры.

Расположение станов от Шринагара до Лэ: Гандербал, Канган, Гунд, Сонамарг, Балтал (Соджи), Матайан, Драс, Карбу, Каргил, Маульбек, Тибетское Карбу, Ламаюра, Нурла, Саспул (Базго), Ниму. Последний можно пропустить, если ночлег в Лэ подготовлен.

Пшеница не боится 12000 футов (~ 3600 м) высоты, а ячмень освоился с 15000 футов (~ 4600 м). Лошадей вместо овса кормят ячменем. Какой-то ветеринар доказывал, что ячмень очень вреден коням, но весь Тибет на деле доказал обратное.

За время войны и революции усилилась торговля Туркестан – Индия. В Лэ назначен особый торговый агент, бывший политический инспектор Гилгита.

Ягнятники бородатые, орланы и пустельги коричневым золотом летают на сапфирах и турмалинах гор.

На Новый год тибетцы приносят Будде свежепроцветшую зелень, ведь тибетский Новый год в начале февраля. В это время в Лхасе уже готовятся к полевым работам. Чем же лучше и свежее, как устремление поднести Будде, нежели свежие ростки, эти первые вести проснувшейся жизни?

Или брать так, как есть, в полной действительности, или предаться в личное суеверие. Конечно, драгоценна действительность. Но тогда нужно взять истинные жизненные факты. Эти факты принесут и трогательную зелень Будде; принесут и мечты о единении народов. Принесут построение новых союзов. А другие факты покажут, как мелко благополучие бухгалтера и лицемерны поцелуи Лиги Наций. А проверить эти факты можно лишь в пустыне, вне пределов досягаемости, вне сферы влияния; где нет ни клеветников, ни лжецов; где думается все заново; где решения не зависят ни от каких изжитых постановлений.

Смотрим на неисчерпаемо богатые формы скал. Замечаем, где и как рождались образцы изображений символов. Природа безвыходно диктовала эпос и все его богатые атрибуты. Нужно показать, как вливаются формы изображений в горную обстановку. Именно эти формы, нарочитые на Западе, здесь начинают жить и делаются убедительными. То вы ждете появления Гуаньинь, то готова разрушительная стихия для Лхамо,^[151] то лик Махакалы^[152] может выдвинуться из массива утеса. И сколько очарованных каменных витязей ожидают освобождения! Сколько заповедных шлемов и мечей притаилось в ущельях! Это не неправдоподобный Дюрандаль^[153] из Рокамадуры, это подлинная трагедия и подвиг жизни. И

Бругума^[154] Гессер-хана сродни Брунгильде^[155] Зигфрида. Изворотливый Локи^[156] бежит по огненным скалам. А под огромным баньяновым деревом сидит в оранжевом плаще саньясин,^[157] тот самый и так же точно, как во времена Готамы Будды.

По горам звучит «Ковка меча» и «Клич Валькирий», и «Заклятие огня», и «Рычание Фафнира». Помню, как-то Стравинский собрался уничтожить Вагнера. Нет, Игорь, этот героический реализм, эти созвучия подвига не уничтожить. И музыка Вагнера тоже настоящая, и в горах она звучит необычайно. Регтаймы, фокстроты Вагнера не поглотят. На утесах Тироля и на пизанской вилле Вагнер исполнился настоящего энтузиазма, и его объем годится для высот Азии. А человечество все-таки живет красотой.

Необыкновенный огонь в местечке Ниму. Я был разбужен криком Е. И.: «Огонь, огонь!» Просыпаюсь, вижу силуэт Е. И. на фоне колеблющегося синеватого пламени. Постепенно огонь прекратился. Оказывается, когда Е. И. подошла к постели и прикоснулась к одеялу – вспыхнуло синеватое пламя, теплое, без запаха. Е. И. пробовала тушить руками, но пламя разгоралось все сильнее, и тогда она крикнула мне. Огонь прекратился так же, как и начался, без малейшего следа на вещах. Незабываемо это перебегающее пламя, неопалюющее и яркое. Палатка была вся освещена. Как всегда при феноменах, лишь после мы могли обсудить необычайные подробности этого огня.

Д-р Франке^[158] приводит рассказ его тибетского спутника в верховьях Инда при виде некоторых высот: «За ними лежит Ба-юль, страна высоких существ. Только высоко развитые люди могут нечто узнать о жизни в этом Ба-юль. Но если простой человек приближается к снеговым границам, он иногда слышит только непонятные ему голоса».

Ладакская песнь:

Через врата Востока вошла индийская вера.
Скажите, прошли вы путь священного слова?
Персидское царство строит врата Юга.
Следовали вы ими?
Небесная весть Китая открывает нам западные врата.
Как вы прошли путь китайского знака?
И врата Севера принадлежат Гессер-хану.
Как прошли вы путь удара меча?
Прошли ли вы через врата, ведущие к Лхасе,
куда ведет путь искателей истины?
Восток – врата Индии.
Там, почитая священное слово и обычай, отдохнули мы.
Персидское государство владеет воротами Юга.
Там мы почтили границу благородных.
Небесная весть Китая открыла нам западные врата.
Подтверждая сроки, нам дала счастье.
Врата к воителю Гессеру на севере.
В звоне мечей мы прошли эти народы.
И вратами Лхасы, ища истину, мы прошли,
в молчании испытывая дух наш.

Географические странности песни, очевидно, происходят от разноплеменных наслоений.
Вот красивая ладакская песнь:

Кто удостоен мудростью, а кто лишь приходом сюда.
Некоторые вообще ничего не могут,
потому нужно испытать себя здесь.
Если кто уже приходит с мудростью, в том особое благо.
Нуждается высокий в мудрости девятизначной?
И нуждается ли в том же посредственный?
Приходите ли вы как друзья высокого рода
или вам нужен лишь кошелек?
Пришли вы без угрозы?
Хотите ли договор дружбы?
Есть три рода врагов.
Есть три рода друзей.
Хотите ли их перечесть?
Есть три врага:
Враг, который посылает болезнь,
Враг, ненавидящий дух,
Враг, мстящий кроваво.
Мы не врагами пришли,
Мы вам друзья.
Трех друзей называем:
Освободитель наш Будда,
Союз дружной семьи,
Любви и крови союз.
Вот три рода друзей.
Именно так.

Вспоминаем прекрасную книжечку Клода Брэгдона «Эпизоды из незаписанной истории». [\[159\]](#) Могли бы доставить ему еще несколько эпизодов. Всегда приятно встретиться с Брэгдоном. Все, что он делает, так искренно и так тонко.

Обратите внимание на сочетание Гуаньинь, Арья-Бало – Авалокитешвара. Гессер настаивает на постройке храма Арья-Бало.

Имя Гессера дошло до Волги (Астрахань).

Гессера объединяют с Ассуром. [\[160\]](#)

Храм Гессер-хана был выстроен на месте явления Авалокитешвары.

Ордосцы ставят перед домом знамена пятицветные – в цвета радуги, ожидая приход великого существа – «Тенгирас Очиртай».

Настоятель монастыря Утайшаня в книге «Красный путь в Шамбалу» описывает многие подробности пути в это заповеданное место. В конце характерна подробность, что путник видел на самой границе охраненного места караван монголов с солью, причем они не подозревали близости жилья.

Бурятский лама сообщает, что когда он шел в Шамбалу, то его вели подземным ходом. Ход иногда так сужался, что с трудом могли протолкнуть племенного барана, которого вели в заповеданное место.

Монгольские ламы указывают несколько «охраненных» мест в пределах Хангая и Гоби. Туда приходили спешные посланцы из Гималаев.

Около Калацзе указывают многие места, посвященные имени Гессер-хана: 1. Гаруда –

Гессер-хана; 2. Седло Гессера; 3. Бубен Бругумы – жены Гессера; 4. Прялка Бругумы; 5. Замок Гессер-хана – высокая скала, белое пятно является знаком двери.

У Сумура на скале изображение увенчанного льва. Этот лев – на тибетских военных знаменах.

Монголы говорят о скором приходе «Меру».

Весною в Ладаке бывает праздник Гессера с пеньем и стрельбой из лука. Из названий песен сплетается целый венок Гессера.

Запомним названия: «Гессер-победитель», «Гессер и клад великанов», «Мудрость Бругумы», «Отец и Мать всемогущие», «Возвращение Гессера и Бругумы», «Голоса неба», «Заклятие стрелы», «Четыре победы Гессера», «Молитва Гессера на вершине Шрар», «Гессер – владыка молнии», «Победная песня Гессера», «Хвала Гессеру».

Одни названия являют путь народного сознания, народного достоинства и месту о герое свободы.

И ладакцы и монголы ждут борцов и строителей жизни. Наделяют их не только львиным мужеством, но и змеиною хитростью и неутомимостью оленя. Как чудесно наблюдать рост сознания и чеканку его в героических символах!

Изображения на скалах можно отнести к трем периодам: неолит, древняя вера бон-по, суеверия более позднего времени. В самой технике изображений можно отличить твердую, сочную стилизацию древности и более сухую, резкую линию поздних рисунков.

Имя Ориона часто связывается с повествованиями о Гессер-хане. На Алтае гору Белуху называют Уч-Сюре. Уч-Орион. Сюре – жилище богов, соответствует монгольской Сумер и индийской Сумере. На горе Уч-Сюре восходят по белому хадаку. Небесная птица на горе Уч-Сюре победила дракона. Цаган-убугун – белый старик – всегда близок к Большой Медведице.

Говорят в караванах, что монгольские солдаты – цирики – носят особые знамена и поют сложенный ими гимн о наступлении времени Шамбалы.

Из края в край, из уст в уста.

Не хочется давать здешним изображениям этнографический или этнографический характер. Пусть они идут как знамена: «Святыни и твердыни». Пусть своим общим тоном героизма и подвига они скажут об этом крае.

Могущественен монастырь Спитуг. Первый – из учения Дзон-Капы. Не развалины, но живая и работающая община. Настоятель монастыря и его сотрудники знающие и поражающе понятливы. Вы еще не кончили мысль, а они уже готовы продолжить ее правильно. В Спитуге изображение Майтрейи и знание пророчеств. В отделении Спитуга в Лэ, в особом помещении стоит большое изображение Дуккар – Матери Мира, с бесчисленными глазами всеведения и со стрелой справедливости. По левую руку – многорукое изображение Авалокитешвары, этого коллектива Братства Великой Общины. Запомните такое сочетание этих трех символов. Это сочетание не было отмечено и объяснено.

Хороша стенопись в обоих Спитугах – крепкие тона и чутье пропорций. Обещали достать нам того же художника, который писал эти звучные стены.

К нашей стоянке подъехал миссионер из Яркенда. Только что на яках перешел Кардонг и потерял понятие о времени. Часы у него остановились. Повторял: «Потрясающе трудный путь». Говорил, что особенно труден Кардонг и Сассер. Каракорум хотя и выше, но легче. Хвалил народ Туркестана. Сообщил, что амбань уже ждет нас и считает своими гостями.

Прекрасно расположен монастырь Ше в семи милях от Лэ. Огромная, в два этажа фигура Будды. Лучшая стенопись из всего виденного.

В Трикше тоже большие изображения Будды, Майтрейи и Манджушри. Живопись несколько проще. Хороших приветливых лам не видели. Был только один монгольский старый

лама, но, видимо, не вполне нормален, судя по его страшному смеху.

Нужно видеть и обратную сторону буддизма – поезжайте в Хеми. ^[161] Подъезжая, уже чувствуете атмосферу мрачности и подавленности. Ступы с какими-то страшными ликами – рожами. Темные знамена. Черные вороны летают вокруг, черные псы гложут кости. И ущелье тесно смыкается. Конечно, и храмы, и дома – все скучено вместе. И в темных углах навалены предметы служения, точно награбленная добыча. Ламы полуграмотны. Наш охотник проводник смеется: «Хеми – имя большое, а монастырь маленький». Конечно, маленький не размерами, но внутренним содержанием. Вот оно – суеверие и корысть! Лучшее было, что на близкие острые скалы утром выходили олени и долго стояли, поводя головой навстречу солнцу.

Монастырь старый. Основан большим ламою, оставившим книгу о Шамбале. И лежат эти манускрипты под спудом; может быть, кормят собою мышей.

О манускриптах о Иисусе сперва полное отрицание. К нашему удивлению, отрицание прежде всего идет из миссионерских кругов. Потом понемногу ползут отрывочные, боязливые сведения, очень трудно добываемые. Наконец, выясняется, что о манускриптах слышали и знают старые люди Ладака.

Такие документы, как манускрипты о Христе и книга о Шамбале, лежат в самом «темном» месте. И фигура ламы – составителя книги о Шамбале стоит, как идол, в каком-то фантастическом уборе. И сколько еще других реликвий погибает по пыльным углам. И тантрикам-ламам нет до них дела. Надо было видеть и обратную сторону буддизма.

И как легко убрать эту грязь и пыль изуверства! Как легко привести в порядок звучную стенопись! Как легко очистить тонко сделанные статуи! Не трудно вернуть организации монастырей к смыслу трудящихся общин, по завету великого Льва (Синха) – Будды.

«Я ладакский король», – к нам пришел худощавый, стройный человек в тибетском костюме. Это бывший король Ладака, завоеванного кашмирцами. Тонкое, интеллигентное лицо. Сейчас имеет очень ограниченные средства. И вот мы сидим за чаем, говорим о том, как нам нравится его страна и как мы полюбили его народ, отмеченный спокойностью и честностью. Говорим об учении. Гость тонко замечает о том, что желтая и красная секты во многих отношениях теперь почти одно и то же. Говорим о старинных вещах, о тонкости работы. Король приглашает осмотреть его дворец, высоко поднявшийся на скале над Лэ.

Ходим по крутым, осыпающимся лестницам. Минуем темные переходы. Застываем от радости на террасах и балконах, где раскинулся вид на все горы и песчаные взгорья. Сгибаемся, входя в низкие дверки, ведущие в домашний храм. Храм посвящен Дуккар – светлой Матери Мира. В середине опять ее изображение. По правую руку – Будда.

Хотя король сейчас живет в Доге, в летнем помещении, но перед изображениями стоят свежие цветы. По стенам висят много очень тонких колоритных знамен. Общий уровень живописи здесь выше, чем в Сиккиме. Большое влияние Ташилунпо.

Около дворца в отдельном храме помещается гигантское изображение Майтрейи. Стенопись там очень величественна. Часто стенопись Италии или русских церквей бывала или мелка или обща по пятнам; но здесь бросилось в глаза необычное сочетание широты понимания общих пятен с богатыми деталями. Изображение Майтрейи – на двух этажах. До пояса – на нижнем, Лик – на верхнем. Может быть, это разделение статуи сделано позднейшими соображениями, но идейно оно очень знаменательно. Приходящий человек как бы не мог охватить сразу все величие символа. Надо подняться на следующий этаж, чтобы достичь Лика – как бы высшего мира. Нижний этаж тонет в сумраке, а наверху через узкие окна (без стекол) вливаются лучи яркого, всепроникающего солнца. Опять около вас многообразие ступ, сверкающий песок и причудливой работы ворота.

Приходит монгольский лама и с ним новая волна вестей. В Лхасе ждут наш приезд. В

монастырях толкуют о пророчествах. Отличный лама, уже побывал от Урги до Цейлона. Как глубоко проникающая эта организация лам!

Толкуем с ламой про бывший с нами случай около Дарджилинга. Надо записать. Ехали в моторе около монастыря Гум. Навстречу показался в портшезе, несомый четырьмя слугами в белых одеяниях, лама в чудесном, прекрасном облачении с короной на голове. Светлое, приветливое лицо с небольшой черной бородой. Мотор должен был задержаться, и лама улыбался и радостно кивал нам головою. Мы думали, что это важный настоятель большого монастыря. После узнали, что в портшезе лам не носят. Корону в пути ламы не надевают. И в таких прекрасных одеяниях ламы в Сиккиме вообще не появляются. Никто о таком ламе не слышал, и подобного лица мы нигде не нашли. Шофер задержал машину, объезжая ламу, что позволило четко заметить лицо его.

Последнее бегство таши-ламы носило героический характер. Триста вооруженных лам сопровождали идейного беглеца. Каждый из них и сам таши-лама вел в поводу запасную лошадь, ибо бегство было быстрым и отовсюду грозила погоня. Вовремя получилась весть о пятистах лхасских всадниках, спешивших перерезать путь из Лхасы на перевал Нагчу. Успели свернуть в сторону и пробраться ущельем. Поднялась снежная буря, и погоня была отрезана.

Так, в полном вооружении, при непрестанной скачке, совершился исторический выезд – исполнение древних пророчеств, таких значительных для будущего. По свидетельству очевидца – монаха-живописца гелонга^[1621] Чампа Таши, таши-лама взял с собою из Ташилунпо только картины Шамбалы. Из них две он дал по пути известным хутухтам. И в Ладаке, здесь, был Ринпоче из Чумби, который говорил, что теперь единственный кратчайший путь – через Шамбалу. Во многих монастырях воздвигаются и возобновляются изображения Майтрейи.

По рукам местных жителей ходят пророчества и новые указы. И они готовятся и ждут, ждут, ждут...

Кто-то приходит вечером и шепчет о новой рукописи о Шамбале. Просим его принести ее. Нужно побывать здесь, чтобы понять происходящее. Нужно заглянуть в глаза этих приходящих, чтобы понять, как насущно для них значение Шамбалы. И сроки событий для них не любопытная странность, но связаны с построением будущего. Если даже иногда эти построения запылены и извращены, но сущность их свежа и движет умы. Следя за развитием мысли, вы познаете мечты и надежды. Из этих фрагментов сложится реальный отъезд таши-ламы, многозначительный, полный возможностей. Новая пряжа мира.

За три года до отъезда таши-лама велел расписать стены его внутренних помещений. В этой росписи в ясных символах изображены странствования таши-ламы в некоторых странах.

По всему Ладаку рассеяны камни с изображением креста, вероятно, друидическими или несторианскими. Эта древнейшая и теперь заброшенная страна хранит знаки друидов и всевозможные позднейшие символы.

Недалеко от места Будды имеются древнейшие могилы. Их называют древнедардскими могилами. Время их, конечно, значительно старше тысячелетия.

В один день три сведения о рукописи об Иисусе. Индус говорит: «Я слышал от одного из ладакских официальных лиц со слов бывшего настоятеля монастыря Хеми, что в Лэ было дерево и маленький пруд, около которого Иисус учил». (Какая-то новая версия о дереве и пруде, ранее не слышанная.)

Миссионер говорит: «Нелепая выдумка, сочиненная поляком, сидевшим в Хеми несколько месяцев». (Спрашивается, зачем сочиненная? Почему совпавшая с другими версиями и доводами?)

Еще один говорит: «Этот манускрипт, не есть ли это несторианское предание? Среди них были очень древние и подлинные. Но миссионеры об этом ничего не знают».

Так обсуждается манускрипт. Так медленно выплывают сведения. Главное же – необычайная глубина текста и прекрасное отношение к нему со стороны лам ко всему Востоку.

Хороший и чуткий индус значительно говорит о манускрипте жизни Исссы: «Почему всегда направляют Исссу на время его отсутствия из Палестины в Египет? Его молодые годы, конечно, прошли в изучении. Следы изучения, конечно, сказались на его последующих проповедях. К каким же истокам ведут эти проповеди? Что в них египетского? И неужели не видны следы буддизма, Индии? Не понятно, почему так яростно отрицается хождение Исссы караванным путем в Индию и в область, занимаемую ныне Тибетом».

Учения Индии славилась далеко; вспомним хотя бы жизнеописание Аполлония Тианского и его посещения индийских мудрецов.

Другой собеседник напоминает, что в Сирии найдена плита с вырезанным эдиктом правительства о преследовании Иисуса как врага правительства. Эта археологическая находка любопытна для тех, кто отрицает историчность Иисуса-Общинника. Не то ли самое подтверждают маленькие особые монетки – знаки, употреблявшиеся первыми христианами в катакомбах. А древнейшие катакомбы еще существуют до сих пор.

Есть такие любители нагло отрицать, если что-нибудь трудно принимается их сознанием. Но ведь тогда и знание обращается в семинарскую схоластику, а природная потребность клеветы достигает высокой техники. Каким образом недавняя подделка могла проникнуть в сознание всего Востока? И где тот ученый, который написал длинное изложение на пали и по-тибетски? Такого не знаем.

Лама каждый день удивляет и радуется нас. Столько он видел, столько он знает и так определенно разбирается в людях. Только что принес сведения, что одно очень близкое нам имя упоминается в старых пророчествах. Нет в ламе ни чуточки ханжества, и для защиты основ он готов и оружие взять.

Шепнет: «Не говорите этому человеку – все разболтает», или: «А теперь я лучше уйду». И ничего лишнего не чувствуется за его побуждениями. И как легок он на передвижение!

Лэ – место замечательное. Здесь предание соединило пути Будды и Христа. Будда шел через Лэ на север. Исса беседовал здесь с народом по пути из Тибета. Тайно и тщательно хранимые предания. Трудно нащупать их, ибо ламы умеют молчать лучше всех людей. Только найдя общий язык – не только внешне физический, но и внутреннего понимания, можно приблизиться к их многозначительным тайнам. Как пришлось убедиться, каждый образованный гелонг-монах знает очень много. Даже по глазам не догадаетесь, когда он согласен с вами или внутренне смеется над вами, зная более, чем вы. Сколько у этих молчаливых есть рассказов о проезжих «ученых», попавших в самые смешные положения. И сколько ошибок незнания вынесла печатная бумага Европы. Пришла пора просветления Азии.

Прекрасные голоса у ладакцев. Наряды – странно напоминают русско-византийские уборы. Часто вместо шкуры за плечами – расшитая узорами матерчатая накидка, дающая впечатление древнего корзно (византийская мантия-накидка). Высокие, расшитые шапки, точно боярские. За поясом металлическое хранилище для пера и пара свирелей, наполняющих вечернее время зовущими мелодиями. Во время полевых работ – на головах венки из ячменя и цветов. И песни – такие звонкие, радостные, как природа Ладака.

Опять приехал король Ладака. В результате мы поживем в его замке. С этого места поучений Исссы, с террас высоких, надо написать серию всего, что видно оттуда. На высоких, очищенных ветрами местах бывали знаки больших общений. Конечно, места изменились: разрушения и созидания сменяли друг друга. Завоеватели наносили новые нагромождения, но основной силуэт остался невредимым. Горные обрамления так же как и прежде венчают землю, те же сверкающие звезды и волны песков, как застывшее море. И оглушающий, отрывающий от

земли ветер...

Вот и место Будды. Оно изглажено временем. Предание говорит об «очень большом и древнем строении», но теперь лишь устои утесов и щебень напоминают о разрушении. Старые тесаные камни пошли на постройку позднейших ступ, которые в свою очередь успели рассыпаться. Одно лишь обстоятельство несомненно – вы стоите на месте древнего строения. Невдалеке старинная деревня и остроконечная груда развалин – остатки древнего укрепления, слившегося как монолит.

Дни заняты водворением в ладакском дворце. Приходят толпы народа, послы из Лхасы, тибетские торговцы, старшина-аксакал, тасильдар (кашмирский уездный начальник) и опять – король Ладака.

Пришел сам старый король-лама. Несмотря на бедность, с ним пришло до десяти провожатых лам и родственников. В беседе выяснилось, что семья короля знает рукописи об Иссе. Они же сказали, что многие мусульмане хотели бы завладеть этим документом. Затем беседовали о пророчествах, связанных с Шамбалою, о сроках, о многом, что наполняет действительность красотой. Уходит король-лама, и толпа в белых кафтанах почтительно склоняется перед ним. Просто и красиво.

Так же просто вчера на улице женщина, возвращаясь от жнивья, подошла и протянула руку в рукопожатии приветя. Теперь они жнут золотой ячмень. Вереницы людей, с венками цветов на головах, несут за спиною связки золотых колосьев и поют звонко и радостно, поют золотыми полноголосными гирляндами.

Живем в ладакском дворце. Развалины итальянских замков бледнеют перед этим живописным нагромождением, вознесшимся среди чаши разноцветных гор. Где мы встречали такие высокие террасы крыш? Где мы ходили по таким разрушенным закоулкам? Это было на картине «Мехески – лунный народ». Да, это те самые башни. Только здесь живут не мехески, а потомки Гессер-хана. Короли Ладака ведут свое происхождение от героического Гессер-хана.

Как прекрасно, что Юрий знает все нужные тибетские наречия. Только без переводчика люди здесь будут говорить о духовных вещах. Сейчас нужно брать – в полном знании, в ясном, реальном подходе. Любопытство – неуместно. Только настойчивая любознательность!

Восьмого сентября – письма из Америки. Многие вести нас здесь уже не застанут. Письма шли шесть недель – удачно попали на пароход.

В комнате, избранной как столовая, на стенах писаны вазы с разноцветными растениями. В спальне – по стенам все символы Чинтамани, камня сокровища мира. И черные от времени резные колонны держат потемневший потолок на больших, берендеевских балясинах. Низкие дверки на высоких порогах, и узкие окна без стекол. И вихрь предвечерний вольно гуляет по переходам. Пол покрыт яркендскими цветными кошмами. На нижней террасе лает черный пес Тумбал и белый Амдонг. Наши новые спутники. Ночью свистит ветер и качаются старые стены.

Пишу в верхней палате, имеющей выход на все крыши. Двери с широкими резными наличниками, колонны с тяжелыми расписными капителями. Приступочки, ступеньки и патинированный временем темный потолок. Где же я уже видел эту палату? Где же уже играли те же пестрые краски? Конечно, в «Снегурочке» – в чикагской постановке. Входят мои и говорят: «Вот уж подлинный Берендей в своей собственной палате».

Кончилась «Берендеевка» раньше, чем думали. Осень не ждет. Надо пройти Каракорум до осеннего северо-восточного ветра. Путь на Шайок^[163] хорош, но длиннее на неделю; кроме того, жители разобрали мосты на топливо, а вода поднялась на человеческий рост. Остается путь через Кардонг и Сассер перевалами. Много разных повелительных соображений заставляет ускорить срок пути. При большом караване делаешься подневольным.

И с конями, и с мулами, и с яками, и с баранами и со псами по старому пути, но со знаками

новых возможностей пойдём на горы. А там внизу – к пустыням. Неужели сойти с гор? Но стихия песков тоже зовуща, а пустынные ночи и восходы тоже сверкающи. И в этом сверкании красоты – весь смысл и надежда.

Каракорум – «Чёрный трон». За ним Китай – опять старая вотчина Будды.

На красном коне, с красным знаменем неудержимо несётся защищённый доспехами красный всадник и трубит в священную раковину. От него несутся брызги алого пламени, и впереди летят красные птицы. За ним горы Белухи, снега, и Белая Тара шлет благословение. Над ним ликует собрание Великих Лам. Под ним – охранители и стада домашних животных как символы места.

Эта замечательная старинная тибетская картина была принесена нам в последний день жизни в Ладаке.

Кончают грузить яков. Сейчас идем! День сверкающий.

18 сентября 1925,

Ладак

VI. Лэ – Каракорум – Хотан (1925)

18 сентября

Наконец можно окончательно оставить всю кашмирскую ложь и грязь. Можно забыть полуразрушенный Шринагар. Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда население гибнет в заразах и полном оупении. Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть нападение вооруженных бандитов на наш караван с целью задержать его. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершении всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших людей? Можно пожать плечами на <...> невежественность <...>. Даже моравская миссия в Лэ не отстала и уведомила нас о согласии сдать нам один из их домов, если я дам подписку, что не будем заниматься «пропагандой религиозной, полурелигиозной и т. д.». При этом никто не мог пояснить, что значит таинственная «полу... и т. д.». Кто же даст подписку в том, что не нарушит никому не понятных пределов «полу... и т. д.». Обошлись и без помещений миссии – во дворце ладакского короля. Только в горах чувствуете себя в безопасности. Только в пустынных переходах не достигает вас невежественность.

19 сентября

Решительные сообщения приходят в последний час. Так мы узнали о подлинности рукописи об Иссе. В Хеми лежит действительно старый тибетский перевод с манускрипта, написанного на пали и находящегося в известном монастыре недалеко от Лхасы. Наконец узнали преимственность очевидцев. Сказки о подделке разрушены. Есть особый смысл в том, чтобы рукопись сохранно лежала в Хеми, или Хемис. Есть особое значение в том, что ламы так тщательно скрывают ее. Этой рукописи уместно лежать около Лэ, где была проповедь Иссы об общине мира, еще до проповеди в Палестине. Важно лишь знать содержание этого документа. Ведь рассказанная в нем проповедь об общине, о значении женщины, все указания на буддизм так поразительно современны. Понятно, почему рукопись сохранилась именно в Хеми. Это один из старейших монастырей Ладака, счастливо не разрушенный во время нашествия монголов и при гонениях на буддизм невежественными ордами Зоравара.^[164] Укромное положение монастыря, быть может, помогло его сохранности. Путь Великого Общинника проходил из Индии около этого места. Ламы знают значение документа; но почему миссионеры так яростно восстают и порочат рукопись? Неужели общинный облик Иссы и защита женщины им не нравится? Порочить так называемые апокрифы всякий умеет; для порочения много ума не надо. Но кто же не признает, что очень многие «апокрифы» гораздо более основательны, нежели многие официальные свидетельства. Всеми признанная Краледворская рукопись оказалась подделкой, а многие подлинники не входят в чье-то разумение. Достаточно вспомнить про так называемое Евангелие Эбионитов,^[165] или Двенадцати. Такие авторитеты, как Ориген, Иероним, Епифаний,^[166] говорят о существовании этого жизнеописания. Ириной,^[167] во втором веке, знает его, а где же оно теперь? Вместо бесцельных споров лучше, по-человечески, продумайте факты и мысли, сообщаемые в жизнеописании «Иссы (то есть Иисуса), лучшего из сынов человеческих». Оцените, насколько содержание манускрипта близко современному сознанию. И подивитесь, как широко знает весь Восток об этом документе.

В конце концов важен не самый манускрипт, но важнее жизненность этой идеи в умах Азии.

Долго грузились на яков. Кони, мулы, яки, ослы, бараны, собаки – целое библейское шествие. Караванщики – целый шкаф этнографического музея. Прошли мимо пруда, где, по преданию, впервые учил Исса. Влево остались доисторические могилы, за ними – место Будды, когда древний основатель общины шел на север через Хотан. Дальше – развалины строений и сада, так много нам говорящие. Прошли каменные рельефы Майтрейи, при дороге напутствующие дальних путников надеждою на будущее. Остался позади дворец на скале, с храмом Дуккар – светлой, многорукой Матери Мира. Последним знаком Лэ было прощание ладакских женщин. Они вышли на дорогу с освященным молоком яков. Помазали молоком лбы коней и путников, чтобы придать им мощь яков, так нужную на крутых подъемах и на скользких ребрах ледников. Женщины проводили нас.

До самого Кардонга подъем легкий. Жаркое солнце зашло и к вечеру поднялся пронзительный ветер и холод. Лагерь пришлось разбить на голой арктической поляне под режущим ветром. Кашмирцы лукаво не показали ладакцам многие вещи. В сумерках под вихрем шла неопишуемая суматоха.

Над нами стоял запорошенный снегом Кардонг! Он высился недоступно.

20 сентября

Поднялись на яках через перевал в три часа утра. Эти грузные мохначи действительно незаменимы своей мягкой поступью и устойчивостью, конечно, при условии из приручения. Дикий як совершенно неукротим. Однажды тибетцы поставили для китайского полка необъезженных яков и немедленно три четверти наездников оказались сброшенными на землю. Подъем наш был нетруден. Вид с Кардонга величественен, но вся северная сторона Кардонга представляет крутой, мощный глетчер. Спуск очень утомителен и опасен. Пришлось идти и ползти.

Мы видели, как один груженный як сорвался и стремительно полетел по гладкому ребру ледника. Но на самом краю пропасти як весь сжался и крепко уперся своими короткими, крепкими ногами. Многие животные и люди начинают страдать кровотечением и головной болью на подъемах выше 16000 футов (~ 4900 м). На дороге уже видна замерзшая кровь. Уже мелькнул остов павшей лошади. У нас все благополучно. После перевала нам говорят о целом караване, замерзшем на Кардонге; караван балтистанцев, около ста коней, весь найден замерзшим. Некоторые замерзли как бы крича, держа руки у рта. Даже осенью пальцы на руках и ногах очень легко стынют. Приходится оттирать снегом. Рисовать почти невозможно. Можно представить, каково здесь зимою. Но прекрасен этот грозный глетчер! Далеко внизу бирюзовое озеро. Говорят, очень глубокое. Путь весь сложен из гигантских валунов. Обернетесь, и покажется пройденное – непроходимым.

21 сентября

После трудностей перевала – легкий путь. После пронзительного холода – жара и яркое солнце. Жаркие пески и уходящие горы со снежными оторочками. Русла ручьев. Иногда ручеек исчезает в каменистых нагромождениях, и лишь гулкий шум выдает поток невидимой воды. Повсюду терновники, тамариск. И приветливые люди, жители долины реки Нубры. [\[168\]](#) Сама река в разливе бывает мощным потоком. Сейчас, осень, течение разбилось на многие русла, необыкновенно замысловатого и красивого рисунка. Идем дальше обычной остановки.

Ночевали в Террите,^[169] в настоящем тибетском доме. В нашем стане три партии: буддийская, мусульманская и китайская. Не обходится без взаимных недоверий, подозрений. Едят отдельно. Наш старший Лун-по, оказывается, сын лехского старшины и является крупным помещиком. У него всюду поместья и дома: и в Лэ, и в Хеми, и в Террите, и во многих местах Чантанга.^[170] Он рассказывает, сколько монастырей разрушено во время бывших нашествий. В одном из его домов имеются такие развалины, полные обломков статуй и остатков поврежденных книг. Жалеем, что Лун-по пришел к нам только в последние дни. Это он пришел и на вопрос, кто он, гордо вскинул головою и звонко отчеканил: «Бодхи», то есть буддист. Он рассказывает также, что его брат состоит казначеем в Хеми и знает, сколько там скрытых предметов, не показываемых проезжим. Лун-по хочет остаться с нами, он хочет идти по разным странам, хочет учиться русскому, но просит об одном: «Не режьте мою косу!» А коса у него отличная, черная до колен. Мы успокоили его. Никто на его национальную гордость не покушается. Очевидно, он уже знает, что в Китае указано резать косы, а в Тибете запрещено высовывать язык в знак преданности и признательности. А Лун-по в минуту удовольствия любит высовывать широкий, здоровый язык. Он хороший спутник для высот и ледников, но в доме трудно вмещаем. Подходим к его поместью. Он просит не стоять в шатрах, а переночевать в его доме. С гордостью показывает ворота-чортен^[171] с яркой росписью на стене. Здесь много полей и плодовых деревьев. Ночуем в расписной тибетской комнате. Яркий карниз. Широкое окно, низкая широкая дверь с большим кольцом запора. Песочный пол устилается цветными кошмами. В рисунке орнаментов часто повторена свастика. Посредине комнаты грузная колонна и на широкой пилястре изображение Чинтамани – Сокровища Мира.

Каждая тибетская усадьба странно напоминает схему феодального замка. Все жильё обнесено стеною выше человеческого роста. Вход – через плотные ворота. За стеною квадрат внешнего двора – здесь ржут кони и горят огни. Со двора входите как бы в оружейную залу. За нею внутренний двор со многими дверями в хозяйственные, жилые помещения. Оттуда же приставная лестница ведет во второй этаж, тоже со многими комнатами. Такая же приставная лестница ведет на плоскую крышу, откуда открывается широкий вид на все далекие горы, реки и на весь путь. Угол крыши занят парадной расписной горницей, как бы башней. На крышу горницы ведет такая же приставная лестница. Готовые к обороне, независимо стоят тибетские усадьбы.

22 сентября

Ясное утро. По сторонам дороги целые изгороди из терновника. Легкий путь. Впереди золотые пески, а за ними синие горы всех тонов с белыми шапочками раннего снега. Даже жарко. В миле от пути старый монастырь Сандолинг. Мы решили зайти, не там ли наш лама? Между сельских усадеб, через каменистые ручьи, через нагромождения, опасные для ног лошадей – поднялись. Ламы, бывшие при нас в монастыре, не понравились нам. Но за ними есть какая-то невидимка; кто-то много знающий и ведущий Сандолинг по пути будущего.

Ведь Сандолинг является конечным пунктом буддизма перед пустыней, и потому хотелось знать, какие знаки несет этот монастырь. Оказывается, в нем большой новый алтарь Майтрейи. Новое, сияющее крепкими красками изображение. Также имеется отличное изображение Дуккар. Приятно видеть богатое собрание знамен; писаны знамена в Ладаке. Среди них есть очень цветные с разнообразными, фантастическими сюжетами. Все отделаны в яркий шелк. Имеется хорошая библиотека. Настоятеля монастыря мы не видали. Также не нашли нашего ламу. Был и ушел еще рано утром по дороге к границе. Спешим найти его. Большое длинное селение. Еще один дом нашего Лун-по, но мы спешим дальше. Берега ручьев и склоны гор

покрыты белоснежной содою. Синие, малиновые и коричневые наслоения гор показывают насыщенность металлами. Кажется почему-то, что и радий должен быть в этих благословенных и неиспользованных краях.

23 сентября

Пограничное место Панамик. Здесь кончается сфера <...>. Конечно, на картах граница показана через Каракорум, но на высотах никто границ не устанавливал, а люди считают, что это в Панамике. Конечно, «хлопоты» простираются иногда и дальше. За Панамиком, как следовало и ожидать, для нашего дальнейшего прохода «развалился мост». Чиновник «совершенно случайно» удостоверился в проходе нашего каравана. Таинственная починка пути встречалась нами и в других пограничных местах. И полицейский при этом отдавал честь и спрашивал паспорт. Все заботы о «драгоценном здоровье» нам уже знакомы.

Нам говорят, что в селении остановились два саиба из Яркенда. Не успели раскинуть палатки, как они идут к нам – это два шведских миссионера. Один из них болезненный Германсон. Они возвращаются в Стокгольм. Германсон говорит о трудных местах пути. О Китайском Туркестане он говорит без особого энтузиазма.

Против Панамика, за рекою, на фоне красной скалы прилепился монастырь красной секты. На красном фоне гор даже не видно подходов к монастырю. Точно спасаясь от врагов, монастырь взлетел и притаился на невидимом уступе. Далеко влево течет Нубра, а наш путь поворачивает вправо, почти упираясь в гряду скал. Так к вечеру подходим к подножию перевала Караул-Даван. Здесь фантастика горных нагромождений. Останавливаемся у самого начала крутого подъема.

Вечер кончается неожиданной встречей с мусульманином. Вот на границе пустыни разговор идет о Магомете, о домашней жизни Пророка, о его уважении к женщине. Разговор идет о движении ахмадиев,^[172] о легендах, говорящих, что могила Христа находится в Шринагаре, а могила Марии – в Кашгаре. Опять о манускрипте об Иссе в Хемисе. Мусульмане особенно интересуются этой рукописью. Только бы она не была украдена.

Всходит луна и борется с освещением от костров. Наконец пришел лама. Чтобы миновать мост, его провели где-то через поток. В горах всегда так. Даже зная тридцать путей, все-таки не знаете тридцать первого. На перевал лама пойдет ночью, для него справляют фонарь и топор.

24 сентября

Караул-Даван хотя и ниже Кардонга, но нам показался труднее. Особенно свирепы груды огромных валунов при спуске. Какая гигантская работа должна была совершаться, чтобы отполировать и нагромоздить эти тяжелые груды. Около Террита был путь терновника, здесь же начался путь скелетов. Лошади, ослы, яки – во всех положениях, во всех стадиях разложения. Хорошо, что зловоние мало чувствуется в студенном воздухе. Многие остовы застыли в каком-то скачущем положении. Точно последняя скачка валькирий. Между валунами протискиваемся у скал. У Омар-хана пала лошадь. При переправе утонул баран. Неужели великий древний караванный путь вечно спотыкается об эти громады?

Из-за камня поднимается странная фигура в мохнатой яркендской шапке, меховой кафтан, с фонарем. Это лама переделся яркендцем. Ночью луна скоро взошла, и лама благополучно перебрался через гребень перевала. В тот же день – неожиданное открытие. Оказывается, лама отлично говорит по-русски. Он даже знает многих наших друзей. Все это время нельзя было даже предположить такое его знание. Когда при нем говорили по-русски, ни один мускул не

выдавал, что он понимает. В своих ответах ни разу он не показал знания сказанного нами по-русски. Еще раз становится ясным, как трудно оценить размеры знания лам. Только невежественность не понимает двадцатипятивековую организацию. К вечеру – ветер и снег. Слуги и караванщики решают прервать путь в четыре часа, хотя еще два часа можно идти смело. Делаем ненужную уступку и попадаем в полосу первого снега. Ночуем у мощного глетчера среди бесчисленных валунов. Пали еще две лошади.

25 сентября

Подход к перевалу Сассер, выше 17000 футов (~ 5200 м). Полная арктическая тишина. Глетчеры и снеговые пики – красивейшее место. Волны облаков перекатываются и открывают новые, бесконечно новые комбинации космического строительства. Широкие линии, весь орнамент и арабеск сброшен.

Люди делаются более сосредоточенными. Всюду трупы животных. Есть и человеческие могилы, и наши люди пытаются это скрыть от нас, точно это имеет значение. Омар-хан потерял еще двух коней. Начинается пурга. За ночь мы плотно занесены снегом. Вода в кувшинах замерзла. Рисовать невозможно, так быстро коченеют руки. Хорошо, что в Кашмире подбили палатки толстой тканью. меховые сапоги оченьгодились.

Вам, молодым друзьям, напоминаю: запасайтесь одеждой и на жару, а главное – на холод. Холод наступает быстро и пронзительно. Всегда имейте под рукою аптечку – главное внимание зубы, простуда, желудок. Имейте бинты для порезов и ушибов. В нашем караване уже все это пригодилось. Всякое вино на высотах очень вредно. От головной боли – пирамидон. Не следует кушать много. Очень полезен тибетский чай. Это скорее горячий суп, и хорошо согревает, легок, питателен, а сода, в него входящая, сохраняет губы от болезненных трещин.

Не перекармливайте собак и лошадей. Иначе начнется кровотечение, и животное придется приканчивать. Весь путь усеян следами крови. Следует проверить, были ли кони уже на высотах. Многие неиспытанные кони погибают немедленно. И стираются на трудных переходах все социальные различия, все остаются именно людьми, равно работающими, равно близкими к опасностям. Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в пустынях, только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями, где каждый неверный шаг – уже верная смерть. Там вы забудете числа дней и часы, там звезды заблестят вам небесными рунами. Основа всех учений – бесстрашие. Не в кисло-сладких летних пригородных лагерях, а на суровых высотах научитесь быстроте мысли и находчивости действий. Не только на лекциях в тепло натопленной аудитории, но на студеньих глетчерах осознаете мощь работы материи, и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то, еще более значительного и прекрасного.

Опять пронзительный вихрь. Пламя темнеет. Крылья палаток шумно трепещут, хотят летать.

26 сентября

Сассер-Даван встретил нас совсем сурово. Еще до рассвета началась колючая пурга. Подъем на Сассер. Эта гигантская морена вся покрылась леденеющим снегом. Торопились идти, ибо будет еще хуже. Весь путь отмечен многими трупами животных. Обледенелая тропинка по карнизу иногда совсем суживается, оставаясь только шириной для конского копыта. Кони сами идут. Шесть часов шли ледниками. У гегена^[1731] – кровотечение, он упал с лошади. Особенно опасно подыматься по полусферической поверхности шапки глетчера. Сабза, конь Юрия, страшно скользит по зеленоватому льду. Среди глетчеров на момент вспыхивает солнце. Все

белое царство сияет невыносимым блеском. Прямо под нами открывается причудливое черное озерко в белых берегах; и опять все застилается беспросветною пургою. После ледников идем арктическими кряжами. Наконец, к удивлению, увидели пасущихся верблюдов. Они доходят до северного подножья Сассера и обменивают груз, перевозимый конями и яками через Сассер. Некоторые наши ладакцы, идущие впервые через перевалы, никогда не видали верблюдов и опасливо обходят эту долговязую диковинку. Кони храпят. Мой конюх Гурбан оборачивается и грозит кулаком, зловеще твердя: «Сассери, Сассери!»

Прошли мимо Сассер-Сарая – развалившееся каменное каре. Остановились в прекрасной долине по течению реки Шайок. Направо по течению реки идет зимняя дорога на Туркестан. Эта дорога минует перевалы, но зато приходится очень часто переходить реку, а местами даже идти по течению. В сентябре река доходит до плеч и для людей и коней опасна. К тому же этот путь почти на неделю длиннее. Мы пойдем дорогой короче. Неожиданно мы вступаем в узкую расселину между двумя фиолетовыми скалами. Непонятно, до какой степени часто исчезают все признаки пути. Надо не раз пройти этими местами, чтобы запомнить все повороты и изгибы дороги-невидимки.

Прекрасны краски! Позади – белые великаны, и странно понимать, что мы спустились именно с них. Налево – многие остроконечные снеговые пики и желтые взгорья. Прямо перед нами светло-серое русло Шайока с какими-то красными и бронзо-зеленоватыми островками. За ними фиолетовые и бархатно-коричневые скалы. Направо уходит река и крутятся облака снежной пыли. Небо беспокойно. Молочно-белые тучи густыми волокнами лезут из-за Сассера. На один день нужно было поспешить до Сассера, и мы избежали бы снежных преследований. Сентябрьский муссон Кашмира ползет, гонится по горам за нами, превращается из ливня в жестокую пургу. Беспокойствие природы отражается на животных. Кони лягаются, собаки грызутся.

27 сентября

На рассвете опять все замерзло. Все засыпано глубоким снегом; кони дрожат. Им сейчас предстоит еще брод через Шайок. Как черные силуэты, мечутся всадники по светлому берегу. Удачно нашли брод, всего по брюхо коню.

После широкой долины мы сразу окунулись в узкое ущелье. Оно построено необычно фантастично. В голубом ручье трещал ночной ледок. Красные стены полны забелевших трещин – точно страницы рун. Опять неожиданные подъемы и повороты в узких проходах, и мы оказались в широкой долине, окруженной разноцветными горами. Какие-то внутренние богатства отливаются разно-сияющими пластами в склонах гор. На откосах копошатся две длинные фигуры – каждый новый человек поражает в этом безмолвии. Не кладоискатели ли? Нет, это люди какого-то каравана, посланные за корнями и ветками чахлового кустарника для топлива. Здесь всякое топливо кончается и надо запастись им на несколько дней.

Между горами маленькие болотистые озерки. По мшистым берегам бегают проворные кулики. Высота 16 000 футов для них не страшна. Каркают вороны. Очень мало орлов. Из-за отсутствия топлива и мы останавливаемся необычно рано – уже в два часа. Люди пошли собирать в мешки корни кустарника. Как на фресках Гоццоли, стоят группы граненых лиловых гор, рассеченные тепло-коричневыми буграми. Светло-желтая болотная травка покрывает котловину. Необычно резко стоят черные кони на светло-желтом фоне. И кажутся какими-то непомерно большими. Здесь, в просторах Азии, родились сказания о великанах-богатырях. Высота ли, или чистота воздуха увеличивает все размеры, и всадник, поднявшийся из-за бугра, выглядит великаном, а средняя киргизская собака принимает размеры медведя. Велики здесь

масштабы.

Велики должны были быть потоки между горами, чтобы оставить широкие русла, полной обработанной гальки. В Большом каньоне вы чувствуете какую-то трагическую катастрофу, преломившуюся в красоте. Около Каракорума чуете какую-то непонятную вам длительную работу гигантов. Не здесь ли готовили построения грядущего?

Какой ветер! Кожа трескается, лопается, как разрезанная.

Трудно с языками, в караване слышится шесть языков, совершенно между собою несхожих.

Пропал запас сена. Ясно, что погонщики скормили сено своим лошадям. Назар-бей долго кричал что-то. Наконец поняли, что наш повар съел сено. Повар очень обиделся.

Лама сообщает разные многозначительные вещи. Многие из этих вестей нам уже знакомы, но поучительно слышать, как в разных странах преломляется одно и то же обстоятельство. Разные страны как бы под стеклами разных цветов. Еще раз поражаемся мощности и неуловимости организации лам. Вся Азия, как корнями, пронизана этой странствующей организацией.

Удивительно, как быстро ползут слухи, без всякого почтового сообщения. И потом, эти караванные огни, как светляки ночи, собирают неожиданных слушателей. Быстрее вестников разлетаются крылатые вести по базарам и перешептываются за длинной трубкой. Поймите!

28 сентября

Студеная ночь. Все крепко замерзло. Весь день прошел в свете красивых желтых и красных тонов. Сперва шли по крутым осыпям красного ущелья. Миновали старый каменный вал. Остатки укреплений военных или пограничной линии. Внизу переливались желтые, зеленые и ультрамариновые ручейки. Потом перешли на широкое старое русло – нагорье Депсанг. Шесть часов шли мимо всяких торжественных песчаниковых формаций. Они, точно пирамиды великанов, точно города с зубчатыми стенами, точно одинокие дозорные башни, точно ворота в какие-то заповедные страны, точно памятники замолкших боев. В полном разнообразии, никогда не повторенные и расцвеченные бесконечным чутьем. Так бы и остановился здесь на неделю. Но караванщики поглядывают на небо, где ледяной кашмирский дракон уже кажет свои бурные крылья.

Е. И. все десять дней на коне. Она не любит малых решений. Никогда не ездила, а тут сразу верхом через Каракорум. И всегда бодр и готова первая. Даже колено, поврежденное в Кашмире, как-то затихло. Прямо удивительно.

К вечеру дошли до Депсанг-Даван. Стало еще холоднее. Депсангу лучше именоваться Улан Корум, то есть «красный трон». При входе торчит мощный утес, как красная шапка.

Будьте осторожны с горными ручейками. Они радуют своей хрустальной чистотой, но за поворотом, возможно, лежит в воде павшая лошадь или верблюд с окровавленной мордой.

29 сентября

Перевалили Депсанг. Вышли на крышу мира. Иначе и назвать нельзя. Все острия гор исчезли. Перед нами точно покрытие каких-то мощных внутренних сводов. Глядя на эти песчаные своды, невозможно представить себя на высоте 18 000 футов (~ 5 500 м). Бесконечные дали. Налево, далеко, белый пик Гудвина. Направо, на горизонте, громады Куэнь-Луны. Все так многообразно и щедро, и обширно. Синее небо граничит с чистым кобальтом, а бестравные купола-своды отливают золотом, а далекие пики кажутся ярко-белыми конусами. Вереница каравана не нарушает безмолвия самой высокой дороги мира.

Конюх спрашивает: «Отчего здесь, на такой высоте, такая ровная поверхность? Что там внутри находится?»

Прочли латинскую надпись на камне о стоянке здесь экспедиции Филиппи. Люди думают, что здесь зарыто сто ящиков запасов экспедиции.

Очень пронзительный ветер. Торопимся к Каракоруму. Подошли к нему, но переход должны были отложить на утро. Каракорум значит «черный трон». Его черная шапка была видна за несколько миль. А когда мы подошли, было уже темно, чтобы зарисовать или сфотографировать. Вечером решили: вместо Каргалька идти на Сугет-Даван и на Санджу-Даван. Правда, Санджу опять выше 18 000 футов и считается трудным в зависимости от количества снега, но зато мы сберегаем шесть дней. К тому же по пути на Каргальк много воды, и люди жалуются, что им несколько раз в день придется идти в воде по пояс, а в октябре это опасно.

30 сентября

Каракорум. Опять все замерзло. Утро началось колющей вьюгой, все закрылось мглой. Ни рисовать, ни снимать. С трудом иногда смутно маячила черная шапка Каракорума.

Вся видимость сегодня не имеет ничего общего с виденным вчера. Так и шли под пронзительным ветром от 7 до 2-х часов при разреженном воздухе. Сам перевал широк, но не труден. Пешеходам трудно; странно ощущение, что при сравнительно малом движении уже чувствуете одышку. На кряже перевала маленькая пирамида камней. Люди, несмотря на одышку, не забывают прокричать приветствия о преодолении.

Спуск не крут, но ветер все крепчает. Нужно чем-то повязать лицо, тут вспоминается целесообразность тибетских шелковых масок для путешествий. Среди дня снег унялся, и показались чудесные снеговые панорамы. Целые группы снеговых куполов и конусов. Даже птиц нет.

Остановились в шесть часов на широком русле реки. Кругом – глубокое молчание, целый амфитеатр снеговых вершин. Тонкость жемчужных тонов, до сих пор не виданная. Полная луна, и молчание студеной, чистой, непоганенной природы. Прошли самую высокую дорогу мира – 18 600 футов (~ 5 670 м). Перешли границу Китая. Наш китаец задумчиво сказал: «Китайская земля!» – и почему-то покачал головою.

1 октября

Дошли до раздела путей на Кокеяр или Санджу. Против Баксун-Булака чудесная белая гора, такая тонкая, такая нетронутая и нежная в своих профилях. Яркое солнце напомнило замерзшие фьорды Норвегии или голубую сказку зимней Ладоги. Но здесь все шире и мощнее. Перед нами вдали горы, испещренные белыми контурами, как на старых китайских пейзажах. Близко от дороги паслись две тибетские антилопы, одна подняла голову и долго следила за караваном. Буддисты не стали стрелять в них: «Ведь пищи с собой достаточно». Кто-то другой обманет доверчивость стройных животных. На самой дороге лежит осел с благовонным грузом корицы. Где же хозяин? Объясняют, что усталый ослик оставлен отдохнуть до следующего каравана. Диких зверей здесь нет, и никто из путников не нарушит эту своеобразную этику караванов. Видели также на Сассере кем-то оставленные грузы. Не тронуты.

2 октября

В морозном солнце утра перед стоянкой четко вырисовалась снеговая гора Патос. Так назвал высший пик хребта (Патос фонетически, по-местному Ак-Таг) махатма Ак-Дордже, проходя здесь из Тибета. Гора Патос стоит над разветвлением дороги на Каргалык – Яркенд и Каракаш – Хотан. Путь Каргалык – Яркенд ниже, всего два невысоких перевала, но зато много рек. Путь Каракаш – Хотан выше, гористее, перевалы выше, зато короче.

Гора высится конусом, между двух крыльев белого хребта. Лама услышал и шепчет: «Он ^[174] не был против истинного буддизма и говорил: «Истинный буддизм – хорошее учение».

Д. писал об этом в Тибет. Замечательно, Лун-по неожиданно стал русофилом: учится у ламы по-русски. Кричит: «Пора обедать», «Нож», «Чашка», «Вода горячая».

День начался мирно. Шли с семи часов по пологому взгорью Сугет-Давана. Подъем почти не заметен, и не страшно видеть многочисленные скелеты и остовы. Мирность природы заставляет забыть высоту. Около дороги лежит пушистая собачка, совсем как живая. К трем часам незаметно дошли до самого перевала. Всегда полезно спросить о северной стороне перевала. Эта сторона всегда сурова. Так было и здесь. Ровный, легкий путь вдруг обрезался мощным зубчатым спуском. Вдали раскинулись бело-лиловые горы, полные какого-то траурного рисунка. Закрутилась метель, и в прогалины снежной пыли зазвенело беспощадно почти черно-синее небо. Путь замело.

Стопилось четыре каравана. До четырехсот коней. Раньше пустили опытных грузовых мулов. За ними пошли мы. Весь откос заполнился черными зигзагами конских силуэтов. Воздух затрепетал от криков: «Хош, хош!», и все поползли вниз, отступаясь, скользя и толкая друг друга. Было опасно. Люди дивились раннему снегу. Только к 9 вечера при луне дошли до стоянки. Тюрки пререкались с буддистами. Назарбей хотел нас завести куда-то далеко. Китаец с кнутом кидался на него. Людские препирательства передались животным. Кони фыркали. Кончилось дракой собак. Свирепый Тумбал очень повредил Амдонга.

Е. И. едет, не слезая с коня, более 13 часов. Значит, обычная так называемая усталость побеждается чем-то иным, более сильным.

3 октября

Опять груды камней. Показались желтые и красные кустарники. Очень красивы они на тепло-белой пелене песков. Показалась тощая верба у потока. Показались куропатки и зайцы. Но животных поразительно мало. Прошли какие-то странные стены, превратившиеся в груды булыжника. Люди ждут прихода в китайский пограничный пост Курул, или Караул-Сугет. Постепенно спускаемся; уже видны какие-то плоские стены. Вот кто-то выбегает за ворота, суетливо скрылся. Нас выходят встречать.

Посреди широкой жаркой равнины, окруженной снеговыми горами, стоит глинобитный квадрат – Курул. Вдали заманчиво серебрится Кужнь-Лунь. В форте 25 солдат – сартов ^[175] и киргизов и один китайский офицер с секретарем и переводчиком. Оружия мы не видели. Только в тесной комнатке офицера висела огромная одностволка с курком, точно утиная голова. Этим инструментом много не застрелить.

Если бы знал этот китайский пограничный офицер Шин Ло, как мы были тронуты его сердечным приемом. Заброшенный в далекие горы, лишенный всяких сношений, этот офицер своим содействием и любезностью напомнил черты лучшего Китая. Нам это так важно, ведь едем в Китай с искренней дружбой и с открытым сердцем. И встретились и простились с Шин Ло очень сердечно. По дружбе даже разбили палатки на пыльном дворе форта. Люди хотели постоять здесь хотя бы еще один день. Ведь кончилась пустыня. Радуются, а нам жаль чего-то неповторяемого. Кристаллы высот, возместит ли вас кружево песков? Подошли еще караваны. У

костров говор. Говор, улыбки, трубки и отдых. Шепчут: «В Бутане ждут близкого прихода Шамбалы». «Сперва была Индия, потом был Китай, потом Россия, а теперь будет Шамбала».

«В храме под изображением Будды подземное кипучее озеро. Раз в год туда спускаются и бросают в озеро драгоценные камни...»

Говорятся целая сага красоты. Эти костры, эти светляки пустынь! Они стоят как знамена народных решений.

4 октября

Не прошли и мили от Курула, как достигли течения реки Каракаш-Дарья, что значит «черный нефрит». По течению Каракаша добывались известные сорта нефрита, составившего былую славу Хотана. Даже одни из западных ворот Великой Китайской стены назывались нефритовыми, ибо через них ввозили этот излюбленный камень. Теперь в этих местах и не помнят о добыче нефрита. Только цвет Каракаш-Дарьи – такой сине-зеленый – напоминает о лучших сортах нефрита. Быстрая река, веселая река, шумливая река. Здесь не только родина нефрита, но и золота. Каракаш-Дарья делается нашей водительницей на несколько дней. Проходим несколько мазаров, то есть почитаемых мусульманских могил. Можно думать, что их полусферическое покрытие и вышка в центре – не что иное, как форма древнего буддийского чортена. Когда подходили к могиле святого, проводник-киргиз соскакивает с коня и очень красивым жестом приносит почитание. Трудно было ждать от его неуклюжей фигуры такое красивое движение.

Форт Шахидула покинут, это тот же обычный одинокий глинобитный квадрат. Впрочем, в этих местах пушки вообще еще не появились и не угрожали глиняным стенам.

Стало жарко. Высота не более 12 000 футов (~ 3 650 м) и после 18 000 футов чувствуется на дыхании. Получено сведение, что яки для перехода Санджу-Давана готовы. К вечеру поднялся шамаль – северо-восточный вихрь. Впервые мы очутились в настоящей песчаной пурге. Красные горы скрылись, небо стало серым. Высокими плотными столбами поднимался песок и медленно двигался, крутясь и пронизывая все встречное. Палатки пытаются взвиться. Кони понурились, и одна только Каракаш мчалась все такая же изумрудная.

5 октября

Шли весь день по течению Каракаш. Нельзя запомнить, сколько раз переходили через реку. Где по брюхо, и где ниже колена коня. На одном скалистом повороте снесло всю тропинку. Пришлось спешиться и пробраться по отдельным валунам среди рокота течения. Опять жестко-каменистый путь. Две лошади Назар-бея сломали себе ноги. Вчерашний шамаль всюду оставил последствия. Горы затянуты седой дымкою. Весь день в воздухе висит облако всепроникающей пыли. Страдают глаза. Весь колорит изменился. Небо стало лиловым. Только резвая река по-прежнему сверкает зелеными искрами. Появились первые стоянки горных киргизов. Юрты, крытые кошмами, или каменные квадраты, прислоненные к скалам. Зачатки маленьких полей. Низкорослые киргизки в высоких белых уборах, в красных кафтанах, на некоторых маленькие остроконечные красные шапочки киргизов. Лишь бы снимки удались. Живописная группа на лиловом фоне песчаниковых полутонных гор. На крошечном сером ослике женщина в ярко-красном кафтане и высоком головном уборе. На руках у нее ребенок в светло-сером покрывале. Рядом с ней мужчина в зеленом кафтане и красной конической шапке. Над ними тускло-лиловое небо. Кто хотел бы писать бегство в Египет?

Очень круты тропы над самой кипенью реки. Стоянка на песчаной поляне, посреди нее

запыленный караван-сарай. Нет сил остановиться на этом пропыленном дворе. На соседних взгорьях тоже трудно примоститься лагерем. Или сплошной камень, или мягкий переливчатый песок; и то и другое не держит колья и гвозди палаток. Кое-как нашли место. Постепенно обнаруживаются повреждения багажа: то замок сбит, то промочен яхтан^[176] при падении лошади в реку.

Опять костры. Опять собираются какие-то незнакомые мохнатые люди. Вот уже нужно сказать, что никто из этих корявых незнакомцев нам не сделал ничего дурного. Пресловутое воровство киргизское нас не коснулось.

Еще из шепотов у костров: «Бурхан-Булат (то есть меч Будды) появляется в определенные сроки, и тогда ничто не противостоянет ему». «Улан цирик (то есть красные воины) стали ужасно сильными». «Все что ни сделают пелинги^[177] – все обернется против них». «Лет более ста назад два ученых брамина ездили в Шамбалу и направлялись на север». «Благословенный Будда был в Хотане и оттуда решил путь на Север». «В одном из лучших монастырей Китая доктор метафизики – бурят». «В большом монастыре Д. настоятель – калмык». «На картине „Будда Победитель“ из меча Благословенного брызжет огонь справедливости». «Пророк говорил, что Дамаск будет разрушен перед новым веком». Так шепчут паломники по пути в Гайю, Сарнат и Мекку. Длинные вереницы седобородых ахунов^[178] и закрытых женских фигур встречаются на пути. Спешат перед близкою зимою. Это – скорая почта.

День кончался шамалем. Гигантские клубы пыли, точно незримое переселение народов. Надо знать и этот грозный лик Азии. Где же иначе так разительна смена жара и стужи? Где так невыносимы ветры после полуденного часа? Где же так гибельны реки в половодье и так беспощадны пески? Где же золото не убрано по берегам рек? Где же столько черепов белеет под солнцем? Широкая рука Азии.

6 октября

Опять шли течением Каракаша. Пришли в большое старое киргизское кладбище. Мазары с полусферическим сводом. Низкие могилы, уставленные бунчуками с конскими хвостами на концах. Положительно, мазары очень часто – старые буддийские чортены. После мазара расстались с течением Каракаша. Пошли заметно в гору против течения горного ручья. Ущелье постепенно сужалось. Влево в желтой песчаниковой горе увидели пещеры в несколько этажей. Наподобие пещер Дуньхуана.^[179] Местные жители и караванщики называют их старокиргизскими домами. Но, конечно, мы имеем здесь остатки исчезающего буддизма. Подходы ко многим пещерам совсем выветрились. Высоко остались отрезанными входы, как орлиные гнезда. Характерно, что пещеры притаились так недалеко от перевала Санджу, точно защищаясь горами от волн мусульманства. Конюх Гурбан (мусульманин) знает еще такие же пещеры в этих краях, но относится к ним явно пренебрежительно. Но пещеры внушительны.

Несказуемой древностью дышит от этих гор. Песочная дымка точно возносит их в небо. И горы, вместо смысла ограничения и преграды, опять влекут ввысь. Подошли к самой подошве Санджу. Слышно, на перевале снега нет. Но не успеваем получить это сведение, как кашмирский дракон долетает, и все начинает покрываться снегом. Пронзительный шторм. Жмемся в ожидании запоздалых палаток. В темноте доходит караван. Из-за перевала приваливает черная лавина яков и с разбега чуть не сокрушает весь стан. Гомон и шум. Снег и холод. Но стан, прижавшийся в ущелье, имеет необычайно живописный вид. Что-то от старого Босха или Питера Брейгеля. Пламя освещает бронзовые лица. Из тьмы выдвигаются рога черно-невидимых яков. Крылья палаток вспархивают, как птицы. На скале – гигантская тень Омар-хана. Опять шепоты пустыни: «Около священной горы Сабур виден неизвестный древний город. Много домов и

чортенов». Завтра надо вставать со звездами. Путь длинный. Днем и снег и ветер опять начнут надоедать.

7 октября

Дракон все-таки догнал нас, и за ночь все засыпано снегом и примерзло. Пробуем яков. Спешим. Седьмой перевал – Санджу. Самый крутой – 18 300 футов (~ 5 580 м), – но не длинный. Как цепко идут яки; еще раз поражаемся им. У моего яка с шумом лопаются нагрудный ремень седла. Пришлось привязать веревками, одна подпруга не удержит на крутизнах. Опасна лишь самая вершина Санджу. Там як должен изловчиться и перепрыгнуть через расселину между верхними зубцами оголенной скалы. Тут вы должны довериться цепкости яка. Геген упал с яка, но, к счастью, лишь зашиб ногу. Могло быть много хуже. Конечно, на северной стороне оказалось много снега. Пришлось спешиться и, скользя по резким зигзагам, круто спускаться. Не берите горных палок с остриями, гораздо лучше плоский металлический наконечник. В серебряном тумане потонули снеговые горы. Жаль прощаться с высотами, где хотя и студено, но кристально чисто и звонко. Где само название «пустыня» звучит вызовом всем городам, уже превратившимся в развалины или еще не превратившимся.

Отчего же так грустно отдаляться от Куэнь-Луны, от хребта древнейшего?

Начались опять становища горных киргизов. Дети и женщины чисты. Не видно ужасных безобразных накожных болезней.

Внизу в песчаных откосах какие-то темные выбоины – пещеры. Из них вылезают мохнатые яки и переносят вас в доисторические времена. То же самое было и тогда. Посредине нагорья громоздятся желтые обветренные бугры; из них торчат каменные глыбы самых изощренных форм. Носороги, тигры, собаки или какие-то остовы на тронах – все работа давно убежавшей воды. Нагорье ограждено тепло-лиловыми горами. Снегов в направлении пустыни более не видно. Остановились около аула из девяти юрт. Внутри чисто. Приносят дыни, арбузы, персики, получаемые из Санджу-Базара или из Гума-Базараю Горы полны переливчатого эха, лай и ржанье бесконечно гремят по ущельям, как горные трубы. Киргизки показывают вышивки, но не хотят продать; каждая делает их для себя.

8 октября

Короткий спокойный переход. Остановились в 10 милях от оазиса Санджу. Разбросаны одиночные юрты киргизов. Часто здесь один мальчик гонит целый караван верблюдов.

Каждый день приходят к нам пациенты желудочные или простудные. Еще раз почувствовали, что значит великий песок пустыни – всепроникающий, иссушающий, затрудняющий дыханье. Высота пути не более 7 000 футов (~2 150 м). Ведь южная часть пустыни не ниже 4 000 футов (~1 200 м). Становится теплее. Задумана серия картин «Майтрейя». Опять костры. Опять караванные шепоты. «Известный губернатор в Китае приказал сечь китайцев. Ах, как худо! Теперь китайцы высекут их».

«Ринпоче^[180] говорил, что теперь путь только через Шамбалу – это все знают». «Много пророчеств везде закопано». «Три похода монголов». «В пустыне за Керией вышла наружу подземная река». «А как взорвали скалу, а она вся из драгоценных камней». «А там, где не пройти, там можно подземными ходами»...

Много говорят, и будничное сплетается с чем-то великим, предрешенным. Много говорят про подземные ходы, но оно и понятно. Из многих замков, прицепившихся на скалах, были устроены к воде длинные подземные ходы, по которым на осликах привозили воду. Постепенно

перед нами встает новая картина значительных жизней.

9 октября

Санджу – оазис. Мы простились с горами. Конечно, опять придем к горам. Конечно, другие горы, вероятно, не хуже этих. Но грустно спуститься с гор. Ведь не может дать пустыня того, что нашептали горы. На прощанье горы подарили нечто необыкновенное. На границе оазиса, именно на самой последней скале, к которой мы еще могли прикоснуться, показались те же рисунки, какие мы видели в Дардистане,^[181] по пути в Ладак. В книгах о Ладаке такие рисунки называются дардскими, хотя, очевидно, они восходят к неолиту. И здесь, в Китайском Туркестане, на глянцеvито-коричневом массиве скалы опять светлыми силуэтами те же стрелки из лука, те же горные козлы с огромными крутыми рогами, те же ритуальные танцы, хороводы и шествия верениц людей. Это именно предвестники переселения народов. И был какой-то особый смысл в том, что эти начертания были оставлены на границе в горное царство. Прощайте, горы!

Показались кипы тополей и абрикосовых деревьев, а за ними раскинулось царство песков. Это напоминало Египет по Нилу или Аравию. Время завтрака; но скачут какие-то всадники и зовут ехать дальше. Там приготовлен дастархан^[182] из киргизских старшин. На узорчатых ярких кошмах очень картинно разложены горки дынь, арбузов, груш, яиц, жареных кур и посреди – запеченная половина барана. Круглые с дырками и ямочками желтые лепешки точно сорвались с картины Питера Эртцена. Это напомнило милое Ключино, Новгород, раскопки каменного века и радушного Ефима. И здесь те же кафтаны и бороды, и пояса цветные, и шапочки, отороченные мехом волка или речным бобром. И трудно себя уверить, что эти люди не говорят по-русски. И действительно, многие из этих бородачей знают отдельные слова и очень гордятся, если у них есть какая-нибудь русская вещь. Почти совсем не знают Америки. Местное влияние вытеснило всякое представление об Америке. Хорошо бы дать этому народу несколько книжек об Америке, напечатанных по-тюркски. Кто-то должен об этом подумать; ведь когда-то Америка и Азия были неразорванным континентом.

Впервые увидели китайских солдат в мундирах имперского времени с красными надписями вдоль всей спины и груди. Очень оборванные солдаты; киргизы-ополченцы были вовсе без мундиров. Может ли такая армия действовать?

Спросят: где же опасности? Где же увлекательные нападения? Ведь на кладбище в Лэ несколько памятников над могилами убитых путешественников. Правда, что все эти люди убиты кашмирцами и афганцами. Никто не был убит ладакцем-буддистом. И потом есть особая прелесть сознания, что в самом удаленном безлюдии вы целее и безопаснее, нежели на улице западных городов. Полицейский Лондона при входе в Ист-Сайд осведомляется, есть ли у вас оружие и приготовлены ли вы к опасности. Ночная прогулка по окраинам Монпарнаса или Монмартра в Париже или по Хобокену в Нью-Йорке чреваты гораздо большими опасностями, нежели пути Гималаев и Каракорума. А торнадо в Техасе или Аризоне разве не равен вихрю на высотах? К тому же эти опасности природы так веселы по существу, так будят бодрость и так очищают сознание. Есть собиратели жгучих восклицаний опасности, но самый неверный бамбуковый или веревочный мост будит в вас упрямую находчивость. Как жаль из безлюдия спускаться в кишлаки людских толп.

В одном переходе от Санджу уже могут быть буддийские древности.

10 октября

Окунулись в совершенно иную страну. Нет более ладакского героизма. Нет более гирлянд звучного пения ладакцев. Странно, что сильные, приятные голоса слышали лишь у ладакцев. Нет более замков на безводных, отважных вершинах. Нет более субурганов и курганов бесстрашия. Горы ушли в седую серую мглу. Чем же жить и куда взгляд направить? Здесь мирные земледельческие, ничего ни о чем не знающие сарты; забытый оазис. Мирные медлительные тюрки, совершенно забывшие о своем участии в шествиях Чингиса и Тамерлана. Жарко. На Санджу-Базаре – песчано. Из-за глинобитных стен, из-за фруктовых деревьев выглядывает множество лиц, пугливых и прикрывшихся. Целая толпа по краскам похожа на Нижегородскую ярмарку. Приношения – фруктов и жареных баранов. Наконец, привели в подарок киргизскую собаку.

Гремят бубенцы, и на майдан^[183] въезжает китайский чиновник. Опять предупредителен и любезен. Удивлен, что не получил о нас письма от амбана Яркенда, но объясняет, что республиканский Китай отменил особые извещения, если есть китайский паспорт. А у нас пространный паспорт на имя Лолучи, что значит Рерих. Такие ли предупредительные и китайские чиновники более высоких рангов? Хочется, чтобы Китай оправдал наши ожидания. Ведь при выдаче паспорта говорилось о содействии всех губернаторов, о встрече делегации от Пекинского университета... Китайский чиновник говорит о проходе Рузвельтов, повернувших на Яркенд; говорит о развалинах императорского дворца в 12 днях от Хотана, откуда и до сих пор добывают древности. Мы понимаем, что это должно быть Аксу. Скоро вступаем на старую «шелковую» дорогу. Первое место, где могут быть древности. Ведь эти места, так же как и Хотан, упоминаются в литературе за 3 – 4 века до нашей эры. В островах пустыни, в оазисах, укрепились последние толпы перед переселением в неизвестные края. На горизонте стоят тучи, но это не обычные облака, это скалы песчаных вихрей. Верно, где-то был сильный буран.

11 октября

Под щебетанье птиц и блеяние стад, под веселое журчанье арыков мы вышли из Санджу. Скоро повернулись от оазиса, поднялись по песчаному откосу русла и оказались в настоящей пустыне. Холмы легли слабым неопределенным силуэтом. На горизонте дрожит воздух, точно сплетая какие-то новообразования. Развернулся полный узор песков. Это уже именно та необозримость, по которой двигались великие орды. Ведь и Чингис и Тамерлан проходили именно здесь. И так же как на волнах не остается следов от ладьи, так же на песках не осталось никакого намека на эти движения.

Здесь встала вся нежность и вся беспощадность пустыни. И киргиз указывает на дымчатый, розоватый северо-восток – там великая Такла-Макан!^[184] Там захороненные города. Там Куча – столица бывших тохаров.^[185] Известны их манускрипты, но знаете ли, как произносить эти знаки? По аналогиям можно прочесть буквы, но начертание звука пропало. Дальше, там, на склонах гор, Карашар – древнее место. Там долго до сокрытия находилась, по свидетельству китайских историков, чаша Будды, перенесенная в Карашар из Пешавара. А еще дальше – отроги Небесных гор и полунезависимые калмыки, помнящие свою историю, свои горы, пастбища и священные горы. А еще дальше – великий Алтай, куда доходил Благословенный Будда.

Трепещет щит песков. Исчезают текущие смываемые знаки. Расспрашиваем о древностях. Из пустыни уже многое вывезено, но еще большее скрыто песками, и найти это можно лишь ощупью. И сейчас, после сильного бурана, из недр обнаруживаются новые ступы, храмы и стены неведомых селений. По малым признакам скажете ли, где захоронено самое главное? Сами жители к находкам на словах безучастны.

Вдали маячат стада диких куланов. Далеко зачернел силуэт встречного верхового. Издалека

оглядел нас, остановился, слез и расстилает что-то белое. Подъезжаем и видим белую кошму, на ней лежат две дыни, два граната. Это дастархан от неизвестного встречного путника. Неведомая дружеская рука – гостю. Истинная скатерть-самобранка, белеющая среди неизмеримых песков. Привет от неизвестного – неизвестным.

Дошли до Санджу. Населенное. Хозяйственное, запыленное место. Лабиринт глинобитных стенок. На детях уже видны лишай, чего в горах не было. Древностей не нашли. Рассказывают, будто приехали два китайских чиновника и увезли все, что накопилось у жителей из буддийских древностей. Если это верно, то, значит, императорский Китай без знания раздавал свои сокровища, а республиканский Китай начинает понимать значение изучения древних памятников. Надо отметить, если вообще этот рассказ верен и если чиновники не увезли вещи просто в свою пользу.

12 октября

От Санджу до Пиалмы все следовали по той же «шелковой» дороге. И не потому только «шелковой», что по ней шли караваны с шелком, но и сама она шелковая и отливает всеми комбинациями радуги песка. Молочная пустыня с тончайшим рисунком песчаных волн. Ветер несет жемчужную пыль. И она на ваших глазах тклет новое кружево по лицу земли. Стоят старинные верстовые башни, большая часть их полуразрушена. Сзади звенят бубенцы. На большом сером коне догоняет нас сын соседнего амбана. Он едет на побывку в Дуньхуан, в отпуск – путь предстоит около 2 месяцев. Он любопытен, но очень необразован. Дает несколько сведений о Хотане, говорит о древностях Дуньхуана. В Пиалме тоже бывают древности из Такла-Макана.

Переход большой. Шли быстро с 7 до 4 ½ часов, но говорят, что завтра путь будет еще длиннее. Стоит во фруктовом саду. Это лучше, чем в Санджу, где верблюды, ослы, лошади, петухи и собаки неумолчно вместе гремели хором всю ночь.

13 октября

От Пиалмы до Завы около 38 миль. Мы вышли еще до рассвета под знаком Ориона. Первый раз за весь путь увидели любимое созвездие. Опять пустыня. К 10 часам уже жаркая, рдеющая, опаляющая. Стремя обжигает ногу через сапог. А что же здесь делается летом? Недаром летом идут ночными переходами.

По правую руку голубеют взгорья Куэнь-Луня – они напоминают Санта-Фе. По левую руку розовеют пески Такла-Макана – вспоминаю пустыню Аризоны.

Сын амбана поет китайские намтары – сказания о китайских богатырях, с выкриками, с высчитыванием какого-то непонятного темпа, с финальными каденциями. Трудно ассоциировать это с богатырским эпосом.

Под шеями коней звенят нити бубенцов. Качаются красные кисти под уздою. Так же гремели здесь великие орды.

Три голубя давно летели с нами. Откуда быть им в пустыне? Они – вестники, они довели нас до замечательного места, старого чтимого мазара и мечети. Здесь среди пустыни живут тысячи голубей, охраняемых преданием. Каждый путник бросит им пригоршню маиса. Это благое место очень почитаемо. Странной неожиданностью веет от этих несметных стай голубей. Это неожиданный – Сан Марко. Эти голуби – путевестники. Они указывают путь пустынным путникам. Рассказывают: «Один китаец убил и съел такого голубя и немедленно умер».

Кончился день золотою ковыльною степью с барханами в виде курганов. Это начало

Хотанского оазиса. Похоже на Южную Украину. Вечером огорчение – погиб Амдонг. Горная лхасская собака не выдержала жара пустыни. Жаль, Амдонг так напоминал финских лаек; он был такой пушистый и проворный. Остался черный Тумбал. Свирепый и пугающий население. Чтобы не потерять и этого сторожа, завтра его понесут в паланкине.

14 октября

От Завы до Хотана весь путь идет оазисом. Непрерывные селения, маленькие базары и сады. Убирают маис и жито. Быки, ослы и лошади делают всякую домашнюю работу. Опять закрытые лица у женщин. У них маленькие боярские шапочки и белая фата, как на византийских миниатюрах. Постепенно, незаметно въезжаем на базары самого Хотана. Мало что осталось от древнего города. Хотан славился нефритом, коврами, пением. От всего этого ничего не осталось. Ковры – модернизированы; поделки из нефрита – грубы; пение осталось лишь в виде несложных мусульманских песен под игру длиннейшей двухструнной «гитары». Осталось производство шелка, хлопка, маиса и сушеных фруктов. Остались малопривлекательные тесные базары и пыльные закоулки глинобиток.

Древний Хотан лежал отсюда в 10 милях, там, где теперь деревня Яткан. Как часто бывает, наиболее интересные места застроены мечетями и мазарами. Приток древностей из Яткана почти прекратился.

Стоим пока в пыльном квадрате сада в центре города. Пытаемся отвоевать загородный дом. Это вовсе не легко, ибо, очевидно, встречаются чьи-то малопонятные нам противоположные интересы. Китайские власти вначале приличны. Предоставляют почетные караулы, стражу из солдат и беков.^[186] Но осведомляются, долго ли будем жить здесь? Визиты к даотаю,^[187] амбаню и военному губернатору. Всюду чай и тарелочки с нехитрыми сладостями. У военного губернатора – карета зеленая с лиловой обшивкой. У даотая – парная карета, причем на каждой лошади по отдельной дуге. Упряжь вся русская.

Затем завтрак у даотая – продолжается от 2 часов до 6, более 40 блюд. Виктрола гремит китайские легенды и песни. Конечно, сложный ритм и разнообразие инструментов мало передается в трескучих пластинках. Под конец завтрака старый чиновник ямыня^[188] напился и плаксиво бормотал что-то, должно быть, смешное.

Местный купец предлагает: «Вместо найма прислуги, купите дюжину барышень на всю жизнь. Цена хорошей барышни – тридцать рупий». Но мы покупать барышень не намерены, хотя выслушиваем все серьезно, ибо привыкли ничему не удивляться. Хотя продаже людей позволительно и удивиться.

Началось! Приставленный к нам Керим-бек оказался негодяем. Амбань, тупо улыбаясь, говорит: «В доме писать картины можно, а вне дома нельзя». Спрашиваем причины; он опять улыбается еще тупее и повторяет то же самое. Просим его письменно подтвердить его заявление, но он наотрез отказывается. Указываем, что экспедиция послана именно с целью художественной работы и что в паспорте нашем это сказано. Амбань трижды глупо улыбается и повторяет свое необоснованное запрещение.

Самым ярким пятном нашего вступления в Хотан был въезд Тумбала на паланкине. Ладакцы внесли «его мохнатое величество» на базар с громкими песнями. Черное существо насупилось и сидело очень важно. Толпа хлынула к паланкину, но тотчас понеслась по базару с воплями: «Русский медведь!» Все власти, приезжая к нам, считали долгом осведомиться о страшном звере. А военный губернатор, желая осмотреть наше тибетское животное, для верности даже взял Юрия за руку. Отличные сторожа эти тибетские волкодавы.

24 октября

Едем домой от даотая вечером. Воронье кони «почетного эскорта» пугаются и тревожат наших коней. При луне молчаливо стоят вышки с гонгами при конфуцианском храме. За все время эти гонги молчали.

Дорога лежит на север. Прямо впереди, низко над горизонтом, ярко стоит Большая Медведица.

VII. Хотан (1925—1926)

Наши верные ладакцы собирались идти с нами в самые далекие края. В Хотане они скоро как-то приуныли. Ходили по базарам, жаловались, что их хватают за косы, плакались на китайские власти. Уверяли, что китайский даотай будет их бить. Говорили, что даотай сам человека убил. Наконец, вся сермяжная ватага ладакцев пришла, улыбалась, топталась, теснилась, повторяла, какие мы добрые юм-кушо (госпожа), яб-кушо (большой господин), и наконец слезно просили отпустить их. Намекали, что, если бы немедленно идти дальше, они останутся, но в Хотане жить невозможно. Очень трогательно ушли, спеша через снежные перевалы. К началу ноября они уже были задержаны на Санджу, где путь стал непроходим. Мы оценили тогда совет идти как можно раньше, ибо именно после нашего прохода началась сплошная вьюга и сильнейший мороз.

Намеки ладакцев на невозможность жить в Хотане мы не приняли к сведению, но скоро начали приходить к убеждению, что наши простые друзья, храбро шедшие через все скелеты Каракорума, загрустили в Хотане не зря.

Начались самые странные симптомы. Нам не только не хотели дать подходящий дом, но уверяли, что мы должны поместиться на базаре, где даотаю удобнее следить за нами. Когда мы сами устремились к подходящему дому за городом, то нашлась масса препятствий, которые мы должны были неустрашимо лично преодолеть. Наш доброжелатель Худай Берди-бай и афганский аксакал много помогли в получении дома, но амбань разрешил сделать условие лишь на месяц. Дал этим понять, что жильцы мы нежелательные, но и уехать не разрешил. Разрешение писать этюды не дано. Приставлен отвратительный бек. Наконец приехал новый амбань, и дело пошло еще сложнее.

У даотая заболел ребенок. Просили Е. И. приехать и помочь. Лечение оказалось удачным, и все три правителя приехали якобы благодарить, но вели себя возмутительно. Хохотали, махали руками, плевались, заявили, что наш паспорт вообще недействителен. Предложили за выдачу такого паспорта ругать г. Чен Ло (китайского посланника в Париже). Все приняло поистине безобразный характер. Но это были цветки – ягоды показали на следующий день. Приехал амбань и заявил, что получена телеграмма из Урумчи от губернатора области с требованием выслать нашу экспедицию и непременно через Санджу, то есть через закрытый зимой снежный перевал.

Конечно, мы уже привыкли к двоедушию властей Хотана и не сомневались, что никакой телеграммы нет и вся история подложна. Впрочем, прибавил грозный амбань, если лично попросить г. даотая, то, может быть, он смилостивится. Надо сказать, что власти не пропустили ни одну нашу телеграмму и мы должны были изыскать возможными путями послать телеграммы в Нью-Йорк, Пекин и Париж через консульство в Кашгаре. Кроме того амбань указал, что власти имеют право вообще отобрать все мои художественные принадлежности.

На следующий день даотай сменил гнев на милость и по причине излечения его сына Е. И. сообщил, что высылать на Санджу нас не будет. Но милость за излечение сына скоро испарилась, и власти начали угрожать нам обыском. Наконец 29 декабря был произведен обыск. Наше оружие – три ружья и три револьвера – было опечатано и увезено. Сказали, что в Кашгаре мы можем его получить. Свидетельства на право ношения оружия от британских властей не были приняты во внимание. Когда внесли огромный ящик для укладки оружия, то даже китайцы попятнулись, шепча: «Гроб». Е. И. прибавила: «Это гроб для подобных властей». Казалось бы, вся

изобретательность притеснения была уже изоощрена, но невежество подсказало еще одну «игру». Сообщили нам, что наши американские бумаги властей не интересуют, и потребовали русский довоенный паспорт. При этом мудрые власти республиканского Китая потребовали не что иное, как старый императорский паспорт. Совершенно случайно при нас оказался старый паспорт и патент на шведского командора. «Зубры» скопировали и то и другое и будто бы куда-то послали.

Требование царского паспорта через девять лет после русской революции показало нам, что власти Хотана не только недобропорядочны, но и безмерно невежественны, и оставаться здесь было бы уже опасно. Мечтаем немедленно ехать на Кашгар и Урумчи, чтобы найти более разумную власть. Друзья мои, если хотите испытать свое хладнокровие и терпение, поезжайте в город Хотан. Здесь даотай Ма и амбань Чжан Фу научат вас со всею изобретательностью средневековья. Перед отъездом слышали базарную молву, что даотаю готовится сильная неприятность. Толкуют, что он получил от правителя области должность даотая и звезду за собственноручное убийство военного губернатора Кашгара в прошлом году; между тем выясняется, что убийство произведено не только им самим, но и солдатами. Теперь можно думать, что все убийцы должны сделаться даотаями.

Подробности убийства средневековы. Победенного распяли, и после двух дней распятия нынешний повелитель Хотана в упор выстрелил в него, так что кровь брызнула на победителя; с ним вместе стреляли и солдаты его. (Голову побежденного выставили на базаре.)

Пишу с болью за китайцев. Воображаю, как лучшие китайцы покраснеют за таких современников. Вспомним рассказы Свена Гедина,^[189] как китайские власти искали в его сундуках русских солдат. Как Фильхнер^[190] давал подписку амбаню, что не имеет претензий за грабеж. Как бедствовал в Хотане Пржевальский. Как Козлов принужден был въехать во двор амбаня с 20 казаками, и тогда беззаконие умолкло. Грустно сознавать и видеть, что новый строй государства не изменил мрачное средневековье. Пусть амбань справляется со своим носом без помощи платка – не в том дело, но пусть амбань хоть что-нибудь знает.

При досмотре вещей амбань много раз припомнил, что русские на маньчжурской границе у него разбили чайник; вся мелочная злопамятность сказала в этом сообщении. И еще русские совершили тяжкое преступление: подумайте только, они привили оспу жене даотая из Аксу! Это «кощунство» рассказывается с негодованием. При досмотре возмущенная Е. И. сказала амбаню, указавшему открыть яхтан с ее принадлежностями: «Смотри, амбань, вот мой корсет». Таким образом жена даотая из Аксу была отмщена. Наш китаец возмущен и потрясен. У него на глазах – у него, у китайского офицера и дипломата, отмеченного в книгах, – у него на глазах отобрали и увезли оружие. Лишили экспедицию средств защиты. Он говорит: «Это работа разбойников». Приходят местные мусульмане и советуют, и предупреждают, и стараются высказать сочувствие. Можно представить, сколько приходится терпеть этим тихим людям, забитым и обезличенным. Можно представить, сколько приходится терпеть китайским студентам и молодежи, которая так чутка на гримасы произвола.

Надо суметь уехать. Несмотря на морозы, надо ехать. Верблюды готовы. Старик китаец шепчет: «Велите конвойным солдатам, если у них винтовки, ехать впереди, а не сзади – китайцы в спину стреляют». Готово знамя экспедиции. Его повезут впереди. Сун сшил его, красное с желтым и надпись черная: «Ло, американский художественный офицер».

Амбань про искусство вообще ничего не знает. Бек – монгольского происхождения – вежливо поучает его следующей старинной легендой: «В старое время в Куче жил знаменитый художник. Однажды он принес в залог свою картину, изображавшую кочан капусты и бабочку, и просил за нее 3000 сар (то есть американских долларов – 2700). Мальчик, заменивший хозяина, выдал ему просимую ссуду. Пришел хозяин. Возмутился, что за капусту и бабочку можно дать такие деньги. Выгнал мальчика и считал деньги потерянными. Наступила зима, и в указанный

срок художник принес деньги и спросил картину обратно. Достали картину, хозяин, к ужасу, видит, что бабочка исчезла с картины. Художник требует картину по описанию в ее полном виде. Бедствует хозяин. Говорит художник: „Вот ты несправедливо выгнал мальчика, но сейчас только он может помочь тебе“. Позвал хозяин мальчика. Тот держал три дня картину около огня, и бабочка опять выступила. И сказал мальчик: „Ты не ценил художника, но он настолько совершенен, что краски его имеют все качества природы. Бабочки являются в теплое летнее время. На зиму они исчезают. То же происходит и на картине. Лишь тепло огня вызвало бабочку к жизни и зимою. Так совершенен этот художник“. И хозяин устыдился и возвысил мальчика и сделал его богатым за его мудрость». Так поучает бек амбана. Но еще Будда в Сутрах ^[191] сказал: «Самое большое преступление – это невежественность».

Среди мусульман дошли вести о разрушении французами Дамаска и о грабежах французских офицеров. Мусульмане возмущены: «Видимо, Франция решила порвать с мусульманским миром. Именно повреждением святынь и грабежом легче всего закрепить этот разрыв навсегда». В Париже и не представляют себе, как быстро по глубинам Азии летят птицы – вестники. Между тем течение мусульманской мысли заслуживает большого внимания. На днях один мусульманин спрашивал нас, отчего Мунтазар, Мессия, Майтрейя – все на ту же букву «М»? Не есть ли это одно и то же явление? Также спрашивали о буддизме. Слушали внимательно о том, что Будда такой же человек, но велик своим высоким знанием: о том, что Будда почитал женщину; о том, что Будда сам указал явление Майтрейи – общины. На днях приезжали калмыки из Карашара. Пришли поклониться буддийским предметам, которые у нас. Калмыки знают, что здесь проходил Будда, направляясь на север. Интересно отметить, что сэр Чарльз Белл ^[192] в своей последней книге о Тибете указывает, что Будда мог быть монголоидного происхождения. Непал населен монголоидами, и род Шакья мог быть из них. Тогда особенно интересно обращение Будды на север. Все знаки, все остатки надо пересматривать заново. Гигантское изображение Майтрейи на скале около Маульбека много раз упомянуто и описано. Не приходит в голову, что всю огромную скалу надо исследовать со всех сторон. Но уже в Хотане совершенно случайно пришлось услышать о китайской надписи на оборотной стороне скалы. Было бесконечно жаль упустить эту возможность, ведь с нами был и китаец. И притом, что может значить этот неожиданный язык? Можно ожидать санскрит, пали, тибетский, наконец монгольский! Но почему китайская рука писала на скале Майтрейи? Подходите к памятникам всегда заново.

Древности в Хотане действительно иссякли. За два месяца, кроме двух-трех осколков, да кроме десятка фальшивых вещей, ничего не принесли. Само занятие кладоискательства выродилось. И рассказы отдают старыми сообщениями, уже описанными Аурелом Стейном. ^[193] Яткан, то есть место старого Хотана, действительно заселено мирными сартами и покрыто мусульманскими кладбищами. Так же как итальянские антиквары цитируют анекдоты про Бодэ, так же и здесь уже механически твердят про сэра Маршалла ^[194] или про Аурела Стейна. В обиходе домашнем не сохранилось старинных предметов. Жизнь застыла, как бывает перед волной новых построений.

Почему-то Хотан все-таки считается торговым центром Китайского Туркестана? Не видим нерва этой торговли. Живем на большом пути, разветвляющемся на Аксу, Куча и Дуньхуан – в провинцию Ганьсу, ^[195] в глубь Китая. Но редко звенят колокольчики верблюдов. Редко окликают ослов. Таким шагом торговые дела, торговые успехи не создаются. Ковровое дело очень упало – условно и безжизненно. Собственно хотанские узоры совершенно выродились. Торговля нефритом пропала. И еще одна особенность, указанная древними авторами, исчезла. Исчезло пение, заменившись неистовыми выкриками. В сравнении с таким пением – пение

ладакцев полно и ритма и свежести. Если люди перестают петь – значит, они очень подавлены.

Дико подумать, что это тот самый Хотан, которому Фа Сянь в IV веке нашей эры посвящал восторженный отзыв: «Это страна счастливо благоденствует. Народ богат. Они все буддисты и находят радость в музыке. Здесь более десяти тысяч общинников, и почти все принадлежат к махаяне. Все они живут и питаются от общины. Селения раскинуты на большом пространстве, и перед дверью каждого дома воздвигнута небольшая пагода (субурган). Все очень гостеприимны и снабжают гостей всем необходимым. Правитель страны поместил нас в Гомати, принадлежащем к махаяне. При ударах в гонг все общинники собираются к трапезе. Все садятся в согласном порядке и хранят молчание, не стучат посудой... Часть из нас отправилась на Кашгар...»

До чего может меняться действительность! Очевидность не может сравнить современный Хотан с его бывшим. Так же как современная Аппиева дорога или дорога на Остию ^[196] не ведут к настоящему римскому Риму.

Жаль, что не ездил Фа Сянь дальше Кашгара по теперешнему Русскому Туркестану. Ведь там везде, и даже в Персии, имеются следы буддизма, еще совсем не открытые. А Бухара есть не что иное, как *вихара*, испорченное название буддийского монастыря. Юрий удачно в Париже раскрыл эту филологическую трансформацию, и Пеллио ^[197] вполне согласился с ним. Памир, Афганистан, Персия, всюду следы тех расцветов культуры, когда, как говорят хроники: «Искусство было несравненно и произведение творчества и книга были лучшим подарком».

Сун видел сон. Мы трое – я, Е. И. и Юрий – зарубили саблями Яня-дуту. Сун прибежал, рассказывает и смеется: «Очень хороший сон, теперь вся победа будет ваша, а дуту будет плохо». Цай Хань-чен переводит этот сон и тоже широко ухмыляется от удовольствия, что хоть во сне их дуту пришлось плохо. Сун углубляет значение сна: «Если дуту худо обошелся с великими гостями, будет ему плохо и не жить ему». Так в далеком Хотане пишется приговор урумчинскому дуту: «Более года не проживет». Говорим сарту об этом решении. Тот смеется: «Вы уже сместили Керим-бека, видно и с дуту ваша правда будет». Хоть дуту и смеется над пекинским правительством, но сам он сидит в горниле ненависти. Кто же сядет вместо него? Хотанский грабитель Ма? Или Аксу? Или один из Кульджи со своими маньчжурами? Любая предприимчивая дружина может легко забрать Синьцзян.

Ходят странники, приносят новые вести. В Урге будет отведено место под храм Шамбалы. «Когда изображение Ригден-Джапо достигнет Урги, тогда вспыхнет первый свет нового века – истины. Тогда начнется истинная свобода Монголии». Задумана картина «Приказ Ригден-Джапо».

В Куче на базарах недавно два пришлых ламы раздавали изображения и молитву Шамбалы. Здесь же приютились ячейки возрождающегося буддизма.

Знаменитый субурган около Хотана должен быть местом одного из проявлений нового века. Хотан – путь Будды. Бурхан-Булат – подле Хотана. Заложены магниты путей. «Так же верно, как под камнем Гума лежит пророчество о новом веке».

Серия «Майтрейя» сложилась из семи частей:

- 1) «Шамбала идет»;
- 2) «Конь счастья»;
- 3) «Твердыни стен»;
- 4) «Знамя грядущего»;
- 5) «Мощь пещер»;
- 6) «Шепоты пустыни»;
- 7) «Майтрейя Победитель».

1 декабря 1925 г.

Нельзя себе представить более разительный контраст, нежели тона Гималаев и Ладака сравнительно с пустыней. Иногда кажется, что глаза пропали, засорились. Где же эти кристаллы пурпура, синевы и прозелени? Где же насыщенность желто-пламенных и ало-багровых красок? Повсюду седая, пыльная кладовая! Всепроникающая труха времени, режущая кожу, как стекло, и разъедающая ткань. Глаз так привык к бестонности, что, не захватывая цвет, скользит, как в пустоте. Так же незаметно поднимается песчаный буран, и наш черный Тумбал становится серомохнатым. Иногда бывают хороши звезды. Очень редко напоминает о горном очаровании слабоголубая гряда Куэнь-Лунл. Вопят на свою судьбу ослы, и стонет домодельный привод молотилки. Отвратительны гигантские зобы у населения. Одни говорят: «От воды». Другие: «Уж такая порода». Размеры зоба должны пагубно влиять на нервы и психологию сознания. Начались морозы. Вода в арыках покрылась льдом.

Лама говорит, что один очень ученый буддист в Ладаке хотел иметь ученое рассуждение с Юрием о буддизме. Тогда лама побоялся устроить этот диспут. Он говорит: «Я боялся, может ли сын ваш говорить об основах учения. Теперь много иностранцев, которые и называют себя буддистами, но ничего не знают и судят по неверным книгам и толкованиям. Теперь очень много таких лживых буддистов. Но сейчас я жалею, что не устроил это рассуждение в Ладаке. Ведь ваш сын, он все знает! Он знает больше многих ученых лам. Вот я вам задавал разные вопросы незаметно и постепенно, и вы все мне разъяснили. Жаль, что в Ладаке мы не побеседовали. Вот я ездил с большим ученым П. Ему я задавал разные вопросы, но он не ответил на них, а только сердился. Потому, что не знает, как ответить».

Лама очень хотел бы повидать хазарейцев – монгольское племя, оставшееся после нашествия в Афганистане.

1 января 1926 г.

Ламы часто повторяют слова Будды: «Лампада, перед тем чтобы погаснуть, начинает чадить».

Вместо возможности тихо уехать из-под десницы даотая – новые оскорбления и бессмысленные неприятности. Вещи уже уложены. Верблюды готовы. Мы чувствуем радость покинуть опасный Хотан. Но первого января рано утром приезжает вестник даотая и конфузливо заявляет: «Г. даотай назначает вам ехать на Дуньхуан, а не на Кашгар». Мы говорим: «У нас отобрано все оружие, ехать пустыней без оружия нельзя. Не только ни одна экспедиция, но каждый купец, идущий через пустыню, имеет при себе оружие. Кроме того, нам присланы деньги на Кашгар. Кроме того, наши сотрудники американцы едут на Урумчи. И, в-четвертых, сам даотай только что согласился на наш выезд на Кашгар».

Посланный улыбается: «Все это верно, но г. даотай прислал меня сказать, чтобы вы ехали через пески на Дуньхуан».

«Но ведь туда трудно ехать! Но ведь сам даотай сказал, что в провинции Ганьсу – разбойники!»

«Совершенно верно, но г. даотай изменил свое решение и указывает вам путь через пустыню в Дуньхуан».

«Значит, мы не можем осмотреть ни Яркенда, ни Кашгара, ни Аксу, ни Кучи? Ведь все эти распоряжения китайских властей наносят оскорбление Соединенным Штатам!»

«Поговорите сами с г. даотаем. Сегодня Новый год, и, если хорошенько попросите г. даотая, может быть, он опять изменит распоряжение».

«Но мы не просить желаем, но хотим справедливости».

Вестник только улыбается и опять предлагает ехать сегодня к даотаю.

Тут же нам шепчут колоритную подробность. Ящик для нашего оружия, неисповедимо сделанный огромных размеров в виде гроба, несли на палках четверо. Эта процессия ввалилась во двор даотая во время его праздничного завтрака. Китайцы опять зашептали: «Гроб», а сам даотай побледнел и велел нести ящик скорее вон со двора в ямынь амбаня. Знает, что творит пакости, за которые придется ответить.

Едем к даотаю. Как полагается для действий трагического Гранд Гиньоль – драма смешивается с балаганом. По пути встречаем шествие с бумажными драконами, ладьями, рыбами и всякой мишурой, идущее поздравлять нас с Новым годом.

Сидение у даотая превысило всякие меры терпения. Мы говорили ему о необходимости разменять американские чеки в Кашгаре. Говорили о необходимости лечить зубы. Говорили о спешной необходимости сообщить с Нью-Йорком. Говорили, что своим поведением он оскорбляет достоинство Америки. Говорили о всех причинах и доводах. Но даотай ответил, что мы можем идти или через перевал Санджу обратно в Индию (что явно нелепо, ибо перевал до июня закрыт льдом), или можем пойти пустыней на Ганьсу (безоружными, через разбойников, о которых он сам предупредил нас), или мы будем задержаны в Хотане. Я указал, что насильственное задержание есть арест, к чему мы не подали никаких оснований. Даотай твердил свое, повторяя, что наш паспорт, выданный по приказу пекинского правительства, негоден. Неужели г. Чен Ло, представитель Китая в Лиге Наций, не знает, как выдавать паспорта? Но даотай ни о какой Лиге Наций вообще не слышал. Я указал, что ввиду таких оскорбительных отношений я желаю вообще уехать из Китая. Даотай свое. Люди даотая хохотали за его спиной и показывали на его голову. Препирались нескончаемо. Невозможно было проследить сложный излом невежественности и безумия. Даотай старался уничтожить нашу симпатию к Китаю. Вспомнился один наш знакомый, прогрессивный китаец в Америке. Слушая мою защиту Китая, он как-то поник и грустно спросил: «А вы сами были уже в Китае?». Я ответил: «Собираюсь ехать». Он добавил: «Поговорим после вашего возвращения».

Вот мы вернулись в дом арестованными. Сидим на уже уложенных сундуках и кончаем день Нового года писанием обращения к консулам Кашгара: «Экспедиция Рериха, накануне отправления в Кашгар, была арестована китайскими властями Хотана, без всякого повода со стороны экспедиции.

Ввиду отсутствия консула Соединенных Штатов, настоящим обращаемся к представителям иностранных держав в городе Кашгаре с настоятельной просьбой оказать самое серьезное содействие для немедленного разрешения экспедиции следовать на Кашгар. В случае если разрешение кашгарского даотая недостаточно, просим телеграфировать за наш счет генерал-губернатору области Урумчи.

Три причины заставляют нас неотложно спешить, а именно: 1) необходимость сообщить с нашими представителями из Америки; 2) необходимость видеть врача шведской миссии; 3) необходимость получения денег в Кашгаре».

И вот так будем сидеть ждать. Письма наши могут дойти лишь через девять дней, если вообще дойдут. Нам уже вернули пять наших очень нужных и неотправленных телеграмм. Все становится действительно опасным, ибо власти всячески препятствуют нашим сношениям с Америкой. Оружие наше отобрано. Чего еще хотят лишить нас?

Прислали расписку в отобрании нашего оружия. Начинается она так: «Даю сию бумагу в том, что против мне явился русский человек Хулизу, другой имя Лолючу и т. д.». Оказывается, Хулизу значит Рерих и Лолючу тоже значит Рерих. Кто может разобраться в этой дьявольской бессмыслице!

Знаменательно, что Америка опять совершенно игнорируется в этом манускрипте. Вообще, кажется, даотай более Колумба сомневается в существовании какой-то неведомой ему Америки, которую зовут Мекко.

Е. И. очень удручена. Она ехала сюда с таким открытым сердцем. Говорит: «Что-то делать с человечеством? Ведь это не люди!». Юрий очень подавлен. «Ведь тот Китай, который нам в музеях и на лекциях показывают, не имеет ничего общего с происходящим». Наш китаец совсем осунулся и молит более ни о чем не говорить, ибо могут убить нас. «Ведь это воры, разбойники и собаки». Лама шепчет: «Китайцы иначе и не поступают». Все это становится опасным.

Сэр Аурел Стейн передает в своей книге за достоверное, что даотай в Кашгаре за несколько лет своего даотайства перевел в Ханькоу на свое имя 2 000 000 таэлей. Мы не верили этому сообщению, хотя Аурел Стейн ученый солидный. Но неужели? Неужели... это возможно?.. Как же вам, молодым борцам нового Китая, должно быть тяжело. И много ли вас? Но, конечно, историю мира всегда творило меньшинство.

Надеюсь, что Рузвельтам пришлось легче. Они счастливо миновали мешок Хотана. Притом охота в горах избавляет от каждодневных сношений с даотаем и амбанем. В горах и нам никто не вредил и не строил препятствий. И некому было ежедневно менять свои же решения. И ведь это не есть разница психологии. Ведь и китаец наш, и мусульмане одинаково понимают всю опасную нелепость положения. Сейчас кто-то предложил найти верного человека, который подбросит наши письма консулам в почтовую сумку, ибо сегодня около почты замечены какие-то подозрительные соглядатаи.

Е. И. вспомнила, что на днях было тридцатипятилетие моей художественной работы.

2 января

Пришел купец, справляется о возможностях торговых сношений с Америкой. Но какие же тут сношения, если Хотан так враждебно встречает именно приезжих из Америки. Ни въехать, ни выехать. Вот так торговые сношения!

Чем враждебнее относятся к нам власти, тем сочувственнее стремится к нам народ. Предлагают вернее отправить наши обращения к консулам. Люди наши искренно возмущены, особенно за отнятие оружия. Говорят: «Никогда они оружие не отдадут». Три китайца советуют ехать по русским дорогам. Высказывается предложение, что власти, по обычаю, хотят вымогать крупную взятку. Наш случай толкуется всячески на базаре. Сегодня бек поехал сопровождать Юрия даже на верховую поездку. Значит, надзор за нами еще усилен.

Записываю подробности, ибо все это для кого-то очень пригодится. Действительно поучительно! У нас паспорт от пекинского правительства, особое рекомендательное письмо от китайского посланника в Париже, прекрасное письмо от консула Соединенных Штатов в Калькутте, письмо от Виктория Альберт Музея в Лондоне, письмо от Археологического общества в Вашингтоне, письма от шести учреждений в Соединенных Штатах. С нами китаец, бывший офицер и дипломат. С нами книги, изданные о моих картинах. С нами паспорта – английский, французский, русский. И со всем этим комплектом все-таки вы рискуете попасть в произвол опасных самодуров. Ведь все это очень поучительно.

Сейчас принесли новое «достоверное» базарное сообщение. Видите ли, у нас при обыске найдено много скорострельных пушек. Завтра сочинят, что мои картины – это крылья аэропланов. Говорят о великом иностранце, идущем из Тибета на ста конях. На поверку выходит, что все это о нас же.

3 января

Говорят на базаре о борьбе десяти китайских генералов. Говорят о смерти Чжан Цзо-лина. Говорят о русских, привезших четыреста ящиков оружия. На поверку выходит, что и этот слух про нас же. Сегодня ушли письма консулам. Люди боятся идти по пустыне без оружия. Невозможно предвидеть, во что выльется все происходящее.

4 января

Воскресное базарное сообщение: калмыки гадали на базаре о нашем успехе, и гадание вышло удачным, как никогда раньше. О чем и прибежали сообщить нам. Сам даотай со своими дурацкими обысками способствует распространению нелепых слухов. Мы-то как-нибудь выедем, а он сам задохнется в своем саду безумия. Решаю снести с Америкой и отказаться от плана следования по Китаю. У меня слишком много причин для этого. Я взялся картины писать, но не брался вести бессмысленные препирательства с безумцами. Можно перейти самые высокие горы, можно найти общий язык с самыми первобытными племенами, но дикари во фраках с какими-то звездами и со многими женами – совершенно неприемлемы и ни в какую эволюцию не входят.

Пришли просить помочь женщине в трудных родах. Мы, конечно, бессильны. Но китаец знает «верное средство». «Это черт сидит под кроватью и мешает женщине родить. Надо выстрелить из ружья под кровать и черт убежит, а женщина сейчас же родит». Китаец знает и другое важное соображение; он говорит с очень важным видом: «Тибетцы дураки, они думают, что на небе один дракон. Это глупо; на небе дракон и птица. Один дракон дождь не сделает». Китаец также знает, что существует область, где живут только женщины, и у них рождаются только девочки. Очень не любит «воскресающие трупы».

Формулируем обвинения даотая для генерал-губернатора так: «Обвиняем Ма Да-жэня, даотая Хотана, в следующем: 1. В глубоко оскорбительном отношении к достоинству Соединенных Штатов Америки и к культурным целям нашей экспедиции; 2. В оскорбительном отказе принять во внимание письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки в Индии; 3. В оскорбительном запрещении свободной художественной работы в Хотане под угрозой конфискации всех художественных материалов, принадлежащих экспедиции; 4. В оскорбительном отказе принять во внимание все письма и удостоверения от американских учреждений, организовавших экспедицию; 5. В оскорбительном отношении к нашему личному достоинству. 6. В оскорбительном отказе признать действительным наш китайский паспорт, выданный по приказу пекинского правительства через г. Чен Ло, китайского посланника в Париже; 7. В отказе принять во внимание письмо, данное г. Чен Ло ко всем губернаторам Туркестана; 8. В насильственном задержании экспедиции в Хотане, что нарушило срочные планы экспедиции; 9. В оскорбительном отнятии всего нашего оружия (2 винтовки, 1 охотничье ружье и 3 револьвера), что лишило экспедицию всех средств защиты, хотя каждый путник, переходя пустыню, имеет при себе оружие; 10. В оскорбительной и бесчеловечной угрозе выслать экспедицию из пределов Китая через закрытый снегами перевал Санджу; 11. В оскорбительном отказе принять во внимание присутствие в экспедиции пожилой дамы; 12. В оскорбительном и бесчеловечном намерении послать экспедицию в пустыню в направлении Дуньхуана без оружия, без денег и часть членов экспедиции с больными зубами; 13. В оскорбительном и глумливом ежедневном изменении своих собственных распоряжений; 14. В оскорбительном и бесчеловечном отказе иметь личную консультацию с врачом шведской миссии в Кашгаре; 15. В оскорбительном отказе устроить наши денежные дела лично в Кашгаре; 16. В оскорбительном требовании от нас недействительного царского паспорта через девять лет

после революции; 17. В оскорбительном отказе разрешить нам сноситься с американскими учреждениями из Кашгара.

Если бы Ма Да-жень, даотай Хотана, хотел следовать указаниям генерал-губернатора в Урумчи, он стремился бы направить экспедицию именно туда. Но его повторный отказ в следовании нашем именно в Урумчи и Кашгар показывает его преступные намерения. Вышесказанные обвинения заставляют нас требовать полного и немедленного удовлетворения».

Также нужно отметить, что во всех переговорах мы указывали властям, что подобные их действия отражаются на китайских студентах и на китайских кварталах, так многочисленных в Америке и повсюду. Но было ясно, что судьба соотечественников совершенно не интересует преступную власть.

Наш лама передает, что известный ему лама при попытке отправиться в паломничество в Тибет был арестован китайскими властями. Лама дал взятку местному полковнику в размере 1000 лан, коня и два сукна, и тот ночью пропустил его. Лама шел девять суток ночными переходами, а днем скрывался в песках.

5 января

Ведантисты называют буддистов «настика», то есть безбожниками. Между тем и веданта не знает личного бога, а знает принцип. Формула посвящения буддиста: «Прибегаю к Будде, прибегаю к учению, прибегаю к общине». Разве эта формула не ведет к бесконечному познанию? Будда – человек, великий учитель жизни, почитающий знание и зовущий бесстрашно идти путем общего блага. Вся современная эволюция была завещана Буддой – этим львом бесстрашия и подвига.

Дошла случайная газета из Индии, Боше открыл у растений мускулы. Конечно, если есть нервы, то как же не быть мускулам. (Боше являет именно ту страницу, которая нужна для грядущей эволюции).

6 января

Еще «прекрасная» деталь Хотана. Месяц тому назад пришла наниматься женская прислуга. Странная мусульманка: сейчас же откинула покрывало и как-то нагло улыбалась, предлагая себя. Щеки нарумянены. Брови в палец толщиной – в одну линию. Почувствовалось что-то подосланное, грязное. Отказались. Ушла. Сегодня старик китаец жалуется на слух, распускаемый амбанем, что он делал гнусные предложения прачке. Старик опять негодует. Сразу вспомнилась та, нарумяненная. Путники, будьте осторожны! Старик негодует: «У самого амбаня винная лавка в Яркенде. Если бы нам прислали солдат от консула!». Если уже китаец мечтает о консульских солдатах, то можно представить настроение его.

Особенности пятого Будды: Север; благословение бесстрашия; Акочир или Акдордже (перекрещенное Дордже); звук А; Тара; Вишвапани (многорукий – вседающий) Майтрейя.

В своей статье 1925 года в «Шанхай таймс» «В дебрях Тибета» д-р Лао Цзин говорит: «В одном из святилищ мне удалось увидеть нечто из самых замечательных атрибутов – превращенное в мумию тело одного ученого, который, как говорят, умер 350 лет тому назад. Одетый в костюм тибетского ламы, каким он был в жизни, он сидит в кресле и имеет вид человека скорее уснувшего, нежели омертвевшего уже столетия тому назад. На столе перед ним лежит незаконченная рукопись, над которой он работал перед смертью. Тело пожелтело и высохло от времени, но в общем сохранилось непостижимо хорошо. Много легенд уже сплелось вокруг этих останков древнего тибетского ученого. Меня уверяли, что три раза за все это время

протекшее после его смерти, его тело меняло свое первоначальное положение, а один раз исчезло совершенно и возвратилось лишь через два-три дня. Однажды хранители храма, войдя в помещение, где находились останки, обнаружили, что лежавший перед ним манускрипт закончен посланием величайшей для всего мира важности».

Оакура замечает: «Какие ужасающие последствия для человечества несет с собою его презрительное невежество проблем Востока! Империализм Европы, не гнушающийся бросить клич о „желтой опасности“, не представляет себе, что Азия тоже может проникнуть однажды в жестокий смысл „белого бедствия“! Вы можете смеяться над нами, имеющими „слишком много чая“, но не можем ли и мы заподозрить вас, западников, в „недостатке чая“ в вашей конституции?»

«Вы достигли распространения ваших владений ценою отсутствия всякого спокойствия; мы создали гармонию, бессильную против нападения. Поверите ли вы? Восток в некоторых отношениях выше Запада! Небо современного человека разбилось в циклопической борьбе за богатство и деспотизм. Мир движется ощупью во тьме себялюбия и пошлости. Покупают науку с негодной совестью, являют доброжелательство из любви к утилитарности. Восток и Запад, как два дракона, бросающиеся волнующимся морем, тщетно борются, чтоб завоевать драгоценный камень жизни.

Нам нужна «Наука», чтоб исцелить великое бедствие. Мы ожидаем великого Аватара!»

Ауробиндо Гхош говорит: «Мы говорим человечеству: настало время, когда вы должны отважиться на великий шаг и подняться из повседневности к более высокой, глубокой и широкой жизни, к которой движется человечество. Проблемы, которые тревожили человечество, могут быть разрешены лишь внутренним сознанием, не насильственным утруждением сил природы в угоду пошлости и роскоши, но овладением силами интеллекта и духа, завоеванием человеком как внутренней, так и внешней свободы и победою внешней природы внутренним устремлением. Для этого подвига возрождение Азии необходимо, и потому Азия подымается». Еще Гхош говорит: «Силы старого мира, силы деспотизма, силы традиционных привилегий и эгоистических эксплуатаций, силы братоненавистнической борьбы и себялюбивого соревнования вечно борются, чтоб снова воссесть на земные троны. Определенное движение реакции очевидно во многих странах и сейчас здесь, может быть, более, нежели в Англии. Попытка вернуться к старому миру есть один из тех необходимых поворотов, без которого он не может быть окончательно истощен и исключен из эволюции. Старый мир подымается лишь для того, чтоб быть побежденным и снова раздавленным».

Александра Давид-Ниль в своей статье «Будущий герой Севера» («La Vie de Peuple», Париж, 1925) говорит: «Мы можем улыбаться этим безумным мечтам, но в тех огромных областях, где они принимаются с непоколебимой верой и с величайшим почитанием, влияние их может стать мощным и дать призыв к совершенно неожиданным событиям, которые наискуснейший из политиков не в состоянии предвидеть».

Прочтите рассказ Давид-Ниль о старом ламе, принесшем цветы на ледниках. Прочтите сказание ламы о наступлении времени Шамбалы. Из местного сказателя лама обращается в деятеля международных событий. Давид-Ниль привезла из Тибета несколько новых вариантов рукописей о Шамбале.

Для ученого представляет поразительный интерес целая сеть пророчеств и самых многочисленных указаний, протянувшаяся по всем неизмеримым пространствам Азии. Поэт сказал бы, что пески и камни говорят, ибо часто положительно непонятны пути стремительного осведомления. И стоит вам сказать одно из них, как немедленно вам дают реплику еще более значительного осведомления. И при этом полузакрытые глаза чуть поблескивают.

Так и живем. То сведения с высот, то сведения из пропасти. Сегодня нашего китайца солдат

остановил на базаре, схватил лошадь под уздцы и потребовал с него денег. Вчера один из наших «конвойных» остановил на дороге женщину и пытался потребовать с нее деньги. И в такой стране нас оставили безоружными! Странно, что и Пржевальский имел неприятности именно в Хотане. Марко Боло осуждает нравы Хотана. Так и сидим на сундуках среди несказанного безобразия. Принесли базарное сведение, что даотай вводит и разрешает в Хотане торговлю опиумом.

8 января

Часть членов братства Будды занялась ссорами, и Благословенный покинул их. Соседние жертвователи отшатнулись от сварливых, и они смирились и пришли к Будде, прося забыть все, не касаясь причин ссор, бывших между ними. Но Будда сказал: «Такое примирение будет непрочно. Напротив, бесстрашно обнажите все корни ссор и вражды вашей. Только тогда примирение будет действительно».

Отправляясь в Азию, не берите с собой много съестных припасов. Все имеется в достаточном количестве. Кашмирские агентства ничего не знают. Заставили нас везти с собою муку и рис. Пугали, что нет сахара. Заставили взять пищу для лошадей. Между тем все имеется, а для десяти дней пустыни через Каракорум не нужно много запасов. Только караван бессмысленно удлиняется.

10 января

Какое же сознание прибавляет наше сидение в Хотане? Становится еще раз ясно, что жизнь, подобная жизни Хотана, существовать не должна. Подумайте, жизнь ста тысяч людей превращена в беспросветную тьму. Из тьмы рождаются болезни, пороки, ложь, предательство и невежество. У людей осталась одна торговля, мелкая, добываемая обманом и предательством. Понятие о качестве продукта умерло. Понятие о срочности работы погибло. Понятие о победе труда – опустошено. Идет погрязание в слизи луж базара и взаимное удушение. Так продолжаться не может.

Лама, предупреждавший, что «китайцы иначе и не поступают», предсказывает еще одно обстоятельство. Он говорит: «Когда они увидят, что дальше идти нельзя в наглости и в жестокости, они будут уверять, что вообще ничего не было, что нам все только показалось, а они всегда были друзьями. Обратите внимание, они все передают устно, и запуганные беки откажутся от всего ими виденного и слышанного. Единственное доказательство – это расписка в отнятии оружия».

Вы, строители нового Китая, уберите скорее «зубров». Место им – в зоологическом саду. Молодые борцы, вас зовем!

Наш хотанский приятель Худай Берди-бай^[198] рассказывает с юмором Востока о посещении им своего скупого приятеля: «Прихожу к нему, а он сидит и моет кучи серебряных монет, совершенно почерневших. Оказывается, он держит свое богатство в земле, а у нас земля такая, что серебро совершенно чернеет. Я и говорю ему: „Видишь, даже серебро чернеет, когда от людей спрятано. И лицо твое также почернеет на том свете, если ты будешь бесполезно скрывать свои богатства“.

Это рассказ разумного Востока.

В двух днях пути от Хотана по течению Каракаша недавно найдены большие золотые россыпи. Тысячи золотоискателей, работавших по течению Керли, бросили там работы и устремились к Каракашу. Названо еще несколько золотоносных рек. Конечно, все это

обрабатывается самым грубым способом. По естественным богатствам Синьцзян очень богатая провинция.

11 января

Сенсация Хотана. Пришли базарные сведения об обеде, устроенном консулом Советских республик в Кашгаре. Обсуждается на базарах, и шепчется сочувственно, и восторженно рассказывается. На обед были приглашены дао-тай, китайские Власти, английские представители, купцы, а также многие из самых беднейших жителей. Места были распределены так, что даотай и власти оказались среди самых оборванных бедняков. То же произошло и с наибольшими богатеями города, Консул и его сотрудники, в простых костюмах, сами подавали блюда, меняли тарелки. Консул сказал: «Не правда ли, мы теперь не на службе, здесь мы все люди, мы все равны. Завтра вы будете начальником, даотаем, а сегодня мы люди равные». Судя по откликам в Хотане, впечатление получилось громадное, незабываемое. Так рассказывается на базаре. Не разобрать, где начинается народное творчество.

12 января

Пришли письма из Америки. Через Кульджу от 5 ноября и через Ташкент от 1 декабря. Почти тот же срок, как в Ладак из Нью-Йорка. Любимые друзья, мы читали с радостью о всех работах, о выставках, о лекциях, о школе, о пропаганде искусства в широких массах. Ведь все это так неотложно полезно для Америки. Вы приносите истинную радость в жизни молодежи и зажигаете сердца.

Франсис пишет: «Мы получили письмо из Вашингтона, сообщающее, что резидент Кашмира писал правительству об инциденте, случившемся в Тангмарге, враждебно, но мы ответили, протестуя против недостойного отношения к нашей экспедиции во время ее пребывания там». Вот это Вы неладно делаете.

Вы много играете в гольф, но не играйте человеческой совестью. Неужели Вы можете отрицать, что Вы не отвечаете на письма? Неужели Вы можете отрицать, что наши люди были избиты и поранены в Тангмарге? Неужели Вы можете отрицать, что шлем был сбит с головы сына моего Юрия и он сам случайно не был ранен стальной палкою? Неужели Вы можете отрицать, что телеграмма, подписанная мною, была составлена инспекторами полиции? Неужели Вы можете отрицать, что нам же, атакованным, пришлось заплатить полиции? Неужели Вы можете отрицать, что среди нападавших в Тангмарге был слуга Ваш? Неужели Вы будете отрицать, что, несмотря на все наши телеграммы и находясь в часе езды от места происшествия, Вы в течение шести часов не нашли нужным оградить достоинство экспедиции? Неужели можете отрицать, что письмо от генерального консула Соединенных Штатов Америки было брошено Вами на стол с замечанием, что оно Вас не интересует?

Давно замечено, что при распаде империй именно на окраинах появляются чиновники, усиленно подрывающие центральную власть. Мы три раза жили в Лондоне, мы видели и знаем, какова там жизнь интеллигентной молодежи и лучшей части трудящихся. Должна существовать хотя бы примитивная справедливость. Со стороны лорда Литтона и его семьи мы встретили культурное отношение, и это нужно сказать. Поведение Дж. Вуда и его подчиненных было высоко недостойным, и это нужно сказать. Дж. Вуд называл американского путешественника Баррета «ужасная ерунда» и говорил, что будет очень рад, когда Рузвельты уберутся с его территории. Вообще отношение к приезжающим из Америки очень плохое; достаточно вспомнить подробности более чем странного поведения по поводу «гибели» молодого, полного

сил американца Лэнгдона в прошлом году. Подробности этого возмутительного случая знают англичане, спутники Лэнгдона. Как возмущались бы наши английские друзья!

Слышали о каких-то гигантских статуях в Центральной Азии. Трудно распознать, может быть, это известные статуи в Бамиане – полуразрушенном городе между Кабулом и Балхом. Высота одной из статуй достигает 170 футов (~ 52 м). Одни считают их всецело буддийского происхождения, другие же видят в них самую глубокую древность. Такая же неясность, как и относительно каменных гигантов на островах Пасхи.

Наш китаец совершенно оскорблен властями, Не хочет более возвращаться в Китай. Мечтает о Тибете или о России. Вывесил на воротах какое-то огромное яркое (черное и красное) объявление. В переводе оно значит: «Американский художественный офицер Ло воспрещает входить во двор не имеющим дела». Оказывается, Ло значит Рерих! Ло – по-китайский «набат».

В Хотане был ночной пожар. Сарты приписали его худому обращению властей с хорошими гостями.

13 января

Пришла телеграмма: «Вашингтон принимает необходимые меры». Но оружие все унесено, а без оружия я не выхожу на этюды в чужих странах. Имею много опыта и оснований к этому. Не только люди, но и одичалые псы научили меня этому обычаю. Разве не нагло – игнорировать все документы и лишать всех средств защиты? Были всякие случаи притеснения экспедиций, но такой акт в литературе неизвестен. Возлагаю на правительство Китайской республики ответственность.

15 января

Пришла телеграмма из Америки, так исковерканная, что никакого смысла понять невозможно. Невидимые друзья с базара принесли весть о крупной ссоре между даотаем и амбанем.

И даже дни кажущегося бездействия полны знаками. Вот замечательный ларчик. Вот сведения о Севере. Вот сведения о монастыре около Кульджи. И там Майтрейя. Вот сведения о том, что часто правитель области Китая просто не признает денег своего предшественника. И люди не знают, в чем держать деньги. Из будней рассуждение восходит к проблемам общественного строя. Бывают времена, называемые «шар событий», когда всякое обстоятельство подкатывается все к одному и тому же общественному концу. Уже семнадцать лет наблюдаем явления спешащей эволюции. Между могилой отходящего и между колыбелью грядущего электроны несказуемой энергии собирают новообразования. И живописец-затворник горных обителей уверенно изображает битву и победу Майтрейи. Уверенно наносит черты и отличия наступающих и признаки уходящих. И спокойно неоспоримо подписывает посвящение: «Почитание Владыке закона, славному Владыке Северной Шамбалы». В Бурхан-Булате будет храм Шамбалы.

17 января

Власти углубляют преступность свою. Амбань начал вскрывать пакеты, нам адресованные. Сегодня вскрыл пакет из шанхайского банка. Скажем ему: «Не забудьте, амбань, что именно статуя Свободы открывает путь в сердце Америки. Теперь весь Хотан знает о получении нами денег, а вы и даотай лишили нас всех средств самообороны».

Амбань сообщил, что есть приказ из Урумчи вскрывать все письма и отнять оружие, но что взамен оружия нам дадут стражу из солдат. Отвечаю ему, что мы не можем доверять их солдатам, ибо все они бегут лишь при виде одной нашей собаки. А между тем три года назад именно американская экспедиция должна была отстреливаться от нападения стаи овчарок. Ставлю на вид амбаню, что оружие, им схваченное, принадлежит американским учреждениям, но опять Америка совершенно игнорируется им. Не успел амбань доехать до города, как в подтверждение моих замечаний о страже к нам прискакал секретарь от даотая, прося помочь в тяжком хирургическом случае; два ближайших телохранителя даотая стреляли друг в друга. Конечно, мы не хирурги. Оказывается, офицер стражи даотая крал вещи, другой стражник заметил это и в результате – два тяжело раненных. И вот из этих воров и убийц даотай хочет составить нашу стражу. Наш старик Цай Хань-чен говорит: «За вскрытие чужого письма в Китае прежде полагалось выколоть глаз и отрубить руку, но здесь не офицеры, а разбойники». Поучительно будет посмотреть, какова в Урумчи центральная власть всей провинции Синьцзян.

18 января

Выпал первый снег. Е. И. кормит птиц. Масса пестрых птичек окружила ее. Индусы часто кормят птиц в течение зимних месяцев.

19 января

Получено письмо от английского консула в Кашгаре. Видимо, там начали хлопотать, чтобы мы могли выбраться из ужасного Хотана.

20 января

Письмо от английского консула. Сообщает, что по ходатайству его и кашгарского даотая генерал-губернатор приглашает нас немедленно ехать в Кашгар. Посмотрим, как и когда известят нас здешние «правители».

К вечеру амбань, через Худай Берди-бая, коротко уведомил, что получено от генерал-губернатора разрешение нам ехать в Кашгар. Даже приказы генерал-губернатора сообщаются через частную записку частного человека. Вот так организация. При первом свидании я говорил даотаю, что Акбар Великий называл путешественников лучшими послами его государства и всегда заботился о их добром отношении. Могу теперь сказать даотаю: «Вот, Ма Да-жень, три месяца вы деятельно создавали наше настроение, и я не скрывал от вас, что буду описывать все происходящее. Конфуций заповедал, что на сделанное зло надо поступать по справедливости. Китай страна конфуцианства, и, по Конфуцию, я должен написать на вашем портрете: „Ма Да-жень – невежественный и жестокий дикарь“. А по учению Будды „невежественность объявлена величайшим преступлением“. И тот же мудрый Конфуций отверг всех восстающих против искусства и знания. Между тем все мы ехали с искренним желанием занести в записки о том, что власти республиканского Китая стали просвещеннее, нежели во времена упадка империи. И теперь опять пытливо будем всматриваться в глаза новых властей, не притаился ли у них за плечами невежественный Ма Да-жень?»

Люди зашевелились. Сборы! Из всех сундуков лучшие – американские «Белбер». Не погнулись на всех перевалах и не пропускают пыль. Лошадь вполне легко несет два сундука. Много хуже кашмирские яхтаны.

Наш китаец ликует; он, видимо, боялся прямых эксцессов со стороны даотая. Теперь он

признает, что его следование «обычаям» было излишне. Он заставил везти даотаю хлопущки в день окончания его нового дома. Он устраивал шествие с подарками, когда мы приехали в Хотан. Он без нашего желания возил карточки к новому амбаню. По результатам суда, все это было зря. Он же объясняет тем, что это не офицеры, а разбойники, но согласен, что эти обычаи надо оставить.

Как и можно было ожидать от невежественных властей Хотана, теперь они дают понять, что приказ генерал-губернатора пришел по их ходатайству. Они не знают, что в письме консула английского ясно изложен порядок получения приказа, и думают, что мы поверим.

Мафа (повозка) от Хотана до Кашгара стоит 25 сар. Новая лошадь – 6 сар.

Из проявленных негативов очень многие и нужные оказались испорченными. Какие-то полосы и черные пятна. Еще в Индии нас предупреждали, что так называемые тропические фильмы дают результаты очень плохие.

У нас все обычные фильмы – благополучны, а «Кодак» тропические – все мутны, а часто целая половина или белая или черная. Очень хороши «Агфа».

Приходят местные бородачи потолковать о всякой всячине. Конечно, истинное намерение сразу не сказывается. Конечно, хотят слышать об обычаях новых русских. Соглашаются, что обычаи хороши, что все древние учения заповедали эти обычаи. Согласны, что все люди должны трудиться. Все хорошо, и чай пьется в согласии, но вот один тащит из-за пазухи номер лондонской английской газеты с перепечатком рисунка из московского «Безбожника». Аллаху там тоже досталось, Бородач «наивно» спрашивает: «А ведь кажется, это Аллах?». Конечно, не скроешь. И конец беседы выходит кислый: «Мы ведь Ленина не трогаем, даже хвалим, а зачем они нашего Аллаха обижают? Да и знают ли они весь Коран? Можно ли все ошибки приписать Корану? Пусть не обижают нас, мусульман. Нас много, а он хотел, чтобы всем хорошо жить было». Вовремя Молдаван достал газетку, и четко отпечатали в Лондоне клише. А рисунок-то к тому же не из важных и вовсе не убедительный. Угрюмо ушли бородачи...

В Каире около наполеоновских ядер, торчавших в стене мечети, я спросил проводника: «Отчего вы не уберете эти следы варварства?» Было отвечено: «Мы будем хранить этих свидетелей варварства». Сколько таких свидетельств сохраняет Восток! Ничто не забыто. Пряжа мира должна быть начата вновь.

Там опять пришел человек. Хочет говорить. «Откуда?» – «Не сказал». – «Кто такой?» – «Видимо, лама». – «О чем говорить?» – «О свободе, о приходе Шамбалы». – «Ну веди сюда. Скажи тибетского чаю дать». И опять неожиданный друг несет новую пряжу радости.

Представитель японских газет был спрошен: «Применяются ли в Японии телесные наказания для детей?». И ответ был отрицательный, как и подобает великой стране. Действительно, справедливы ли многие нападки на Японию? Мужество и честь самураев, воинов; героизм и самоотверженность женщины; углубленный труд рабочего и земледельца придают несомненное очарование Ниппону. С японцами у меня никогда не было столкновений. Наоборот, являлись чуткие японские друзья. Вспоминаю мои давние статьи о Японии. Не откажусь, но даже усилию многое сказанное. Елисеев^[199] рассказывал о методах учения в японских монастырях. Очень замечательно. Неожиданные вопросы и требования, чтобы в ответе была наименьшая примесь личного. Стоит живым эпизод японской драмы: убийцы крадутся убить царевича. В безысходности кормилица подменяет царевича своим ребенком. Потрясающе тонка экспрессия ее холодно-официального плача над предполагаемым царевичем, когда ее материнское сердце разрывается от горя.

«Дао дэ цзин» указывает: «Мудрец ставит свою личность на последний план, и тем не менее она оказывается на первом месте. Он относится к своей личности как бы к чужой для него, и тем не менее личность его сохраняется. Не потому ли осуществляются его главные цели,

что у него нет личных и частных целей? Он свободен от самовыставления, и поэтому он светит. Он свободен от самоутверждения и потому его отличают. Он свободен от самовосхваления, и потому признаны заслуги его. Он свободен от самодовольства, и потому он пользуется превосходством. И потому, что он настолько свободен от всякого состязания, никто в мире не способен состязаться с ним. Тот, кто обладает свойствами Дао, подобен ребенку. Ядовитые насекомые не будут жалить его. Дикие звери не будут бросаться на него; хищные птицы не станут поражать его».

Будда заповедует: «Углубленностью, добродетелью и чистотой мудрый человек делает из себя остров, который никакими наводнениями не может быть затоплен» (Уданаварга).

23 января

Наш китаец и лама, видимо, хорошо знают известный сорт китайских властей. Все сбывается по их «пророчествам». Власти повторно уверяют в своей дружбе и все случившееся сваливают на генерал-губернатора Синьцзянской провинции. Конечно, мы уверены, что старик начальник области, или дуту, ни о чем не знает. Теперь у властей забота, под каким предлогом вернуть нам арестованное оружие, чтобы свести все к неуловимому устному изложению и сказать: «Все бывшее – это фантазия путешественников». За три месяца мы прошли отличную школу. Кое-что из пройденного нами курса остается все-таки неясным. Например, для чего власти всячески препятствовали нашим сношениям с Америкой и вернули неотправленные телеграммы, тогда как всем известно, что через Хашгар и через английского консула всегда можно сноситься? Местные люди нас сразу предупреждали не верить властям. И на наш вопрос почему, ибо мы ничего худого не сделали, местные бородачи твердили: «А потому что они дураки». Но ведь и в действиях отъявленного глупца есть же какой-то, хотя бы извращенный, смысл. Значит, здесь скрывается не одна только глупость, а также и преступность.

Пришла телеграмма из Нью-Йорка: «Министр Америки действует».

Кончим страницей того Китая, который мы не видели. «Наконец желтый повелитель, Солнце Неба, победил дракона земли и мрака. Но гигант в своей агонии ударил головою в солнечный свод и разбил на куски купол голубого нефрита. Звезды потеряли гнезда свои, и луна блуждала без цели посреди раскинутых осколков ночи. В отчаянии повелитель повсюду искал, кто бы мог восстановить небеса. Он не напрасно искал. Из восточного моря поднялась владычица, божественная Ниука, сверкающая в своем доспехе пламени. Она спаяла пять цветов радуги в своем волшебном горне и восстановила небеса». Так помнит Дао.

Не забудем цветочную пыль Японии, которую мы еще не видали: Комио, владычица Нары, пела: «Если я сорву тебя, моя рука тебя осквернит, о цветок! Каким, каким вижу тебя на груди луга, таким я посвящаю тебя Буддам прошлого, настоящего и будущего».

И еще страница истинного Востока, посвященная Матери Мира: «Сокрывшая лик свой! Соткавшая пряжу дальних миров! Посланица несказанного! Повелительница неуловимого! Дательница неповторенного!

Твоим приказом океан замолкает и вихри черты невидимых знаков наносят... Она, Лик сокрывшая, встанет на страже одна в сиянии знаков. И никто не взойдет на вершину. Никто не увидит сияние двенадцатизначника Ее мощи. Из спиралей света знак соткала Сама в молчании. Она Водительница идущих на подвиг. Четыре угла, знак утверждения, явлен Ею напутствием решившимся...

Приказ безмолвный, всепроникающий, неотменный, неделимый, неотвергаемый, ослепительный, щедрый, неопиcуемый, неповторяемый, неповрежденный, неизреченный, безвременный, неотложный, зажигающий, явленный в молнии!»

VIII. Такла-Макан – Карашар (1926)

27 января

Тимур-бай – наш новый караванщик. Куда ни оглянешься – всюду какие-то исторические имена. Все шахи, султаны, баи. Даже самый незаметный и тот прибавляет себе титул – ахун. Он приходит взвешивать наши вещи. Устройство весов переносит нас ко времени неолита. На перекладине висит палка с какими-то «магическими» кружками и метками. Массивный зеленый кусок нефрита на веревочке передвигается в противовес сундука, и «маг» в круглой шапочке изрекает цифру, ему одному очевидную. Положительно, в неолите мы находили такие камни с дырками и называли их грузилами, но вернее это гири.

Нам нужно на восток, и потому завтра мы идем на запад. Остановки до Кашгара: 1) Зава, 2) Пиалма, 3) Зангу (Чуда), 4) Гума-Базар, 5) Чолак, 6) Акин, 7) Каргальк, 8) Позгам, 9) Яркенд, 10) Кокрабат, 11) Кизил, 12) Янгигисар, 13) Яберчат, 14) Кашгар.

Наши друзья калмыки уже вчера прошли мимо нас по краткому пути на Аксу – Карашар. В темноте рассвета мимо наших ворот звенели басистые колокольчики их верблюдов. Они повезли таин-ламе ковры из Хотана. Повезли и много ценных весточек, которые может оценить буддийское сознание.

Опять в нашем караване будут три течения: буддийское, мусульманское и китайское. Китайское – слабее. Последнее изобретение Цай Хань-чена – знамя экспедиции с крупной надписью «Ло» (Рерих), то есть «набат», – водружено на ярко-красное древко. Цай Хань-чен отвез наши карточки властям, и, как следовало ожидать, мошенники даотай и амбань уверяли, что они нам очень помогли.

Пришли мафы для ламы и Цай Хань-чена. Ясно, что эти экипажи не изменили вида с XV века и годились бы в любой музей. Худай Берди-бай привез достархан в виде жареного барана и пирожков. Так он и остался нашим единственным другом в Хотане. Впрочем, еще полковник китайский понял, что вышло нечто плохое. Опять вьюки, опять мохнатые шапки, опять яростный рев Тумбала. Утром – в путь. Последний раз прилетели к нам хотанские птички и пришли бараны. Тумбал, как черная статуя, застыл на груде яхтанов.

28 января

С семи утра собирали караван. Видели мы работу ладакцев, отличная была работа, спешная, энергичная. Хуже работа дардистанцев и кашмирцев. Хороша работа непальцев, но хуже всего работа хотанцев. Таковую лень и неприспособленность трудно представить. С семи до двенадцати часов с трудом навьючили сорок лошадей. Мы шли по Хотану и еще раз убедились, что все, что носит признаки старого Хотана, не так было плохо, являет остатки резьбы, каких-то украшений и пропорций. Но все новое превратилось в бессмысленную груду глины и жалких кольев. Лица на базаре попадаются неплохие, но забитые и лишенные всякого выражения.

Ясно, что места, подобные Хотану, изжили все свои старые соки и могут обновиться лишь коренным потрясением. Китайцы сидят за глиняными стенами китайского города. Кооперации с населением у них нет. Они остались случайными пришельцами, угнетателями и не думают помочь стране хотя каким-нибудь улучшением. Запылилась жизнь, запылились мозги. Нужна искра сильной молнии.

Вдали мелькнул силуэт светло-серого Куэнь-Луня. Щемяще грустно удалиться от этого замечательного хребта. Щемяще знать, что Гималаи удаляются. Сознание новых приближений зовет обернуться к Востоку.

Опять стража из пяти солдат. Неизвестно, мы ли их стережем или они нас. Каракаш-Дарья замерзла, и лошади разбивают легкий ледок. Утро студено, но посреди дня солнце уже печет. На ветках почки. У дороги сидят серенькие хохлатые жаворонки. Проехали 9 дорожных башен. Опять Зава. Цай Хань-чен говорит, улыбаясь беззубым ртом: «Даотай Хотана думает, что мы опять вернемся в Хотан. Такой глупый офицер».

Но теперь всякие соображения о глупых чиновниках от нас далеки. Ведь мы опять в пустыне. Опять вечерние пески, лиловые. Опять костры. Караван с вещами сильно запоздал, и мы сидим налегке, как будто и не бывало этих вещей, которые так усложняют всю жизнь. На песке пестрые кошмы. Веселые языки пламени красно и смело несутся к бесконечно длинным вечерним тучам. Вечером в Заве оказалось, что приставленный к нам бек и офицер накурились опиума. Юрий просил Цай Хань-чена выговорить им. Тот говорит: «Конечно, это очень дурно, но главному покровителю опиума в Калькутте поставлена статуя на коне». И свет луны и тишина ночи опять наполнились человеческим ядом...

29 января

До рассвета пришлось самим поднять весь караван. Тимур-бай куда-то уехал и оказался лентяем. По-тибетски я кричал по палаткам: «Лонг, лонг, лонг», – как кричат тибетцы ранним утром, поднимая народ. На бугор вышел человек с огромным рогом и начал протяжно трубить на все стороны. Оказывается, мельник оповещает селян о готовности своей молотить их зерно. Опять пустыня. Опять мазар с голубями. Но теперь всюду пробелки тонкого снега. Серебристые тона стали строже. Снеговые горы с левой стороны стали и воздушнее, и разнообразнее. Но пески по-прежнему утомительны. Редко когда так уставали. В сумерках – весть из пустыни со спины неизвестного верблюда: «В Пиалме вода высохла». Ну все же кое-как пойдем. В восемь часов в темноте при мутной луне вошли в Пиалму. Здесь нас ждал шведский миссионер Нистром (по-китайски Лисети). Судя по рассказам, он имел много случаев с китайскими властями подобно нашим. Такая же лицемерная неустойчивость и наглая изменчивость решений.

30 января

Затуманилось. Кругом бело-сизый туман и круглая тарелка – плоскость песков. Иногда пески приобретают скульптурный характер или приближаются к жемчужной раковине. Но все-таки сегодня идем по ровной тарелке с редкими низенькими барханами с торчащими тонкими кустиками. Полузасыпан остов осла. Торчат полуразвалившиеся башни – *потай*. Каждый из них делается на расстоянии десяти ли. Потай можно пройти легко в сорок минут. Волны песка сливаются в ровную линию горизонта. Что же может нарушить однообразие этой тарелки?

В Хотанской пустыне прошел слух о нашем путешественнике Козлове. Толкуют, когда Козлов был в Карашаре, там жил «страшный дракон». Но храбрый русский богатырь победил опасного дракона, заклил его и запечатал в стеклянную банку. Этим был спасен весь край. Толкуют о засыпанных городах и показывают рукой в сторону Такла-Макана. Какое-то почтение и суеверный страх звучат при произнесении названия великой пустыни. В эту сторону тянутся две ниточки караванов... Они идут из Пиалмы за топливом. И больше ничего. И звуков никаких. И красок больше нет. И жемчужная пыль взвивается голубым пологом. Как древние катафалки, мерно идут сафы и широко машут пурпурными колесами. Красочно-ярко горит красный

наспинник китайского офицера. Против ветра он надел уморительный желтый капор с длиннейшим красным наспинником! Откуда это изобретение? В нем скрыты какие-то тысячелетия.

Влево уходит нить каравана. Куда она? Ведь это направление идет прямо на Тибет, на Чантанг. Так и есть, они идут на тибетские озера за солью. И еще памятная встреча. Зачернел вдалеке силуэт маленького человечка. Бодро шагает. Но шаг не сартский, а китаец по пустыне один не ходит. Шапка с ушами. Серый армяк. Да, это ладакец. Этот пойдет хоть куда один по пустыне. Поравнялись. Он улыбнулся, и все его зубы как будто засветились. Он протянул руки и приветствует нас. «Джули, джули». Его к нам потянуло. Нашлись общие знакомые. Говорим, кто куда ушел. Кто в Чантанг, кто ходил через Кокеяр, кто мерз на Санджу. И что же это такое, что так сближает нас с ладакцами? В чем же этот общий язык? Откуда общий бодрый шаг? Откуда смелость одиноких хождений? Хотелось оставить с нами этого прохожего друга.

31 января

После ветра и тумана сияет яркое утро. Идем до Чуда: люди просят прервать поход до Гумы на два дня. Так и сделаем. Китайский отдел каравана развалился первым. На четвертый день Цай Хань-чен похож на мертвеца. Тан Ке-чан изнемог и даже застрял на дороге. Сун потерял перчатки и впал в раздражение. У китайского солдата пала лошадь. Словом, еще раз нам показано, что для похода китайцы совершенно негодны. Цай Хань-чен отлично клеит бабочек. Тан Ке-чан заботливо возится около своей постели, ибо порядочная китайская постель должна походить на гору. Сун бойко налетает на сартов. Солдаты и офицер в капоре похожи на все что угодно, но не на воинов. И эти винтовки с наглухо заткнутыми дулами и завязанными замками – ведь они превратились из действующего аппарата в символ. Конечно, разбойников здесь нет, но вся эта рать побежит при виде первой организованной колонны.

Опять попадают бело-синие пятна снега. С северной стороны каждого бархана притаилось такое светлое, благоуханное пятно. Положительно, снег дает почве какое-то благоухание. Нельзя верить, что сегодня последний день января, – это весна. Тюрки сегодня работали лучше, за что и получили барана. Бедные, они ценят каждое проявление внимания. Видимо, хозяин каравана их жмет. Что же это за «лестница спрутов»? Геген опять сердится на китайцев.

Приятно прийти на стоянку до темноты. В Тибете идут с четырех утра до часу. Да, да, положительно весна. Я рисовал.

1 февраля

Гума-Базар. Шли какими-то фантастическими песочными формациями. Иногда казалось, что это остатки ступ или башен. Здесь снега больше. Белые откосы дают впечатление берегов, а между ними точно море. Настолько убедительно впечатление моря, что приходится вспомнить, что в пустыне нет таких водных поверхностей.

Опять «приготовлен» для нас пыльный сад, опять беки и солдаты. Не успеваем разложить палатки, как приезжает амбань. Впечатление лучшее, нежели в Хотане. Амбань знает о наших хотанских невзгодах. Возмущается на хотанских властей. Удивляется, как можно запрещать художнику работать, и подтверждает, что на Дуньхуан по пустыне дорога очень трудная и для *тай-тай* невозможно было бы ехать таким путем два месяца (*тай-тай* значит «госпожа»). Разговор переходит на детские темы: в Гуме летом очень жарко, жарче, чем в Ганьсу. В Урумчи теперь очень холодно и нельзя, как здесь, сидеть на дворе. В Гуме хороших лошадей нет, а самые

лучшие иноходцы – в Карашаре. Все это мы и без того знаем. С амбанем его сын девяти лет. Потом и отца и сына сажают в пеструю двухколесную повозку – мафу, и все уезжают. А Юрию опять приходится садиться на коня и ехать с ответным визитом. У ворот толпа. Поверх глиняных стен торчат вереницы голов в мохнатых шапках. Солдаты шумно стегают непрошенных зрителей. Завтра стоим в Селяке вместо Чолака. В Чолаке вся вода пересохла.

Вечер закончился китайскими танцами. Пришла процессия с бумажными фонарями. Перед воротами сада сомкнулся тесный круг, и пошел пляс. Сперва старик, молодуха и верблюд. Молодуха убегает от старика, тот ловит ее, и верблюд очень декоративно машет косматой шеей.

Потом танец корабля, сопровождаемый песней. В красной бумажной ладье качается «красавица», и гребец, вроде Харона, гребет на носу ладьи. Потом дракон и ездоки на бумажных конях. Пели: «Как на небе рождаются звезды, так из земли выходят воды».

Нехитро, но ничего грубого и мерзкого не было. Взрослые голоса мешались со звонкими молодыми голосенками. Вся тень ночи была полна движением простой и негрубой толпы.

2 февраля

Зимняя белая пустыня. Потоки замерзли. После Гума-Базара сразу плоская равнина. На горизонте низкие снежные холмы. Из-за воды должны остановиться в Селяке в час дня. Такого короткого перехода еще не бывало. Селяк – простой глиняный караван-сарай с несколькими корявыми деревьями среди молчащей пустыни. Серое небо. Восточный ветер. Какие-то верблюды, полдюжины собак и запуганные детишки хозяина. Ничего больше. И здесь догоняет нас странное сведение о Хотане. Керкем-бай, он же Молдаван, так поразительно похожий на европейца, выдавал себя за персидского подданного, но оказался беглым директором Оттоманского банка и католиком. Вот уж подлинно безобразное наслоение, и становится понятнее, почему он три недели задерживал наши телеграммы. В его мастерской по изданиям Британского музей поддельывают ковры. С какой фирмой в Лондоне или Париже он в связи и в каких антикварных магазинах встречаются его подделки?

На базаре в Гуме женщины откинули фаты с лица, чтобы лучше нас рассмотреть. Откинута фата складывается, как кокошник. Наверно, форма некоторых кокошников получилась от откинутой фаты. Бек в Гуме – совершенный Садко, и гримировать не надо. Для всех опер Римского-Корсакова здесь готовые персонажи.

По пути солдаты рассказывают нашему Цай Хань-чену истины, отчего плохи их кони. «Ведь начальство ставит на счет правительству 25—30 саров, а сами платят 15 или 10». Все толкуют об убийстве даогаем Хотана кашгарского дитая. Почему-то убийца поторопился прикончить арестованного без суда генерал-губернатора. Всюду какие-то корыстные причины.

Тан Ке-чана мы должны были покинуть в Гуме, он совсем обессилел. Пример губительного действия опиума. Как только из своей прокуренной закутки курильщик попадает в условия бодрой природы – он разваливается, как карточный домик.

Вода в Селяке – как жидкий кофе. Чай получается совершенно безобразного вида и вкуса. Опять ставим палатки. Недалеко одинокая могила с двумя хвостами на погнувшихся кольях. Рисовал.

Читаем Владимирцова – жизнеописание Чингисхана. Хороший, жизненный ученый Владимирцов. За время революции выпустил уже несколько книг, и все такого бодрого содержания и такие нужные по времени. Жаль, что Руднев замолк, – ведь все, что касается Монголии, теперь так значительно. Надо бы жизнеописание Чингиса перевести для Америки. Эта стихийная предприимчивость будет там оценена.

3 февраля

За ночь ходили караваны мимо нас. Целым оркестром звенели колокольчики верблюдов. Наконец, один караван наехал на нашу палатку и чуть не сокрушил ее. С утра ветер. Пустыня вся побелела. Началась зима, и весь длинный переход мы шли, как по дальнему северу. Прошли старый лянгар^[200] с остатками башен. Зачернели низкие деревья и показался Акин – маленькая деревня в несколько мазанок. Караван наш очень запоздал, и опять сидим в ожидании.

Опять бесконечные рассказы о трусости^[201] полковника (*тулин*), о предательстве даотая, о глупости амбаня. Никогда и нигде мы не слышали такое дружное осуждение властей. Даже записывать скучно; так продолжаться не может; новому Китаю придется совершенно изменить качество своих чиновников. Сун два раза упал с лошади. Китайскому отделу каравана положительно не везет. Е. И. с восьми до четырех ехала рысью, вот это удивительно. Когда-то она была ездоком.

Откуда-то приносят для покрытия пола очень красивые кошмы. В Хотане таких не видали. Очень сложный мозаичный рисунок. Лучше, нежели ковры. Положительно, кошмы и набойки – лучшее из местных производств. Рисунки набоек те же, как в России XVII века или раньше. Рисовал.

4 февраля

От Акина до Каргалыка небольшой, но студеный переход по снежной пустыне. Говорят, что через день снег опять уйдет. Почему-то полоса от Селяка до Каргалыка всегда особенно снежная. Может быть, это влияние какой-нибудь гряды гор – других причин не видно. Другая особенность здешних мест, что серебро и даже золото совершенно чернеют; наверно, состав почвы этому способствует. Постепенно по длинной слободе въезжаем в каргалыкские базары. Увы, по жестокому запаху они напоминают вонючий Шринагар. Спрашиваем, отчего здесь так грязно, хуже чем в Гуме. Обычный ответ: «Амбань бухао», то есть «амбань скверный».

Нам отведено помещение на самом базаре среди невероятной грязи. Пришлось махнуть рукой на весь опереточный эскорт и на беков и самим отыскивать сад за городом. Нашли уединенный дом с садом. Завтра кончатся мрачные владения хотанского даотая. Не будет ли лучше? Одно не мог испортить этот преступник: он не мог засорить воздух пустыни. Чудный, предвесенний, студеный воздух.

День закончился опять танцами. Дракон и ладья были обыкновенны, но лучше всего был танец на ходулях. Сказались природные артисты. Тот же русский танец с ухаживанием молодца за девицами под струны, похожие на далалайку. И Дягилев^[202] и Больш^[203] могли бы позаимствовать для своих композиций. И слуги в красном с бумажными фонарями были неплохи. Эта черточка творчества на минуту осветила мертвенность пустыни.

Зобов здесь меньше. Дайте этому народу хоть маленькое окошко света, и буйное пламя сердец вспыхнет.

5 февраля

Каргалык проводил нас плохо. Приставленные беки оказались идиотами. Лошадей не достали. Наконец один бек явился на диком жеребце, который ударил Оллу – лошадь Е. И. Удар пришелся по ноге Е. И., но, по счастью, был смягчен гилгитским мягким сапогом. И к чему только навязывают этих беков и солдат? Кроме неудобства и расходов, они ничего не приносят. Вчера пришел китаец наниматься в слуги. Оказывается, он застрял в Каргалыке после убийства

амбаня солдатами. Много убийств. Спрашиваем нашего Суна, отчего даже беки в Каргальке скверные. Следует стереотипный ответ: «Амбань скверный» (выговаривают здесь не «амбань», а «амбал»).

Снег сразу прекратился за Каргальком. Видимо, снеговая полоса кончилась, но зато начались белые солончаки. Проехали два базара. Миновали убогие мечети и кладбища и въехали в длинный базар Позгам. Остановились не в палатках, а в доме старшины. Это большой дом, с разными темными комнатками. Опять на полу цветные кошмы, даже стол и кресла с кожаными сиденьями. Конечно, дом этот указал случайный пенджабец с базара, а все беки только мешали двигаться. Когда же кончатся эти безнадежно однообразные селения, лишённые красок и гибнущие в лени и одичалости? Вот проехали кузницу. Конечно, она прекрасна для подробностей постановки «Нибелунгов», но как сельскохозяйственное приспособление она никуда не годна. В маленьких ямках полуголые люди и ребятишки дуют в игрушечные меха. Уберите отсюда смысл каравана, и все погрузится в полный паралич.

6 февраля

Почти весь переход до Яркенда – среди мирных заборов оазиса. На миг блеснула бурливая поверхность Яркенд-Дарьи. Мелькнула колоритная переправа на паромах среди обледенелых берегов, среди скопления коней, верблюдов, ишаков и маф, а затем опять те же мазары и глинобитки и головастые остовы придорожных ветел. Так до самого Яркенда, до самых глиняных стен. Опять нам приготовлен дом на самом базаре, но является избавитель в виде ладакского аксакала. Нас везут за город, и в спокойном саду мы находим белый дом со службами, с красными коврами и, главное, с лхасской речью самого аксакала. Из Позгама нас проводило приветствие пенджабца: «Урус карош», а здесь – знакомая речь тибетская. Заехали к шведским миссионерам. Лечили нашего старика китайца. Слушали опять разные рассказы о местных обычаях; как китайцы-чиновники доводят население до полного разорения и затем легко управляют обнищавшими париями. Пришло письмо английского консула; он приглашает остановиться у них. Русско-Азиатский банк тоже предлагает три комнаты в Кашгаре.

7 февраля

День в Яркенде. Люди наши едят баранов. Тишина. Странная вещь, все решительно просят идти с нами дальше. Даже китайские солдаты эскорта говорят, что с радостью пошли бы дальше с нами. В подметальщики поступил китайский капитан. Также просится какой-то армянин, мажордом бывшего амбана – все просят. Этак до Урумчи дойдем в международном составе. Были с визитом у местного амбана. Впечатление производит лучше хотанских «правителей».

Когда наш Цай Хань-чен начал излагать обстоятельства нашего хотанского плена, то амбань искренне возмутился. Но самое замечательное это то, что, по словам амбана, всюду получено письмо из Пекина о нашем проезде и об оказании нам содействия. Амбань возмущается, как смели хотанцы не признать пекинский приказ.

Опять едим базарами. То же самое, как в Хотане. Маленький вариант: на воротах ямыня вместо кошкоподобного дракона изображен ряд воинов с мечами. В три часа к нам являются солдаты и беки и в сопровождении красного зонтика шествует сам амбань. Следует мирное чаепитие. Амбань извиняется, что не мог устроить нам завтрак из-за скорого нашего отъезда. После всяких любезностей расстаемся. Является китайский доктор для Цай Хань-чена. Стоят часовые в черных тюрбанах.

Приходит китайский таедр. Пробуют лошадей. Мирная средневековая чепуха в роде Вингбонса.

Откуда-то пробрались в Яркенд слухи о каких-то событиях в Китае, о каких-то выступлениях Фына, о закрытии банков в Пекине, о действиях старой династии! Но никто ни о чем не знает и ничего понять нельзя.

8 февраля

Будда был противником тюрем. Он требовал труд и усиленную работу. В Дарджилинге недавно был любопытный случай. Случайно в толпе был арестован старенький лама. Он ни в чем не оправдывался и был посажен в тюрьму. Пришел срок выпустить его, а узник нейдет. Говорит, никогда и нигде он не имел такого спокойного места, где не шумят, где кормят и не мешают размышлять. С трудом уговорили старика покинуть тюрьму.

Лама говорит: «Не бейте людей, но пусть по справедливости отработают». Так замечает лама, видя, что беки бьют народ и поселяют вереницу ненависти, крика и унижения.

При отъезде не обошлось без драки. Сам Яркенд производит лучшее впечатление, нежели Хотан; он и больше размерами, и разнообразнее товарами, и даже глиняные башни и стены дают хотя бы небольшое декоративное впечатление. А потом за верхушками деревьев показались горы, Кашгарский хребет, и не покидали нас с левой стороны весь путь. И все как-то окрасилось – и озерки во льдах, и синие речки, и коричневые бугры на синем фоне скалистых гор. Уж очень любим мы горы. Наша собственная планета была бы очень гористая!

Опять хлопоты с китайцами. Оказалось, что Цай Хань-чен начал сильно курить опий и этим вносит разложение среди прочего каравана. Придется применить строгие меры. Стоим за околицей маленькой деревни Кокрабат. Будет объявлено, что каждый курящий опий будет удален немедленно.

9 февраля

Опять мазары, могилы со знаменами. Маленькие мечети для намазов. Насколько трогательнее намаз в пустыне на коврике перед ликом неба, нежели намаз перед голой глинобитной стеною. Очень убоги эти придорожные глиняные мечети с кривыми стенами и игрушечными башенками. Куда же ушло творчество этого края? За все время видели одну недурную серьгу – филигранную и пару серебряных пуговиц. При солнце красиво едут женщины на ослах в ярко-зеленых и пунцовых чекменях.^[204] Как будто здесь зобов меньше, чем в Хотане. Интересна задача исследовать, отчего происходит такое чудовищное разрастание щитовидных желез. Кроме качества воды должны быть еще причины.

Мимо проезжает человек с соколом на руке. Соколиная охота здесь еще является любимым спортом. Нас провожают стаи назойливых ворон и воронов. Вспоминаем, как в Монголии иногда приходится отстреливаться от несметных стай воронов, нападающих на коней. Идем по Каракумским пескам, то есть по «черным пескам». Слой щебня и гальки придает пустыне сероватую, жемчужную поверхность. Налево все время продолжают груды гор. Странно думать, что за этими горами уже Русский Туркестан и что упираются эти хребты в высоты Памира. Первый день после трех месяцев, когда пустыня действительно красива, красочна и разнообразна. И голубое небо разукрасилось особенным изысканным рисунком перистых белых облачков. На гребнях гор сверкает снег; розовые предгорья вливаются в синюю дымку, из которой выплывают очертания хребтов. Светлый день.

Люди ждут Кашгар. Все хорошее в Кашгаре называется русским. Хорошие дома – русские;

хорошие сапоги – русские; хорошие кони – русские; хорошие телеги – русские. Проезжаем два-три заброшенных лянгара – постоянных двора – и в облаках беспросветной пыли входим в Кизил на стоянку. Переход считается длинным, но мы пришли уже в два с половиной часа. Кизил – странное, полузаброшенное место с молчаливыми глинобитными квадратами мазанок. Большое старое мусульманское кладбище. Издали оно походит на целый город из красноватой глины. Чернеют дыры старых могил. Люди жалуются на Цай Хань-чена. Старик целую ночь курил опий. Решили оставить его как можно скорей, нельзя держать в караване такой скверный пример. Лучше всех китайцев держится Сун, не курит и проявляет находчивость. Спросили, отчего у него отрублен мизинец на левой руке. Оказывается, он был отчаянным игроком, все проиграл, обнищал и заплатил долг тем, что сам себе отсек мизинец. Итак, у нас один игрок, один офицер убитого амбаня, один из каравана убитого американца Лэнгдона, один отчаянный курильщик опиума. Довольно пестро!

Наш ладакец Рамзана так нарядился, что даже приколот на грудь две пряжки от подвязок. Вот уж истинный кавалер ордена подвязки. Но главное желание Рамзаны – нести ружье и ехать на доброй лошади. Ему 18 лет; из него может выйти полезный человек. Отец его мусульманин, мать – буддистка. По каким-то приметам ламы признали его перевоплощением умершего настоятеля монастыря, но отец, как ярый мусульманин, помешал его монастырской карьере.

10 февраля

Мгла, северный ветер и густые облака пыли. Долго шли какими-то песочными коридорами и глубокими выбоинами. Давно не видели такое количество всепроникающего песка. Затем пошли седые солончаки и низкие бугры зеленовато-бурого тона. Стало красивее. Когда же мы дошли до Кингул-Дарьи с высокими берегами, с обледенелым высоко висящим мостом, с запрудами и нагромождениями стен и домов – стало совсем хорошо. Такие пейзажи бывают на старокитайских рисунках. Входим в длинный базар Янги-гисара. Приготовлен дом на базаре и, как всегда, негодный. Остановились в шведской миссии. Разговоры о Стокгольме, о лечении зубов (йодом), о продвижении Фына на Синь-цзян.

Рассказывают, что позади гробницы Магомета находится пустая гробница, приготовленная для Иисуса во время его второго пришествия. В Исфахане в Персии держится оседланный белый конь, готовый для пришествия Мессии, – каждый по-своему!

Сейчас пришли индусские купцы сказать «салам» и передать приветствие к приезду. Показывают фотографию с распятого дитя и с убитого его сына. Рассказывают, средневековые подробности этого убийства без суда. В общем сведения хотанские совпадают, кроме детали отрезывания головы. Здесь говорят, что распятый правитель оставался на кресте два дня, а затем тело его было куда-то заброшено. И теперь мазар (гробница), выстроенный правителем, стоит пустой. В газетах мало писали об этой трагедии с распятием. В Пекине заседают какие-то комиссии. В Лиге Наций произносят какие-то безжизненные формулы, а здесь идут своим чередом распятия и предательства, и продажа людей, и щедрая плата убийцам. Необходимо ускорение эволюции.

Говорят, что около Кашгара есть развалины буддийского храма. Так и должно быть, ибо в этих краях буддизм был, но интересно, что об этих развалинах не приходилось слышать раньше. Значит, в Кашгаре есть и мечети, и мазар Мириам, и развалины буддизма.

Вечер проводим со шведами. Тихий ужин. Рассказы о богатстве этого края, где обрабатывается не более 3% всей площади. В близких горах находится железо, медь, серебро, каменный уголь. Убитый датай предполагал начать какие-то разработки, но теперь эти возможности опять погрузились в темноту.

11 февраля

Простились с гостеприимной семьей Андерсона. Семимесячный Свен уставился своими голубыми глазами на Е. И., крепко захватил ее палец и не хотел отпускать. Поговорили о хлебородности края, где кроме разных овощей в диком виде растут многие целебные растения: рицинус, лакрица, дигиталис и другие. Можно представить, как заработала бы эта равнина под фордовским трактором. Говорят о безлесьи этих мест, но в двух днях пути (а переходы короткие) отличный каменный уголь. Везем с собой кусок этого продукта, не уступающего лучшим образцам. А кто сказал, что здесь же поблизости нет и нефти? Или в горах нет радия? При этом как легко засадить целые плоскости деревьями. При раскопках часто находили огромные пни и стволы давних лесов в этих местах; стоит лишь применить минимум трудолюбия и находчивости, и край делается неузнаваем. Здесь летом очень много вод, стоит лишь собрать их в хранилище. Вот в феврале дни стоят совершенно весенние. Только в декабре и январе холодно. Студеный ночной воздух освежает природу. Если бы только китайцы не боялись всего нового и если бы их чиновники назначались по достоинству, а не по способности грабить. Иначе откуда же эти непонятно скорые обогащения амбаней и даотаев? Таким путем каждое проявление трудолюбия оказывается лишь поводом к быстрейшему обогащению чиновников, погрязших в опиуме и в игре. Стоим в Яберчате, в маленьком месте в четырех часах от Кашгара. Могли бы легко сделать путь до Кашгара в один день, но из-за грузовых лошадей приходится стоять за околицей среди головастых ив и глинобитных стенок.

12 февраля

Мгла, низкий кустарник, голые ветлы и ухабистая дорога с переходами через покрытые льдом потоки. Сперва минуем новый город Кашгар. Стены внушительнее яркендских. На базаре видно больше пыла и движения. Арестанты в цепях просят милостыню на прокормление. Между новым и старым городом около двух потаев расстояния. Навстречу скачут два ярко-красных «чепраси»^[205] от английского консула. Консул ждет нас завтракать, пока приготовят дом Русско-Азиатского банка. Консул и его жена участливо расспрашивают о хотанских делах. В банке говорят «о характере» китайского управления. Оказывается, хотанский даотай известен по всей провинции, и никто не удивлен его поступкам. Приходит караван. Приемка вещей. Сложности нет.

13 февраля

Китайский Новый год; в четыре часа утра нас разбудило хлопанье петард и ракет. За стеною столб пламени и выстрелы. Думали, что это пожар.

Приходят консул Гиллан с женою. Оказывается, оба они шотландцы. Среди шотландцев мы давно встречали симпатичных людей, и эти принадлежат к хорошему типу шотландских кланов. Приходит ладакский аксакал. Мусульманин, долго живший в Лхасе и Шигацзе. Приходит старый переводчик русского консульства. Жалуется на развитие курения опиума и конопляного гашиша. Богатые позволяют себе роскошь употреблять дорогой опий, а бедные одурманивают себя домодельным гашишем. Возможность заработков здесь уже очень плоха. Прежде до тридцати тысяч народа ежегодно уходило на заработки в Россию.

И опять бесконечные рассказы о грабительском обогащении китайских властей.

Когда сидите в мирном китайском ресторане в Америке, вспоминайте о грабителях даотаях

и амбаниях, держащих народ в полном отупении. Увеселительные моторы в китайских кварталах пусть напомнят, как во мраке невежества гибнут миллионы людей.

Приходит директор отделения Русско-Азиатского банка Анохин. Новая волна информации. В каждой части провинции свои деньги, трудно принимаемые в соседнем уезде. В Кашгаре – сары; в Урумчи – ланы, стоимостью в одну треть сара; в Кульдже – свои ланы, которые население называет рублями. При этом половина или четверть лана достигается разрыванием знака на соответственные части. Вследствие этих операций денежные знаки обращаются в труху, лишенную всяких обозначений. Когда же является необходимость вернуть знаку его прежние размеры, то подклеивают куски случайной бумаги. Можно получить ланы, на которых половина состоит из объявления о продаже мыла или что-нибудь настолько же неожиданное.

Повидали миссионера – шведа Пальмберга. Несмотря на медицинскую деятельность шведских миссий, они периодически подвергаются преследованию со стороны властей. Недавно даже должны были временно прекратить работу, а между тем они являются единственными докторами на весь большой край. Даже при гарнизонах нет ни одного врача. Местные жители говорят нам: нигде в мире не знают, что творится в заброшенном Китайском Туркестане, отданном на разграбление кучке невежд. Просят: «Напишите, сообщите миру об одичании целого края». Опять проходят арестанты в цепях, просящие милостыню. Этот обычай был характерен для XV века, но видеть его применение сейчас поражает.

14 февраля

Сидим в полубездействии, ибо китайский Новый год празднуется несколько дней. Вспоминаю, как американский консул в Калькутте, милый Дженкинс, высчитал все дни в году, не затронутые праздниками всех местных национальностей. Осталось всего 52 рабочих дня. И здесь праздновался европейский Новый год, а теперь китайский. Очень мешает исчисление месяцев в разных толкованиях. Мусульманское, китайское, тибетское – все считают на разные сроки.

Приходит сарт и рассказывает, что около Кучи население разрушает остатки буддийских храмов... Отчего? Многих путешественников и китайцев интересуют эти развалины и фрески, и населению трудно принимать всех этих гостей. Они раскладывают в развалинах большой огонь, и фрески гибнут. Подозревали и другую причину – давнишнее иконоборчество мусульман. Так или иначе, но скоро и эти небольшие остатки тохаров и уйгуров^[206] исчезнут.

15 февраля

Утром были у даотая. Впечатление добродушное. Ямынь имеет более жилой вид. Не видно оборванной солдатчины. Нет толпы беков. Там же был заведующий иностранной частью г. Дао. Конечно, паспорта наши оказались совершенно правильными. Рекомендательные письма найдены отличными. И выражено изумление действиям в Хотане. Немедленно пошлют телеграмму генерал-губернатору о выдаче нам нашего оружия. В течение дня видели шведского миссионера Торквиста и много жителей местной колонии. Любопытно отметить, что генерал-губернатор давно стремился выбраться из Урумчи восвояси с награбленным добром. Но соседняя провинция не пропускает его без уплаты многомиллионного выкупа. Так, один его караван из нескольких арб с серебром был уже захвачен. Теперь «сановник» пытается перевести свои капиталы в иностранные банки. Надо также отметить, что после убийства дитая и его сына в Кашгаре их семьи подверглись полному ограблению. Из ушей жены сына были даже вырваны серьги. Принесли фото с распятого дитая. Друзья, посмотрите на это зверство без суда и без

ответственности. Впрочем, говорят, что даотай из Аксу уже собирает солдат, чтобы идти на Хотан. Награбленное добро недолго лежит на одном месте.

16 февраля

Приезд даотая. Нудные разговоры о культуре предков, об астрологии, о погоде. Смотрел снимки с моих картин. Говорил, что уже телеграфировал в Урумчи о разрешении нам ехать дальше. Эти разрешения для каждого шага напоминают самые жестокие времена и просто надоели до последней степени. Даже пожаловаться на грубость властей можно лишь с разрешения. Проходя по городу, еще раз всматривались в местные типы. Есть очень жестокие лица. Гораздо больше нищих и калек, нежели в Яркенде. Нужно обменять оставшиеся рупии. Советуют взять русское золото. Сейчас оно стоит наравне с червонцем. Привозят его киргизы с гор. Индусы и тюрки охотно берут его.

17 февраля

День для обмена денег. Выборы тарантаса. Новый кучер – казак из Оренбурга. Поучительная сцена на базаре. Мулла плетью сгоняет народ в мечеть. Удары сыплются на спины, плечи и лица. Молитвенный энтузиазм плохо достигается, и многие спешат укрыться в переулках. Говорят, что медресе – школы при мечетях – плохо посещаются. Народ даже среди дикости ждет более утонченных и углубленных форм познания.

18 февраля

Недалеко от селения Артыш можно видеть высоко в скале три огня. Конечно, это буддийские пещеры, осмотренные Лекоком ^[207] и Стейном. Снизу можно различить остатки росписи. Особо значительных предметов там не нашли. Народ украшает эти пещеры преданием. У старого царя была дочь. Ей была предсказана смерть от укуса скорпиона. Чтобы спасти ее, царь устроил жильё высоко на скале. Но судьба исполнилась. Царевна захотела отведать виноград. На веревке подняла к себе корзину, в которой притаился ядовитый скорпион.

В пятнадцати верстах на восток, среди кладбища, показывают могилу Марии, матери Иссы. Подробности легенды ускользают. Почему именно Мария, в Кашгаре никто не может рассказать. Так же как и об Иссе в Шринагаре. Нет ли здесь следов несторианства и манихейства?

По базару важно проезжает с плетью в руке кадий – судья. Едет ловить игроков в азартные игры. Конечно, кучки игроков быстро разбегаются и после проезда «блюстителя» снова тотчас смыкаются. Так же как опий, азартные игры истощают население.

Входим в китайское жильё. Против входа алтарь новогодних приношений и сластей. На стене яркая картина «владыки» богов. Кто же это? Ведь это тот самый Кейсар; ^[208] ведь это тот, кого ждут каждый по-своему. Новый год приветствуется именно его изображением. Даже в почти мусульманском Кашгаре притаилось дальневосточное верование. Там же увидели Гуаньинь – Матерь Мира, и человека – долгую жизнь (синтез всех возрастов), и еще одно изображение «Владыки богов». Это изображение менее сложно – всего две фигуры. «Владыка» и его хранитель. «Владыка», сидя у стола, следит за пламенем красной свечи. На лбу «Владыки» драгоценный камень, как красная звезда. Картина новейшей простой работы, но очень декоративна. Зашли во двор храма. Самый храм заперт. Служба не совершается. Против входа сцена для китайского театра.

Предвечернее солнце заливает берега Тюмен-Дарьи. По узкому мосту идете к песчаным

обрывам. Как мертвый город, недвижимо и неодоушевленно стоят над этими песчаными кручами глиняные стены. Деревья – голы; можно видеть далеко. Это первый вид, который можно назвать среднеазиатским городом. И не под вонючими навесами тесных базаров, не в лице прокаженных, но в золоте лучей солнца и в недвижности стен вы верите, что Кашгар действительно старое место.

19 февраля

Много подпочвенных вод в Кашгаре. Разливы рек и рисовые поля вызывают особый вид лихорадки вроде малярии. Самые разнообразные симптомы. Ломота суставов, сонливость, боль конечностей.

Нелегко получить деньги по чекам из Китая. Нас должны ждать таэли еще с ноября, но вот уже конец февраля, а почта оттягивает выдачу. Конечно, может быть, деньги отданы в рост. Рассказывают, что один из местных амбаней долго отказывался перевести собранные налоги генерал-губернатору, ибо они были отданы в рост для обогащения амбаня. Принесли снимки с жертв «правосудия»: ряды людей с отрубленными пальцами, ступнями, с перерезанными сухожилиями. Большинство из них не сумело или не могло вовремя заплатить «кому следует». Здесь же снимки с убитого дитая в полной «славе», с двумя лентами накрест, со звездами и с растопыренными ногами. Здесь же снимки с разработки нефти, начатой дитаем. Группа жен дитая и другие местные чиновники. Пришли старые письма из Америки от 30 октября, через Пекин. Этим путем потребовалось три с половиной месяца, чтобы достичь нас.

Найти лошадей здесь, по-видимому, еще труднее, нежели в Яркенде. У доктора Яловенко нашлись все лекарства, нужные нам. Его маленький госпиталь гораздо более оборудован, нежели в шведской миссии.

Пьем чай у Гилланов; идем с ними осматривать ступу. Около реки дорога начинает уже делаться вязкой. Переходим узкий мост и поднимаемся вверх среди причудливых песчаных формаций, созданных и водою и землетрясениями.

Конечно, здесь была древнейшая часть Кашгара; здесь могут быть найдены буддийские следы. Сама ступа превратилась в бесформенную глыбу, и лишь остатки кирпичной кладки внизу выдают ее построение. Размеры ее велики; не меньше большой ступы в Сарнате. В сущности, сохранилось лишь одно основание, а весь верхний купол исчез. Трудно среди песчаных оползней различать строительные развалины. Сколько таких замаскированных развалин погребено близ течения реки и под пологими курганами, под этим типично азиатским покровом...

Холодеет к вечеру. И лиловым силуэтом стоит Кашгар с китайским храмом на стене города. Силуэт не лишен покоя и величия, но это, так сказать, ложное величие, ибо громада силуэта превращается в хрупкость глиняных и песчаных строений. Поздно вечером к нам стучится Джордж Чжу, китаец, секретарь британского консула. С доброй вестью, с телеграммой от дуту из Урумчи. Разрешено ехать. Но, несмотря на представление кашгарского даотая и британского консула, наши две винтовки и три револьвера оставлены запечатанными, а о разрешении писать картины вообще не упомянуто, хотя и консул и даотай об этом определенно спрашивали в телеграммах. Мистер Джордж Чжу улыбаясь говорит: «Я учился английскому языку у американского учителя в Пекине, и я рад был помочь и принести добрую весть американской экспедиции».

20 февраля

Спешно готовим караван, чтобы уйти как можно скорее до наступления весенней распутицы и до разлива рек. До Урумчи добрых 1800 верст. Трудно достать лошадей. Все лучшие лошади угнаны в Фергану, где огромный спрос на лошадей из России.

Надо уволить Цай Хань-чена; он совсем взбесился, побил вчера вечером ладакца Мусу; он жертва курения опиума. Идем сказать благодарность Гиллану за его помощь и телеграммы. Говорю ему, как приятно отметить культурное отношение к задачам нашей экспедиции. Жалею, что, несмотря на его представление, ни оружие, ни разрешение писать этюды не дано. Прошу его дать текст посланных им телеграмм для внесения в дневник. Потом разговор об обмене рупий, которые поднялись в цене, на сары. Ходит слух о замене ходящих сар новой монетой. Никто ничего не знает. Именно, как миссионер Торквист назвал этот уголок Туркестана: заводье стоячей воды. Торквист говорит: «Китайцы рождаются конфуцианцами, живут даоистами, а умирают буддистами». Хотелось бы посмотреть настоящих китайцев. Столько говорится о напряженной работе в Кантоне. Неужели там не знают о темной жизни Китайского Туркестана? Неужели не знают, как один грабитель сменяет и распинает другого грабителя не для блага народа, не для суда, но ради личных счетов и личного обогащения? А пособники «власти» богатеи-беки гуляют ногайками по согбенным спинам бедняков.

21 февраля

Невозможно найти лошадей. Все годные лошади зафрахтованы на Андижан для перевозки товаров из России. Ходят слухи, что в Андижане заготовлено товаров на три года. Теперь же требуют за лошадей по 1 сару в день. Цена неслыханная. Придется взять арбы, а это значит, что до Урумчи вместо 40 дней придется идти 55 дней. Ведь 1000 верст. Надо безмерно спешить, иначе начнется ростепель. За городом, вблизи конного рынка, интересный мазар Гиссарлик – мазар, приписываемый какому-то монгольскому князю. Есть поверие: если бросить кусок глины в купол мазара, то отпадают бородавки.

22 февраля

Послали в Америку телеграммы и письма. Пусть купят Бурлюка и вещи новаторов. Ведь максималисты художники борются против той же всепроникающей пошлости и лицемерного мещанства. В будущем американском Музее должен быть большой отдел нового, а также отдел иностранцев, внесших в Америку свое творчество. И привлекайте больше молодых; надо, чтобы резерв был силен и подготовлен. Нельзя биться в одну линию.

Если сочтем все задержки, последовавшие от хотанского плена, то окажется, что мы потеряли три месяца, которые так нужны были ввиду наступления весенних разливов.

23 февраля

Не легко получить деньги через китайскую почту. С ноября месяца почта не может собрать 1600 мексиканских долларов. Прямо смешно, когда знаете, что местный генерал по поручению генерал-губернатора тут же переводит 10000 фунтов «частных сбережений».

Ездили к даотаю говорить о нашем оружии и о разрешении писать этюды. Даотай положил резолюцию: «Пробуйте писать картины, а если полиция будет запрещать, то перестаньте». Оружие наше заржавело от сырости. Когда мы указали на это, то нам было сказано переводчиком британского консула: «Не делайте затруднений». Мы опять почувствовали себя не в стране права, а в стране личного произвола. Еще было сказано нам, что если дуту (генерал-

губернатор) *найдет нас достойными*, то разрешит нам и оружие и работать. Нужно большое хладнокровие, чтобы принимать серьезно все эти сентенции. Интересно, каким путем и аппаратом будет генерал-губернатор исследовать нашу «достоинность» для работы и оружия... Но «достоинность» подобных властей для нас ясна без всякого особого аппарата. Откуда эти залежи невежественности? В довершение нам было указано, чтобы мы из оружейного ящика не вынули более того, недели позволено (то есть не вытащили бы револьверы). А ведь китайцы в Америке оскорбились бы за такое предупреждение. Как всегда, визит кончился уверениями, что нам очень помогли. Этакое лицемерие!

24 февраля

Интересны рассказы о передвижениях китайской армии Синьцзяна. Пушку везут две лошади. На каждой из них видит по солдату. На дуле пушки тоже сидит воин. В случае остановки лошадей из деревни припрягают еще одну клячу. «Армия», вышедшая в составе 20 000 человек при затрате в 6 000 000 сар, доходит до места битвы в составе около 2 000. Счет армии производится по количеству шапок. Потому в случае нехватки «воинов» на арбах на кольшках выставляются фуражки. Счет конницы идет по всадникам и по коням, то есть вдвойне. Об этой забытой провинции нигде не написано так, как оно есть на самом деле. По незнанию некоторые путешественники еще надевают смокинг, отправляясь к даотаю. Но пора сказать то, что есть на самом деле. Пора сказать просто во имя достоинства человеческого. Можно принять «всерьез» пережитки жителей Соломоновых островов, но государство с 400 000 000 населения не может быть рассматриваемо в наше время лишь с точки зрения этнографического курьеза. Следует всячески помочь истинным деятелям Китая вывести страну из трагикомического положения. Не знаем, что и как будет в дальнейшем пути, но наблюдения над неприкрашенной жизнью Синьцзяна приводят в содрогание. Синьцзян завоевали в свое время монголы, арабы, китайцы, тибетцы. Сартская спина все сносила и приносила свои салямы.

25 февраля

Если имеете китайский правительственный почтовый перевод, то это еще не значит, что вы имеете уже деньги. Китай даже не может удовлетворить чек в 1600 мексиканских долларов. Между тем Среднеазиатский банк через Ташкент немедленно рассчитывается с вами. Друзья, не пользуйтесь китайской почтой. Письма вскрывают, и многое не доходит до вас; и деньги не выдают вам. Опять приходится передвинуть свое сознание на Соломоновы острова, и тогда более поймете все действия синьцзянской компании. Впрочем, не будем обижать Соломоновы острова такими сравнениями.

И вот опять британский консул и его секретарь Чжу должны хлопотать, и, благодаря их личным воздействиям, вы, наконец, в виде особого одолжения получите то, на что имеете обычное право. Пожелали г. Чжу встретить его в составе вашингтонского или парижского посольства. Обменялись приветом с Гилланами. Действительно, они помогли выбраться нам из Хотана. Спросили друг друга, где теперь встретимся.

26 февраля

Поехали. Утром пришли проститься консул Гиллан с женою, секретарь консульства Чжу, директор банка Анохин, доктор Яловенко, семья Крыжовых. Простились, посидели. Опять вопрос, где встретимся снова? Прошли кашгарскими базарами. Пошли песочной седой дорогой.

По левую руку синее кашгарская река, заводы, рисовые поля – рассадники лихорадки. По правую – селения, болотистые озера. Нависает весенний молочный туман. Переход невелик. К трем часам остановились в маленьком селении Яндома.

Расстались с Цай Хань-ченем. Он опять курит опиум, водит женщин с базара и бьет слуг. Вспоминаю его два рассказа: лошадь под ним испугалась, и он свалился. За это он камнем сломал лошади ногу. Еще рассказ: орел налетел и оцарапал ему руку. Тут месть была изысканной; был положен кусок мяса, начиненный порохом при длинном фитиле. Орел, подхвативший мясо, был взорван.

Человек-вестовой, едущий впереди, называется «дорога». Количество слов, совпадающих с русским значением, становится еще поразительнее.

Под вечер становится холодно. Снега нет. Гор не видно.

27 февраля

Солончаки, кусты, ветлы, маленькие селения. Недлинный переход до Файзабада. Уже к половине второго на месте. Между тем в английской книге маршрутов путь от Кашгара до Файзабада разделен на три дня. Даже тихим пешим ходом и то скорее пройти. Настолько все книги, сообщающие «факты», должны быть пересмотрены. Слишком много неверных «фактов» лежит на полках библиотек и слишком много затаилось почтения к печатному слову без всякой переоценки.

Заново, заново, заново – новым сознанием и новым вмещением.

Еще кто-то уважает деньги как токовые. А вот нам сейчас принесли деревянные щепочки с нарезанными знаками и уверяют, что это подлинные деньги. А самые лучшие деньги, ибо они выпущены игроками в азартные игры. Этот авторитет, видимо, стоит очень высоко. Помню, в каком-то банке я слышал ожесточенное восклицание: «Я вам не щепками плачу». По здешним обычаям это замечание не было преувеличением. Щепочка коричневого цвета, вершка два длиною, и на ней рукодельные китайские знаки. Люди любят эти деньги, ибо они не рвутся. Погашение знаков здесь производится очень просто. После изнашивания знак не принимается в казначейство, и последний собственник такого знака погашает государственный долг. Мы исследовали места наших дальнейших остановок и нашли, что места станций в книге маршрутов неправильны. Приходится часто соединять по два прогона, иначе и в 50 дней до Урумчи не доехать. Прислали двух солдат эскорта – сущих бандитов. Пришлось их отправить обратно.

28 февраля

Всю ночь, до 4-х часов, при полной зеленой луне, пели кругом в разных кишлаках, вероятно, в честь месяца Барат. Пели неистово, но, сглаженное расстоянием, иногда пение звучало красиво. Это пенье не было сартское, но торгутское.^[209] В чем же дело? Как же попали торгуты в мусульманский Файзабад? Конечно, это пленники былых войн. До сих пор они хранят свои обычаи, и звучат при полной луне звонкие песни. Разбирая народности, иногда отличите их по остаткам одежды, иногда по языку, иногда по старинным священным напевам. В ночное время звучат песни к своему краю. И где-то сердце отвечает на зов этот. Поучительно проследить конгломерат народностей, засыпанных песками пустынь.

Встали рано, в 5 часов, ибо путь длинный – 15 потаев, то есть 150 китайских ли, то есть 60 русских верст. Сперва солончаки, зеленовато-седые; потом мертвый песок, барханы. Пыль стоит беспросветно; тощий кустарник, его выдергивают на топливо и тем окончательно омертвляют пустыню, а за два перегона от Кашгара и прекрасный уголь, и чудесная нефть. Сами люди

стараятся по невежеству омертвить свою почву. Около мелких речек еще лежит ледок, а под солнцем уже печет, и трудно двигаться в меховых одеждах. Место стоянки называется Караджулгун, маленькая серая деревня. Караван запоздал. Пьем чай из местного кунгана. Для описания этого чайника не хватает черной краски. Накопляются наброски.

1 марта

Кажется, самый безотрадный переход. Почти все время шли по местам старого опустошенного леса. Все барханы наполнены старыми, гигантскими пнями и корнями. Видимо, здесь был большой лес. А теперь люди унесли деревья, пески разметали остатки, и вы следуете, как по корявому кладбищу. Тощий кустарник не может сдержать песочных буранов. Все серо. Так же серы заводья и начавшиеся весенние разливы. Из-за этих разливов делаем вместо 8 потаев – 12 потаев. Ухабы, пни, оползни. Самая большая китайская дорога равняется маленькому русскому проселку. За день встречается несколько тощих караванов, но они, конечно, не могут явиться нервом истинной торговли. Все умерло.

Серая деревня Урдаклык. На плоских крышах маячат молчаливые фигуры. И ничего они могут видеть со своей крыши, кроме запыленного горизонта. И нет у этих людей ни просвета, ни надежды. Мимо них идут редкие путешественники; на ночь загорится огонек каравана. И опять то же подавленное безмолвие. Пролетают гуси и утки на весенние разливы, но домохозяйничают одни вороны и грачи. Неужели и с этих людей ухитряются наживаться беки и китайские амбани?

Не везет нашему китайскому эскорту. За три дня три «воина» умудрились слететь с лошадей. А если целый полк таких цириков, как их здесь называют?

Рассказывают, что некоторые китайские армии пушки возят на людях. И враги днем стреляют на воздух, а ночью сидят за общей азартной игрой.

2 марта

Говорилось о Китайском Туркестане со стороны археологии, говорилось о давнишних завоеваниях и о смене владений, но не говорилось о текущем самосознании края. А ведь в нарастании мировой эволюции нельзя обойти молчанием этот обширный и забытый судьбою край. Очень поучительно следить за остатками тохарской, уйгурской и монгольской постройки, но так же поучительно и поражающе видеть, во что превратилось самосознание края. Опять та же песчаная серая безнадежность.

Буран на целый день. Идем «лесом», то есть, вернее, лесным кладбищем. Оставшиеся деревья – карагачи – торчат искривленно, мохнато, рогато. Вместо солнца виден серебряный кружок. Как ясно представляется причина, гнавшая великих переселенцев и завоевателей на запад и на юг. Изображая великое переселение, не изображайте ноги, обувь, копыта – все до пояса тонет в густом пыльном облаке.

Обгоняем старика. Он на что-то жалуется. Поняли, что ему сломали плечо и угнали шестнадцать его лошадей. Конечно, на каракорумских высотах больше своей этики. За день встретили три каравана ослов и полдюжины арб. Стоим в Чуге. Прошли 14 ½ потаев. Неужели это и есть самая большая китайская дорога? И может ли именоваться правительством власть, содержащая свою главную артерию в подобном состоянии? Ведь об этом нужно кричать, как о каждом невежественном антикультурном проступке. Е. И. простудилась.

3 марта

Особенно нелепо сознавать, что целый день утомительного пути равняется двум часам езды на моторе или часу на аэроплане. Ведь здешние пути могут быть так легко приспособлены для мотора, а для аэропланов даже не нужно аэродромов строить. Может быть, ничто так не пробудило бы народное сознание, как стальная птица с доброю вестью и нужными вещами. В ряды запыленных и перегруженных основ была бы внесена брешь разума. Сэр Аурел Стейн в своих книгах высказывает опасение, как бы примитивность этого края не нарушилась проведением железных дорог и проявлениями цивилизации. Этот сентиментализм граничит с бесчеловечием. Я всегда был против некультурных проявлений цивилизации. Но бывают моменты такого паралича края, что нужны самые экстренные меры просвещения.

Но буддист знает причину омертвления края. В книгах «Ганжура»^[210] сказано, что в земле, отступившей от учения Будды, засохнут деревья и поникнут травы и уйдет благосостояние.

Идем сперва так называемым «лэссом», потом солончаками, попадаем в разлив Яркенд-Дарьи. Наконец доходим до глиняных стен и башен Марал-баши. Не стреляйте по этим стенам из пушки – слишком много пыли останется. Длинный базар Марал-баши грязнее и темнее других базаров или такой же, как и все прочие. Амбань присылает спросить нашу фамилию. Оказывается, в распоряжении кашгарского даотая о нашем проезде пропущена наша фамилия. Нет, с китайским делопроизводством далеко не уедешь!

Среди сар, с таким трудом нам выданных в Кашгаре, много негодных. Должно быть на них десять букв, но часто десятая, средняя буква, бывает вырвана и тогда денежный знак более не принимается. Тщательно пересматривайте все деньги, здесь получаемые, будут ли они с базара или из губернаторского ямыня.

Юрий вспоминает, что о Дуньхуане первый сказал наш Пржевальский, но затем честь этого открытия была взята другими иностранными учеными. Пржевальский уже в семидесятых годах говорил об этих замечательных пещерных храмах.

Около Марал-баши несколько озер. Много рыбы, но часто попадается чем-то отравленная. Новая наглость амбаня. Заявил, что пришлет нам солдат, если мы его попросим. Но ведь не нам солдаты нужны, а они сторожат по приказу генерал-губернатора отобранное и запечатанное оружие наше. Как же мы должны просить амбаня об исполнении приказа генерал-губернатора? И нагло и нелепо. Опять говорят люди: «Амбань не знает никаких обычаев». Сун должен быть, несмотря на усталость и поздний час, ехать и вразумлять неразумного амбаня, что солдаты нужны не нам, а нужны по приказу генерал-губернатора.

4 марта

Прислали новых солдат. Даже на людей не похожи, просто какие-то насекомые. Вспомнили рассказы М., как он один обратил в бегство тридцать цириков и как целый полк цириков сдался двум пулеметчикам. Да, видно все это не преувеличения.

Ехали сперва унылой равниной. Скоро справа выделился на желтом небе опаловый силуэт гор. Здравствуйте, родные горы!

Сулейман рассказывает: «Жил богатырь. Увидел, что озеро здесь слишком велико, и нарубил мечом своим утесы от соседних гор и накидал сюда. За этой горою лежит прекрасный сад и живут там святые люди, но никто туда без дозволения их не пройдет. Пробовали сарты идти туда – никто назад не вернулся». И показывает Сулейман на юго-восток.

Скоро нас ожидала неприятность. Скачут навстречу – предупреждают, что вода через дорогу пошла. Пришлось делать объезд в двадцать верст. Тоже надо поставить на счет ареста и задержки в Хотане. Потеряли лучшее для пути время. Теперь придется всюду мучиться с

разливами.

Опять рассказ: «Под Урумчи утесная гора, и тоже живут там святые люди. Раз подранил калмык горного барана, тот и довел калмыка до святого человека. Приглашал человек калмыка остаться с ними, но калмык домой отпросился. И дал калмыку святой полную полу деревянных щепочек. Понес калмык и думает: куда понесу эту невидаль. Взял да и вывалил в лес. Только две щепочки зацепились. А как пришел домой – глядь, а в поле-то золото зацепилось. Так и прогадал калмык».

Идем дальше, мимо серых песчаниковых гор с сильными напластованиями. Прошли старый могильник, потом прошли мазар богатыря – святого человека. Говорят, даже след от копыта коня его остался на горе. Горы – все красивее и выливаются в библейски-романтический силуэт. Здесь недалеко древнее городище Хайвар. Около дороги остатки китайского укрепления Анджалык. Затем опять пески и разливы.

Еще рассказ: «Недалеко от Анджалыка старый дом. Кто войдет в него – дивится богатому убранству и грудам золота. Наберет кучу золота, а дверь уже и заперта и никуда не выйдешь. И покуда не отдашь обратно все золото до последнего зернышка, до тех пор и двери не отпрутятся. Такое же место есть около Уч-Турфана. Стоит строение, словно город, даже дымы видать, а войти можно только по пятницам. Но золото тоже не вынести из этого городища. А в Куче нашли подземельный ход, как бы целую подземную дыру. Навезли тысячу телег камня, чтобы засыпать – да так и не могли. Камни и теперь видны. Там же нашли могилу святого. Тридцать девять дверей в нее открыли, а сороковую не могли. Так и зарыли обратно». Помнит народ и о сужденных садах прекрасных и о чужом золоте.

Становится темно. Пришли в деревню Томчуг. Костры, звезды и народные мечтания. И долго-долго молился один, освещенный костром. О чем? Не о просвещении ли? Высоко стоит чаща Ориона. Вокруг костра лежат босоногие подростки – это наша стража.

5 марта

Если хотите дать подарок босоногим ночным стражам – ваше желание тщетно. Все данное будет забрано старшиною...

Один из скучных переходов до Яка Худук. Опять несносная пыль. Скрытые ямы. Горелый лес. Кабаньи заросли и затоны. Кабанов много. Часто над нами тянется одна проволока телеграфа. Это та самая линия, которая передает телеграммы в абсолютно непонятном виде. В последней телеграмме из Нью-Йорка значился ряд нечленораздельных букв и ясно одно последнее слово «совет». Кому и о чем? Можно подумать, что это очень хитрый шифр или злая шутка, где понятно лишь последнее вызывающее ответ слово.

Еще рассказ: «В Кашгаре недавно жил один святой человек. Он слышал, когда в святом месте люди молились, а ходу до этого места шесть месяцев. Есть такое святое место за горами. В Оренбургском крае тоже жил такой человек. Слышал он и про будущее, и про настоящее, и про войну, и про голод. Через двести лет сарты ждут великого святого. А может быть, и раньше».

Стоим на пыльном берегу Яркенд-Дарьи. Иногда подымается ветер и крутит высокие жестокие столбы песка. Маленькие мазанки, голые кусты и песчаные отмели реки.

6 марта

Очень просто изобразить наш сегодняшний переход. Насыпьте на круглое блюдо много серой пыли, бросьте еще несколько серых шерстинок и воткните обломки спичек. Пустите муравьев ползти по этой ухабистой равнине и для правдоподобия дуйте, чтобы создать столбы

пыли.

Так и ползли. Должны были стоять в Старом Чулане, но там вода горькая, и пришлось делать обход, чтобы переночевать в кишлаке Новый Чулан. При подходе к его серым глинобиткам неожиданно обозначился легкий силуэт гор – преддверий к Тянь-Шаню. Все еще мучает простуда Е. И.

Сулейман рассказывает, как сейчас в этом крае разоряются две фирмы, обрабатывающие кишки для колбас, немецкая (Фауста) и американская (Бреннера). Цены на кишки так неслыханно поднялись, что их обработка становится невыгодной. И идут на закрытие. Странно было узнать, что оболочка колбас на рынках Америки шла из Хотана и из Аксу. Такие же затруднения и с торговлей хлопком. Для повышения цены смешивают разные несходные сорта и тем губят ценность всего состава. С шелком происходит тоже трудность. Невозможно получить качество всей поставки по принятому образцу, невозможно получить окраску материала по данному тону. Все это ввергает промышленность в условия средневековья. Хорошего качества дыни, изюм.

Янтарное солнце растворилось во мгле горизонта. По далям зажглись огни костров. Кто-то где-то сидит и ткет узор слухов. В потемках слышны громкие песни. Идет шумливая *тамаша*.^[211]

7 марта

Оказывается, в Старом Чулане воды очень хорошая, даже лучше, чем в Новом. Но жители Нового Чулана рушили «перебить» проезжающих и накидали в озеро Старого Чуланадохлых ишаков и собак. Караван – это нерв страны, и этот случай переманивания проезжих очень характерен. Шли тринадцать потаев до маленького селения Чутухудук – разбитой маленькой деревушки. Нелепо даже подумать, что эта станция на самом большом пути Китая. Все время пески, но с левой стороны протянулась гряда гор, и жемчужные взгорья скрашивают горизонт.

Еще рассказ: «У города Ош еще есть гора Соломона. Даже сохранились ямки, где на коленях Соломон молился».

Вспоминаем, как британский консул в Кашгаре сообщил нам, что еще в ноябре в Урумчи был друг Юрия Аллан Прист. После Бостона мы встретили Приста на пороге Ватикана в Риме. А теперь он попадает к нам на азиатских путях. Подвижной, чуткий человек. Консул говорит, что он получил от Советов разрешение ехать через Сибирь в Пекин. Не застанем ли его еще в Урумчи? Есть люди, с которыми всюду приятно встретиться. Где-то встретим наших дорогих американцев?

Давно мы не видели такой благородный закат с широкой градацией опалово-лиловой гаммы. Золотое, слегка притушенное солнце долго касалось зубцов дальних гор и ушло, оставив мягкий огневый столб. За этими горами русская земля. Сегодня песен нет. Поселок тих. За околицей на равнине – наши палатки. Сверху глядит Орион.

Е. И. почти поправилась.

8 марта

Дошли до Айкула. Сперва песками; после двух потаев селения, поля; всего – десять потаев. Начинают сеять, пахут. Плуг каменного века. Два вола тащат одну рогатую деревяшку. Глубоко ли можно взять подобным орудием? День весенний. Свежий ветер и жаркий припек. Айкул – длинное, пыльное селение. За день несколько караванных происшествий. Пала лошадь – с утра вспухла голова, и к трем часам кончилась. В мафе у гегена упала средняя лошадь на плохом

мосту, боялись, что не поднять. При этом выяснилось, что вчера опрокинулась одна арба. Вся поклажа вывалилась. А охранный цирик скрыл это происшествие. Когда ему выговаривали, он глупо, идиотски усмехался.

Приближается прохладный вечер; толкуем об ухудшении китайского языка. Собралось сорок тысяч знаков, а между ними ни один не выражает букву «р». В старое время был знак, довольно близко выражавший эту букву, а затем он куда-то исчез из восьми тысяч знаков, употребляемых в обиходе. Спрашивается, для чего словари хранят тридцать две тысячи ненужных знаков? В этой ненужной ветоши сказывается все падение китайской эволюции. В результате, местные люди шепчут: «Не заходите в этот двор: там китайцы», или: «Разве можно ожидать справедливость от китайцев!»

И сколько молодых людей безвинно волочат за собой этот приговор, сложенный невежеством и жестокостью их отцов и дедов. Как им надо спешить отделаться от такого наследства! Если вся многотысячная груда знаков привела к невежеству – надо скорее раскрепоститься от этих скелетов условности. Бодро и сурово надо сбросить тухлятину пережитков. Иначе, отчего же часто стирались из истории земли целые народы?! «Великая материя ткет свой узор и сурово изгоняет всякую гнилую нить из своей космической пряжи». Отчего уже Конфуций должен был держать всегда наготове свою дорожную колесницу? Вот когда преступная власть уйдет, тогда нужно немедленно дать народу железные дороги и возможность роста и обмена. И как легко здесь протянуть железные линии среди равнин!

Сегодня особенно плоха вода. Всю неделю вода желто-коричневая, а сегодня она еще какая-то мыльно-серая и вонючая – пить нельзя. Того и жди – выудят в ведре из колодца голову дунганина.^[212] Это бывало.

9 марта

От Айкула мы идем до Аксу, до столицы неудачного Якуб-бека,^[213] который полвека назад пытался освободить Туркестан от китайского владычества, но не сумел выбрать себе союзников. Дорога большею частью мокрая, в ухабах. Река Аксу, то есть «белая вода», уже начала разливаться. Мосты, как и всюду, пляшут, как живые. И это главный путь Китая! Серое небо и желтая пашня. Вспоминаем Америку, вспоминаем красоты Санта-Фе, Большого каньона, Колорадо и Аризоны. Еще раз мысленно посылаем друзей-американцев лучше знать красоты своей прекрасной страны. Вспоминаем, как пытаются всякие бездарные Жаны Кокто в Париже предложить американцам специальное блюдо чепухи. Но Америка полна своих возможностей.

Незаметно въезжаем в пределы Аксу. Те же глинобитки и ларьки. Как всегда, два города. Один старый – на болотистом месте. Новый – посуше, там живет китайское управление: даотай, амбань и полковник. В пяти днях пути отсюда перевал Музарт – на Илийский край к калмыкам. Стоим в новом городе, в саду андижанского аксакала. Пыльно.

Сегодня – первая кровь. Двое бродяг побили до крови и почти выбили глаз одному из наших мафакешей.^[214] Крик. Шум. Бродяг изловили. Вяжут и уводят к амбаню. А наши револьверы запечатаны, ибо генерал-губернатор, то есть дуту, не доверяет нашим американским верительным бумагам и уверяет, что путь по его провинции совершенно покоен. Губернатор, конечно, не знает свою провинцию, он занят пересылкой своих богатств в разные банки разными фантастическими путями. Скорее из этой территории! Лама просит вас не стоять долго в Аксу. Здешний базар славится ворами и развратом. Темнеет. Приезжает с визитом амбань. Приятное исключение: говорит по-английски, немного по-русски; служил в Русско-Азиатском банке и знает лично Аллана Приста (сейчас Прист в Пекине). Долго беседуем, амбань просит остаться на день, иначе он не может нам устроить двух лошадей до Кучи. Рассказываем ему о

хотанских невеждах. Он пожимает плечами и говорит: «Верно, вы первый раз в Китае». Симпатичный тип молодого чиновника, следящего за событиями и знающего значение многого. Завтра приедет к завтраку. Для нас он первый культурный китаец. В нем нет той агрессивности, как в Чжу (в Кашгаре). Амбань Аксу скорее в типе хороших китайских студентов, которых можно встретить в американских и Парижском университетах. Рады мы встретить этот тип, ибо по нему мы складывали понятие о современном Китае, а не по «зубрам». Посмотрим, что будет дальше.

10 марта

Рано утром послышалось знакомое пение. Так на восходе пели молитвы ладакцы на перевалах. Так и есть. Наши два ладакца-караванщика сидят под деревом и складно поют гимн Таре и Владыке Майтрейе.

Приехал Пань Цзи-ли, амбань. Говорили о китайских проблемах, о религиях, об учениях жизни. Очень жалуется на жизнь в Аксу. Мечтает уехать, ибо здесь делать ничего не может; конечно, один и подначальный человек не может начать ничего существенного. Пожелали ему удачи в его намерениях. Амбань привез два номера китайских газет от 9 и 16 января. Читаем, как Чжан Цзо-лин объявил себя независимым от центрального правительства, как Монголия присоединилась к Союзу Советов. Читаем также об отставке Фына. Очень значительно.

11 марта

Лопнул последний китаец в караване. Выяснилось, что Сун каждую ночь проводит на базаре в карточной игре. Отрубленный палец не помог. Из четырех китайцев двое оказались курильщиками опия и двое игроками. Вот и лучший из встреченных китайцев, амбань в Аксу, стремится покинуть эту страну и чувствует, что ничего не может сделать. А кто же будет тот, кто мужественно и самоотверженно возьмется превратить это пыльное кладбище в цветущий сад? И серебро, и медь, и уголь, и нефть – все есть здесь, но нет заботливой руки.

Идем длинным путем до Карахудука (18 потаев). Сперва глиняные стены нового города, потом жемчужная пустыня, потом барханы и камыш. Дошли около полуночи. Стоим на китайском постоялом дворе. Еще одна трудность: спины грузовых лошадей от ран гниют, ибо караванщики никогда не снимают седла, и багаж пропитывается отвратительным запахом. В будущем необходимо урегулировать это караванное зло: лошади, верблюды, ишаки так трудятся, что их нельзя обречь на съедение червям заживо. Тибетцы жалеют коней, но кашмирцы и сарты обрекают их на червей. Поверить трудно.

12 марта

Синьцзянский анекдот продолжается. Сегодня наш пресловутый эскорт хотел присоединить к нашему каравану арестованного преступника. С большим шумом удалось отменить это неожиданное приложение.

А весь день выдался такой ясный. Шли замысловатыми древними песчаниковыми формациями. Солнце уже пекло, но в тени лежал еще лед. Ни деревьев, ни селений – далеко вокруг пустыня, закончившаяся голубыми зубцами нагорий. Линии и просты и мощны. В таких местах можно найти старые памятники. На закате подходим к одинокому лянгару Тогракданг. На песчаниковых скалах высоко что-то чернеет. Не сомневаемся, что это отверстия древних буддийских пещер. Так и есть. Часть пещер чернеет очень высоко, и подходы к ним обвалились.

Но три пещеры на низком откосе. Потолок и стены разрушены. Конечно, это мусульмане уничтожали ненавистные изображения. Около земли, пониже, еще видны остатки орнаментов, покрытые сверху тюркскими надписями. Но самое заманчивое то, что под насыпью пола гудит пустота. Значит, в нижней засыпанной части скалы тоже пещеры и даже не заваленные. У Стейна не помним указаний на это место. Оно напоминает о тохарских древностях V—VIII веков. Обращены пещеры на восток. Перед глазами отшельников расстился широкий нагорный вид – хорошее, красивое место. Под пещерами журчит горный родник, не водопад, но именно маленький светлый родник. Тонкая струйка бежит по деревянному желобку в деревянное ведерко сартянки. Так же брали здесь воду и отшельники. Среди осколков в осыпях чернеет много кусков базальта. Конечно, кроме пещер здесь были и ступы и отдельные строения, занесенные обвалами скал.

Звенят бубенцы, и торопится проехать мимо почтарь с двумя запечатанными мешками почты. От Кашгара до Урумчи почта идет 13 дней.

13 марта

Детишки из лянгара бросаются подбирать бумажки после каравана. Одной девочке достается цветная этикетка от спичек. Восторг обладательницы безмерен. Жалеем, что с нами нет цветных открыток для раздачи. Если хотите скорее проникнуть к детскому сердцу – сделайте это через ярко-цветную картинку. И примут с радостью и запомнят.

Простились с пещерами. Идем мимо богатых песчаниковых строений. Точно высокие волны с застывшими гребнями, или точно грозно протянутые пальцы, или башни с мостами, или бесчисленные шатры. После гор опять спустились в пески. Видимо, здесь прошел буран из Такла-Макана; все потонуло в облаках густой пыли. Будем стоять в Куштами, в пыльном лянгаре. Опять кто-то дерется и шумит. По пути встретили несколько табунов коней. Они идут к Андижану, на русскую границу. Качество коней неважное. Приближаемся к конской стране, а качество коней ухудшается! Вообще оценки и репутации надо пересмотреть. Мы это видели уже на нефрите, шелке, конях, пении, на керамике и на многом другом. И не надо бояться пересматривать репутации, ибо пора от прошлого перенестись к будущему. Можно знать прошлое, но сознание надо устремить в будущее.

Во дворе лянгара стоит банда игроков-шулеров. Около стоянки видны две палатки каракиргизов – известных воров. Именно здесь однажды данный амбанем эскорт ограбил путешественника. Надо принять особые меры. Сторожей деревня не прислала. Будь наши маузеры при нас, все было бы ладно, а то ведь это демонстрация с запечатанием оружия сделана гласно, чтобы и слуги и все придорожные жулики знали это. На китайский эскорт полагаться нельзя. Единственный сторож наш – тибетец Тумбал.

14 марта

Как и следовало ожидать, ночью происходило безобразие. Выяснилось, что арестант, несмотря на наше запрещение, идет с нашим караваном. Ночью была азартная игра, арестант проиграл много денег. Его связали... Словом, китайцы нам устроили «почетное» сопровождение. Скорей, скорей из этой области!

После бурана все погрузилось во мглу. Горы исчезли. Желтая пашня и редкие черные волы в плуге. Сеют. На тополях набухают почки, но около речек кое-где лежит запоздалый снег. Должны были стоять в городе Бай, но ужаснулись грязи на базаре и решили пройти еще пять потаев до маленького лянгара. Среди старых могил – мазаров – стоим на поле. В темноте ставим

палатки. Интересно отметить, что в Бае амбань – племянник дуту. Видимо, у него масса племянников и всем даются места амбаней и консулов. Синьцзянская компания! Сегодня приняты важные решения. Есть сообщение.

15 марта

Хмурый день. Лиловато-серое небо. Желтая пашня. Горы по правую руку – в слабом опаловом силуэте. В этих горах пещеры – в трех потаях от Кизила, где будем стоять. Пещеры исследованы Стейном. Остатки живописи сожжены местными «иконоборцами». По пути попадаются огромные стада баранов и коз. Куда их гонят? Ответ один: в Андижан. И бараны, и козы, и быки, и хлопок – все потянулось на Андижан, к русской границе. Общая мечта – торговля и сношения с иностранцами. Самотеком идет туда ватаги сартов работать, ибо здесь работы не достать. На Андижан, на Кульджу, на Чугучак – вот три артерии, которые привлекли внимание всего края. На базарах котируется русское золото. Червонец, недавно временно упавший, повысился вдвойне и достигает цены золота. Едем базаром, и нам кричат: «Хорошо едешь, урус». Откуда это? Завтра до Кучи большой перегон – 18 потаев. Надо выехать часов в пять.

16 марта

Один из самых чудесных дней. До семи часов морозно, потом жаркое солнце. Сперва бодрая пустыня в жемчужных тонах. Потом перевал и самые невероятные песчаниковые нагромождения! Как застывшие океанские волны, как стобашенные замки, как соборы, как юрты – все в нескончаемом разнообразии. У лянгара Туругдана кормили коней. Там же недалеко две пещеры со следами цветочного орнамента. За два потая до Кучи на откосе высится башня Кизил Карга, то есть «красный ворон». Оглядываемся и замечаем вблизи темные отверстия пещер. Соскакиваем и спешим туда по песчаным буграм. Ведь это те самые известные пещеры; помнится, кажется, у Лекока воспроизведена часть их. Но, как всегда, воспроизведение не дает и части действительного впечатления. Нужно прийти в этот амфитеатр бывших храмов под вечер, когда это место усугублено покоем природы. Нужно представить себе все эти пещерные молельни не ободранными, с почерневшими стенами и сводами, а ярко, бодро расписанными. В нишах надо представить унесенные теперь фигуры Благословенного и Бодхисаттв. В одной пещере остались следы изображения тысячи Будд. В другой пещере осталось ложе Будды и часть плафона. Низ стен испещрен мусульманскими надписями. Под полом часто чувствуется пустота. Очевидно, имеется ряд нижних, не вскрытых помещений. Вряд ли можно считать раскопку законченной, если ясно звучат пустоты скрытых помещений. Не ламаизм, но следы истинного буддизма звучат в молчании этих пещер. Конечно, прекрасно, что образцы фресок разлетелись по музеям Европы, но ведь стены-то пещер остались голыми, но ведь подлинный вид молелен исчез – остались лишь скелеты.

Едем к Куче длинным рядом садов. Город кажется чище других. В чем дело? Здесь старый старший мулла заставляет чистить улицы. Конечно, на базаре все-таки стоять нельзя. Говорят о каком-то саде за городом. Но как достичь его в упавшей полной тьме? Спаситель является: из этой именно тьмы ныряет белая чалма и неожиданный друг – сарт ведет нас за город. Там и сад, и дом, и конюшни. Конюхи просят спать на кухне. Почему? В служебном доме живет «лишенный души человек», то есть сумасшедший, и вся ватага здоровых мужиков боится его. Повар называет курятник «курочкина кибитка». Вот мы и в столице тохаров. Там, где тохарский царь Почан, может быть, Пасседван, преследуемый китайцами, вылетел из города на драконе,

унеся с собою все свои сокровища. Много толкуют о золоте в буддийских пещерах.

17 марта

Все утро уходит на переговоры с арбакешами, мафакешами и керакешами.^[215] Сперва все оказывается невозможным. Потом, после бездны ненужных разговоров, все можно. Сперва до Карашара путь исчисляется в 12 дней, тогда как всем известно, что восемь дней обычный срок. Всмотримся во все эти лица. Где же они, следы тохар? Не видно. Может быть, что-то более монгольское проскальзывает в чертах, но в общем это те же тюрки-сарты. Так и ушли тохары бесследно, и никто не знает даже истинного происхождения знаков их письменности.

Так на глазах нашей истории пришел народ неизвестно откуда и неизвестно как растворился, пропал бесследно. И не дикий народ, а с письменностью, с культурой. А так вот, так же как их царь Почан, неизвестно куда улетел на драконе. И странно сидеть в этой самой стране, в грушевом саду, и ничего не знать о бывших еще недавно здесь обитателях. Древностей опять не достать – «где-то, кто-то их знает в Такла-Макане».

18 марта

В час ночи начались барабаны, трубы и пенье. Громко и призывно и настойчиво неслись крики: «Алла». Это мусульмане готовились к посту рамазана. Днем они должны поститься, но ночью могут принимать обильную пищу. Чтобы не проспать времени пищи, добрые мусульмане играют и танцуют в преддверии дневного поста. Собаки очень лаяли и бросались ночью. Рамазана встал, чтобы обойти лагерь, и заметил, что правительственные сторожа, цирики, глубоко спят. Рамазана подхватил винтовку у одного из них, обошел стан и заснул с винтовкой. Цирик перепугался, проснувшись утром без оружия. Уж эти цирики несчастные!

Утром приехала шведская миссионерша. Уже пятнадцать лет в этом крае, и ни одного обращенного! Впрочем, миссионерша занимается лечением и акушерством, а это здесь совершенно необходимо, ибо все эти «города» без единого врача.

Затем начался русско-американский день. Поехали смотреть американское предприятие Бреннера из Нью-Йорка. Дело кишечное и шерсти. Состав заведующих русский – П.Г. Полтавский, Дмитриев, целая артель трудящихся, бодрых людей. Своеобразная коммуна с ребятишками и радостным сознанием растущего труда. Дело развивается. При полной примитивности аппаратов надо любоваться прекрасными результатами. Вот разбирают и промывают шерсть. Вот на самодельном прессе прессуют ее. Тут же ждет вереница верблюдов, чтобы поднять белые вьюки шерсти и нести их в Россию, в Тяньцзинь, в порты на Европу и Америку. У всей артели нет книг, на всю братию лишь одно Евангелие и случайный том Короленко. Была радость, когда могли дать им старые газеты и две книги. Рассказы о делах, о сартах. Хвалят убитого дитая. Расспрашивают, что творится в мире. Дмитриев умело подходит к местным нравам путем религиозных рассуждений. Таким путем нетерпимость и суеверие, распространяемое муллами, находит отпор. А нетерпимости очень много. И много местных баев собирались задушить новое иностранное дело. Дмитриев и Полтавский являются пионерами Америки в этом крае. Полтавский послал детей своих, девяти и двенадцати лет в Ташкент для образования. Малыши доехали одни через перевалы – ладно. Пишут отцу и хвалят жизнь. Дмитриев – алтаец родом. Вынес много странствий. Был разносчиком сладостей. В переходах узнал край и нашел подходы к людям. Вся группа производит живое впечатление. Слушает рассказы наши об Америке. Дмитриев рассказывает о богатствах минеральных Торгоутского и Илийского края.

Калмыки – отличные стрелки. Управление калмыков не чуждается новшеств. Сартов для работ русские хвалят, есть подражание и усвояемость приемов.

В крае ходит много сказателей легенд и сказок. Содержание касается вопросов Корана и религии. Часто слушатели вступают в диалог со сказателем. Часто разумные вопросы сбивают рутину суеверия. В Турфане существует любопытный обычай посылать молодых людей с опытным поводырем под видом сказателей по всему краю, даже до Мекки. Получается своеобразный опытный университет. Этим объясняется подвижность турфанцев.

Собрания и празднества обычно заканчиваются песней про Исса (Иисуса):

«Как шел Исса по странствиям. Увидел Исса голову великую. Лежит у дороги мертвая голова человеческая. Думает Исса: великая голова принадлежит великому человеку. И решает Исса сделать доброе и воскресить эту голову великую. Вот обростает голова кожей. И наполнились глаза. Вот растет тело великое. И потекла кровь. И наполнилось сердце. И встал сильный богатырь. И благодарил Исса за воскрешение на пользу роду людскому».

Много легенд о полетах Соломона. Среди калмыков очень распространено так называемое Тибетское Евангелие, то есть не что иное, как уже знакомая нам рукопись об «Иссе, лучшем из сынов человеческих». Конечно, сюда она дошла не из Хеми, а из другого источника. Всюду рассыпаны знаки красоты. Пора их собрать бесстрашно, без суеверия.

Есть сведения о древних местах. О многочисленных пещерах и ступах по течению Кизил-Дарьи. Частью раскопанных, частью еще скрытых. Еще недавно на базаре продавали «сундук с древностями», привезенный из Лоба (около Лобнора). Рассказы о старых городах по течению Тарима, то есть Яркенд-Дарьи. Есть лица, знающие эти города. Высохшие тела в погребениях там очень высокого роста – конечно, выше монголов. Бывшие здесь экспедиции сделали более легкую, более видную часть работы. Теперь остается более скрытая, требующая больших сооружений и подготовок.

В Куче уже тепло. Зеленеет новая трава в вершок вышины. Узнаем, что в Урумчи из Карашара можно пройти горной дорогой, короче на пять дней. Этим можно миновать жаркое место у Токсуна, где уже спуск в Турфанский оазис (960 футов ниже уровня моря). Летом в Турфане люди закапываются в землю и не могут пройти более одного потая. Кроме ожидаемой близкой жары, на большой дороге уже теперь грязь. Лучше пройти через территорию калмыков – по горным путям.

19 марта

Рамзана опять взял у спящего цирика ружье и обходил стан. И опять цирик кланялся ему в ноги, прося отдать оружие, иначе амбань будет бить его.

Спрашивают, на чем основан сравнительно высокий курс китайской валюты? Ведь все знают, что она ничем не обеспечена и вращается, подобно сухим листьям, по приказу губернатора. Конечно, это одно из очередных недоразумений, и справедливость скоро разъяснит его.

До сих пор существует в Тибете обычай особого преследования игорных и публичных домов. Особый лама, называемый гекор-лама, узнав о нахождении таких домов, берет десяток лам с розгами и в самый разгар разгула является в дом. Тут же производится экзекуция всех присутствующих.

Интересна калмыцкая песня «О пришедшем раньше»: «Один человек думал долго и забыл прийти на выборы нойона (князя). Другой человек не спал в эту ночь и пришел первым, и его избрали нойоном, ибо он вошел первым. И вот первый, думавший, сидит и грустит, что для него не нашлось места в юрте нойона».

Так же как в России, здесь много записей о кладях. Часто на скалах можно видеть торчки, сложенные из камней. Это знаки о кладях. В записях в монастырях можно найти указания на время дня, когда по направлению тени можно идти от одного торчка до другого до места клада. Д. здесь называют *ишан*, то есть святой, за его знание религиозных тем. Б. недавно видел древнюю могилу. Найденная там берцовая кость достигала длиной 6 четвертей. ^[216] Это место в направлении Лобнора, оно отмечено Б. Получаются интересные отметки для будущего.

20 марта

Простились с трудовой бреннеровской группой. Еще раз заметили, что где труд, там и радость. Полтавский на тройке, Д. и М. верхами провожали нас за город. Опять вопросы: где же встретимся? Долго будут дебатировать оставленные нами газеты и книги. На прощанье показали прекрасную иноходь своих карашарских коней. «Теперь вы захватите часть Гоби», – кричит Д. Погружаемся в молочную пустыню. Начинается намаль. Засыпает глаза. Превращаемся в желтую массу.

Каждый день поступают новые значительные сведения. «Монгольские войска дошли до реки Урунгу и угрожают Синьцзяну». Никто не знает в Европе и Америке о делах здешних краев. Стоим в селении Яка-Арык.

Здесь часто используются подземные арыки. Это вполне отвечает традиции подземных ходов, так принятых в Азии. Именно в середине Азии сплетается сказка и явь. Никакие европейские мерки не годятся здесь.

Из Пекина предлагали дуту Синьцзяна установить аэропланное сообщение между Пекином и Урумчи. Дуту ответил, что в его провинции это неприменимо, потому что его народ дикий и разбежится в горы. Конечно, народ не разбежался бы, но быстрее разбежались бы слухи о разных невежественных действиях генерал-губернатора. Народ полюбил бы скоро этих воздушных вестников. Мечта Востока о коврах-самолетах, примененная народом к Соломону, воплотилась бы в ожидании железных птиц. Ведь и в Тибете древнейшими пророчествами указаны железные птицы и железные змеи. Здесь так же, как в следах первоначального учения Будды, имеются указания на космогонические проблемы, на эволюцию планет и на развитие жизни. Как только мы начали говорить о буддизме как о реальном учении, миссионерша в Куче заторопилась уходить и сказала: «Письменный буддизм взят из христианства». Но ведь колонны Ашоки стояли до христианства, и в первом веке до Р. Х. уже было начато записывание заветов Готамы. Нужно проще и без предрассудков смотреть на вещи.

21 марта

В лекции по истории искусства в Master Institute ^[217] непременно надо ввести обзор современного нам положения стран с точки зрения культуры. Этим спасете молодежь от многих огорчения и разочарований. Вот китаец древности – вот современный китаец. Вот мудрый Ашока – вот современный нам махараджа. Безбоязненно пусть смотрит молодежь на эволюцию мира. Образуется новый Афганистан, возникает новый Китай, осознает себя Монголия, примет великое служение Тибет. Ничто не останавливается. Уходит неисполнивший свою миссию, приходит к сроку другой. Все движется.

Еще недавно путешествия Свена Гедина казались неслыханным геройством, а теперь Е. И. объезжает те же пустыни и высоты, не приписывая себе ничего неслыханного. Теперь уполномоченные Бреннера колесят по тем самым пространствам, где Свен Гедин, судя по его книгам, чуть не погиб от безводности. А скоро быстроходно полетят над этими самыми местами

железные птицы. И сказка прошлого заменится сказкой космичности.

С вечера звенели цикады. Высоко стояла сверкающая луна. Пахла трава. Но в два часа ночи ударил буран. Именно ударил. Налетел, как дракон, и заревел грозно до утра. Палатка вся встрепенулась. Пришлось приготовиться на случай отлета шатра. А утром опять жемчужная Гоби – пустыня. Перламутр и опал, и тусклый сапфир сверху. У дороги в порядке расположен большой караван. Это Бреннер, или, как его здесь зовут, Белиахан, идет на Тяньцзинь.

Навстречу нам едет казанский тарантас тройкой. Две женщины и три девочки-татарки из Чугучака едут в Карауль. Прошли мы 14 потаев и будем стоять в саду Янгиабада. Последние потаи опять задушили нас глубокими песками. Томми захромал – у него мокрец. Садится серебряное солнце.

Здесь нас называют Реренджи-бей. Это уже наше пятое имя.

22 марта

Еще надо указывать на лекциях в Институте соединенных искусств, что никакие охранения не должны задерживать рост новых возможностей. Утрировка рескинизма^[218] приведет к одеревенелости. Наоборот, всякое новое понимание дает радость. Сейчас рассказывали, что калмыцкий геген-перерожденец катается на велосипеде, и лихой наездник. Но это не мешает ему быть очень значительным правителем. К тому же где сказано, что лама не должен ездить на велосипеде? Право, даже порадовались, узнав, что сидение под деревом заменяется движением жизни.

Пробуем узнать, нельзя ли миновать Карашар и от Курита пойти через калмыцкую ставку, через монастырь Шарсюмэ по горной дороге на Урумчи. Калмыки как целое, как народность ускользнули от внимания. Поучительно пройти неделю их улусами.

Странное положение в крае занимают дунгане, то есть китайцы-мусульмане. Их определенно не любят ни мусульмане, ни китайцы, ни калмыки. Само слово «дунганин» произносится с каким-то пренебрежением. Лица дунган мало привлекательны. Много жестокости.

Идем до Богура. Пыльное, базарное место. Значится в 9 потаях, но, очевидно, больше, судя по времени. Здесь потай считается странно. Есть короткий потай и длинный потай. Под гору – длинный потай. В гору – короткий потай. Странная мера расстояния.

Сперва идем опаловой пустыней. Слева – холмы. За три потая до Богура начинается болотистый оазис. На дороге грязь. Носятся стаи уток и гусей. Важно расхаживают большие чомги. Про них говорят: «Это бывший человек». Конец пути заканчивается опять облаками пыли.

Пыльный сад. На заборе сидит сын амбаны. Сун вежливо уговаривает его: «Нехорошо сидеть на заборе». Ничто не помогает, и Сун применяет обычное здесь средство – кидает камнем. Мальчик исчезает.

Со всех сторон слышите одно и то же замечание о неточностях существующих карт. Где-то пропущены важные места и подробности, где внесены несуществующие названия. Где она взята с тюркского, где с китайского, а где с какого-то местного жаргона, который нигде более не признается. Даже в картах штабов внесена масса неточностей, сулящих много хлопот при следовании.

23 марта

Не был ли Тамерлан великим дезинфектором? Он разрушил много городов. Мы знаем, что

значит разрушить глиняные городки, полные всякой заразы. Вот мы проехали двенадцать городов. Что можно сделать с ними? Для народного блага их нужно сжечь и рядом распланировать новые селения. Пока догнивают старые, трудно заставить людей обратиться к новым местам. Вот тулин Кучи устроил рядом со старым городом новый поселок. Широкие улицы, подземные каналы. Но народ боится нового места.

Идем широкой равниной. Прошли Янгисар. Идем дальше пыльным лессом. Будем стоять за Шадиром. Темно. Прошли 16 потаев. Караван опоздал. У Сабзы вспухла спина. Удивительно идут Мастан и Олла. Никто не знает расстояний. Караван дошел в час ночи.

24 марта

Утомительный день. Жарко. Идем пыльным лессом и низким кустарником. До Чирчи 12 потаев. Обгоняем большой караван Белианхана. В Чирчи стоит еще караван той же фирмы. Пионеры Америки работают.

Сегодня день наших учреждений в Америке. День учредителей. Посылаем наши мысли в Америку, в дом Музея и Школы, где этот день празднуется. Наши дорогие друзья, мы как бы присутствуем на вашем ежегодном собрании. Расстояние как бы не существует. Идя по здешним просторам, мы вспоминаем равнины Миссисипи и Миссури и степную необъятность России. Даже каравану Белианхана мы рады, ведь это уже кооперация с Азией. Точно вспоминают оба континента о своей бывшей соединенности, разделенной космической катастрофой. Сколько монгольского в типах последних майя и у краснокожих индейцев! Сколько одинакового простора в Америке и в Азии. И сейчас, в момент возрождения, Азия вспоминает свои далекие связи. Привет Америке!

25 марта

Показали еще один вид денежных знаков – какая-то промасленная тряпочка и грязная костяшка. Вот положение здешней валюты. Лан (или сар, или теза) равняется 400 дачанам. Но лан кашгарский равняется трем ланам урумчинским, а лан урумчинский равен трем ланам кульджинским. Лан хотанский считается 800 дачан. Вы скажете – это чепуха. Я с вами согласен, но от этой чепухи страдают миллионы людей. Может ли быть в одной провинции такой различный счет денег, усугубленный еще деревянными и тряпочными знаками? Потому-то и спрашивают, почему китайская валюта до сих пор стояла сравнительно высоко.

Нигде не попадаются древности. Видимо, верхний, доступный слой находок уже вывезен в Европу, а скрытые слои уже пусть останутся для самой Азии. Достоинство стран требует разумно распорядиться своим истинным достоянием. Пока же амбани распоряжаются ценностями народными в свою пользу. Амбань Янгигисара (назначенный консулом в Андижан) проиграл в карты много тысяч лан. Теперь он экстренно безмерно увеличил налоги и не едет на новую должность, пока не выполнит свой проигрыш.

Еще двенадцать потаев пустыней с мелким кустарником. Дошли до Тима. С утра еще прохладно, но к полудню солнце уже жжет. Опять рассказы про жару Турфана, где летом пекут лепешки на камнях под солнцем. Говорят: «Там много подземных ключей, и еще много в местности подземных ходов. Здесь мучили когда-то святого человека, а он скрылся в подземный ход и вышел оттуда через шесть месяцев пути».

«А вот еще давно было: пошли люди Бога искать, а в Баркуле был царь, который считал себя богом. Сидит царь и читает книгу, а кот перед ним свечу держит. Вот люди и решили испытать, в самом ли деле этот царь бог. Думают, если пустим мышь, убежит ли за ней царев хитрый кот.

Если царь бог, то и кота его сила удержит. Пустили мышь, а царев кот и убежал, и свечу бросил. Видят люди, не бог царь.

Они пошли дальше. Повстречали пастуха бараньего. Дал он им хлеба и сам напросился в товарищи. Взяли его, а собаку свою пастух не захотел взять. Говорит, по животному нас люди скорей найдут. А собака побежала за ним. Даже не пожалел собаку пастух – убил ее. Только бы идти Бога искать.

И подошли они к щели в горе, как бы ущелье. А как вошли, так за ними каменная дверь и захлопнулась. Никому не ведомо, что творится у святых людей. Через несколько времени вышел оттуда пастух. Послали его за чем-то. Приходит он в город, хочет на базаре хлеба купить и деньги дает. А люди дивуются, откуда такой великан явился. А деньги его не берут. Сказали, что уже две тысячи лет таких денег и в обороте не было. Пошел пастух поскорее в гору обратно. А царь того места за ним поспешает, чтобы в диво проникнуть. Как захлопнулась гора, не откроешь ее ни угрозой, ни молением. Привел царь все свое войско. Но сколько над горой ни трудились – все полегли, а гору не открыли. И могила царя у той горы. Вот какие здесь бывают дела и какие здесь ходы подземные».

Нагоняет нас верхом молодой бакша, [\[219\]](#) который и сказки поет, и поверия знает, и «чертей отчитывает». «Спой, бакша, сказ о Шабистане!» Достал он из-за плечей длинный струнный геджак. [\[220\]](#) Поет и едет. Струны звучат ладно. Как-то забылись сыпучие пески и жаркое солнце. Два лада идет. То осилит высокий лад и не то просит, не то указывает; или снова загремит низкий лад – утверждает, гремит победою.

Потом берется бакша за бубен и наполняет пустыню сменными ритмами. Мы рады, что в последний день сартской земли нас провожает пенье и лады бакши-сарта. Завтра уже доедем до улусов калмыцких.

Налево, на севере, приблизился из тумана хребет Тянь-Шаня. За ним калмыки, а дальше Семиречье. При въезде в Тим большая древняя ступа и развалины строений – знамена буддизма. Рассказывают, что гора, где Будда принимал посвящение, была вся огненная. Но по молитве Благословенного пошел снег, погасил огонь, и теперь вокруг этой горы льды и снега, и трудно найти эту гору до срока.

Тихий теплый вечер. Молочное весеннее небо. Если бы удалось, не заходя в Карашар, пройти на ставку калмыцкого хана и оттуда монастырями и горами на Урумчи. Ждем калмыков. Имеет значение.

26 марта

Хороший, ясный день. Сперва с севера приблизился хребет Тянь-Шаня. Весь сапфировый и аметистовый. Потом перешли песчаниковую гряду изысканной формации. С холма внизу блеснула синяя горная река. Мощная, полноводная. Пошли по реке. Впереди запертые ворота – таможня, граница калмыцкой земли. Показались первые калмыки. Юрий попробовал с ними свой монгольский язык – сговорились. Стоим в лянгаре, недалеко от Менгой Саур (тысяча развалин). Развалины сопровождаются легендой, что лама видел свет в определенном месте. Копали, дошли до воды, а там показался водяной змей.

Есть предположение, что на этих местах стоял большой монастырь, где была чаша Будды, исчезнувшая из Пешавара и упоминавшаяся Фа Сянем в Карашаре.

Стоим у реки, около залежей каменного угля. Это первый день без пыли – опять горный воздух. Первое дерево – в цвету. Улыбнулась земля калмыцкая. Точно обходим ее границы. Ночью полная луна. За рекою зажглись пастушьи костры.

Мы вспоминаем чаяния калмыков. Вспоминаем, как Чунда первый сказал нам о таин-ламе.

Уже потом пришли все сведения о том, что может сделать этот торгутский предводитель, если он сможет принять то, что ему посылается. А если не примет, тогда прощай надолго, Джунгария. О чем говорить, если чья-то пригоршня дырява...

27 марта

Переход до Карашара, или Карашахра, или Карачара. Скоро ушли горы, и скрылась к югу река. Опять пыльная и голодная степь. Опять проселочная дорога вместо большого китайского пути. На поверхности много горючего сланца. В горах – уголь. В вихре пыли доходим до реки против Карашара. Перевоз на примитивных паромах. Такие переправы бывали на небольших волжских притоках. Пестрая толпа, груды тюков, арбы, ишаки, верблюды, кони. И опять в самом городе ничего буддийского, все еще сарты и китайцы. Лица калмыков видны еще редко. Они смысленнее и проворнее.

Встречает нас С., представитель Белианхана. Он хвалит калмыков.

Предстоит перемена слуг. Наш страховидный Гурбан, которого всюду убоялись бы, оказывается сам очень боязливым. Он боится и китайцев, и калмыков и дрожит за свои несчастные рупии. Сарты, видимо, боятся калмыков и монголов, боятся их подвижности. Придется пополнять убыль сартов в караване калмыками. Как поучительно наблюдать эту народность, могущую войти на страницы истории. Как увлекательно опять углубиться в горы и покинуть пески и пыль. Даже кони встряхиваются, когда подходят к свежей воде и к горам. При виде гор наши тибетцы Церинг и Рамзана начинают прыгать от радости.

Улыбнись, земля калмыцкая. Задуманы сюиты «Ассургина» и «Оровани».

IX. Карашар – Джунгария (1926)

28 марта

Карашар в переводе значит «черный город». Урумчи китайцы называют Храм Красный (Хун-мяо-цзы).

На этом пространстве – земли торгутов и хошутов. Странна судьба калмыков. Народность разбита самым непонятным образом. В Китайском Синьцзяне олеты занимают Илийский край, торгуты – Карашар, хошуты – Джунгарию, ойраты – в Монголии, дамсоки – в Тибете. Также калмыцкие улусы рассыпаны по Кавказу, Алтаю, Семиречью, Астрахани, по Дону, около Оренбурга. У священной горы Сабур лежат остатки города калмыцкого царя Аюши. [\[221\]](#) В разбросанных юртах начинают шевелиться признаки самосознания. Дедовские пророчества твердят о приходящих сроках.

Словесное состязание между сартским беом и калмыком. Сарт заявляет заносчиво: «У вас нет бога». Калмык тихо говорит: «Если к нам приходит сарт, мы накормим и напоим его, и коня его накормим, и в путь запас дадим. А если калмык придет к сарту, ему не дадут пищу, и коня его оставят голодным. Посуди сам, у кого есть настоящее?» Сарты поносят буддийское учение и издеваются над буддийскими изображениями. Но калмыки говорят: «Мы почитаем ваши надписи, а изображений у вас нет, потому что когда были даны первоизображения, то вы были слишком далеко и не могли познать их».

С буддистом трудно спорить. Знающий учение может столько рассказать об эволюции жизни; скажут о посланцах от Шамбалы, ходящих по земле под разными обликами для помощи людям; без предрассудков будут говорить о новейших социальных движениях, припоминая заветы самого Готамы. Если же снять с этих повествований стилизации языка и образов, то мы встречаемся с учением истинного материалистического знания, далеко опередившего свою эпоху.

С. хвалит калмыков за твердость слова. «Никаких письменных условий не надо, не то что сарты, особенно беки и баи».

Встретили несколько красивых карашарских коней. Это именно та порода, которая встречается на старинных миниатюрах и на статуэтках старого Китая. Некоторые ученые считают эту породу исчезнувшей, но вот она перед нами, живая, караковая и твердая на поступь. Хорошо бы другим странам исследовать эту породу.

Завтра едем в ставку калмыцкого хана.

Еще не настал вечер, как поступила новая синьцзянская гадость. Приезжает взволнованный С. и передает, что амбань не разрешает идти короткой горной дорогой, а указывает продолжать путь через пески и жар Токсуна, по длинному и скучному тракту. Новое глумление, новое насилие, новое издевательство над художником и человеком. Неужели мы не можем видеть монастырей? Неужели художник должен ездить одними сыпучими песками? Спешим к даотаю. Старик будто бы болен и не может принять. Секретарь его кричит с балкона, что ехать можно, что амбань устроит все нужное. Едем к амбаню. Его нет дома. Секретарь его говорит, что амбань «боится за нас из-за большого снега на горной дороге». Мы объясняем, что теперь снега нет, что нам не надо идти через высокий Таже-Даван, что мы пойдем через более низкий Сумун-Даван.

В семь часов обещали принести ответ. Конечно, снег амбаня вовсе не белого цвета. Каждый

день способны испортить китайцы, каждый день подобные китайцы способны превратить в тюрьму и пытку. Ждем вечер и готовимся все-таки к отъезду. Пришли торгуты, вернувшиеся из Кобдо.

Пришел хошутский лама. Просит вылечить глаза. Принес ценные рассказы. Не сказки, но факты. Нужны факты. Лама из Улясутая написал книгу о наступлении времени Шамбалы.

Вечером пришел ответ. Принесли его племянник даотая и почтмейстер. Конечно, ответ отрицательный. Несмотря на жару, на духоту и пыль, мы должны длинным путем идти через горячий Токсун. Е. И. заявляет, что она умрет от жары, но китайцы улыбаются и сообщают, что у их губернатора сердце маленькое.

Составляем телеграмму генерал-губернатору:

«Будьте добры указать магистрату Карашара разрешить экспедиции Рериха следовать в Урумчи горной дорогой. Здоровье Е.И. Рерих не позволяет продолжать путь по знойной песчаной пустыне длинного пути. Горная дорога гораздо скорее позволит дойти до Урумчи».

До получения ответа мы пойдем в ставку торгутского хана и в монастырь Шарсюмэ.

Отвратительно это чувство поднадзорности и насилия. Какая же тут работа, когда за спиной стоит приказ амбаня и когда у генерал-губернатора «маленькое сердце». Испорчено все настроение, и опять сидим в каком-то китайском средневековом застенке.

29 марта

Встали с зарею. Все наши люди торопятся уйти раньше, чтобы китайцы не успели выдумать новых затруднений. Долго провожает нас С. В широкополой шляпе и в желтом старом френче лихо сидит на иноходце. Точно выехал из ранчо Новой Мексики. Идем желтой степью, высокая трава. Солнце палит. На севере опять слабый силуэт гор, отдельные серые юрты, стада верблюдов. Наездники в круглых, тибетского покроя шапочках. После девяти потаев доходим до ставки. Базар – чище, чем в сартских городах. Белые строения ставки горят на солнце. Стены, дворы, проезды выведены широко. Нас ведут через широкий двор в большую комнату. Белые стены, черная китайская мебель, шкура медведей. Чаепитие. Приносят карточку от гегена-регента (за малолетством хана) – Добу-дунцорын-чунбол. Это тот самый перевоплощенец Сенген-ламы, о котором упомянуто в сиккимских заметках. Завтра увидим его. Стоять будем на поле за ставкой против гор – отличное ощущение.

Приходят калмыки, толкуют с нашим ламой. Калмыки спрашивают, нет ли у нас кусков магнита? Спрашивают о Тибете, о Монголии, все это осторожно, пока узнают доподлинно, кто мы. Женщины – в очень красивых, хорошо пригнанных нарядах. За стеной звучит военная труба – это казаки таин-ламы, гегена-правителя. У него две сотни калмыцких наездников, обученных казачьему строю.

30 марта

Ясное утро, Лиловые горы. Будет жарко. Четкость гор и строений несколько напоминает Ладак. Можно бы радоваться, но опять является китайская гадость в лице конвойного солдата с наглым заявлением, чтобы мы здесь долго не задерживались и что лучше бы нам ждать приказ дуту в Карашаре, то сеть среди навозных полей, среди пыли и духоты. Истинно, от всех предложений китайцев можно задохнуться. Теперь уже конвойные солдаты стали делать замечания. Лучше бы они караулили арестованное оружие наше, которое брошено на поле без присмотра. Идем в десять часов к таин-ламе. Приветливый человек низкого роста. Радуется узнать, что мы говорим по-русски, – он знает несколько русских слов. Хотя лицо таин-ламы и

непроницаемо по обычаю, но при рассказах о храмах в Сиккиме и Малом Тибете он оживляется и желает всяких успехов. Лепечет: «Когда придет время...» Но ведь время-то пришло! Каждый сам отмерит...

Дом князя белый, чистый, просторный. На дворах стоят юрты с золотыми куполами. Стены с зубцами. Знамена. Одни лица с улыбкой, другие хмурые. Можно понять, насколько сильно синьцзянское давление. Полунезависимость калмыков обвита синьцзянским драконом. А горы и белые стены так радостны!

Но без китайской гадости не проходит и трех часов. Идет целая толпа «министров» и старшин гегена-правителя с двумя китайскими солдатами. Видите, амбань Карашара указывает нам немедленно вернуться в Карашар. Все это говорится длительно и твердо, но письма при этом нет никакого. Мы говорим, что мы сами мечтаем как можно скорей вырваться из Синьцзяна, на что ждем ответа от дуту. И вот опять сидим в бездействии, ждем телеграмму из Урумчи, без уверенности, что наша телеграмма вообще была послана. Работать нельзя, ибо и без движения мы вызываем преследования. Между тем солдат уходит на базар и поручает свою винтовку Сулейману. Итак, солдатское ружье поручается нашему конюху, а наше оружие брошено посреди поля запечатанным. Наконец, где же логика, где разум?

После трех часов начинается буря. Горы скрылись.

Друзья, вы будете думать, что я в чем-то преувеличиваю. Я рад был бы уменьшить что-нибудь, но происшествия чудовищны. Опять пришла толпа калмыков с китайскими солдатами и передала требование о нашем немедленном выезде из ставки по указу карашарского даотая. Шумели, грозились. Значит, ни работать, ни посетить Шарсюмэ нельзя. Вся цель экспедиции исчезла. Надо только мечтать скорей покинуть китайскую территорию. Через два часа идем требовать обратно наш паспорт и письмо о причинах высылки. Отдают паспорта при официальном письме о том, что высылка производится по требованию карашарского даотая, по обвинению нас в съемке карт. Дают и арбы, только бы скорей нас вывезти. Говорю, что мне 52 года, что я был почетно встречен в двадцати трех странах и что теперь подвергаюсь в первый раз в жизни высылке – с территории полунезависимых торгутов. Какая тут независимость, это просто рабство. Унизительное рабство: вопреки всем обычаям Востока – выгнать гостя! И куда же мы пойдем? В жару Токсуна? И вынесет ли Е. И.? Именно жару сердце ее не выносит. Где же ближайшая граница, чтобы укрыться от китайских мучителей?

Над горами буря.

31 марта

Спали плохо. Встали до рассвета. Выходу в предрассветной мгле. Навстречу идет наш лама. Расстроенный: «Сейчас мне надо ехать. Нас хотят арестовать». – «Кто сказал?» – «Ночью пришел знакомый по Тибету лама и сказал, что еще вчера калмыцкие старшины хотели нас всех связать, только побоялись револьверов». – «Берите Оллу и киргиза с собой. Скачите степью в Карашар. Там найдем вас».

Через пять минут лама с киргизом уже скакали степью. Между тем подоспели арбы. Мы стали спешно грузиться. Напуганный китайцами геген-правитель даже не пришел проститься. Ведь он был неоднократно задерживаем в Урумчи и потому боится до последней степени. Даже на религиозное празднество китайцы отпустили его всего на четыре дня из Урумчи. Хотя он и не храбрец, но все-таки нельзя же гостей попросту выгонять в угоду китайцам. Какие-то всадники снуют около нас, доглядывают. Опять едем той же степью. Но Карашар стал для нас уже истинно черным городом. Из Карашара нам запретили осмотреть буддийские храмы, обрекли двенадцать дней тащиться по жарким пескам и нелепо запретили прикоснуться к

любимым горам. Из Карашара, по приказу дуту, опять нас сделали поднадзорными ссыльными. Но зато мы знаем, что бедный геген окружен китайскими шпионами и под калмыцким кафтаном часто скрыта китайская сущность. Приезжаем в прежний унавоженный сад. Из ворот нам кричат «капр» (то есть «нечистый» – мусульманское приветствие). Сун кидается с плетью на обидчика. Обычная драка. Сарт улепетывает. Сейчас же едем к амбаню и по пути захватываем почтмейстера, говорящего по-английски. Амбань заявляет, что по телеграмме дуту мы должны идти дальним путем по пескам, несмотря на опасность для здоровья Е. И. Конечно, мы уже слышали, что у дуту «маленькое сердце», но все-таки эта жестокость поражает. Амбань не отрицает, что он приказал вернуть нас из ставки и что нам запрещено смотреть буддийские храмы. Мы говорим, что тогда нам нечего делать в Китае, и просим дать письменное извещение об этих запрещениях для сообщения в Америку. Амбань мнетя, ссылается на необходимость советоваться с даогаем. Мы еще раз удостоверяемся в том, что нам запрещено посещать храмы и писать горы, и что для ускорения пути нас посылают по долгой дороге. Где же ты, Конфуций? Где же твоя справедливость и прозорливость?

Начинается скучная торговля с арбами. Требуют до Урумчи 180 лан, тогда как цена не более 90 или 100 лан. Так и кончаем день среди разных «дружественных приветов».

Земля калмыцкая улыбалась лишь издали, а вблизи превратилась в синьцзянскую гримасу. Вспоминаем проникновенные сиккимские настроения, вспоминаем величие Гималаев. Недаром защемило сердце, как стали спускаться с каракорумских высот к Такла-Макану. Киргиз рассказывает, как старшины торгутов советовались после получения письма от амбаня: «Не связать ли их?! Нас много, а их всего трое...» Киргиз Салим возмущен гегеном: «Это не князь, если через час слово меняет. Не бывать ему больше бурханом». ^[222] И опять видим сочувствие народа и злобствование старшин и беков. Лама возмущен поведением калмыков. Все это поучительно! Прошлый хан калмыцкий был отравлен. Более разумный советник – убит. Далеко старшинам торгутским от пробуждения.

1 апреля

Разные рассказы о калмыках. Покойный калмыцкий хан под давлением или под внушением передал важное полномочие китайцу. Китаец спешно поехал в Урумчи, чтобы оформить и закрепить полученное полномочие. Калмыки в горах догнали его и уничтожили со всем его эскортом, так что и следов не нашли. Хана своего калмыки отравили после этих внушений. За малолетством наследника стал регентом брат хана таин-лама. В июне этого года таин-лама передает государственную печать (тамгу) молодому хану, а сам удаляется как духовное лицо в монастырь в Шарсюмэ. Долго ли будет править двенадцатилетний хан? Таин-лама впал в немилость дуту после того как он отказался дать своих солдат в экспедицию для убийства кашгарского дитая. Сплошное мрачное средневековье.

Благосостояние калмыков падает, ибо налоги велики. Кроме китайского налога, они еще платят местный нойонский налог. Народу тяжело. Табуны у простых людей редуют. А синьцзянской ориентации старшины дошли до того, что пытались связать американскую экспедицию. В Хотане грозились нас выслать, а в Карашаре уже привели угрозы в действие. Будем надеяться, что погода окажется менее кровава, нежели урумчинский дуту, и не задушит Е. И. Этот правитель посылает сборник своих указов британскому консулу и для Британского музея; но не мертвые листы указов, но действия дают облик деятелю. Посмотрите и послушайте на местах, и вы увидите истинное обличье правительства Синьцзяна. Недаром лучшие китайцы называют правление Синьцзяна «Синьцзянской компанией». И куда вы не увидите все это на месте, вы не можете поверить такому человеческому одичанию. Конечно,

дугу стар, очень скоро умрет, и вряд ли он возьмет в могилу награбленное добро, но кто будет тот, кто вычистит эти авгиевы конюшни?

Истинно, хотелось бы писать картины вместо описания этих вредных, человеконенавистнических безобразий. Но, видно, так надо. Видно, кому-то это будет полезно. Америка ждет мои картины буддийских высот, но пусть китайское правительство разъяснит, почему мы не допущены в монастыри. В Сиккиме нас встречали с трубами и знаменами, а на китайской земле – с веревками. Конечно, карашарский амбань никакого письма мне не дал. И не нужно. У нас есть письмо с печатью калмыцкого хана, где ясно указан приказ китайских властей. Скорей дальше от китайской гримасы! Перед нами острова Японии, перед нами давняя мечта повидать острова Пасхи с их неведомыми каменными гигантами.

Солдат сегодня вообще не прислали, так что наше арестованное оружие само себя сторожит. Вечер кончается скучной процедурой отпуска трех конюхов, уходящих в Ладак. Молодой тибетец Церинг хочет идти с нами. Он не любит мачеху и говорит, что отец сделался ему чужой, и он вообще хочет далеко идти с нами. Молодая душа стучится в окошко новых возможностей. Как же не взять его?

2 апреля

Утро начинается драмой Церинга. Ладакец, отец его, сбит с толку злыми конюхами и запретил Церингу идти с нами. Иначе, говорит, перебью тебе руки и ноги. Надо было видеть слезы Церинга. Прощался с нами, дрожа и глотая слезы. Какое право имеют люди отнимать чужое счастье? Ведь в этом порыве было столько стремления к свету. А теперь Церингу придется снова бессмысленно с ослами шагать по сыпучим пескам, служа невежественности. Бедный мальчик! Иногда думаем, не убежит ли он? Конечно, это трудно, ведь за ним будет смотреть злой старик и не менее злые конюхи.

С семи часов возимся с арбами и караваном. Пишем условия. Шумим из-за негодности лошадей и присланных солдат. Возмутительная медлительность. Русский или американец обезумели бы от такого темпа. Когда же проснется этот народ?

Попутно поступают интересные сведения. Китайцы берут прививку оспы не от телят, а от людей и таким образом заражают сифилисом и другими болезнями.

Монголы заняли границу от Шарсюмэ и в ста верстах от Гучена, то есть в трехстах верстах от Урумчи – от резиденции генерал-губернатора. Если взять линию от Кульджи на Гучен, то дугу окажется в мешке. Между прочим, пресловутый дугу поставил себе памятник в Урумчи. Не монголы ли уберут его?

Идем всего четыре потая. Вместо гор, вместо монастырей, вместо Майтрейи – опять желтая степь вокруг нас. Какое право имеют китайцы лишать нас увидеть красоту? Уход трех конюхов как-то освежил караван. Люди почему-то радостны. Рамзана ждет Церинга и уверяет, что он прибежит сегодня или завтра. Это было бы по-тибетски!

3 апреля

Сильно студено ночью и жарко в полдень. Желтая степь. Пыльная, каменистая дорога. На север гряда туманных гор. Доходим до грязного местечка Ушактал. Опять нужно стоять около скотных дворов. Неприхотливы все даотаи, дитаи, амбани, тулины, веками ночующие на тех же самых грязных постоялых дворах. Из этого местечка проходит хошутская дорога на Урумчи. По хошутской дороге всего четыре дня до Урумчи, но мы, по приказу генерал-губернатора, должны идти домой, пыльной, жаркой, некрасивой дорогой целых восемь дней. Такова китайская

жестокость, чтобы заставить путешественников идти по пыли и в духоте и знать, что тут же рядом краткая дорога, полная горных красот. Недаром ни один из виденных нами даотаев и амбаней не мог назвать ни одного знаменитого современного китайского художника или ученого.

Представляете себе наше ощущение: видеть ущелье, через которое идет короткая дорога, а самим ползти в облаках жаркой пыли.

Еще вариант легенд о Турфане. «Из пещеры вышел высокий человек и пошел на базар что-то купить. За покупки предложил заплатить золотыми монетами стариною в тысячу лет. Затем человек ушел в ту же пещеру и пропал. А у входа стоит каменная собака. Хотела она вскочить в пещеру за человеком и окаменела».

Ушактал является центром хошутских коней. Они больше ростом, нежели торгутские. За потай от Ушактала следы старого укрепления времен завоеваний Андижана и Ферганы. Много комаров. Дикие гуси.

4 апреля

«Старый хан решил передать сыновьям тамги (печати) на правление хошунами. Были тамги золотые, серебряные, медные и одна была деревянная. Говорит жена хана любимому сыну: „Возьми, сынок, деревянную тамгу, не бери золотых“. Разобрали тамги ханы. И сказал старый хан: „Небо создало воду. Испытаем тамги водо. Которая тамга выше, та выше и останется“. И осталась деревянная тамга на воде, а золотые и серебряные ушли под воду».

На Черном Иртыше много золотоискателей. Десятки тысяч. Золото – всего на две четверти под землю. Дуту посылал отряды солдат перехватить искателей, но, дойдя до золота, все отряды исчезали.

Сегодня чудесный день. Со всех сторон показались горы: синие, сапфировые, фиолетовые, желтые и краснобурые. Серое небо и жемчужные дали. По руслу широкого потока доходим до Кара-Кизыл, то есть «черно-красный». Название дано верно, ибо скалы из черного и красного крупнозернистого гранита. Тишина пустыни. Насколько лучше эти уединенные лянгары, нежели города и грязные базары.

Только подумать, что мы могли идти четыре дня уединенными горами, среди дальних снегов. Сегодня показалась первая низкорослая хвоя. За весь день, за семьдесят четыре версты, лишь один убогий лянгар с плохим колодцем в «сто аршин» глубиной. За вест день лишь два маленьких каравана тощих ишаков. Точно идете не большой китайской дорогой, а по новой, неоткрытой стране. Из гор торчат слои черных сланцевых и угольных образований. И вся пустыня замерла, ожидая шага будущего.

5 апреля

Просто беда с цириками. Заваливается спать на арбу, и не только наши, но даже свое ружье не бережет. Ночью люди какого-то проезжего амбаня хотели выбросить наших коней из лянгара.

А горы так хороши! Стоят темно-бронзовые с зеленоватыми и карминными пятнами. За горами опять пустыня с темными гальковыми скатами, усеянными светло-желтыми кустиками. Целый ковер Азии.

Днем жарко. Помогает восточный ветер. Прошли девять потаев до бедного местечка Кумыш. Какое-то обобранное, растерзанное селение. Два разбитых необитаемых лянгара. Когда-то что-то здесь было. Е. И. спрашивает: «Но ведь ездят же здесь даотай и амбани? Неужели они останавливаются в такой грязи?» Сулейман смеется: «А им-то что? Этим амбаням?! Была бы

трубка опия да баба! И в любой грязи проваляются!» Видно, не велико уважение к властям. От путников из Хотана доходит неясное сведение о смещении даотая Ма.

Молчат барханы. В голубой дымке залегли горы. Вспоминается характерный случай. Путешественники из Китая в Тибет рассказывают, как на границе для досмотра были оставлены нянька с ребенком. Оказалось, что пограничный служащий накурился опиума, жена его была занята по хозяйству, и няньке пришлось выполнять обязанности таможенного стражника. Это было напечатано в шанхайских газетах.

В прошлом году калмыкам-богомольцам не было разрешено пройти в Тибет на поклонение святыням. Такое запрещение очень многозначительно.

Сегодня уже начинается китайская пытка – начинается жара, которую мы избежали бы по хошутской горной дороге. Нынче очень ранняя весна. Говорят, снег в Урумчи уже сошел. Вечером выговариваем Сулейману за его привычку пускать в ход нагайку по человеческим спинам. Он удивлен: «Да как же иначе мне с дунганином или китайцем дело иметь? Разве они понимают рассуждение? Или он тебя взял, или ты его взял. Вот вчера мафакеш-дунганин отчего быстро ехал? Потому что с утра дали ему пинка хорошего. А сегодня, наверно, поздно придет». Так здесь и живут – целая цепь зла.

6 апреля

Жаркий день. Сперва пустыня со многими буграми и скалами вокруг. Через восемь потаев вошли в красивое ущелье. Шли им около семи потаев. Сине-черно-бронзовые скалы, все в трещинах. Полная безводность. Разрушенные лянгары по пути. За весь день встретили всего один караван ишаков и два всадника. Самая большая дорога представляет из себя каменистую пустыню. От семи утра до четырех с половиной не видно никакого движения по дороге. Если бы мы шли горами, то завтра уде пришли бы в Урумчи. Ночуем в Аргай-Булаке – уединенный лянгар среди бронзовых гор. Говорят, что здесь тоже была война с Андижаном. Высоко в песчаниковой скале видна пещера. Подходы к ней все обвалились.

7 апреля

По бесчеловечности генерал-губернатора мы идем жарким ущельем. Разнообразные песчаниковые формации; но все это в Ладаке гораздо красивее. Среди песков вдруг ярко зеленеет каемка травы. Значит, из скалы нежданно бьет родник звенящей воды и растекается по песку. Конечно, можно бы легко собрать драгоценную влагу в обработанное русло, можно бы легко починить каменистую дорогу, но, конечно, улучшение края не входит в круг занятий китайской администрации. После небольшого перевала входим на палящую равнину. Е. И., задыхаясь от жары, говорит: «Это не губернатор, а старое чудовище». Действительно, заставить иностранцев четыре дня идти лишней палящей дорогой – бессмысленно и бесчеловечно. Все равно что сказать американцу: «Можете ехать из Нью-Йорка в Чикаго только через Новый Орлеан». Среди песков, среди молочной мглы синеет Токсун. Всего на день пути лежит Турфан, и из его девятисотфутовой ямы пышет жар. Как легко представить себе, что летом в Турфане даже местные люди умирают от жары.

В Токсуне деревья все уже ярко-зелены. Посевы густо зеленеют. Стоим на берегу реки, бегущей многими рукавами. Лишь бы опять не было драки. Сегодня рассвет начался безобразной дракой. Сулейман избил Суна, и тот в крови прибежал к нам. Необходимо скорей освободиться от Сулеймана. Это животное не понимает никаких убеждений, и главное его преследование направлено на Суна за то, что этот не крадет. А в основании всего виноват в драках сам дуту,

который арестовал наше оружие и возит его запечатанным напоказ всей провинции. Если бы револьверы были при нас, то и люди относились бы иначе. Жарко, даже в пять часов жар еще не спадает. Ночь тоже не принесла прохладу в палатки.

К вечеру приводят коней на реку. Проводят перед нами. Не купим ли? Цена от трехсот до тысячи лан. Красивый буланый конь. На спине черная полоса. Посадка головы напоминает зебру или кулана. Нет ли в породе карашарских коней скрещения с куланом?

Приходит в сумерках дунганин – китайский доктор. Говорит по-русски. Почему? Оказывается, жена его русская семиреченская казачка. Вот идет и она сама в розовых штанах и кофте, с ней черненькая девочка. И под звездами Токсуна звучит тихая жалоба на жизнь. С тринадцати лет родня продала ее дурганам. Бежала она. Там пришла революция. Родня ее исчезла. Пришел голод. И вот казачка оказалась в китайском наряде. «Скучно мне. Не о чем говорить с ними. Грязь у них. Теперь опять тянемся к России. Муж мой хочет в России быть. Купила я себе девочку – сартянку. Заплатила за нее двенадцать лан. Сделала я себе из холста вроде палатки, поставила ее в комнате – лишь бы грязь их прикрыть. В Урумчи много наших казачек от нужды за китайцев пошло. И образованные, и портнихи хорошие пошли за дунган.

И вот здесь много скорпионов. Берегитесь ночью. Турфан и Токсун славятся скорпионами. Один маленький меня укусил – три часа кричала. Потом перетянули палец веревкой и положили опий. Будьте осторожны».

И казачка-дунганка уходит во мглу со своим чуждым ей мужем и с купленной девочкой. А девочку назвала Евдокия. Итак, дуту нас послал не только в пекло, но и в город скорпионов.

Ночью жарко. Цикады звенят без устали. Юрий удивлен, что до сих пор идет продажа людей. Идет открыто и деловито. Может быть, в сборнике указов дуту, подаренном им Британскому музею, имеется «прекрасный» указ о продаже людей.

8 апреля

По бесчеловечью генерал-губернатора провели безобразный день. Тянулись знойной каменистой пустыней. На горизонте трепетал жаркий воздух. Уплотнялись далекие несуществующие озера, и таяли миражи, и претворялись в серую беспощадную равнину. В зное потонули далекие горы. Только подумать, что сегодня мы уже были бы в Урумчи. Уже читали бы вести из Америки. И по самодурству чудовища еще целых три дня будем топтать ненужное нам взгорье. Будем стоять в лянгаре Паша-Сайган.

В пути думалось: не правы европейцы, разрушая монументальные концепции Ближнего и Дальнего Востока. Вот мы видели обобранные и ободранные пещеры. Но когда придет время обновления Азии, разве она не спросит: «Кто же это обобрал наши сокровища, сложенные творчеством наших предков?» Не лучше было бы во имя знания изучить эти памятники, заботливо поддержать их и создать условия истинного бережливого охранения. Вместо того фрагменты фресок перенесены в Дели, на погибель от индусского климата. В Берлине целые ящики фресок были съедены крысами. Иногда части монументальных сооружений нагромождены в музее, не передавая их первоначального назначения и смысла. Прав наш друг Пеллио, не разрушая монументальных сооружений, а изучая и издавая их. Пусть свободно обращаются по нашей планете отдельные предметы творчества, но глубоко обдуманная композиция сооружений не должна быть разрушаема. В Хотане мы видели части фресок из храмов, исследованных Стейном, а остальные куски увезены им в Лондон и Дели. Голова Бодхисаттвы – в Лондоне, а расписные сапоги его – в Хотане. Где же тут беспристрастное знание, которое прежде всего очищает и сберегает, и восстанавливает? Что же сказал бы ученый мир, если бы фрески Гоццоли или Мантеньи были бы распределены таким «научным» образом

по различным странам? Скоро по всему миру полетят быстрые стальные птицы. Все расстояния станут доступными, и не ободранные скелеты, но знаки высокого творчества должны встретить этих крылатых гостей.

Сегодня за весь день мы видели один маленький караван ишаков и одного всадника. Мертвое молчание большой дороги прилично соответствует лишь омертвелости современного Китая. Придет молодежь, и зацветут пустыни.

В яхтанах растопились свечи; желтое солнце заходит за янтарную гору. Завтра должно стать прохладнее – зайдём за горы в первую зону алтайского климата.

9 апреля

Идем последними отрогами Небесных гор Тянь-Шаня. Минуем дорогу на Турфан. На распутье – старая китайская стрела-плита с полуистертыми надписями и орнаментами. Там давно, в глубине столетий, кто-то заботился о видимости путевых знаков. Дальше дорога наша разветвляется. Один путь идет через перевалы, а другой – рекою с пятнадцатью переездами через воду. Люди наши долго, как государственное дело, обсуждают направление пути. Совет порешил: идти нам перевалами. Все готовится так серьезно, что мы можем думать о серьезности перехода. Но сомнения были напрасны. Оба перевала очень легки и не годятся ни в какие сопоставления с Ладаком и Каракорумом. Спускаемся с гор к небольшой реке. Видны развалины старого форта. На черно-синем фоне гор светится неожиданная светло-золотая песчаниковая вершина. Нам говорят: «Там живет святой человек. Прежде он показывался людям, а теперь его никто не видит. А знаем, что живет там. И стоит там как бы часовенка, а только дверей не видать». Так сеется легенда.

Опять идем узким кочковатым проселком, и никто не поверит, что это самая большая и единственная артерия целой области с метрополией. Чудовищно и странно видеть такое одичание целой страны. Одно хорошо: мягкие звуки колокольчиков длинной вереницы верблюдов. Истинные корабли пустыни.

Стоим в Дабан-чене (город перевала). Шли одиннадцать часов. Е. И. даже поцеловала свою лошадку. До Урумчи осталось двадцать два потая. Днем очень жарко. Необычно ярко мерцают звезды. Первый раз слышали гонги в китайском храме.

10 апреля

С вечера начался буран. Укрепили палатки всеми костылями. Навалили вокруг яхтаны для тяжести и плохо провели ночь в трепещущем домике. Часа в два ночи в храме звонили гонги, но так и не пришлось узнать, какая это могла быть ночная служба. С утра шамаль даже усилился. Все ушло в серо-желтый сумрак. Горы исчезли. Весь переход движемся против свистящих волн вихря. С приближением к столице дуту селения становятся еще ободраннее. Дорога еще хуже, и типы дунган еще более разбойные и дикие. Непонятна разница цен на продукты. Здесь десять яиц стоят один сар, а рядом в селении – наполовину дешевле. То же и с дровами, и с кормом коней.

Серая пустыня с белыми прослойками соли. Двигутся клубы пыли, и вьются хвосты коней. Легко представить, что вихри Азии могут перевернуть груженную в пятьдесят пудов арбу или остановить тройку коней. Особенности трудности были с установкой палаток в грязном местечке Цай-о-пу. Шатры развевались на ветру, все дрожало, и слой сора мгновенно засыпал все. И вот сидим среди глухих ударов вихря, среди слоя песка и мусора. Зачем нам нужно пройти через этот свирепый шамаль, когда уже три дня мы могли быть в Урумчи? Видно, дуту хотел показать

нам свою страну в полной безнадежности. Глаза наполняются пылью, и на зубах хрустит песок. По силе гула и по ударам ветра это напоминает наш последний переезд по Атлантике, когда в объявлениях писали о большой буре.

Иногда строение гор больше всего напоминает соединение разноцветных жидкостей, и часто пустыня гремит аккордами океана. К вечеру шамаль не унялся, как надеялись караванщики.

11 апреля

Рассказывают, вот отчего здесь вихри. «Китайское войско гналось за калмыцким богатырем. Сильный был богатырь. Вызвал себе на подмогу вихрь с гор и сам ускакал, а вихрь разметал китайскую силу, и некому было заклясть вихрь. Так он здесь и остался».

Сегодня часть горизонта очистилась. Блеснули слабые очертания гор со снежными гребнями. Внизу блеснули стальные озера, окруженные белыми каймами соли. Вихрь продолжается. Заледенело за ночь. Вместо шамала настал сибирский студёный сиверко. Щиплет щеки и слезит глаза. Достали наши шубы. Видно, надо испробовать все особенности местного климата. Пустыня сменяется оголенными серо-желтыми, молчаливыми буграми. Вдали голубятся горы. Путь не близкий. Судя по времени, потаев четырнадцать. Нажег вихрь щеки. Далеко, между двумя холмами, указали нам Урумчи.

До китайского города следуем по русской фактории. Широкая улица с низкими домами русской стройки. Читаем вывески: «Кондитерская», «Ювелир», «Товарищество Бардыгина»... Появляется посланный от фирмы Белианхана и везет нас в приготовленную квартиру. Низкий белый дом. Две комнаты и прихожая. Но вот затруднение: для нашего внедрения надо выселить двух русских, это так неприятно. Едем к Гмыркину – представителю «Белианхана» – посоветоваться. Оказывается, в Урумчи все переполнено. Домов нет. Придется стоять в юртах за городом. Это лучше. Юрий с Гмыркиным скажут искать место для стоянки. Ходят какие-то люди. Всем им настойчиво нужно знать, кто мы, откуда, зачем, надолго ли, сколько людей с нами, что в ящиках? Обедаем у Гмыркиных. Разговоры о нашей Америке, о жизни там, о напряженном труде, о надписях: «Улыбайся». Да, да, эта надпись очень нужна.

На обеде у Гмыркиных целый стол русских. Оказывается, сегодня важный день. Дуту призывал к себе дунган и заявил им, что ничего против них не имеет. В начале марта здесь была мобилизация; при этом было объявлено, что призываются все, а дунган не нужно. Дунгане встревожились, тем более что с некоторых постов дунганские чиновники были удалены. В самом городе оперирует опасная шайка дунган. По мобилизации было послано до десяти тысяч войск в направлении Хами.

12 апреля

С утра люди отказались переезжать за город в юрты. Боятся нападения грабителей. Поехали с Юрием к Кавальери, к Чжу Да-хену (знающему русский язык), к Фаню (заведующему иностранной частью) и к самому дуту. Долго ехали китайским городом. Тройные стены. Длинные ряды лавок. Продукты разнообразнее, чем в Кашгаре. Кавальери – симпатичный итальянец, заведует почтой. Изумляется всем нашим происшествиям и советует нам ехать на Чугучак, через Сибирь – в Японию. Так же как ехал отсюда наш приятель Аллан Прист. Чжу Да-хен – молодой китаец, отлично владеет русским. Улыбается, возмущается поступками в Хотане и в Карашаре и уверяет, что он готов помочь. Ведет нас к Фаню и дуту. Следуем через всякие ворота и закоулки. У обоих дигнитариев ^[223] пьем чай. Оба – подкладывают нам сахар и уверяют,

что в Хотане и Карашаре сделаны властями ошибки, что мы великие люди и потому должны простить малых людей. Уверяют, что более ничто подобное не повторится и мы можем быть совершенно покойны в Урумчи. Но о расследовании – ни звука. Едем обратно через все длинные базары. Ряды ситца, шорных изделий, дешевой посуды и лубочных картинок. Дома Е. И. встречает нас сюрпризом: именно в то время, когда дуту заверял нас в своей дружбе, содействии и благожелательстве, – именно в ту минуту у нас был сделан подробный обыск полицмейстером в сопровождении татарина-переводчика. Опять Е. И. была допрашиваема о наших художественных работах, опять вся нелепость была проделана от начала до конца. Как же можно верить уверениям дуту?

После обеда иду к консулу Быстрову просить устроить проезд через Алтай, через Сибирь, подобно Присту. Ответ может прийти через две недели. Найти лучшую квартиру нельзя – все дома переполнены. Говорят, что через пять дней кто-то уезжает из города. Не удастся ли хоть на время переехать в более удобное помещение. «Улыбайся! Улыбайся!»

Сегодня я сказал трем китайским высшим чиновникам так: «Мне 52 года. Я был встречен почетно в 23 странах. Никто в жизни не запрещал мне свободно заниматься мирным художественным трудом. Никто в жизни меня не арестовывал. Никто в жизни не отнимал от меня револьвера как средства защиты. Никто в жизни не высылал меня насильственно в нежелательном мне направлении. Никто в жизни не вскрывал самовольно моих денежных пакетов. Никто в жизни не возил вместе со мной арестантов. Никто никогда не обращался со мной, как с разбойником. Никто никогда не отказывал принять во внимание просьбу пожилой дамы, основанную на вопросе здоровья. Но китайские власти все это проделали. Теперь наше единственное желание – как можно скорее покинуть пределы Китая, где так оскорбляют мирную культурную экспедицию Америки».

Все это сказано. Генерал-губернатор и вице-губернатор не возражают. Уверяют, что в Урумчи нас никто не тронет, а за спиной именно в эту же минуту проделывают обыск, и Е. И. должна бессмысленно раскрывать ящики и сундуки. «Улыбайся!»

13 апреля

Вы спросите: «Отчего гниет Китай?». От беспринципности и бесчеловечности. Спросите: «Вы, кажется, разлюбили Восток?». Вовсе нет, наоборот. Но во имя справедливости мы должны отличать молодые жизненные побеги от сухих ветвей. И сухие ветки должны быть отсекаемы для спасения общего блага. Совершается в Китае великий процесс.

Ищем какой-нибудь сносный дом. В Урумчи это труднее всего. Сегодня ночью у Гмыркиных увели лошадь. За ночь сломали высокую стену и угнали из конюшни. Собаки лаяли. Конюхи спали. Воры трудились, и лошадь исчезла. Конечно, полиция ее не найдет. Но может быть, ее удастся выкупить у местных киргизов.

Гремят барабаны. С красным знаменем идет вновь сформированный полк. Отъявленные оборванцы. Но Ф. (директор Русско-Азиатского банка) успокаивает: «Это еще ничего, а вот вы посмотрите солдат около Хами». Какие же там банды! «Улыбайся!»

Улыбаясь, нам говорят китайцы: «Как вам интересно будет рассказывать в Америке все ваши приключения». Какое-то странное отношение к самим себе, точно к чему-то легковерному и мягкотелому. Так же странно, что все бумаги и удостоверения из Америки мало читаются и всегда спрашивается: «А что у вас еще есть?».

Вот и Присту не дали снять фото в Дуньхуане, а между тем в шести томах Пеллио пещеры эти давно показаны.

Приходит Ф., директор Русско-Азиатского банка, энергичный и широко смотрящий. Он не

знает, как ему возвращаться в Шанхай. По так называемой императорской дороге нельзя. Уже по пути сюда он был там арестован и задержан, а потом попал под обстрел хунхузов, ^[224] которые часто сформированы лучше правительственных войск. Рассказывает о бывших событиях в Сибири. Очень плохого мнения об Оссендовском. Рассказывает ужасы об Унгерне, Семенове. Приходит Г. Новые рассказы об ужасах отряда Анненкова. Как сотник Васильев изрубил шестнадцать офицерских семей своего отряда, предварительно изнасиловав женщин. Где же человекообразие?

14 апреля

Яркий, солнечный день. Сияют снега на горе Богдо-Ула. ^[225] Это та самая гора, за которой «живут святые люди». Можно подумать, уж не на Алтае ли отведено место для них? Сегодня начнется праздник рамазана. Барабаны, кличи на мечетях и толпы люда.

Интересно было бы подойти ближе к психологии местной власти. Есть тут так называемые генералы и министры финансов, промышленности и просвещения. Надо надеяться, что нет министра путей сообщений, иначе чем бы объяснить отчаянное состояние дорог. Как просвещает народ министр просвещения? И где она, таинственная система промышленности? Когда министр промышленности спросил одного больного о состоянии его здоровья, тот сказал: «Так же, как и ваша промышленность». А дуту «скромно» заявляет, что благодарное население поставило ему памятник за процветание края.

Замечательна система налогов. Например, на золотых приисках налог взимается с числа рабочих, совершенно независимо от результатов работ. Сейчас на Черном Иртыше золотоискателей до 30 000 человек. Конечно, все это сводится к порче золотоносной почвы. Переезжаем в маленький домик при Русско-Азиатском банке. Вероятно, придется пробыть еще недели две.

15 апреля

Рассказы о дуту. Пекинское правительство неоднократно пробовало смещать его, но хитрый дуту собирал подписи местных баев, и в Пекин следовала составленная им петиция населения о том, что лишь присутствие Янь-дуту обеспечивает спокойствие области. Но спокойствие области дуту подобно смерти. Правитель утверждает, что построение фабрик и расширение производств создаст класс рабочих, а потому не следует развивать производства и строить фабрики.

В 1913 году правитель заподозрил измену своих восьми родственников. Потому он устроил парадный обед, пригласил всех должностных лиц и во время обеда собственноручно застрелил главного заподозренного, а стража тут же за столом прикончила семь остальных. В 1918 году дуту возымел злобу против одного из амбаней. Он послал опального в Хами, а на пути амбань был заклеен бумагой, и таким необыкновенным путем задушен. В «Саду пыток» Мирбо это измышление зла было упущено.

Конечно, сборы на установку памятника дуту были произведены по всему краю насильственной подпиской. И от «благодарного населения» появилась безобразная медная фигура с золочеными эполетами и звездами. Для улучшения нравов своих чиновников дуту запрещает им выписывать иностранные и лучшие китайские газеты. Чудовищно видеть все эти средневековые меры в дни эволюции мира. Немногим чутким молодым чиновникам приходится очень тяжело. Вспоминаю грустную улыбку амбаня Паня в Аксу. Понимаю, отчего у него были газеты лишь от Кавальери. Надежда одна: дуту очень стар и его «благотворное» омертвление

огромного края не сможет продолжаться долго. Не надо забывать, что население хорошо помнит тех немногих китайцев, которые не грабили и не проявили человеконенавистничества. Хорошо говорят о каком-то даотае Чугучака. Хорошо, тепло вспоминают Пань Да-женя, отца нашего знакомца из Аксу. Когда хоронили старого Пань Да-женя, весь город вышел его проводить. Сверх обычая старый чиновник не оставил никакого состояния, ибо не брал взятки.

Сегодня праздник рамазана. Город разделся в яркие одежды. Ходят друг к другу с визитами. Утром до 2000 человек на открытом поле слушали проповедь муллы. Два китайских визита – Чжу Да-хен и Фань с переводчиками. Молоденький Чжу Да-хен явно нам симпатизирует, и его живые глаза могут прямо смотреть на нас. Чаще отвертывает глаза Фань. Теперь у него новая отговорка: все наши неприятности проистекли от пекинского правительства, которое не известило Синьцзян о нашем приезде. Но ведь с 12 октября по сегодня Фань имел достаточно времени, чтобы снестись с Пекином. И нечего валить на Пекин вину Синьцзяна.

16 апреля

Дошли странные сведения о разграблении фресок Дуньхуана. Если эти сведения верны, то такое вандализм должно быть расследовано, как совершенно недопустимый факт разрушения почти единственного сохраненного памятника. Рассказывается, что «приехали какие-то „американские“ торговцы, вырезали куски фресок и успели увезти много ящиков». Будто бы китайцы гнались за похитителями, но по обыкновению были неудачны. И в результате – искалеченный памятник. Ученый мир не должен оставить без расследования разрушение единственного памятника. Конечно, Прист, бывший осенью в Дуньхуане, может дать достоверные и подробные сведения. Мы же можем лишь занести этот факт для сведения. Как будет возмущен Пеллио, узнав о разрушении изученного и описанного им памятника. Здесь вся иностранная колония знает о случившемся.

Сейчас идет по улице «полк». Неужели это сборище оборванцев может кому-то оказывать какое-то сопротивление? Хитрый дуту играет на этих оборванных струнах. То он вызовет к жизни дунган, то мусульман, то калмыков, то киргизов. То он вынесет разноцветных петухов и скажет: чей петух победит, тот и будет первым. А петух соответственной окраски уже подготовлен и побеждает соперников, подтверждая желание правителя. То правитель изобретет несуществующий заговор или восстание. Много изобретательности поработителя...

Возмущаемся расхищением Дуньхуана, а нам приводят в пример расхищение мечетей Прикаспийского края в 1918 и 1919 годах. В Мерве, ^[226] Полторацке, в оазисе Анау вырезаны и расхищены иностранцами ценные стенные изразцы. Французы разрушают Дамаск. Что это? Неужели исполняются какие-то космические законы? «Идущие к пропасти с содроганием продолжают свой путь судьбы». Так сказано в учениях мудрых об исполнении сроков.

17 апреля

Среди долгих путешествий ускользают целые события. Только что мечтали о поездке на острова Пасхи, а здесь говорят о гибели этих островов три года тому назад. Неужели гиганты Атлантиды уже навсегда погрузились в пучину, и поток космоса – эта сантана буддизма – совершает свое непреложное течение. За время наших хождений по горам и пустыням какие-то звезды из мелких сделались первоклассными величинами. Еще опустился в море какой-то остров с десятитысячным населением. Усохли озера, и прорвались неожиданные потоки. Космическая энергия закрепляет шаги эволюции человечества. Вчерашняя «недопустимая»

сказка уже исследуется знанием. Испепеляется отброс, и зола питает побеги новых завоеваний.

В тишине фактории Урумчи консул Быстров широкоохватно беседует о заданиях эволюции общины человечества, о движении народов, о знании, о значении цвета и звука... Дорого слушать эти широкие суждения. Одни острова погрузились в пучину и вознеслись из нее другие, мощные.

18 апреля

Поездка за город, устроенная Ян Чан-лу и Чжу Да-хеном. Смотрели храм «бога-черта» с изображением ада. Храм бедный. Изображения безобразны. Чжу уверял, что это буддизм, но потом и сам сознался, что такая «народная примитивная религия» не имеет ничего общего с буддизмом. Ад представлен очень недекоративно. В продолговатом помещении на полу расставлена толпа плохо и недавно сделанных фигур. Своеобразный сад пыток. Смальвают грешников жерновами, сплющивают прессом, усеянным гвоздями, распарывают животы, кипятят в смоле, раздирают крючьями и членовредительствуют над грешниками всеми мерами, доступными китайской фантазии. Особенно возмутительно поведение праведников, нагло и самодовольно наблюдающих мучения с мостиков и балконов рая. Не указано, в каком разряде ада будет помещен сам дуту. Весь этот паноптикум производит жалкое, ненужное впечатление.

Едем затем к статуе дуту со всем ее безжизненным медным «величием», к павильонам и пруду, им устроенным. Первое проявление зачатков общественности. После того поднимаемся за рекою на гору к даосскому храму, с богом всех богов. По одну его сторону шестирукий бог лошадей и животных, по другую – бог насекомых. Впечатление храма несколько лучше и чище, вероятно, благодаря более уединенному положению на горе. С ближней скалы виден весь город и округа всех гор и холмов. Лучшее место из всего виденного в Китайском Туркестане. После этого остается храм бога грома – бедный и малоинтересный; а затем чай и обед с утомительным сидением на полу. Старик Ян Чан-лу быстро напивается, и сын отправляет его домой.

Хороший разговор с Б. Истинно, можно поражаться широте взглядов его.

От Богдо-Ула поднимаются тучи. Холодеет к вечеру. Надо будет найти время и съездить в старое Урумчи, которое отстоит за 10 верст. Там-то и есть тот красный храм, по которому и называется новый город. К вечеру – игра в городки. На дворе консульства толпа народ. Качели, гимнастика, гигантские шаги. Русские, мусульмане, дунгане, китайцы, детишки. Там же предположено устроить клуб. Просто, по-человечески. Весело смотреть.

19 апреля

Похолодало. Это не спасло бога воды от большой неприятности. Ввиду бездождия генерал-губернатор приказал вынести водяного бога из храма и отрубить ему руки и ноги. Когда-то мы читали о дикарях, секущих своих богов за нерадение, но, оказывается, эти дикари живут в Урумчи и ими предводительствует генерал-губернатор, считающий себя магистром китайских наук. Но кто знает, просто ли бог лентяй? Не было ли у него зловредных мыслей возбудить народ и против генерал-губернатора? При таком количестве богов можно ожидать всяких группировок, вредных для «правительства». Местные обыватели настолько привыкают к подобному правлению, что самые странные факты им начинают казаться естественными. Нельзя строить фабрик – это естественно. Нельзя добывать нефть – естественно. Нельзя получать газеты – естественно. Нельзя иметь врача – естественно. Все становится естественным.

Из горных щелей выются струйки дыма – это ползет подземный пожар угля и гибнет ценнейшее достояние края.

К Гучену, и долине смерти, лежат кучи костей – следы многотысячной резни. Большинство мертвых развалин стоит свидетелями резни и предательства. Но провинция «спокойна», и только кладбище спорит о большем спокойствии. Как взорвется это спокойствие смерти? Кто придет? Откуда придет? Кто возмутится изнутри? В молчании кладбища трудно понять, которая могила будет первой.

По ночам проходят какие-то банды оборванцев, именуемых солдатами, в направлении Хами. Говорят, дуту полагает, что, насильственно собирая оборванцев с базара в казармы, он освобождает город от опасного элемента. Но какова будет судьба этих вооруженных шаек и против кого они обратят свое заржавленное оружие? Пришла шанхайская газета с описанием разгрома китайскими армиями американской миссии и убийства миссионера. Прежде это известие кого-то взволновало бы, но теперь никто не изумляется. А как же иначе? Спрашивают нас: «Уверены ли мы в пропуске китайцами на Чугучак?». Мы отвечаем: «Куда же иначе нас денут китайцы?». Нам говорят: «Все возможно». И приводят случаи каких-то нелепых запрещений и насилий. Когда изумляемся «местным делам», здешние жители нам говорят: «А разве в Америке и Европе не знают, что такое Синьцзян?». Если бы мы знали половину действительности, мы никогда не продолжили бы наш путь через Китай.

На Богдо-Уле выпал снег. Надо топить печи.

20 апреля

За ночь все побелело. Давно не видели снежных гор, со всею их хрустальностью и тонкостью линий. Горы, горы! Что за магнетизм скрыт в вас! Какой символ спокойствия заключен в каждом сверкающем пике. Самые смелые легенды рождаются около гор. Самые человечные слова исходят на снежных высотах. К вечеру пошел снег и в низинах, и вся округа приняла зимний характер. Приходит Зенкевич. Говорит о всех темах, нам близких. Его странствия и приключения – это целое повествование. Невыразимая прелесть есть в том, что люди сдвинулись с мест и на невидимых крыльях сделали землю маленькой и доступной. И в этой доступности есть эмбрион доступности дальних миров.

21 апреля

С утра идет снег. Богдо-Ула показался весь снежный и синий. Странно, Ф. не верит в ужас некоторых кварталов в Бомбее. Не может допустить, что эти позорные клетки с женщинами существуют. Но ведь каждый шофер это знает и даже без вашего желания привозит вас показать этот ад, для существования которого должна существовать земля столько тысячелетий!

М. говорит: «Китайцы хотят, чтобы их оставили в покое». Согласен, и всегда стою за неприкосновенность свободы, но тогда она должна быть подлинной и не лицемерной. Самая земная гадость – это лицемерие, невежество и предательство.

22 апреля

В шесть часов утра все покрыто снегом. По Богдо-Улу тянутся клубы молочных облаков. «Старый лама пошел искать Манджушри, владыку мудрости. Долго ходил. Наконец видит человека, мнущего кожи. И стоит перед ним ведро с омывками от кож. Одна грязь. И спросил лама человека, не слыхал ли он пути к Манджушри? А тот дает ему пить из грязного ведерка. Лама ужаснулся и ушел скорее. Но встретился ему лама ясновидящий и пеняет: „Глупый лама, ведь ты нашел самого Манджушри, и сама грязь обратилась бы в напиток мудрости, если бы ты

нашел отвагу отвеждать ее“. Так говорят о бесстрашии прикоснуться к материи. Очень значительны беседы этих дней.

Олеты знают легенду об Иссе, так же как и торгуты. Еще непонятнее становятся злоречия миссионеров против этого документа. Каждый образованный лама спокойно говорит об Иссе, как о всяком другом историческом факте.

Интересно говорит Ат-Табари о пророческом призвании Магомета («История пророков и царей»). «Первое, чем началось откровение посланника божьего, были внушения истины, которые приходили подобно утренней светозарности. Затем он проникся уединением и оставался в пещере на горе Хира. Но вот пришел к нему предвечно Истинный. И сказал ему: „Магомет, ты – посланник Божий“.

«Я стал на колени, – говорит посланник Божий, – и стою жду. Затем медленно я вышел. Сердце мое трепетало. Я пришел к Хадидже и сказал: „Закутайте, закутайте меня“, и прошел страх мой. И Он опять явился мне и сказал: „Магомет, я Гавриил, а ты – посланник Божий“.

Восклицание: «Закутайте меня» – придает такой оккультно подлинный характер сообщению.

«Сказал Магомету Варака, сын Науфала: „Это божественное откровение, которое было ниспослано Моисею, сыну Умрана. Если бы я дожил до того Времени, когда твой народ изгонит тебя!“ – „Разве я буду изгнан им?“ – сказал Магомет. „Да, – ответил он. – Поистине, никогда не являлся человек с тем, с чем ты явился, без того чтобы не возбудить к себе вражду. Воистину будут считать тебя лжецом, будут причинять тебе неприятности, будут изгонять и сражаться с тобой“. Слова Вараки увеличили твердость его и рассеяли его беспокойство».

23 апреля

Вот и солнце опять! Сведения о том, что дорога в Китай совершенно непроездна. Решительно все говорят о войне, о грабежах и, конечно, о наступающей жаре. Этот путь закрыт. Странно также, что о вывозе фресок из Дуньхуана никто, кроме Ф., не слышал. Конечно, Прист должен знать все это дела.

З. читает дугу конституцию Советов. Дугу находит ее очень замечательной и «пригодной для Центрального Китая, но не для его провинции». Вот уж старый лицемер дугу! Оказывается, у этого лицемера имеется даже юридическая школа в Урумчи. Можно представить, какое «право» там преподается. По какой статье этого «права» учитываются все грабежи и поборы, установленные чиновниками? Одни говорят: «Надо Китай изучать с его парадного крыльца – от океана». Но будет правильнее знать прикрытые недра, где ничто «не проветрено» и можно увидеть тысячелетнюю атрофию. Конечно, дугу думает, что до него через пустыню никто не дойдет.

Неожиданно пришло письмо из Сиккима от полковника Бейли. Пишут о высланных книгах, но значительная часть их не дошла. Из Америки нет сведений. Вероятно, письма тоже исчезают или задерживаются.

Какой чистый воздух сегодня! После смерти Ленина Е Чин-бен писал: «Народы многих называют славными героями, но в сущности только малое количество людей заслуживает этого названия. Таким был он, пользовавшийся всеобщей любовью, – „яркая звезда человечества“, и может быть сравнен с Шакья-Муни и с Христом. Небеса безжалостны; он ушел из нашего мира, но идеи его будут жить вечно». Есть же где-то светлые и смелые, и честные китайцы, но ведь мы-то их не видим. А так хотели бы увидеть!

24 апреля

Получили приглашение от комиссара по иностранным делам Фаня на обед завтра. Разве это не лицемерие? Одной рукой все запрещать, а другой приглашать на обед. Если это «искусная» дипломатия, то она вовсе не искусная, ибо умное действие познается по результатам. А, конечно, лицемерный обед не может исправить отношения. Лучше бы разрешили побывать в буддийских монастырях. Кстати, оружие наше отобрано и так и не возвращено.

Список приглашенных на обед самый нелепый: миссионер-католик; Калинин – немец; Кавальери – итальянец; Чаньшев – мусульманин, и какие-то китайцы. Из русской колонии всего один Ф. Посмотрим.

Г. рассказывает о селах «кержаков» на Монгольском Алтае. Эти «кержаки», то есть староверы, сохранили все свои обычаи: свои моленные, своих начетчиков, [\[227\]](#) свою пищу и полное удаление от «мирских». Не употребляют ни водки, ни табаку. Занимаются пчеловодством, пушниной, рыболовством, скотоводством. Среди дунган и киргизов стоят три села дворов по 50, по 60, и ничто новое не проникает за их околицу. Вероятно, они поддерживают связи со своими единоверцами на Русском Алтае.

И странно и чудно – везде по всему краю хвалят Алтай. И горы-то прекрасны, и кедровые-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катунь, говорят, должна быть последняя в мире война. А после – труд мирный.

Год назад в Тибет шло посольство из Монголии – около 30 человек монголов и трое русских. На тибетских перевалах умерло 20 монголов и двое русских. По описанию, они умерли как бы от каких-то газов. Конечно, что-то могло случиться в области гейзеров и старых вулканов, или причиной могли быть и зимние вихри. Но факт любопытен, тем более что его трудно выдумать.

25 апреля

Плавники акулы, древесные грибы, водоросли красные и белые, бамбуки, семя лотоса, голубиные яйца, трепанги и много других слизких и скользких блюд. Их подсахарили сладким рисом и розами. Мы кончили. В павильоне генерал-губернаторского сада три стола. Один весь китайский. Другой весь мусульманский, без ингредиента свинины. Третий – международный, где представлены Китай, Россия, Америка, Германия, Голландия, Италия. Сам Фань – хозяин – ничего не ест. Он объясняет это своим строгим вегетарианством. Его водорослеобразное лицо улыбается; вероятно, он глубоко ненавидит всех иностранцев и полон самого тонкого лицемерия. Неужели Фань думает, что нелепый обед смывает все оскорбления, сделанные хотанскими и карашарскими властями? Ни единого слова о расследовании не произнесено Фанем. Где же она, политика и дипломатия? На его лице лишь лицемерие, такое явное, такое неприкрытое. После обеда топтание около пруда, где стоят на мели две джонки. Потом низкие поклоны Фаня.

Проходим мимо истукана губернатора и едем к радушному Кавальери. Хорошо кончается день. Кавальери везет нас на моторе по окружной дороге. Свежий ветер. Ясные, поистине небесные горы. Испарения вновь выпавшего снега делают дальние цепи и пики воздушными и прозрачно-сапфировыми. А поближе лиловые бугры и залитые солнцем глиняные зубчатые стены. Так бодро, так свежо и прекрасно, и сам «вегетарианский» лицемер Фань начинает превращаться в студенистую водоросль. Калинин, представитель немецкой фирмы «Фауст», ехал через Россию и хвалит все условия проезда. Сообщает, что из Кульджи едет в Пекин «для магнитных съемок» Фильхнер и через неделю, вероятно, будет – в Урумчи. Любопытно встретиться. В Урумчи хорошо поминают приезд С. Ф. Ольденбурга.

26 апреля

Киргизы скачут на белых лошадах. На головах – стеганные цветные шишаки, точь-в-точь, как древние кюяки русских воинов. На макушке пучок перьев филина. На руке иногда сокол с колпачком на глазах. Получается группа, подходящая и в XII и в XV века. И тут же на улице стоит мотор Кавальери – сильный паккард, без повреждения проделавший весь путь от Пекина до Урумчи. Мотор принадлежит Русско-Азиатскому банку, но генерал-губернатор запретил пользоваться машиной, и ее пришлось за бесценок продать. Одним своим видом паккард напоминает, что путь от Урумчи до Пекина вполне может быть сделан на моторе. А человеческое невежество и лицемерие твердит свое мертвенное «нет!».

Сегодня иностранная колония провожает С. Уезжают они по требованию китайцев, ибо С. слишком многое знает. Почта задержалась на семь дней. Вероятно, препятствует ледоход на Иртыше.

Опять студень ветер. Опять сине-прозрачен небесный Богдо-Ула.

Но вот истинный знак добрый. Тибетец-лама, которому мы дали 100 лан в Карашаре (в ставке), пришел сегодня. Принес деньги, извиняется, что не может идти с нами. Ему не удалось продать лошадей и овец. Сейчас кони худы, корма нет, продать некому. Бросить табун нельзя, и вот он не может идти с нами. Пробудет здесь до нашего отъезда и пойдет обратно. Вот это по-тибетски! (Он шел десять дней, чтобы вернуть деньги и объяснить дело. До сих пор ничего дурного мы не видели от тибетцев-буддистов. Жаль, что не пойдет с нами. Начитанный и с отличным выговором. Напился чаю и чашку вытер. Поел творогу и тарелку вытер и стул на место поставил. Юрий и лама много успеют сказать. Ходили за город к озерам.

27 апреля

Характер переговоров с Фанем. Ему говорят, что данная река течет на восток, а он говорит, что на запад. Ему ссылаются на карты, а он твердит свое. Ему указывают на личное свидетельство, а он твердит свое. Так, вопреки очевидности, вопреки картам, вопреки фактам. Попробуйте делать договоры при таких условиях.

Местный священник сделал из Ленина – кесаря. Какие-то люди из русской колонии затруднялись прийти на открытие памятника Ленину, опасаясь controversy с религией. Но священник сказал проповедь и указал: «Воздайте Богу божие, а кесарю кесарево». Тогда затруднение исчезло.

Граница между Монголией и Китаем во многих пунктах не выяснена. Шарсюмэ до сих пор остается в неизвестной зоне. Конечно, китайцы всячески оттягивают конечный раздел.

28 апреля

Паломники не пропускаются в Тибет. Некоторые хошуты собрались тайком и отправились в Тибет в феврале. Удастся ли им пройти через границу? О черном камне здесь знают, ждут камень. Также знают буддисты легенду об «Иссе, лучшем из сынов человеческих». Принимают этот документ как он есть, во всей его древности.

Целый ряд сведений о иезуитстве дуту и как он освобождался от неприятных ему чиновников, поражая их в спину. Вчера дуту запретил постановку памятника Ленину на дворе консульства. Даже на внутренней территории консульства дуту пробует распоряжаться. Так, так! Так же дуту протестует против качелей, гигантских шагов и игры в городки во дворе

консульства. Протест объясняется заботой о неприкосновенности консула. Опять лицемерие, грубое, неприкрашенное! Это уже не лакированная старая китайская работа, а гримаса испорченной маски. Дуту требует отозвания консула Думписа из Кашгара. Дуту запретил на десять дней продажу мяса и «пролитие крови».

Где граница лицемерия и фетишизма?! И стоит темный истукан дуту, и на темном теле горят золотые эполеты, ленты и звезды. Широко расставлены медные ноги истукана, и низко кланяется ему с улыбкой черепа Фань. Один лицемер приказывает, другой лицемер низко ухмыляется, третий лицемер в Хотане чистит свой маузер для предательства. Откуда этот обычай в Синьцзяне кончать с «неприятными» людьми после обеда, в спину? Из каких глубин человеконенавистничества, из каких веков темноты пришла эта техника предательства? И темнота эта прикрывается «учеными званиями». Дуту – магистр. Фань – доктор наук, юрист и писатель. А где же их сочинения против фетишизма, которому они потворствуют? Где же их осуждения продажи людей, предательства и лжи, которым они так низкопоклонно служат?

Весь день здесь шумит сухой, палящий буран.

29 апреля

После жаркого бурана – сухой ветреный день. Дождя нет. Мусульмане, татары и сарты смеются над приказом дуту не колоть десять дней животных, не продавать мяса и сечь бога воды за бездождие. Буддисты, калмыки и тибетцы прямо глумятся над таким фетишизмом. Дунгане и киргизы, как и мусульмане, тоже смеются и глумятся. Спрашиваю, для кого же устроен этот смехотворный акт дикого фетишизма? Значит, вся эта комедия сделана для китайцев. Значит, именно китайцы еще подвержены первобытным формам фетишизма. Ведь мы это не знали, относя китайцев к верующим по «справедливости» Конфуция. И не сам ли дуту в глубине души будет сечь водяного бога? Ведь «водяной бог» имеется лишь у китайцев. Значит, и сечение бога нужно только китайцам. И китайские «доктора» и «магистры» искренно инспирируют эту вредную чепуху. Но чепухой занимаются очень деятельно.

Сейчас издан новый приказ. Разрешить продажу мяса в течение трех дней, а после опять продажа мяса будет запрещена под страхом тюрьмы. Больше всех страдает от фетишизма дуту наш Тумбал, которому мясо нужно. Рядом с чепухой «водяного бога» происходит и другое странное действие.

По-прежнему каждую ночь в направлении Хами отправляются отряды оборванцев. Против кого же направлена эта своеобразная «мобилизация»? Может быть, против отрядов народной армии Фына? Конечно, все эти посылаемые ночью оборванцы не солдаты, а просто фетиши, никуда не годные. Конечно, из двадцати четырех пушек, сданных Анненковым, всего две в порядке. Но ведь и пушки, вероятно, рассматриваются не более как фетиши. Сегодня назначен большой парад «войск».

Спрашиваем себя: «Зачем Фань устраивал нам обед?». Не есть ли это начало каких-то новых неприятностей? Ведь и в Хотане все преследования даотая начались с сорокаблюдного обеда, с почетных караулов и с уверений «мы ваши друзья». Вообще, здесь у синьцзянских китайцев слово «друг» имеет какое-то особое значение, и с нашим мерками нельзя подходить к местному понятию.

Наконец, дуту «просветился» и окончательно запретил открытие памятника Ленину. Интересно, какова будет судьба гигантских шагов, качелей, городков и клуба? Еще очень опасные занятия на дворе консульства – теннис. Не будет ли конфликта «водяного бога» и с этой противозаконной игрой? Где-то кто-то не знает о фетишизме Дуту.

В Британском музее хранится сборник указов дуту, и кто-то вводится в заблуждение,

принимая отжившую вредную ветошь за осколки бывшей цивилизации. Кто-то вводится в заблуждение «ученой степенью» дуту и вегетарианством Фаня. Кто-то вводится в заблуждение, думая, что остатки фетишизма кроются в далеких тундрах и на уединенных островах дальних океанов. Нет, здесь в столице Синьцзяна, под «мудрым» правлением дуту фетишизм возведен в государственную форму религии и поддерживается указами «правителя».

Письма и телеграммы не приходят. Не сомневаемся, что они задержаны. Полицейский спрашивал Е. И., веду ли я дневник. Е. И. сказала, что дневник отослан из Кашгара в Америку. Как бы наши тетради не исчезли! Куда их спрятать в этом царстве фетишизма?

В Каме для свирепости и для резвости коней кормят сушеным леопардовым мясом и толченым чаем. Рассказывают о леопардовых пятнах, выступающих на крупах коней.

Завтрак у Хавальери. Среди русских один китаец, Чжу. Разговор о наших злочлечениях в Синьцзяне. Чжу говорит: «Не судите Китай по Синьцзяну. Сюда хорошие китайцы не едут». Говорю ему откровенно, что мечтаю видеть лучших китайцев; хотел бы сказать о Китае самое лучшее, но вся Синьцзянская провинция, за исключением трех людей, не дала нам возможности к хорошим суждениям.

Сравниваем светлые настроения Сиккима, Гималаев, Индии, Ладака с тюремными соображениями Синьцзяна...

30 апреля

Прошлым летом было разрушено до семидесяти буддийских монастырей в Амдоском крае. «Дунганские» войска сининского амбаня употребляли пулеметы... Много тангутов^[228] погибло. Теперь геген амдоский запросил голоков о помощи. Голоки откликнулись на призыв; в течение наступающего лета возможны столкновения. Дунганями разрушено знаменитое изображение Майтрейи.

Лама из Кобдо производит сбор на построение нового изображения. Голоки постановили набор в войско по три мужчины от каждого двора. В Лабране устроены казармы дунганских войск, и антибуддийское направление поддерживается. Все это нигде не напечатано, и все это чрезвычайно важно для будущего. Помимо волн, замеченных миром, идет внутреннее волнение, оценить которое можно лишь на месте. Ф. повторяет: «Чжу вчера правильно сказал, что порядочные китайцы в Синьцзян не едут». Но и из Центрального Китая тут же приводит случай незаконных задержаний. Ф. сомневается, чтобы из наших протестов что-либо получилось. Он говорит: «Здесь принимаешься к этому ко всему, как к песку в пустыне». Неправильно! Ведь даже в Хотане нам удалось сместить грабителя Керим-бека. Невозможно добру и злу «внимать равнодушно». Теперь главная задача выбраться из Синьцзяна. Е. И. не делает иллюзий, она знает, что будут предстоять всякие трудности. Правильно сказано индусами: «Принеси одну рупию – и все поверят, но принеси миллион – и все усомнятся».

Заболел Оренбуржец (лошадь). Пускали кровь. Говорят, нужно еще два раза объехать киргизские могилы, тогда поправится. Так говорят здешние «опытные» люди.

В Лхасе есть храм Гессер-хана. По сторонам входа изображены два коня – красный и белый. По преданию, когда Гессер-хан приближается к Лхасе, то кони эти ржут. Не будет ли скоро этот клич коней?

Обсуждаем вести из Синина. Как это замечательно, что нужные ламы приходят без опоздания. «Длинное ухо» Азии работает лучше радио. Из Кашгара на шесть радио нет ответа. Единственно можно предположить, что радио перехватывается и вместо назначения попадает на совсем иной стол.

1 мая

Первомайский праздник <...>. В 12 ½ час. обед с китайцами. Двор консульства красиво и красочно убран. Под большим навесом, увешанным яркими коврами, накрыты столы на сто человек. Рядом стоят три юрты для мусульман, где вся еда приготовлена без свинины под особым присмотром мусульманина. Перед юртами сиротливо стоит усеченная пирамида – подножие запрещенного памятника. Невозможно понять, почему все <...> плакаты допустимы, почему китайские власти пьют за процветание <...>, но бюст Ленина не может стоять на готовом уже подножии. Вся иностранная колония в сборе: здесь и итальянцы, и немцы, и англичане и сарты, и киргизы, и татары, и др. Работа объединения, совершенная консулом Быстровым за полгода, поражающа. И все единодушно тянутся к нему с лучшими пожеланиями. Китайские власти все налицо, кроме самого дуту, который счел за благо «заболеть» и предпочел послать вместо себя своего девятилетнего сына. Против нас сидит Фань. Он ничего не ест, кроме хлеба. Или диета, или ненависть, или верх подозрительности. Тут же сидит брат дуту – старик, ввергнутый в опалу своим правительствующим братом за либеральные воззрения. За обедом первым напился комендант крепости. Начал безобразничать, разбил несколько рюмок, толкнул ламу и, наконец, ногою подбросил поднос с мороженым. Этот случай с мороженым заставил китайцев принять меры, и комендант крепости был удален посредством полицмейстера и своих собственных солдат. Из китайцев больше всех был возмущен поведением коменданта девятилетний сын дуту. У него даже слезы выступили от негодования. Он забрал с собою разбитую рюмку, верно, чтобы представить своему отцу. Китайцы дружно чокались за процветание <...>.

Молодой хор спел несколько песен. Еще раз все потянулись к Б. с приветом. Гурьбою уехали китайцы. Е. П. П. говорит мне: «А мы, бывало, ходили смотреть на вас в щелочку, когда вы приходили к Куинджи». Оказывается, она знала и Архипа Ивановича, и жену его В. Л. И вот в Урумчи мы толкуем о Куинджи, вспоминаем его кормление птиц, вспоминаем его безбоязненные свободные речи, его анонимную помощь учащимся всех родов знания. Не ржавеет память Куинджи. Так обидно, что «Ленин» не успели написать на подножии «запрещенного» памятника. Ведь к этому имени тянется весь мыслящий Восток и самые различные люди встречаются на этом имени.

После обеда играют в городки и теннис. Через неделю будут открывать клуб. На маленькой сцене клуба кроме русских пьес предположено ставить мусульманские и китайские.

Вечером подходят новые сведения о событиях в Амдоском крае; о притеснениях монастырей китайскими солдатами, о вступлении китайских войск в Лабран, о разрушении изображения Майтрейи. Сроки подходят.

Поздно вечером неистовствует Гумбал. Приносят куличи и яйца от Г. и М. Завтра Пасха.

Совершенно так же, как во время Пржевальского, сарты мечтают освободиться от ига китайцев старого типа со всеми их поборами и притеснениями. Так же точно стоят еще дунганские могилы, свидетели «покорений китайских». Так же точно вспоминают люди Якуббека, кратко мелькнувшего в сознании сартов. Так же точно берегут сарты мечту о свободе. Так же точно гнездятся дразги ямыней. Так же точно криводушничают амбани, близоруко не отличая друзей от врагов. Так же точно поет бакша песнь о бывших подвигах... Бывшее, бывшее, бывшее, дошедшее до края порога будущего. Скажем нашему знакомцу – китайскому свободомыслящему студенту: «Скорее установите новый порядок!».

Доходят вести о движениях кантонских войск. Шепчутся и подмигивают: «Как-то теперь извернется Янь-дуту?». Ведь тут сечением богов не отделаешься и петушиный бой не поможет... Мечта работает и зовет невиданных кантонцев, которые должны убрать грабительских амбаней,

должны умерить купцов и дать свободу краю развиваться. О Фане, или, как его иногда зовут, Фыне, почему-то говорят осторожнее. Но Кантон привлекает народное сознание. Войска Кантона наделяются бывшими и не бывшими качествами.

А правительство Кантона называется и неподкупным, и справедливым. Если эти два свойства оправдываются, можно ждать повсеместных доброжелателей Кантона. Так промерзшие в ночной стуже путники ждут восхода солнца. И даже первые проблески света уже радуют. И мы радуемся. Кто знает? Ведь это, может быть, те самые культурные, устремленные к прогрессу и знанию китайцы, о которых мы так искренне мечтали, подходя к Хотану?

Приходят, спрашивают, нет ли у меня плоскогубцев-клещей. «Зачем?» – «А зуб вырвать». На перевалах, среди костров, был Босх или старый Брейгель, а тут уже Остаде.^[229] Однако зуб вырвали и клещи вернули.

Приходит китаец: «Кумашка яшка». Что такое? Смеется, уж не согдийское ли наречие, или нет ли здесь яфетидов?^[230] Оказывается: «ящик для бумаг». Можете представить, как создаются комбинации наречий, а потом будут вспоминать известный анекдот: «Раз-мо-кропо-годилося»...

Самодельные комбинации всевозможных языков действительно представляют поучительное зрелище.

В результате мы видели людей, вообще не знающих ни одного языка. Немного калмыцкого, чуть-чуть тибетский, два-три слова русских, китайских и сартских. Когда же такой лингвист взволнован – он начинает говорить на всех пяти языках. Быстро и непонятно, но в его представлении очень убедительно. Так же он мало уверен и в своей национальности; с необычайной легкостью он оказывается и русским, и китайцем, и торгутом... Так себе – «кумашка яшка». Интернациональный язык.

2 мая

Ясное утро. Приходят ламы поздравлять с праздником. Говорят: «Христос воскрес». А ну-ка, христианские служители, придете ли вы поздравить буддистов с их памятным днями? Открываем сундук с буддийскими картинами – развешиваем их и вместе с ламами любимся яркими красками и глубокими символами науки, собранными в этих изображениях. Только знание без всяких предрассудков открывает новые возможности. И вчерашнее «случайное» становится в линию движения эволюции. А сегодняшнее «важное» оказывается часто просто случайным пережитком.

Вчера на обеде кто-то говорил нам, что вряд ли скоро удастся уехать из Урумчи. Может ли это быть? Столько срочного, столько безотлагательного впереди, а здесь полное бездействие. Сидение на сундуках! Ожидание каждого дня. Ничего из Америки. Почему друзья не действуют там? Даже срок выезда М. и З. неизвестен. Впрочем, может быть, что-то опять на телеграфе или на почте пропало. Или телеграммы дойдут через полгода. Здесь и так бывает. Телеграмма от апреля дошла в октябре.

3 мая

Приехал из Кобдо Цампа-лама; караван свой в 30 верблюдов оставил в Гучене. Был он сам немедленно вызван к дуту, имел длинное совещание и был поселен в ямыне, что делается лишь для чинов не ниже даотая. Они ждут приезда двух чиновников из Кобдо. Два монгольских ламы по-прежнему остаются под арестом. Слухи, дошедшие до нас в Карашаре, подтверждаются. Сведение от Б.: получена телеграмма о проездной визе. Это значит, что около 15 мая можно

будет тронуться.

Здесь уже не дождемся сведений из Синина о голоках. Надо теперь же хлопотать о подводах до Чугучака и надо пересмотреть багаж. Телеграмма от 2 апреля дошла лишь 2 мая. Между тем до Бахты (граница) телеграмма идет один день. Значит, около месяца телеграмма лежала в Чугучаке, задержанная китайцами. Пешком из Чугучака можно доставить весть куда быстрее. Лишь бы не было новых китайских преследований!

4 мая

Бедному богу воды все-таки отрубили руки и ноги за нерадивость. Не успели отрубить, а дождь и пошел. Неужели китайский бог нуждается в таких суровых воздействиях? Пошел дождь со снегом, и улицы Урумчи превратились в черное, липкое болото. Можно себе представить, что здесь было за две недели до нашего приезда. Недаром рассказывают, что здесь и ослы, и кони тонут. Ничего не стоило бы замостить базар, приказав каждому торговцу сделать мостовую против своей лавочки. Но здесь «всемогущий» дуту не проявляет свою власть. «Магистр» наук легко мирится с бассейнами грязи. Другое дело, если ему нужно пристрелить заподозренного противника в спину. Рассказывают, что лет двадцать тому назад тибетец был почтен китайским императором необычно высоким титулом. Для передачи титула был устроен обед у местного амбана. После церемонии и изысканного обеда за спиною гостя из-за занавесок выступил солдат и ударом сабли снес голову ошастливленному императорской лаской. Новые сведения!

Еще и еще раз можно оценить «почту» лам. Гораздо раньше государственной осведомленности, гораздо точнее приносят ламы самые лучшие вести. И каким огнем блеснут узкие глаза, если заметят незнание собеседника. И тогда уже не ждите правильных рассказов; тогда вас переведут в разряд незаслуживающих внимания; махнут пренебрежительно рукой и шепнут: «Пеллинг!».

Пришли Б., П., Я., С., А., П., К. и другие смотреть серию «Майтрейя». Какие хорошие люди все они.

5 мая

В Туркестане один мулла приказал за непосещение мечети вылить сорок ведер воды на темя «правоверного». После семнадцатого ведра неисправный «правоверный» умер. Однако, что же делать с такой логикой?

Все пошло как-то быстро. Уже нашлись возчики. Теперь надо выбрать путь. Предлагаются три комбинации. Одна – на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на Восток. Вторая – Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск. Третья – Тополевый Мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск. Заманчива третья комбинация, где едем пароходом по Иртышу среди долистных и холмистых далей. Уж очень заманчиво. Но не помешают ли опять китайцы? Мнения делятся. Одни полагают, что очередная гадость будет проделана. Другие думают, что на этот раз китайцы устыдятся. Лично я не оптимистичен. Ведь и в Кашгаре уверяли, что больше наглостей не будет, но одна из главных наглостей была проделана в Карашаре, то есть после Кашгара.

Мы ходили с Б. за город по направлению к Богдо-Улу. Бесконечные дунганские кладбища. Ряды курганчиков. На вершине каждого всегда поставлен горшок, сосуд или черепки горшка – обряд древней курганной тризны. Несмотря на мусульманство, дунгане сохранили какие-то своеобразные черты. Китайская народная религия и шаманизм оставили свои следы. Приехал Фильхнер. Кажется, ему разрешены все съемки. Странно, почему Германии все можно?!

6 мая

Укладка. Уговоры с возчиками. Три тройки до Тополева Мыса за 660 лан.

7 мая

Утро у Фаня. Все притворно любезны. Будто бы обещал не препятствовать нам ехать через Тополевый Мыс по Зайсану. Многие новости про Цампу. Как и в Карашаре, слышали, что положение серьезное. Предлагают 10 000 000 лан, чтобы привлечь 30 монгольских хошунов на сторону дуту.

К вечеру пошли по холмам под городом с Б. Опять кладбище. Среди голого поля десяток крестов и два памятника. История одного из них трагична. Молодой человек, солдат Кутейников, приехал к отцу после гражданской войны. Родные и добрые друзья набросились на него, всячески поносили его и, наконец, связали и заперли в чулан, где он и повесился. И вот над ним стоит высокий памятник с большим черным крестом и со слезливыми текстами.

Сегодня прямо знойный день, точно в июле. Снег на Богдо-Уле значительно сошел. Через восемь дней опять в далекий путь. Яковлева говорит: доедете до большого города и будете скучать. Именно так.

8 мая

Слухи ползут: сининский амбань бежал с 20 тысячами войска под давлением тангутов. Неужели уже голоки подошли? Ведь это начало чего-то длительного.

Давно было известно, что католические клирики пользуются оккультными силами. Об этом сообщено много раз в литературе, но, конечно, сами ксендзы упорно скрывают такие способы воздействия. Здешний католический миссионер очень откровенен в этом отношении. Он прямо и без особого повода рассказывает Е. И., как он может «производить чудеса», то есть пользоваться спиритизмом и магнетизмом. Спешность нашего отъезда мешает, а то патер, наверное, продемонстрировал бы что-либо поучительное.

Как странно подумать, что здесь и фетишизм, и примитивный спиритизм, и суеверие, и крик муллы, и имя Конфуция – все спутано в нерасчленимый комок.

Скоро наш геше ^[231] уйдет в свои горы. Сегодня он рассказал, что настоятель медицинской школы в Лхасе говорил ему об «азарах», как они называют махатм, живущих в горах и применяющих свое глубокое знание на пользу человечества. Слово «азара» еще нам не встречалось. Это не санскрит. Но как трудно заставить геше рассказать такие подробности! Скоро уйдет он. Скажет таин-ламе все им упущенное. Страх плохой советник.

9 мая

Опять жара, несвойственная для начала мая. Кто говорит, что это к дождю, кто «успокаивает», что вообще уже началась жара. Китайцы своими проволочками точно преследуют Е. И. Так все сложно, так много вопросов и необыкновенных условий. Надо ускорять отъезд.

Настоятель медицинской школы говорил нашему геше, что он сам встречал одного такого азара в горах Сиккима. Трудно узнать больше того, что там был маленький домик и что азара был очень высокого роста. Потом азара удалился с этого места. Такие же самые вести ползут по

всей Азии.

Ездили за город. Куковала кукушка. Летали удода и звенели цикады. К вечеру – гром. Читала Е. И. записки по основам буддизма. Как красиво выходит, когда шелуха позднейших наносов слетает, когда труд и знание занимают должное место.

10 мая

Солдаты перестали учиться. Праздник. Говорят, потому, что сининский амбань разбит. В последней пекинской газете сообщается, что Ганьсу и Синьцзян оставлены в сфере влияния народной армии. Для Синьцзяна это знаменательно.

Вдруг все перевернулось так, что необходимо ехать как можно скорее.

Живет до сих пор сага о Гессер-хане: «Гессер-богдохану посылается семь голов, отрубленных у семи черных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш, которые Гессер-хан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо ^[232] и отдал ей эти чаши и угостил ее. Но она взяла эти семь чаш из семи голов черных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь чаш созвездие Долон-Обогод (Большую Медведицу) и сторожит оно сроки».

Как замечательно влиты символы в эти неясные и как бы лишённые значения слова, связывающие Гессер-хана с семизначным созвездием Севера. Монгольская «габала» ^[233] и особенные чаши бутанских храмов напоминают о тех же устремлениях и надеждах. Твердится указание из Трипитаки, ^[234] что «Будда указал, что чаша его в срок новых достижений мира станет предметом искания, но лишь чистые носители общины могут найти ее». Так, так!

«Рибхвасы ^[235] мчатся к Савитри – Солнцу за Сомой», ^[236] согласно мудрости Ригведы. На блюде джил-кор ^[237] вычеканена в середине гора Сумеру, а по сторонам ее четыре страны света в виде больших островов вокруг. Как бы точка на одинаковом расстоянии от четырех океанов...

Лама провозглашает: «Да будет жизнь тверда, как адамант; победоносна, как знамя учителя; сильна, как орел, и да длится вечно!»

11 мая

Приняли приглашение на завтрак у Фельдмана. Там же Фильхнер и католик-миссионер. Сильный и работоспособный, в кожаной куртке, загорелый Фильхнер полон энергии. Задание его любопытно. Он объединяет магнетические исследования между Ташкентом и Средним Китаем. Измерения были сделаны в России, а Институт Карнеги, с большими затратами, произвел эти работы в Китае. А теперь Фильхнер объединяет эти две области исследований, как он сам сказал.

Вспомнили его происшествия с голоками. Все-таки хвалит он их. И любит Азию. Уже навсегда привлечен очарованием азиатских просторов. Об истинном маршруте своем утаил.

Примечателен разговор с миссионером. Толкует о новом понимании буддизма, говорит о настоящем значении понятия нирваны. Говорит о желательности немедленного сопоставления буддизма и католицизма. Знает литературу. Очень примечательно.

А холод ползет от Богдо-Ула, и ветер заглодел. Делаем всякие попытки ускорить выдачу китайских паспортов. Вечером Фильхнер просил консула сообщить германскому послу о препятствиях, чинимых ему Фанем. Обычная техника.

12 мая

На столе у консула лежит прошение, подписанное отпечатком пальца. Киргиз – бедняк жалуется: три года назад около Манаса он с дочерью, девяти лет, ночевал у дунганина. За ночь дунганин запросил дочь киргиза. Тот отказал. Дунганин избил его, выгнал, а девочку оставил себе и держит ее уже три года.

Обычное здесь явление умыкания и продажи детей с целью работы, а чаще с целью разврата. Зачем созывать лицемерные конференции о невольниках Африки, когда в серединной Азии и повсюду в Китае продажа людей является самым обычным явлением. Все деловые учреждения края знают этот институт рабства, и никто не требует его прекращения. Где же протесты и требования?

Получили приглашение от генерал-губернатора завтра на завтрак. Все те же люди: Фань, Фильхнер, миссионер, Кавальери...

На базаре возник слух о походе на Кобдо, и последнее посещение генерал-губернатором консула связывается с этим слухом. В Шарсюмэ спешно выехал даотай, алтайский командующий местными войсками. Это обстоятельство еще более усиливает слухи о возможных военных действиях.

Ясный, свежий день. Вот бы уже ехать! Но уехать до субботы не удастся.

Рин-се, то есть сокровище, называется как бы каменисто-металлическая масса, остающаяся после сожжения мозга, от двух мозговых затылочных наростов. По количеству этой массы судят о психическом развитии умершего. Какое доказательство материализма! На границе Тибета мы видели такую «массу» после сожжения одного монгольского ламы. Она похожа на отложение янтаря.

13 мая

Утром приходит монгольский лама. Вот радость! То, что мы знаем с юга, то самое он знает с севера. Рассказывает, что именно наполняет сознание народов, что они ждут. И при рассказе глаза его наполняются неподдельными слезами. Наш друг Т. Л. шесть месяцев был около Ланьчжоу и ежедневно говорил о значении будущего. «Знали мы давно, – говорит лама, – но не знали, как оно будет, и вот время пришло. Но не каждому монголу и калмыку можем сказать мы, а только тем, кто может понять и действовать». И говорит лама о разных «признаках», и никто не заподозрит таких знаний в этом скромном человеке. Говорит о значении Алтая.

А после этих настоящих и серьезных разговоров – лицемерный завтрак у генерал-губернатора. Опять идем бесконечными переходами ямыня, опять вопросы о здоровье, опять тосты за здоровье. Опять плавники акулы, бамбук и древесные грибы. Хозяин уверяет, что местные сарты лучше всех народностей земли. Несколько лет тому назад он уверял то же самое о дунганах и даже завещал похоронить его на дунганском кладбище. Но теперь его «курс» не на дунган, и завещание уже отменено, а сарты провозглашены лучшей народностью. Е. И. шепчет: «Какой страшный старик». В настроении похоронного шествия идем обратно по переходам и дворикам, и генерал нам оказывает «высшую честь» довести до экипажа. Ни слова о расследовании дел хотанских и карашарских, будто так все и кончилось и все запрещения работы должны быть проглочены за завтраком.

Можно всячески оскорбить, а потом замазать все плавниками акулы. Сегодня запечатают наши сундуки, чтобы нас не тревожили на границе. Три часа длилась бессмысленная тягучая процедура отмыкания сундуков и никчемной переборки вещей. И когда эта нелепость будет оставлена?

К вечеру происходит уже знакомая нам провокация. Какой-то дунганин отвратительного вида набросился и избил Рамзану. Схваченный, он уверял, что принял Рамзану за китайца и потому избил его. Странное объяснение. Опять странно, что провокация происходит именно в день завтрака у генерала. Вечером нас предупреждают о двух опасных местах по пути до Тополева Мыса. Грабят киргизы. Конечно, здесь конвой не дается губернатором. Конвой нужен там, где безопасно.

Рассказывают, как дервиши иногда убивают «неверных». В толпе, или танцуя, дервиш оцарапает гяура сильно отравленным ногтем, и смерть иногда наступает в тот же день. Средневековье!

14 мая

Дали нам паспорт до Пекина, длиною в мой рост. Этакая нелепость – писать в паспорт число и описание всех вещей. Сколько изменений за дорогу произойти может. Китайцы Синьцзяна, зачем вы так себя показали нам?

Оказалось, что наши возчики вовсе не китайские подданные, а русские из Бухары. Теперь масса таких хамелеонов. Такая чепуха с паспортами!

Интересны вулканические следы в районе Чугучака, Кульджи, Верного и Ташкента. Земля точно дышит. Как бы гигантская динамо-машина работает в продолжение месяцев.

Сегодня прощальный обед у Г. Ох, сколько хлопот с укладкой. Вещи – враги человека! Уедем ли завтра?!

15 мая

А ведь так мы и не уехали сегодня. Возчик отказался грузить. Все силы и увещания были применены, но старик остался деревянным. Главная причина, что суббота считается у мусульман плохим днем. Такая чепуха! А целый день потерян.

Слышали рассказы о каракиргизах. Как в 60-х годах киргизы сварили в котлах три тысячи русских казаков. Такие же сведения варки и сжигания в печах киргизами известны и за ближайшее время. Напутствует нас целая серия историй о грабежах. Киргизы ограбили тридцать арб. Киргизы ограбили путешественников. Киргизы стерегут ущелье за семь дней отсюда. У киргизов – бомбы. Словом, какая-то каракиргизская тысяча и одна ночь.

16 мая

Все-таки выехали. После всяких препирательств с возчиками кое-как погрузились. Конечно, китайцы остались верны себе. Последнюю ночь Сун плакал и сказал ламе, что полиция и ямынь запретили ему идти с нами до границы. Кто знает, что за смысл в этом Новом вторжении в нашу жизнь? Или Сун давал о нас слишком хорошие отзывы? Сун совершенно расстроен.

Все хорошие люди из Урумчи провожают нас. Правда, сердечные люди. Точно не месяц, а год прожили с ними. Посидели с ними на зеленой лужайке за городом. Еще раз побеседовали о том, что нас трогает и ведет. Почувствовали, что встретимся с ними еще, и разъехались.

Налево лиловели и синели снежные хребты Тянь-Шаня. За ними остались калмыцкие юлдузы.^[238] За ними Майтрейя. Позади показался Богдо-Ула во всей его красоте. В снегах сияли три вершины, и было так радостно и светло, и пахло дикой мятой и полынью. Было так светло, что китайская мгла сразу побледнела.

Все-таки нас остановили на таможне. Несмотря на трехаршинный паспорт, опять к чему-то

бессмысленно пересмотрели наше оружие... Дальше, дальше...

Стоим в Санджи, селение в 39 верстах. Стоять за околицей нельзя: опасно ночью, да и наш верный страж Тумбал остался в консульстве. Стоим во дворе. Старая сартка в белом степенно ходит по двору. Девочки со многими черными косичками проворно шныряют из хаты. Уже шесть часов, а жар еще не начинает спадать. Как это будет с Е. И.? Сегодня ей было уже трудно. И какое право имел этот хотанский дьявол арестовать и так задерживать нас? Ведь мы могли здесь проезжать более месяца тому назад, когда не было жары! И вместо расследования возмутительного насилия нас угощают лицемерными обедами и притворными тостами. Где же справедливость Синьцзяна? Вырождение.

Вечером опять приходили какие-то типы и смотрели вещи. Поймите же, китайцы Туркестана, пока путники в вашей стране не более как арестанты поднадзорные, до тех пор и вы сами останетесь на уровне тюремщиков. Пора вам знать больше и не утверждать, что текущая на запад река – течет на восток, как делает «ученый» комиссар по иностранным делам. Говорят: «Китайцы – бывшая великая нация». Довольно всяких бывших людей. Теперь время людей настоящих. Некоторые до того принюхались к здешнему произволу, что флегматично замечают: «Хоть сто лет судитесь с ними – они никакого расследования не сделают, а решение их суда зависит от количества тысяч долларов, уплаченных судьям». Так говорят люди, долго жившие в больших городах Китая. Как же трудно живым китайским ячеек, задавленным преступным мещанством! Опять вспоминаю грустные глаза китайского студента в Америке; теперь он нас спросит: «Каково ваше мнение о китайских чиновниках?». Является вопрос: откуда же берутся эти пресловутые чиновники? Из народа? Разве?

17 мая

В 5 утра уже тепло. День подготавливается знойный. На базаре к столбу привязан человек. Преступник? Или слишком умный? Опасный? Нелюбимый? Оклеветанный? Богдо-Ула потонул в тумане, но влево протянулись на весь день пути цепи Тянь-Шаня. Истинно – небесные горы. После фиолетовых окаймлений виднеются голубые кряжи, и сверкают снега. Милые горные снега! Когда опять вас увидим?

Песчано и пыльно. К 12 часам мы прошли 9 потаев, то есть 36 верст. Будем стоять в дунганском селении Хутуби. Вода и вчера была скверная и сегодня не лучше. Из-за зноя решаем выйти ночью, чтобы дойти до Манаса к полудню.

Вспоминаем Б., исключительный тип нового человека. Крестьянин, отважный воин со всеми «Георгиями», на войне с 1914 года, природно богато интеллигентный, без суеверий и предрассудков, широко подвижный и разумно решительный. Страна может гордиться такими новгородцами. Вспоминаем всю дружную группу из урумчинского консульства.

В придорожных ивах щелкают соловьи. Садык, кучер, предлагает еще вечером сегодня проехать 5 потаев и тем сократить завтрашний путь. Грузовые тройки опять отстали. Старик извозчик заявил мне, что он поедет не по условию, а как бог захочет. Я поручил перевести ему, что и вернется он, как бог захочет. Расстояние между Олон-Булаком и Кульдиненом считается опасным местом по грабегам. Всем повозкам советуют ехать вместе и оружие держать заряженным. Обстрел начинается с обеих сторон ущелья.

К вечеру жар усилился. В семь часов нет никакого облегчения. Экий преступник Ма – даотай хотанский. Из-за ареста и насилия его мы потеряли два с половиной месяца, и сейчас уже были бы давно за пределами китайской пляски смерти. И неужели никто из вас, из тех китайцев, кто считает себя цивилизованными, не возмутится произволом хотанского чиновника? Неужели мне придется оставлять пределы Китайского Туркестана с твердым убеждением, что эта страна

для культурных посещений не пригодна? А ведь так искренно нам хотелось сказать о Китае слово сочувствия, так хотелось найти лучшие оправдания! И вместо того едем с сознанием пленников вырвавшихся из гнезда грабительской банды.

Знойно и душно.

18 мая

Встали ночью в два с половиною часа. Всеми мерами подгоняли гнусного возчика и в половине пятого вышли. Утро затучилось. Облака пошли в опаловую морщинку. Даже дождик прохладный пошел. Жар поднялся лишь после часу дня. Пестрели горы Тянь-Шаня. Лиловели ирисы. Густо зеленела свежая трава и чудесно пахла после дождя. Немного испортили настроение еще одна таможня и третий осмотр паспортов. К чему? Зачем ездить по дорогам, если, свернув к горам, можно проехать вовсе без досмотров. Эти досмотры для арб и для незнающих путников, но опытный наездник всегда легко минует все эти мишурные заставы.

Напомнили о резне при восстании дунган развалины старого Манаса. Стоят груды глиняных стен. Остатки храма. Пустые глазницы окон и дверей. Манас перенесен дальше за один потай. А всего сегодня мы сделаем $\frac{1}{2}$ потаев.

Те же базары Манаса. Те же дунгане. Иногда попадается калмык. Здесь уже не торгуты и не хошуты, а олеты, которые занимают Илийский край, Кульджу. Разницы во внешности не видно. По всему пути растянулись караваны верблюдов, несущие 100 000 пудов шерсти, накопленной для экспорта. Важно звенят колокольчики. Садык, кучер, с особым ударением скажет: «На Чугучак – шерсть». Исполняется мечта края о восстановлении сношений.

Стоим у старшины. Здесь дворы несколько чище, нежели в Кашгарском и Карашарском округах. Говорят, что и здесь будут смотреть паспорт. Лишь бы не разорвали эту длинную диковинку. Хочется довести его и воспроизвести.

Среди дня нам казалось, что мы едем четверть века тому назад по равнине Средней России. А теперь мы сидим в грязной белой комнатке. Е. И. вспоминает, что так же точно двадцать пять лет назад мы сидели в хибарках в Меречи, или в Велюнах на Немане, или под монастырями Суздаля. Или позднее – в каморках Сиены и Сан-Жеминьяно. Мы видели, видели, видели!

День кончился еще третьим осмотром оружия и разбором нашего паспорта. Пришел от амбана какой-то полуграмотный курильщик опия. По складам читал наш саженный паспорт. Потребовал вынуть ружья из чехлов и боязливо потрогал револьвер. Долгое время он мялся и бубнил что-то, а потом ушел, поручив нас под ответственность содержателя постоянного двора. Можно ли включать такие власти в эволюцию человечества? Просто омывки какие-то. Но эти глупо-докучливые омывки способны затмевать сияющие горы; способны превратить каждое мирное настроение в ощущение тюрьмы. Долой невежественность!

19 мая

Какой добрый знак! Так нам сказали. В чем дело? Слышим какую-то нескладную музыку: пискучий кларнет вроде волынки, цимбалы и барабан. Эта писклявая дребедень продолжается весь вечер. В чем дело? Оказывается, рядом умер человек и его собираются хоронить. Недаром в Манасе в целом ряде лавочек множество пестро-весело раскрашенных гробов. Говорят, что для путешественников это очень добрый знак, если рядом умрет человек. Неизвестно, по знаку или нет, на полпути у нас сваливается колесо. Надо чинить в ближайшей деревне.

Сегодня путь совсем коротенький – всего 48 верст. Пришли уже к половине второго. Ясно, что можно было бы пройти еще $2 \frac{1}{2}$ потая. Но все дело в невозможном возчике. Сидим в Улан-

Усуна и ждем телеги.

Яркий день. На дальних горах как будто прибавился снег. Заманчивы уходящие хребты. Степь залита сочной зеленью и лиловыми ирисами. Четкими силуэтами пасутся стада. Лама отошел в сторону и обратился на восток – молится. Долетает ритм его славословий. Вероятно, зовет он новую эру, время Майтрейи, наступление которого знают все буддисты. Под линией снегов на горах притаилось несколько больших калмыцких монастырей. В каждом – несколько сотен лам. Монастыри большею частью в юртах – кочевые, но есть и храмы. А нам-то их нельзя увидеть. Если хотите, можете увидеть нелепый храм черта в Урумчи, но буддийские монастыри смотреть нельзя. Нелепо и глупо.

А трава так зелена, и скворцы и сойки кричат в листве карагачей. Кукушка наскоро считает года. По степи стоят столбы дыма – жгут камыш. Эти дымы из «Половецкого стана» особенно характерны для горизонта степей. Вспоминаем сны – картины 1912 года: «Змий проснулся» и «Меч мужества», когда огненный ангел принес меч мужества стражам.

Говорят, на Алтае весной цветут какие-то особенные красные лилии. Откуда это общее почитание Алтая?!

Жара. Нас предупреждают, что здесь много краж. Генерал-губернатор о нашем проезде не послал обещанного приказа. В конце концов и хорошо! По крайней мере у нас нет и капли сознания, что китайцы хоть что-нибудь сделали, кроме оскорблений, насилий и препятствий. От Улан-Усуна четыре дня езды до торгутского летника. Одинаково от Кучи, Урумчи и от Улан-Усуна.

20 мая

Поднялись в 4 часа. Вот красиво! Горы розовеют. Поднимаются лиловые туманы. Пышнее трава. Выехали в 5 ½ часов еще до жары. Бодро проехали 9 потаев (36 верст) до Янцзыхая. Отличная дорога. Свежо и сладко пахнет серебристая джильда. Поют птицы. Так много птиц давно не слышали. Проехали равнину, усеянную могильными бугорками, – следы боев в дунганское восстание. Как заповедная стена, стояли серебряно-голубые горы. Прибыли в половине десятого в Янцзыхай, и вовремя. Солнце уже стало жечь. Все уже накалилось. С радостью входим в маленькую глинобитку. Будем здесь до 12 часов ночи, а там при луне, в холодке, дальше – до Шихо. В чем-то почти неуловимом уже чувствуется близость России. Шире ли улицы селений; больше ли пашен; чище ли постоянные дворы? Опять сидим в маленькой глинобитке. В комнатке хлопчут касатки – под балкой их гнездо. И опять вспоминаем Подольскую или Казанскую губернию. Вспоминаем Ефима из Ключина.

Точно колеблется почва. В области Чугучака есть потухшие кратеры. Не так давно подземная работа была так напряжена, что ждали извержения.

21 мая

Поднялись в 1 час ночи. В темноте, при начавшемся бурене, вышли в три с половиной часа. Горы скрылись в облаках пыли. Прошли по равнине крупной гальки. В час дня пришли в Шихо, пройдя 16 потаев.

На полпути остановились кормить лошадей. Собралась толпа дунган и китайцев. Топтались, щупали нашу коляску, пытались потрогать нас. Сущие зверушки! Вспоминали, как пятнадцать лет тому назад в Шарсюмэ был амбань русофил и против него было послано из Урумчи 10 000 дунган. Но из Зайсана успел подойти русский батальон, и 10 000 урумчинского войска немедленно разбежались. Теперь сын этого амбаня, олетский князь, живет на день пути

от Шихо. Он получил образование в России. В том же направлении находится и большой калмыцкий монастырь. Шихо является перекрестком между Урумчи (6 дней), Чугучаком (6 дней), Кульджою (9 дней) и Шарсюмэ (12 дней).

По пути встретили три арбы ценного груза – маральи рога; вероятно, идут из Русского или Монгольского Алтая. Идут через Урумчи на Гучен – в Китай для изготовления ценных лекарств.

В Шихо во двор бывшего русского подданного нас не пустили. Качество дороги здесь гораздо лучше, нежели в Кашгаре – Аксу – Токсун. На широких пространствах гальки можно бы легче легкого сделать прекрасное шоссе. Но для китайцев – чем меньше путей сообщения, тем спокойнее; чем меньше просвещения, тем способнее для «правителей».

Пришла «власть предержащая» за паспортами. И была эта бедная власть так оборвана, так воняла и так мучительно по складам пыталась читать бесчисленные иероглифы трехаршинного паспорта. Отдали мы паспорта власти не без опасения: в «ценном» документе и без того уже углы износились от бесчисленных осмотров.

Е. И. спрашивает: «Если бы китайцы нас приняли ладно, ведь многое от этого изменилось бы?». Много, многое!

Никаких сведений из Америки. Когда и где сможем мы получить их? На телеграмму, посланную 12 апреля, до 16 мая ответ не пришел. Состояние телеграфных столбов, проволоки и изоляторов указывает: «Оставьте все надежды». Надо сказать Х., чтобы не посылали телеграмм по бентлей. Тут и без шифра извращаются слова неузнаваемо.

22 мая

Пески до самого Чайпецзы, покрывают около 16 потаев. Легкие облачка скрыли солнце, иначе был бы зной несносный. Как Садык говорит: «Лошадей бы зарезали». Никогда не видали столько дичи: золотистые фазаны, куропатки, гуси, кроншнепы, утки, чайки, зайцы. Фазаны сидят на дороге перед самым экипажем. Вышли в 5 утра, дошли в 2 ½. Предлагают лучше двигаться ночью. Чайпецзы – бедное место, дворы грязны. Стоим за селением у речки. Позади скрылись отроги Тянь-Шаня, а далеко впереди, к северу, показалась легкая линия Тарбагатайских гор. По степи маячат китайские могилы в виде курганчиков. Опять пришел вонючий оборванец и унес куда-то паспорта. Уморительно сверял наши физиономии с карточками. Нескончаемый полицейский участок!

Узнали мы, кто такой цаган-хутухта. [\[239\]](#) Оказывается, он олет. Сейчас находится в Лабранге. Как поучительно сверять лик Майтрейи из-за Гималаев со сведениями с севера. Только так складывается истинный облик лиц, событий, верований. Каждая страна, не удаляясь очень от истины, вкладывает свои особенности и свою наблюдательность. Тибет преувеличил таин-ламу. Сведения о цаган-хутухте совпадают.

Цветет джильда, розовеет свежая жимолость. Пахнет весенней свежестью к вечеру. Опять будет драма с возчиками: надо уговорить их двинуться ночью. Решили не спать, а идти в одиннадцать часов ночи.

23 мая

Вечер начался беспокойно. Приехали странные китайцы с десятью солдатами. Исполняют какое-то таинственное поручение генерал-губернатора. Едут в Пекин и Москву. Плетется какая-то сеть.

Получили совет – уезжать немедленно, привязать, заглушить колокольцы под дугою и погасить огни. Беспокойно. Так и сделали, и вышли под дождь и ветер с заряженным оружием.

Шли глубокими, тяжкими для лошадей песками. Восемнадцать потаев перехода до Улун-Больша взяло 12 часов, из них два часа на кормежку лошадей. Улун-Больш – бедный лянгар. Пищи нет. За семь потаев до лянгара пески перешли в темное гальковое взгорье Джаирских гор. Все стало четким. Заклубились ослепительные грозовые тучи, и в стороне Чугучака загрохотало. Сидим на бугре около убогого китайского храма. Перед нами в последний раз тянется и тонет в тумане гряда Небесных гор. Так они небесны в тоне, так богаты белыми гребнями.

Так мало еще знают о калмыцких улусах. Когда и кому удастся пройти через все лабиринты захороненных богатств? Вся даль трепещет в сияющей радуге испарений. Сапфировая пустыня и эфирные горы слились с небом. Разукрасились холмы в золоте. Уж очень красива ты, Азия. Твой черед. Прими чашу мира.

Едут дунгане и калмыки с ними. В тоне, как калмык говорит с нами, звучит какое-то доверие и близость. Простодушно рассказывает, как он хотел охотиться в горах, а местный князь запретил. Через дорогу перебежали шесть серых серн. Можно представить, сколько дичи в горах.

Телеги опять не пришли. Будем третью ночь без сна.

24 мая

Для дальних путей пригодны лишь ладакцы и некоторые монгольские хошуты. Все остальные слабеют, теряют бодрость и впадают в уныние.

Простились с Тянь-Шанем. Впереди бесснежные мелкие купола Джаира. Сегодня тот самый страшный день, о котором твердят караванщики. Именно в ущельях Джаира бывают грабежи и убийства. Взгорья Джаира встретили нас очень сурово. Ледяной вихрь, дождь, град, а под ночь лед и снег. Наш возчик ухитрился 17 потаев пройти в 22 часа. Дошли в половине третьего ночи. Измочалились окончательно плестись за арбами с заряженными винтовками. Оту – бедная станция в середине пути, утопающая в грязи. После нас приехали китайцы. Началось безобразие – ходили через нас, плевали, тут же развели кизяковый огонь, выедающий глаза, капали масло и обливали чаем. Мы были рады вечером отправиться в Кюльдинен. Разбойников не видали. Теперь говорят, что главное место разбоя – не сегодняшней путь, а завтрашний, между Кюльдиненом и Ядманту. По снегу добрались до Кюльдинена. Поместились в вонючей лачуге и спали четыре часа беспросыпно. А там опять грузились, опять ссорились с негодным возчиком.

25 мая

Весь день прекрасен. Верно, что в узких ущельях красных гор могут быть нападения. Где-то близко во время гражданской войны многие сотни русских были изрублены киргизами. В наших людях чувствуется настороженность. Как нарочно, в самой узкой щели у второй арбы ломается ось, и остальные четыре повозки оказываются запертыми. Самый удачный момент для грабителей, но они не являются. Два часа возятся с телегой. В пути по косогорам еще три телеги перевернулись.

После красных и медных гор мы спускаемся к зеленой степи, окруженной синими хребтами; и опять чистота красок похожа на волшебную радугу. Мапан (13 потаев от Кюльдинена) – степное радостное, веселое место отдыха. По окраинам селения стоят юрты. Толпятся стада. Киргизы в малахях скачут, как воины XV века. Калмыки с доверчивыми лицами. Не успели найти место остановки в Мапане, как приходит калмык со сведениями чрезвычайного значения: «Во втором месяце, то есть в марте, от урумчинского генерал-губернатора распространялись известия по улусам, стойбищам и монастырям о том, что таши-

лама избран китайским императором. Еще на трон не взошел, но уже принял тамгу (печать)». Только бывшие в Азии могут оценить значение этой выдумки для Монголии и Тибета. Конечно, в данном случае урумчинский властитель имеет в виду именно Монголию. Да, об этой выдумке газеты не пишут и *Рейтер* не телеграфирует, но именно эти незримые слухи создают будущую действительность.

Много вестей про таши-ламу будет бродить по калмыцким и монгольским просторам. На многие годы!

Петля на Монголию задумана генерал-губернатором широко, и он думает, что никто об этом не знает. Но система китайских подкупов такова, что не только ямынь губернатора узнает все события, но и о ямыне все, кто хочет, тоже узнают все. Налаженная машина действует в обе стороны.

Все богатство этой страны, вся ее красота, вся ее значительность дут новых путей, новую культуру и самосознание. Оцените значение слуха о новом китайском императоре. Калмыки радуются притоку товаров из России. Говорят: «Теперь в России все хорошо».

26 мая

Калмыки просидели у ламы всю ночь. Принесли много новостей. Эти «устные газеты» имеют обширный политический отдел. Калмыки очень хвалят <...>. Удивительно, как быстро добрая слава о нем прошла по всем калмыцким землям. Простились мы с калмыками. Ждут они.

Сегодня путь долгий – 90 русских верст. Едем зеленеющей степью. Всюду юрты, стада. Над дальними Тарбагатайскими горами собирается вновь непогода, и холодеет ветер. Справа четыре отрога Алтая. Проехали поселок Курте, где дорога разделилась на большую – на Чугучак, и малую и глинистую – на Дюрбюлджин. В Дюрбюлджине те же глинобитки, но еще большая смесь народностей. Исчезло преобладание сартов или дунган.

Стоим в «мойке шерсти» у Князева. Его представитель Р. любезно уступил две своих комнаты. Жена Р. недавно из Семипалатинска, но уже рвется обратно. Говорит: «Здесь в китайской грязи и тьме задыхаюсь». Хвалит жизнь за границей.

Много хлопот с возчиками; надо уговорить их доехать в один марш до русского поста. Не советуют на ночь оставаться в китайском посту или в полосе между постами (русских 30 верст). Там бывают и кражи и грабежи. Будем стремиться проехать все 75 русских верст до Кузеюня в один пробег. Лишь бы китайская таможня не задержала нас. Даже Садык (кучер) нервничает и советует не задерживаться на китайском посту.

Еще анекдот: «В Урумчи лежит непохороненное тело чугучакского даотая. При теле живет белый петух, которого везут при гробе из Чугучака». Плохи дела мертвеца; из Пекина получен приказ возбудить посмертное суждение против бывших преступлений даотая и до конца процесса не погребать и не отправлять тело на родину. Вот уже подлинные мертвые души, и для балагана еще кукарекает белый петух. Не побывши в Китае, невозможно верить подобным танцам смерти. Как мало знают Китай, а в особенности в Америке. Помню, Лауфер в Чикаго говорил мне: «И чего это носятся с китайцами, не зная их». Тогда и мы еще знали только «музейный» Китай, но не действительность Синьцзяна.

Накопляются альбомы зарисовок.

27 мая

День прекрасный по краскам. Синие горы, шелковистая степь. По левую руку – снега Тарбагатая, а прямо на север – отроги самого Алтая. Алтай – середина Азии. Стада в степи.

Большие табуны коней и юрты черно-синие и бело-молочные, и солнце, и ветер, и неслыханная прозрачность тонов. Это даже звучнее Ладака.

С утра нас измучил негодяй возчик. Все у него не в порядке, и телеги разваливаются – хуже такого мы еще не видали. После выступления возчика – ряд китайских интермедий. Амбань назначил солдата ехать с нами до пограничного Кузеюня. Солдат приехал, повернулся в воротах, сказал, что едет пить чай, и более мы его не видели.

Когда же мы проехали пять потаев до пограничного пункта, тут началась комедия, но от нее хотелось плакать. Трехаршинный паспорт и печати генерал-губернатора мало помогли. Полуграмотный таможенник хотел вскрывать печати генерал-губернатора. Он хотел снова пересчитать все вещи и наконец пытался вообще отнять наш китайский паспорт, выданный для следования в Пекин, на котором русская виза. Еле отговорили его от этой затеи. Но тем не менее мучительство и выдумки таможенного идиота заняли около четырех часов. Лишь в шестом часу мы тронулись дальше, чтобы проехать, а вернее, проползти двадцать пять верст до следующего поста. Не отошли и версту, как сломалось колесо у телеги возчика. Предстояла ночь в горах среди самого опасного места. Пришлось вернуться к китайскому посту. И вот опять сидим в своей палатке. Может быть, в последний раз перед длинным перерывом. И горы-то милые, и палатка так много напоминает. И полная золотая луна беспощадно глядит в открытый полог. Сегодня мы миновали несколько кочевых монастырей, где чтут Майтрейю. Избегая осложнений с китайцами, мы не свернули с пути по степи к юртам монастыря. Жалко, жалко.

28 мая

Как торжественна эта ночь. Конец и начало. Прощай, Джунгария! На прощанье она показалась не только синими снеговыми горами, не только хризопразами взгорий, но и пышной травой, и давно не виданными цветами. Красно-пунцовые дикие пионы, желтые лилии, золотые головки огненно-оранжевого цвета, ирисы, шиповник. И воздух, полный весенних дуновений. Спускались и поднимались зелеными холмами. Поднимали свалившиеся телеги.

Около нас ехала киргизская стража. Те же скифы, те же шапки и кожаные штаны, и полукафтаны, как на Куль-Обской вазе. Киргизы гонялись за показавшимися через дорогу волками. Один из киргизов нарвал для Е. И. большой пучок красных пионов. А там еще одни перевал и на его гребне кучи мелких камней. Это конец Китая.

Здравствуй, земля весенняя, в твоём новом уборе! И еще травы, и еще золотые головки, и белые стены пограничного поста Кузеюнь. Выходят brave пограничники. Расспросы. Общая забота сделать нам так, как лучше. Где же грубость и невежественность, которыми мог бы отличиться заброшенный, не помеченный на карте маленький пост?! Следует долгий внимательный досмотр вещей. Все пересмотрено. Извиняются за длительность и хлопоты, но все должно быть сделано без исключения и по долгу. Вот и начальник поста. Вот и семья его помощника Ф. Ночуем на посту.

29 мая

Поехали утром до села Покровское (70 верст) по чудесной гладкой дороге. Горы отступают. Снижаются. Киргизские юрты. Любопытные всадники. Бодро бежит быстрый вороной конь верхового. Зеленая пограничная фуражка. Первый поселок – Рюриковский. Низкая мазанка. Видны уже белые стены и скудные сады. Здесь климат суров. Овощи не растут – их уничтожает мороз. Но теперь уже началась летняя жара. Если бы доехать до Тополева Мыса, но наш возчик не сделает это. Так и есть. На ровном откосе разлетается вдребезги колесо у брички. Надо

посылать в комендатуру в Покровское за телегой. Долго стоим у мельницы Яценко – он не дружелюбен и не дал свою телегу.

Вот и Покровское. Больше белых домиков. Выходит нам навстречу комендант. Вот и начальник стражи. Вот и помощник коменданта. Наперерыв стараются размещать нас по своим скромным квартирам. Еще больше вопросов. Еще настоятельнее ждут поучительных ответов. Хотят проверить свои сведения с нашими. Рамзана, не понимая языка, замечает: «Русские хорошие люди. Душа у них хорошая». Спрашиваем, как он дознался до этого. «А по глазам видно».

Оказалось, наш пароход по Иртышу отходит сегодня ночью, а следующий лишь через три дня. Возчик нас посадил. Но на посту радуются и просят погостить у них хоть один день. Приходят к нам вечером, до позднего часа толкуем о самых широких, о самых космических вопросах. Где же такая пограничная комендатура, где бы можно было говорить о космосе и о мировой эволюции?! Радостно.

Настоятельно просят показать завтра картины и потолковать еще. На каком таком пограничном посту будут так говорить и так мыслить?

30 мая

С утра смотрели картины. Люблю этих зрителей без предрассудков. Свежий глаз и смотрит свежее. Толковали о разнице понятий культуры и цивилизации. Замечательно, что на Востоке так легко понимают это различие. И еще замечательно: это сознание долга и дисциплины. В этой жажде знания – все реальное будущее и весь свет труда. Е. И. читала письмо об индусской философии. И мы сказали спасибо этим новым знакомым за все от них услышанное. Надо сказать, что эти пограничники красноармейцы мыслят гораздо шире многих интеллигентов. Где же та узость и грубость, о которой говорили подложные отзывы?

31 мая

Джембаев на коне проводил нас в степь. Сердечно простились. Проехать 45 верст до Тополева Мыса до синего Зайсана. Взгорья и холмы. Пологие курганы. Седая трава и ярко-красные откосы. Аилы киргизских юрт. Недаром зовут киргизов каракиргизами, то есть черными. Конвоир красноармеец рассказывает про множество случаев киргизских грабежей. Киргиз Курбанов организовал шайку из 50 вооруженных наездников. Едем мимо лощины, где недавно 22 киргиза напали и пытались арканами задушить семерых пограничников. Но те их сразу взяли в сабли и зарубили 16 человек. Дальше – у холма – четверо киргизов набросились на одного красноармейца, тот еле отбил. Недавно киргизы угнали из заимки Федорова 150 коней. В Чугучаке и сейчас еще лежит тяжело раненый начальник заставы, простреленный киргизскими воровскими пулями. Крестьяне жалуются не постоянные грабежи. У нашей хозяйки угнали четыре коровы. Так трудно укротить грабителей, и пограничные красноармейцы напрягают все силы.

Извозчик наш совсем одурел. За 45 верст пути было девять остановок и поломок. Наконец одна телега перевернулась вверх колесами; непонятно, как ямщик и лошади не были убиты. Вот синее Зайсан; за ним белеет гряда Алтайских гор. Не сама ли Белуха?

Вот и Тополев Мыс, приземистое селение с белыми мазанками. Хороший пароход «Роза Люксембург» вчера ушел, и нам придется ехать на «Алтае». Будем стоять у старухи Федоровой.

Пьем чай. Едим творог со сметаной. На стене висит Никола и премия «Нивы»: «Ломоносов показывает электрическую машину Екатерине». Приходят племянники Федоровой, бывшие

красноармейцы. Интеллигентно толкуют о Китае, о Коре, о Чжан Цзо-лине. Хотят достать нам окуней и карасей из Зайсана. На окнах – красные и лиловые прим-розы и всегдашняя герань. Нашего гегена приняли за китайского генерала. Сколько легенд будет ходить о нашем проезде!

1 июня

Старуха Федорова тоже жалуется на киргизов. Все крадут. Каждую ночь приходится сторожить стада. Но в основном жизнь налажена. Кучер Садык говорит: «Все-то брешут в Урумчи про советское житье. Живут себе, как и прежде жили». Солдат-красноармеец говорит про киргизов: «Приедешь к нему – он кричит: „Друг, друг“, а сам норовит винтовку отнять да в тебя же стрелять. Так всю ночь приходится винтовку и не выпускать из рук».

Вместо «Алтая» пришел самый плохой пароход «Лобков». Ну что ж – не судьба ехать на хорошем пароходе, наш возчик лишил нас этого. Озеро похоже на жемчужную сетку. Сегодня видна святыня калмыцкая – гора Сабур или, вернее, Саур.

«Лобков» оказался совсем уж не так плох, как о нем говорили. Ламу и Рамзану устроили на верхней палубе. Все разместились.

Опять диковина: еще на сходнях около нас собираются грузчики и просят им «рассказать». На верхней палубе нас окружает целое кольцо людей всех возрастов. И все они одинаково горят желанием знать. У каждого свой способ подхода, у каждого свои сведения, но у всех одно жгучее желание – узнать побольше. И как разбираются в рассказанном! Какие замечания делают! Кому нужно знать экономическое положение стран, кто хочет знать о политике, кто ищет сведений об индусских йогах, говоря: «Вот где истина». Народ, который так хочет знать, и получит желанное. Подходит мальчик, хочет с нами путешествовать. У Юрия в тесной каюте скопилось четверо, дружно толкуют. Над пристанью более не слышно ругани. Спорится работа народная.

2 июня

«Вот так бы и учился лет тридцать не переставая, да вот заработок мешает», – говорит рабочий на пароходе. И глаза его горят настоящей жаждой знания.

В последний раз оборачиваюсь в сторону Китая. На моей картине, которая находится в Пекине, есть надпись: «Друг Китая». Уменьшилась ли моя дружба после того, как мы видели весь танец смерти Синьцзяна? Нисколько. Именно дружба к молодому Китаю дала мне право записать случаи стольких ужасов. Лицемерный враг закрыл бы глаза на ужас действительности, но друг должен указать все то, что оскорбляет свежий непредубежденный глаз. В раскрытии этих язв лежит залог удачи будущего Китая. От прошлого, от древней цивилизации Китая можно провести мост лишь к будущему новому осознанию в международном понимании истинной эволюции. Все настоящее скроется во мраке как запятнанная страница истории. Губернаторы и амбани современного Китая станут как страшные гримасы паноптикума, нужные человечеству так же, как отрубание рук и ног водяному богу. Желая, искренно желаю Китаю скорей скинуть все убожество и скорее смыть грязь, выросшую под шелком внешнего наряда. Желая успеха всему молодому, понимающему ужас лицемерия и невежества.

Совершенно нелюбезно смотрю в глаза тех, кто мыслит о совершенстве. Какая жажда знания! Ведь такая жажда горами двигает, ведь она дает непоколебимое мужество к новым построениям. За наш долгий путь мы давно не видали глаз русских, и глаза эти не обманули. Здесь оплот эволюции. Пришли утром просить прочесть лекцию о нашем пути. Команда парохода и пассажиры просят.

Еще ночью покинули озеро Зайсан и поплыли между пологими степными берегами еще

узкого Иртыша. Вода малая сейчас, и пароход не один раз проходит по мели. На носу промеряют глубину. Несутся те же возгласы, как, бывало, на верховьях Волги. Селения киргизского типа. Кое-где стада. Много гусей и всякой дикой водяной птицы.

После обеда была беседа. Вся команда и все пассажиры третьего класса собрались тесным кольцом, и все слушали новые сведения с напряженным вниманием. Не игра, не сквернословие, не сплетни, но желание знать влечет этих людей. И они узнают. Трое беспризорных едут на родину, для них собирают деньги на проезд. И трогает и дает новые силы это явление растущей силы народа.

Показались зеленые холмы. К вечеру дойдем до гор. К шести часам доехали до села баты; русские домики уже начинают преобладать. А там и горы, и грозы над горами. Изумительный эффект от светлой степи под синими горами и под волнистыми облаками. Такое облачное богатство давно не видали.

Вечером в столовую приходит мальчик: «А не заругают войти?». Он едет к матери. Много говорит. Защищает киргизов: «Без русского и киргиз не украдет». Говорит о найденной им неизвестной киргизской горной дороге – «как шоссе через самый хребет». Говорит о рыбной ловле: «Поймали щуку в два пуда весом, как крокодил». Вспоминает встречу с медведем: «Я его напугался, а возможно, он меня еще больше».

Поздний вечер до полуночи занят беседой с народным учителем о йогах, об общинах Индии, о перевоплощениях. Все эти вопросы здесь очень насущны, и люди живут ими. Ведут между собой переписку. Задают сложные, продуманные вопросы. Весело видеть ищущих, для которых денежный знак заслонен вопросами реального строительства жизни. Не в теоретическую аптеку повелительно зовет жизнь этих людей, а к построениям, возведенным руками человеческими. Таких народных учителей много. Они общаются друг с другом и ждут новых сведений. К полуночи добрались до Нового Красноярска. К пароходу вышла целая толпа. Нигде нет сквернословия.

3 июня

С утра плывем в больших утесах. Серые глыбы сгрудились до самого течения реки. Иртыш стал уже, и еще стремительнее стало течение. А там деревянный городок Усть-Каменогорск, и за ним кончаются горы. Иртыш развернулся в широкую судоходную сплавную реку, а на горизонте виднеются отдельные гребни и пирамиды ушедших гор. Прощайте, горы!

Опять приходят люди с вопросами, и все о том же: об учении жизни, об Индии, о путях истины. Большая часть дня занята такими беседами. Наметился еще один сотрудник. Вот где насущно нужно то, что на Западе попирается.

Мы решаем от Семипалатинска до Омска следовать по Иртышу пароходом. Длинная пересадка, но поездом тоже не лучше. Двадцать часов до Новосибирска; приехали бы туда поздней ночью. На пароходе и с людьми больше общения, и воздуха больше. Сейчас прохладные дни и холодные ночи. Говорят, уже три года, как заметны перемены климата. Нет жары летом, но и зима менее студена.

Поздним вечером опять беседа и опять на те же темы. Прямо удивительно воочию убедиться, куда направлено народное сознание. Уже поздно, но приходят матросы и просят дать им статью в их газету. И вот первый «привет Востока» пишется для матросской газеты. Всячески хотят помочь эти обветренные трудящиеся люди. Замечательные сердца! Новые друзья просят: «Позвольте писать вам»...

4 июня

Семипалатинск. Три часа утра; перегрузка на пароход «8 Февраля» до Омска. Решили ехать пароходом, ибо по алтайской железной дороге поезда идут медленно – 20 часов до Новосибирска. Опять встречаем заботливость и желание всячески помочь нам. Дают письма в Совторгфлот в Омске, где нам помогут получить места в международном вагоне. Заходим в книжный склад, не видим ни одной пошлой книги. Масса изданий по специальностям. И это все в пограничном захолустье в уединенном Семипалатинске. Рядом стоят и белые каменные дома и серые деревяшки; как будто все то же самое, но жизнь иная.

Под пароход подтянуло лодку и опрокинуло течением. Дружно бросаются помочь беднякам. По пароходу бродят любопытные детишки. Нет в них забитости, нет наглости – есть та же пытливость. А Иртыш уже развернулся в могучую широкую реку, по ней гонят плоты; ими управляют, может быть, кержаки-староверы... «Коли скажешь им, что ел с киргизами, они ни за что за стол не пустят. И все велят креститься», – поясняет мальчик. Степная пословица: «Если товарищ твой кривой, старайся поджимать глаз, чтобы быть ему под пару».

Уже не видны кочевые аилы. Мало всадников, и появляются сибиряки, как будто тесанные из камня. Около Белухи еще снег лежит. Опять недавно выпал. Мясо продают по 8 копеек за фунт, а хороший конь стоит восемьдесят рублей. И всегда слышится сильное, упрямое сибирское «однако». И киргизов сибиряки мало опасаются: это так себе, баранчатество – степное воровство, степное удалство. И команч, и зуни в Аризоне тоже угонит коня. Да своих ли коней стреножили скифы на вазе Куль-Оба? Столько сотворено. И земля – земля Будды – переносится на великую могилу. Опять забудутся многие сроки, и нельзя их записать. А новый друг твердит на прощанье: «Я не потеряю вас».

5 июня

И здесь на Иртыше доходят рассказы о жестокости китайцев. Едущие пограничники вспоминают о виденных ими китайских пытках. Осужденного опускают в полый столб с набитыми внутри острыми шипами. Тело тяжестью своею бросают на шипы. Или через нос и носоглотку и через рот пропускают конский волос и начинают им пилить. Или вводят конский волос в область глаза. Все это видят пограничники и везут эти вести дальше. И о киргизском баранчатестве рассказывается повсюду. Когда недавно поймали богатого бая-разбойника и проговорили его к ссылке на Камчатку, то 200 его сородичей приехали, предлагая все свое имущество как выкуп за своего старшину-грабителя. Только твердыми мерами эти разбои будут прекращены, особенно если китайцы перестанут поощрять контрабанду, за которую они получают крупные взятки.

Юрты почти кончились. Степь. Низкие сосны и кустарник. За окном беседуют два молодых рабочих. Говорят об организации местного театра, о трудностях с костюмами и освещением. Говорят так, как и в столице редко услышать можно. Пограничники толкуют о буддизме: понимают, что это не религия, а учение; оценивают, что Будда – человек, явная историческая личность; интересуются рукописью об Иссе; толкуют о великой материи. Откуда это ценное, ясное мышление? Ибо все это внутреннее содержание духа коммунизма – его стремление к красоте.

А вот идет бородатый крестьянин из Нижнего Новгорода и скорбит о том, что люди не понимают пользы практического объединения: «И все-то норовят отделиться в деревне, а как способнее бы скопом хозяйствовать».

6 июня

Некоторые люди боятся гор и уверяют, что горы их душат. Не боятся ли эти люди и больших дел?

Еще шире Иртыш. Экая стремнина!

Пожелтел Иртыш, и пошли белые гребни. Теперь верим, что здесь мог Ермак утонуть. Пришли от команды парохода; просят дать статью в их газету. Не успел написать: «Великая рука Азии», а тут еще идут представители матросов и пассажиров с просьбой прочесть им лекции. Вот это называется – стремление. Что это поиски – нет ли где еще нового, нет ли полезного, чтобы просветится. На картине «Сон Востока» великан еще не проснулся, и глаза его еще закрыты. Но прошло несколько лет, и глаза открылись, уже великан осмотрелся и хочет знать все. Великан уже знает, чем владеет. В Америке и Дымов, и Каральник, и другие писали об этой картине, спорили, а она уже – в жизни.

На пристанях все гуще и гуще толпа. Павлодар точно высypал к пароходу. Мальш спрашивает другого, совсем крохотного: «А ты пионер?». Интересно отметить легкость передвижения людей, столь характерную для нынешнего времени. Послушайте разговор: тот из Камчатки, теперь в Семипалатинске; этот из Кронштадта, теперь в Павлодаре; этот побывал в Сеуле и в Бухаре. Этот от границ Польши; этот из Нижнего Новгорода, теперь на Алтае. Ведь крылья растут. «Все возможно и все доступно». И уходит главный бич жизни – страх и предрассудки. Завтра последний день Иртыша – Омск. Поезд, и опять красота, над которой знак розы.

7 июня

Ветер и гребни сменились проливным холодным дождем. Попрятались толпы на пристанях. Е. И. довольна: нет зноя, которого она так опасалась. Спрашиваем себя, едут ли уже Лихтманы. Последние письма из Америки были от начала января, а телеграммы – от начала марта.

Т. не знает, что мы проехали так близко от его родных мест. Вот рабочий рассуждает о религии. Слушайте, как широко, реально и практично судит он о применении новых методов. Вот он перешел к вопросу о пьянстве, и опять слышится здоровое суждение. Вот он толкует о дисциплине в армии; не удивительно, что такая армия представляет грозное своей сознательностью целое. Вот он оценивает экономические условия. Без вредного шовинизма он учитывает вопросы хозяйства. В его руках цифры и сопоставления. Говорит о налаженной работе народа со специалистами. Нет ни ложного пафоса, ни хвастовства; спокоен жест руки, и безбоязненно смотрят серые глаза.

Вот опять народный учитель. Тот, который работает двенадцать часов в сутки за 36 рублей в месяц. Он и учитель в трех школах, и режиссер, и народный лектор, партийный работник. Послушайте, как любовно он говорит о лучших методах преподавания; как он бережлив с индивидуальностью детей и как следит за достижениями науки. Сейчас едет, чтобы пройти дополнительный курс на биостанции.

А вот латыш – командир полка. Жена его шепчет: «Что делать с ним? Все, что имеет, раздаст. Найдет каких-то бедных старушек, выдает им пенсию. А чуть скажешь ему, отвечает: „Да ведь ты сыта. Лучше я сам есть не буду“. А ведь жалованье-то всего 125 рублей». Это грозный латыш – убежденный партиец. И весело с ним говорить об эволюции материи. Это не тупой дарвинист, но реальный искатель и поклонник реального познания сущего. Радостно плыть по Иртышу и слышать о добром строительстве. Радостно не слышать никакого сквернословия и не видеть жестов пошлости. Радостно видеть углубление знания. Как говорено: «Претворение возможности в необходимость».

Вспоминаем всякое бывшее с нами: трехсуточная гроза в Гульмарге, шаровидная молния около моей головы в Дарджилинге, необъяснимый синий огонь в Ниму, шесть часов с револьвером в Тангмарге, бамбуковый мост в Ташидинге, глетчер Сассера, мертвый оскал даотая Ма, ползание по пещерам кучарским, неожиданная стужа на Каракоруме, буран после Токсуна, буря на озере Вулар и многое другое. И каждая эта буря, и каждая эти стужа, и каждая эта молния вспоминается, как неповторяемый сон. П. спрашивает в Урумчи: «Вошла ли в вас „зараза“ Азии?». Да, Петр Александрович, вошла не зараза, но очарование, всегда оно было в нас. Оно было гораздо ранее, нежели писался «Стан половецкий» или «Заморские гости». И как же будем мы без тебя, Азия? Но ведь мы и не уехали от тебя. Да и когда уедем? И где граница твоя, Азия? Какие задачи могут быть решены без Азии? Какое построение обойдется без камней, без заветов Азии? «Длинное ухо» Азии слышит музыку сфер. «Великая рука» Азии возносит чашу. О длинном ухе Азии сложено много рассказов. О великой руке Азии повесть только еще пишется. Из Азии пришли все великие Учителя. Е. И. читает письмо махатмы. Лучше всего понимает письмо командир-латыш. Как понятно и ценно все его мышление. Потом я делаю доклад команде и пассажирам. Следуют вопросы. Так же как на «Лобкове» – напряженные вниманием лица. По откосам берегов еще лежит снег. Сегодня утром прошли селение Ермак и место, где утонул завоеватель Сибири. Рабочий поясняет: «Он бы выплыл, наверно бы выплыл, да доспех-то его на низ потянул». Так помянул рабочий героя этих студеных просторов.

8 июня

Омск. Мост через Иртыш. Несколько «исторических» зданий; особняк, где жил Колчак; здание колчаковского сената; дом солдата; собор, где хранится ветхое знамя Ермака. Полуразрушенная тюрьма, где был заключен Достоевский; верхушка старого острога XVII века. Оказалось, что оба нужные нам поезда только что отошли и мы должны сидеть в Омске три дня, до вечера четверга. Совторгфлот радушно заботится о нас. Б. многое рассказывает. Слышим о моих картинах. Высокие цены. Поверх всего идут расспросы опять о йогах, об Индии, о буддизме и об учениях жизни. Целый слой изучения воли и материи. И совершенно здесь не знают положения ни Америки, ни Китая.

В газетах пишут о том, что мы «нашли» манускрипт об Иссе. Откуда идет эта формула? Как могли мы найти то, что известно давно. Но мы нашли большее. Можно было установить, что формула Иссы-Учителя воспринята и живет на всем Востоке. И на границах Бутана, и в Тибете, И на холмах Сиккима, и на вершинах Ладака, и в хошунах монгольских, и в улусах калмыцких живет текст манускрипта. Живет не как сенсация праздничных газет, но как твердое, спокойное сознание. То, что для Запада – сенсация, то для Востока – давнее сведение. Пройдя Азию, можно убедиться, как мыслят народы.

9 июня

Холодное солнце пробивается через узорчатые листья филодендрона в комнате гостиницы «Европа». Не к теплице, не к ботаническому саду, но в Сикким теперь будут переносить эти листья наше воспоминание. Там, когда от реки Тишта поднимались к Чаконгу, такие же самые листья вились по зеленым мшистым стволам, переплетались с блестящими цветами орхидей. И маленький храм в Чаконге, и одинокий сторож при храме, высокий и статный, в простой холщовой рубахе. И вечерние рассказы ламы Мингюра. И так такой узорный лист будет теперь сопровождать нас в далекие страны, и возле такого листа будут расцветать в воспоминаниях образы близкие и милые.

Едем сдать на хранение оружие. Опять та же предупредительность и заботливость. «Чем можем помочь?» Управляющий Совторгфлотом едет на далекий вокзал, чтобы по недоразумению мы не переплатили за багаж.

Идем в краевой музей. Отделы художественный и этнографический. Из больших городов прислан ряд картин, умело подобранных, характеризующих течение русской школы живописи. Есть не только Левицкий, но и Мусатов, и Левитан. К удивлению, находим и две моих вещи. Обе из группы неоконченных запасов, стоявших у стен мастерской. Одна – «Ладьи» 1903 г. из сюиты «Город строят», другая – «Древо преблагое», эскиз. Надо написать, что обе не окончены.

Подходит местный учитель, удивленно спрашивает: «Вы – Рерих?» – «Да». – «Но ведь Вы были убиты в Сибири в 1918 году». Опять та же сказка, которая достигла нас в Лондоне и в Америке. Как же не убит, если были и панихиды, и некрологи. Но отпетому на панихидах – светло работалось, плавалось по океанам и легко всходило на вершины. Верно, «панихида» помогает. И некрологи были очень душевные. Какие славные учителя в этом краю. Уже четвертая радостная встреча.

10 июня

Уезжаем. Поезд отходит в полночь. Друзья! Буду рад по окончании пути кроме этих кратких заметок передать Вам весь дневник и рисунки. Но для этого нужно где-то временно осесть и разобрать записки и альбомы. Но где и когда?

Козлов пишет о Хангае. Интересны две статуи – черная и белая – добрая и злая. Но почему они в скифском наряде? Тары ли это? Или приспособленные каменные бабы? Значительно, как и все из старой области Орхона.

Сегодня сабантуй – татарский посевной праздник. Скачки на конях и верблюдах. Татары с громкими бубенцами скачут в загородную рощу. Празднуется новый посев.

В полночь приходит поезд. Едем под знаком розы; под знаком праздника посева. Привет друзьям!

Х. Алтай (1926)

Во все небо стояла радуга. И не одна, но две. И в радужные ворота стремилась широкая Обь. Великая Обь – родина жены и змия.

Шамбатион-река^[240] стремительно катит по порогам и камням. Кто не пострашится, перейдет ее. А на той стороне живут люди М. М – самая священная буква алфавита, она скрывает имя грядущего. Каббала помнит Шамбатион. Катит камни – катунь настоящая. И не построен еще город на месте новом.

Катун – по-тюркски «женщина».

«Додекаэдрон женского начала обозначается в географических понятиях, связанных со сроками эволюции».

«На Катун и на Бии встанет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнется новая жизнь».

И еще приходили другие и толковали все о том же двадцать восьмом годе. Солнечные пятна сгущаются так через семьдесят семь лет. И пришел самый вдохновенный человек и о том же толкует. Вот диво-то: один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвертый по числам, и разговоры все о том же самом. Вот диво-то. К 1911 прибавить 25 – получается тот же 1936 год.

Камень – дивный камень. Тигерецкий камень. И просто – камень. И весь край – сплошной камень.

Елен-Чадыр, Тоурак, Куеган, Карагай, Ак-Кем, Ясатар, Эконур, Чеган, Арасан, Уруль, Кураган, Алахой, Жархаш, Онгудай, Еломан, Тургунда, Аргут, Карагем, Арчат, Жалдур, Чингистай, Ак-Ульгун, Хамсар.

Это все имена. Эти названия речек, урочищ и городищ – слышатся как напевный лад, как созвучный звон. Столько много народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаги племен уходят и приходят.

Около Черного Ануя на Караголе – пещеры. Глубина и протяжение их неизвестны. Есть там кости и надписи.

А когда перешли Эдигол, расстилалась перед нами ширь Алтая. Зацвела всеми красками зеленых и синих переливов. Забелела дальними снегами. Стояла трава и цветы в рост всадника. И даже коней здесь не найдешь. Такого травного убора нигде не видали.

Поравнялся с нами алтаец. Пугливо взглянул на нас. Что за новые чужаки в его страну пожаловали? Махнул плетью и потонул в звонких травах. Синих, золотых, пурпуровых. Поражающе сходство североамериканских индейцев с монголами.

Про доброго Ойрота все знают. А любимое имя алтайское – Николай.

За Ялуем начались алтайские аилы. Темнеют конические юрты, крытые корой лиственницы. Видно место камланий. Здесь не говорят «шаман» – но «кам». К Аную и к Улале есть еще камы, «заклинатели снега и змей». Но к югу шаманизм заменился учением про Белого Бурхана и его друга Ойрота. Жертвоприношения отменены и заменились сожжением душистого вереска и стройными напевами. Ждут скорое наступление новой эры. Женщина – молодая алтайка – почуяла новые шаги мира и хранит первый строгий устав.

Размытая ливнями дорога утомила коней. Остановились в Кырлыке. Придется здесь просидеть ночь. Но не жаль провести ночь в месте, где родилось учение о Белом Бурхане и его благом друге Ойроте. Имя Ойрота приняла целая область. Именно здесь ждут приход Белого

Бурхана. В скалах, стоящих над Кырлыкком, чернеют входы в пещеры. Идут пещеры глубоко, конца им не нашли. Здесь также пещеры и тайные ходы – от Тибета через Куэнь-Лунь, через Алтын-Таг, через Турфан; «длинное ухо» знает о тайных ходах. Сколько людей спасались в этих ходах и пещерах! И явь стала сказкой. Так же как черный аконит Гималаев превратился в Жар-цвет.

«А как выросла белая береза в нашем краю, так и пришел белый царь и завоевал край наш. И не захотела чужд остаться под белым царем. Ушла под землю. И захоронилась камнями». На Уймоне показывают чудские могилы, камнями выложенные. «Тут-то и ушла чужд подземная». Запечатлелось переселение народов.

Беловодье! Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. «Через Кокуши горы, через Богогорше, через Ергор – по особой тропе. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по Ергору. Также было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая, станом тонкая, лицом темнее чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые».

С юга и с севера, с востока и с запада мыслят о том же. И тот же революционный процесс запечатлевается в лучших образах. Центр между четырех океанов существует. Сознание нового мира – существует. Время схода событий – улажено, соблазн собственности – преборен, неравенство людей – превзойдено, ценность труда – возведена. Не вернется ли чужд подземная? Не седлают ли коней агарты, подземный народ? Не звонят ли колокола Беловодья? По Ергору не едет ли всадник? На хребтах – на Дальнем и на Студеном – пылают вершины.

«В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет. Все знают о Беловодье».

«С каких же пор пошла весть о Беловодье?» – «А пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам, которые по старой вере, по благочестию».

Значит, в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами. Путь между Аргунью и Иртышом ведет к тому же Тибету.

Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой.

Пишут об магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможно потрясение нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинами светила.

Рамзана ушел в Ладак. Не вынес северных низин. «Или уйду, или умру». Конечно, вся жизнь ладакцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов (~ 3,5 км). Жаль Рамзану. Спокойно оставляли на ладакцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакцев не похожи.

Кооператор бодро толкует: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их поменять».

И считает Вахрамей число подвод с сельскими машинами. Староверское сердце вместило машину. Здравое судит о германской и американской индустрии. Рано или позднее, но будут работать с Америкой. Народ помнит американскую АРА. ^[241] Народ ценит открытый характер американцев и подмечает общие черты. «Приезжайте с нами работать», – зовут американцев. Этот дружеский зов прошел по всей Азии.

После индустриальных толков Вахрамей начинает мурлыкать напевно какой-то сказ. Разбираю: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня,

пустыни, палат и дворцов...».

Знакомо. Сказ про Иосафа. «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь Бодхисаттва – Бодхисатв переделано в Иосаф».

Так влился Будда в кержацкое сознание, а пашня довела до машины, а кооперация до Беловодья.

Но Вахрамей не по одной кооперации, не по стихирам только. Он, по завету мудрых, ничему не удивляется; он знает и руды, знает и маралов, знает и пчелок, а главное и заветное – знает он травки и цветики. Это уже неоспоримо. И не только он знает, как и где растут цветики и где затаились коренья, но он любит их и любуется ими. И до самой седой бороды, набрав целый ворох многоцветных трав, просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель, не темное ведовство, но опытное знание. Здравствуй, Вахрамей Семеныч! Для тебя на Гималаях Жар-цвет вырос.

А вот и Вахрамеева сестра, тетка Елена. И лекарь, и травчатый живописец, и письменная искусница. Тоже знает травы и цветики. Распишет охрой, баканом и суриком любые наличники. На дверях и на скрынях наведет всякие травные узоры. Посадит птичек цветистых и желтого грозного леву-хранителя. И не обойдется без нее ни одно важное письмо на деревне. «А кому пишешь-то, сыну? Дай-ко скажу, как писать». И течет длинное жалостливое и сердечное стихотворное послание. Такая искусница!

«А с бухтарминскими мы теперь не знаемся. Они, вишь, прикинулись коммунарами и наехали грабить, а главное – старинные сарафаны. Так теперь их и зовут „сарафанники“. Теперь, конечно, одумались. Встретится – морду воротит: все-таки человек, и стыдно. Теперь бы нам машин побольше завести. Пора коней освободить».

И опять устремление к бодрой кооперации. И тучнеют новые стада по высоким хребтам. А со Студеного хребта лучше всего видно самую Белуху, о которой шепчут даже пустыни.

Все носит следы гражданской войны. Здесь на Чуйском тракте засадою был уничтожен красный полк. Там топили в Катунь белых. На вершине лежат красные комиссары. А под Котандой зарублен кержацкий начетчик. Много могил по путям, и около них растет новая, густая трава.

Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не признанные. Забайкальцы называют паука – мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию – просто паук. Какое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по-забайкальски – хиус. Это уже совсем непонятно. Корень не монгольский и не якутский.

В тайге к Кузнецку едят хорьков и тарбаганов (сурков). Это уже опасно, ведь тарбаганы болеют легочной чумой. Говорят, что чумная зараза исчезает из шкурки под влиянием солнечных лучей. Но кто может проверить, когда и сколько воздействовали лучи? Откуда шла знаменитая «испанка», так похожая на форму легочной чумы? Не от мехов ли? Часты в Монголии очаги заболеваний, а чума скота вообще довольно обычна. Ко всему привыкаешь. В Лахоре, в Шринагаре и в Барамуле^[242] была при нас сильная холера; в Хотане была оспа; в Кашгаре скарлатина. Обычность делает обычным даже суровые явления.

Ойротские лошадки выносливы. Хороши также кульджинские олетские кони. Карашарские бегуны и бадахшанцы не выносливы и в горах менее пригодны.

Монголы и буряты хотят видеть разные страны, хотят быть и в Германии и во Франции. Любят Америку и Германию. Необходимость расширить кругозор характеризуется ими старинной притчей о лягушке и о черепахе. Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему, океан вдвое больше моего колодца?» – «Гораздо больше», – отвечает черепаха. «Скажешь в три раза больше колодца?» – «Гораздо больше». – «И в четыре раза больше?» – «Гораздо». Тогда лягушка

прогнала черепаху как хвастуна и лжеца.

Поповцы, беспоповцы, стригуны, прыгуны, поморцы, нетовцы (ничего не признающие, но считающие себя «по старой вере») доставляют сколько непонятных споров. А к Забайкалью среди семейских, то есть староверов, ссылавшихся в Сибирь целыми семьями, еще причисляются и темноверцы и калашники. Темноверцы – каждый имеет свою закрытую створками икону и молится ей один. Если бы кто-то помолился на ту же икону, то она считается негодной. Еще страннее – калашники. Они молятся на икону через круглое отверстие в калаче. Много чего слышали, но такого темноверия не приходилось ни видеть, ни читать. И это в лето 1926 года! Тут же живут и хлысты, и пашковцы, и шгундисты, и молокане. И к ним уже стучится поворотливый католический падре. Среди зеленых и синих холмов, среди таежных зарослей не видеть всех измышлений. По бороде и по низкой повязке не поймете, что везет с собою грузно одетый встречный.

В Усть-Кане последняя телеграфная станция. Подаем первую телеграмму в Америку. Телеграфист смущен. Предлагает послать почтою в Бийск. Ему не приходилось иметь дело с таким страшным зверем, как Америка. Но мы настаиваем, и он обещает послать, но предварительно запросит Бийск.

На следующий год запланировано продолжить железнодорожную линию до Котанды, то есть в двух переходах от Белухи. До Команды еще с довоенного времени была запроектирована ветка железной дороги от Барнаула, связывая сердце Алтая с Семипалатинском и Новосибирском. Говорят: «Тогда еще инженеры прошли линию». – «Да когда тогда?» – «Да известно – до войны». Таинственное «тогда» становится определителем довоенной эпохи. Уже Чуйский тракт делается моторным до самого Кобдо. Уже можно от Пекина на «додже» доехать до самого Урумчи, а значит, и до Кульджи, и до Чугучака, до Семипалатинска. Жизнь кует живительную сеть сообщений.

Ползут рассказы из Кобдо. Каждому занятно передать хоть что-нибудь из неведомой Монголии, из страны магнитных бурь, ложных солнц и крестовидных лун. Все хотят знать о Монголии. Все особенное. Толкуют, что часового солдата съели собаки. Он семь их зарубил, но от стаи отбиться не смог. Монгольский командующий в Улясутае съел человеческое сердце. Кто говорит – русское, а кто полагает – китайское. На Иро и к Урянхаю – много золота. Тоже на Иро, у шарманки родился странный мальчик, который сообщил какое-то предсказание. Шептали про перевоплощение богдо-гегена монгольского. А другой такой же, какой-то особенный, родился в Китае. Но знатоки не признают ни того, ни другого: ведь богдо-геген никогда ни в Монголии, ни в Китае не рождался, а всегда это происходило в Тибете. На пути из Улясутая в Кобдо выскочили какие-то дикие люди в мехах и кидали камнями в машину. Их называли «охранители». По пути в Манчжурию из скалы течет в пустыню «минеральное масло». И такие магнитные места, что даже машина замедляет ход.

На перекрестках дорог ткуются сложные ковры – слухи азиатских узоров. Да и как же без вестей? Этак скоро ни к чему будет в дальний аил поехать и попить чай с крепким наваром рассказов. Монголия привлекает внимание.

«За периодом пробуждения Востока наступает период прямого участия народов Востока в решении судеб всего мира».

«Курумчинские кузнецы» – странные, непонятные народы, которые не только прошли, но и жили в пределах Алтая и Забайкалья. Общепринятые деления на гуннов, аланов, готов – разбиваются на множество необъясненных подразделений. Настолько все неизвестно, что монеты с определенными датами иногда попадают в совершенно несоответственные времени установленных периодов. Оленьи камни,^[243] керексуры,^[244] каменные бабы, стены безымянных городов хотя и описаны и сосчитаны, но пути народов еще не выявлены. Как замечательны

ткани из последних гуннских могил, которые дополнили знаменитые сибирские древности.

Живет предание о черном камне, появляющемся в сроки больших событий. Если сравните все устные сроки из Индии, Тибета, Египта, Монголии, то совпадения их напомнят, как помимо историков пишется другая история мира. Особенно значительно сравнение показаний совершенно различных народностей.

Калмыки и монголы по следу коней и верблюдов узнают род и количество груза. Скажут: «Проехал конный с двумя конями в поводу. Два коня загнаны, а третий свежий». Или «Прошел табун и при нем два вершника».^[245]

Передавали случаи из недавних войн. Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский. – «Больше, – говорит, – ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Требуется: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все мое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудил к сдаче весь полк. И это не чингисова сказка, а недавняя быль.

И слухи опережают даже моторы. За двести верст верхом едут чай попить.

Опять передают: «Толкуют, что вы пропали». Неужели во второй раз меня похоронят? Откуда это неиссякаемое стремление клеветы и всяких ложных выдумок? Говорят, что много распространено поддельных картин под меня. Рассказывают целые забавные истории и даже называют несколько имен, таким порядком на мне заработавших. Говорят, В. и Р. – один в Ленинграде, а другой в Москве поработали. Несколько подделок мне приходилось видеть еще до войны. Помню одну очень большую картину, неглупо составленную из фрагментов разных моих вещей. Бедный собиратель, позвавший меня одобрить его покупку, был огорчен безмерно. Друзья, вам могут приносить в музей такие подделки, смотрите, будьте осторожнее. Так часто приходилось видеть и картины, и целые альбомы, фальшиво приписанные. Помню одну картину Рушица, подписанную моим именем.

Рассказывают о гибели многих моих картин. Пропал «Зов змия» из Академии, пропал «Поход», «Ункрада», «Построение стен», «Святогор» и другие. Конечно, их считают пропавшими, но кто знает? Пути вещей так неожиданны. Собирая работы старинных мастеров, мы наталкивались на такую изысканную игру жизни.

Приходит заезжая художница. Приходит геологическая экспедиция. Говор о художниках: крепко стоят Юон, Машков, Кончаловский, Лентулов, Сарьян, Кустодиев. Пошатнулся Бенуа. Ушел в Литву Добужинский. Не упоминают Сомова, не знают, что Бакст умер. Подрастают молодые. Смело действуют Щусев и Щуко. И ходит художница, и зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, резные балки и коньки крыш, точно последний списочек вещей перед дальним путем. И исчезнут с крыш резные коньки. И пусть уйдут, так же как и узоры набойки. Но чем заменятся они? «Венский» стул и линючий ситец – не вводят культуру. Вот для молодых-то и задача: дать облик будущей жизни. Из фабричных гудков и из колокольного звона создавали симфонию. Если даже это не удалось, то сама затея была созвучна. Вот и для обстановки дома нужна находчивая рука и затея без предрассудков. Вот мстерские, палехские и холуйские иконники обновили и продолжают свою работу. Как красивы их произведения в Кустарном музее! Привет Вольтеру.^[246]

На Востоке применяют экстериоризацию чувствительности не только к отдельным личностям, но и к группам и как бы к целым местностям. Получается грандиозный опыт применения психической энергии. И все это делается молчаливо и анонимно.

Смотрите и удивляйтесь: и книги, и картины, и песни, и танцы, и строения – все это анонимно пускается по волнам мира. Книжки, по традиции, приписываются определенному автору, но ведь он-то сам на рукописи свое имя не ставил. Картины не подписаны; имя зодчего

Поталы не запечатлено. На фарфоре, на керамике и на металлических изделиях видите иногда марку производства, но не имя автора. И в этой основной анонимности Восток далеко оставил за собою позади Запад. У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых прищельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все заплаты поправок лишь увеличат шутовство поддельного наряда.

Открытие Теремина: «Мы видели на экране движение человеческой руки, происходившее в те же моменты времени за стеною в соседней комнате». Наконец-то «чудесное» делается просто «научным». Наконец-то начинают обращаться к реальному изучению всех свойств энергии.

Именно тогда, когда мы не просили, именно тогда, когда не ожидали, он сам сказал и показал свое знание особых мест Тибета. Наши простецы сочли бы это за сказку или за необычайное откровение, а он улыбнулся, запахнул желтый халат и показал знание, кто и где живет. «А с тем местом уже пятнадцать лет не было сношений».

В личных покоях далай-ламы поставлено недавно сделанное изображение Будды с пламенным мечом. «Будда – Победитель всепокоряющий».

К таши-ламе в Пекине пришла группа китайцев, прося выдать им паспорта для отправления в Шамбалу. Это нам напомнило письмо, написанное из Бостона в Шамбалу. Откуда и как встретилась эта китайская группа? Собрали ли их скитания Лао-дзина? Или более старые писания? Или книга утайшаньского настоятеля? Когда-то смеялись бы над этим фактом, но сейчас произошло многое. Так обогатилась литература, что недавняя «выдумка» и «магия» переданы в лабораторию исследования. И скептики негодуют, но благодаря их полной необразованности и непросвещенности. Прислушиваемся к шагам нового мира. Видим движение великой руки Азии. Даже самые тяжелодумы спрашивают, что это значит? Можно говорить о значении происходящего, но самый факт уже не остается незамеченным.

Толкуют об опытах Манойлова, исследовавшего пол растений и минералов, а также мужское и женское начало человеческой крови. Опыт с минералом пиритом дает результат, издавна указанный наукой Востока. «Пирит дает кристаллы двух видов – в виде куба и в виде двенадцатигранника. Если тот же единый реактив налить в пробирку с кубическими кристаллами, получится обесцвечивание жидкости – мужская реакция, а если то же сделать с двенадцатигранными кристаллами, получится фиолетовое окрашивание – женская реакция». Для Запада это открытие ново, но Восток в своих древнейших формулах говорит о двенадцатизначнике (додекаэдроне) Матери Мира – женского начала. Также указывается о фиолетовом физическом женском излучении. Представьте себе, с какой спокойной улыбкой слушает ученый Востока о «новых» открытиях Запада. «Гемоглобин в крови животных и хлорофилл в соке растений по природе своей сходны». И ученый Востока кивает головой в знак давно известного согласия.

Луначарский говорит: «Ведь у нас до сих пор еще, несмотря на сердитый окрик <...>, распространено представление о том, что культура вплоть до возникновения элементов культуры пролетарской сплошь „буржуазна“, что она представляет собою опасный яд для всякого правоверного коммуниста и что следует всемерно ограждать таких правоверных не только от „совета нечестивых“, то есть людей старой культуры, но и от того, что они произвели. Порой, слушая таких людей, можно подумать, что мы не ученики Маркса, в колоссальной степени владевшего старой культурой и ценившего ее, между прочим также и в области искусства, – вспомним его отношение к Гомеру, Шекспиру, Бальзаку, Гете и Гейне, – а ученики какого-то своеобразного Савонаролы, чуть-чуть что не его „Плаксы“, боящиеся всякой радости жизни и готовые собрать на площади им. Свердлова большой костер для сожжения „Суеты сует“... Здесь уместно припомнить, как непрестанно и как подчеркнуто возвращался Владимир

Ильич к идее о необходимости усвоить старую культуру вплоть до старого искусства, о чем совершенно определенно гласит составленный им соответственный параграф нашей программы».

В великом Владимире поразительно отсутствует отрицание. Он вмещал и целесообразно вкладывал каждый материал в мировую постройку. Именно это вмещение открывало ему путь во все части света. И народы складывают ленинскую легенду не только по прописи его постулатов, но и по качеству его устремления. За нами лежат двадцать четыре страны, и мы сами в действительности видели, как народы поняли притягательную мощь <...>. Друзья, самый плохой советчик – отрицание. За каждым отрицанием скрыто невежество. И в невежестве – вся гидра контр революции.

Знайτε, знайте без страха и во всем объеме.

Когда же наконец люди выйдут из туманных потемок «мистики» для изучения солнечной действительности? Когда же извилина пещеры сменится сиянием простора?

Маральи рога и мускус кабарги до сих пор являются ценным товаром. Нужно исследовать целебные свойства толченого рога марала. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями. В чем разница мускуса тибетского барана от мускуса алтайской кабарги? Кабарга питается хвоей кедра и лиственницы. Алтайцы жуют хвойную смолу. Все качества мускуса должны быть исследованы.

Стоим в бывшей староверской маленькой. По стенам еще видны четырехугольники бывших икон. В светлице рядом написана на стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?

Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда. В области Ак-кема следы радиоактивности. Вода в Ак-кеме молочно-белая. Чистое Беловодье. Через Ак-кем проходит пятидесятая широта. Вспоминаем заключение Чома де Кереша.

На вершинах холмов наблюдается необычно теплая температура в зимнее время. По заметкам Сапожникова, ледник на Белухе за пятнадцать лет отступил на сто восемьдесят метров.

Около двух часов ночи на второе августа на восток от села Алтайского падал сильно светящийся огромный метеорит. К югу от Верхнего Уймона в прошлом году на вершине холма выбросило как бы взрывом камни и песок. Образовалась воронка.

Начата картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой.

«Кует кузнец судьбу человеческую на Сиверных горах». Гроб Святогора на Сиверных горах. Сиверные горы – Сумыр, Субур, Сумбыр, Сибирь – Сумеру. Все тот же центр от четырех океанов. В Алтае, на правом берегу Катуня, есть гора, значение ее приравнивается мировой горе Сумеру. Саин Галабын судур – «Сказание о добром веке».

Все деревья были заговорены, чтобы не вредить Бальдру.^[247] Одна омела была забыта; именно стрела из этой омелы поразила Бальдра. Все животные дали благословение на построение храма в Лхасе, но один сивый бык был забыт, он-то и восстал после, в виде нечестивого царя, против истинного учения. Ничто сущее не должно быть обойдено при строительстве. «Даже мышь перегрызет узлы».

Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоилось суровой мощи и красоты?

Семнадцатого августа увидели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород.

А за Белухой покажется милый сердцу хребет Куэнь-Луния, а за ним – «Гора божественной владычицы», и «Пять сокровищ снегов», и сама «Владычица белых снегов», и все писанное и

неписанное, все сказанное и несказанное.

«Между Иртышом и Аргунью, через Кокуши, через Богогорше, по самому Ергору едет всадник»...

XI. Монголия

(1926—1927)

Выстрел. Пуля пробила окно. Хорошо, что Юрий как раз в эту минуту отошел от окна. Кто стрелял? Намеренно? Или озорство?

Предупреждают: «А вам не уехать». Отвечаю: «Уедем, как всегда, не отложим и на один день». Приезжают наши американцы, с ними Борис. Присоединяется доктор. После долгой переписки нашелся П. К. Людмила и Рая поедут с нами. Первая тринадцатилетняя путешественница в Тибет.

Приходит тибетский доньер (консул), приносит тибетский паспорт и письмо к далай-ламе. Доньер выдает подобные паспорта паломникам. Наше знание буддизма дает нам право пользоваться тем же вниманием.

Приходят четыре бурятские ламы, просят взять их с собою. Они шьют знамя экспедиции – изображение Майтрейи с акдордже наверху. Все служащие прикрепили маленькие значки акдордже на шапки и такими ополченцами ходят по Улан-Батор-Хото. Юрий учит их ружейным приемам. Прикупили еще восемь карабинов-маузеров. Забавляет всех стоящее в столовой механическое ружье – «льюис». Пусть знают, что оружия у нас достаточно.

Случай во время маневров. Монгольский полк брал штурмом укрепления, а с другой стороны наш конвой выполнял ту же задачу. Можете себе представить остолбенение обеих сторон, когда они неожиданно столкнулись с винтовками наперевес.

«Владыка Шамбалы». Совпадение картины с пророчеством ламы. «И показался Великий Всадник, а головы всех людей были повернуты на запад. Но рука Всадника повернула все народы к Востоку».

Приходит уполномоченный от монгольского правительства и просит дать рисунок храма-хранилища, где будет поставлена картина «Владыка Шамбалы» с другими почитаемыми предметами.

Кончается печатание книг «Основы буддизма» и «Общее благо» («Община»). Трудно дать книге соответствующий облик в маленькой типографии. Прежний лама, теперь литограф, с любовью переписывает для книги «Будду Побеждающего» с огненным мечом. Опять посланец правительства. Просят разрешение перевести на монгольский «Основы буддизма».

Много смятения и ожидания. Но все-таки не отложим отъезда. Е. И. напряженно стоит у притолоки и говорит: «Жду, как разрешит все Тот, кто все разрешает». А тут телеграмма. Хлопочет Ж.; он многое знает. Именно с ним можно иногда побеседовать о самых сокровенных преданиях. Это он также рассказал монгольскую версию о поездке Учителя в Монголию. Странно слышать начало повести в Индии, а конец в Монголии. Так связывается вся молчаливая пустыня одною напряженной мыслью. Не знаем, как встретит нас Тибет. Если прекрасен Ладак, называемый Малым Тибетом, то Великий Тибет должен быть необыкновенно величественен. Впрочем, часто человечество ошибается названиями, и «малое» оказывается великим. Без предрассудков и суеверий увидим действительность.

И опять начались всякие трудности. И опять неожиданные друзья. Из них эсперантист в Урге. Они желают нам помочь выехать и заботливо провожают нас. И похожи на башни высоко груженные моторы.

На реке Иро родился странный ребенок. Скоро после рождения он произнес пророчество, а затем стал как бы обычным мальчиком. Но пророчество оказалось тем самым о будущем Монголии, которое передано нам в Сиккиме ламою. Монголы очень запомнили это.

В Монголии необычайно развиты волевые действия. Нам передавали несколько случаев воздействий на далеких расстояниях. Недавно молодой монгольский лама написал книгу о пути в Шамбалу. Известны книги, написанные об этом пути таши-ламою, настоятелем Утайшаня, бурятским ламою. Теперь туда же направляется и мышление монголов. Да и многие соседние народы понимают всю реальность значения Шамбалы. Некоторые монгольские ламы многое знают. Мы им задавали вопросы, и все отвеченное ими было очень основательно. Но не так легко заслужить их доверие. По этим вопросам из ближайших к Улан-Батор-Хото монастырей хорошей славою пользуется Манджушри Хит, откуда был похищен покойный богдо-геген. Все значительно легендами в Монголии.

На стоянках среди юрт и стад, по холмам Гоби разносится песнь наших монголов. Поют песнь Шамбалы, недавно сложенную монгольским героем Сухэ-Батором: «Мы идем в священную войну Шамбалы. Пусть мы перевоплотимся в священной стране...». Так бодро и звонко посылают монголы в пространство свои чаяния. Также и в новой Монголии знают действительность Шамбалы. Место для будущего дуканга ^[248] Шамбалы уже огорожено в Улан-Батор-Хото. Знают монголы о приездах Владыки Шамбалы в Эрдени-Дзо и в Нарабанчи. Знают о Держателях. Знают о великих временах. Знают о чаше Будды, которая после Пешавара хранилась в Карашаре и временно исчезла. Знают о приходе Благословенного на Алтай. Знают о значении Алтая. Знают о Белой Горе. Знают о священных знаках над древним субурганом около Хотана. Знают и вести из Китая. Знают вести из Индии. Через все молчаливые пространства Азии несется голос о будущем. Время Майтреи пришло.

Едем на моторах через мелкие реки по весеннему бездорожью. Именно по десять полумок в день. Если проехать семьдесят миль, то уже день счастливый, а то и двенадцать миль не сделать. Много керексуров (старых могил), курганы – следы великого переселения. Замечательная каменная баба – здесь, говорят, жил Знаменитый разбойник, а теперь он превратился в хранителя пути. Путники мажут жиром губы изваяния, чтобы испросить милость. Наш Кончок требует у изваяния хорошего пути для нас. На пути черепа и кости. Трупик ребенка, обернутый овчиной. Турпаны, ^[249] дикие гуси, всякие утки летят к северу. Стада куланов.

Ясно, что на моторах далеко не уедем. Дорога не отмечена. Местные проводники сами путаются направлением. А главное – машины совсем плохие. Лишь бы добраться до границы, до монастыря Юм-Бейсе. Там придется взять верблюдов.

Слышим легенды. То, что говорилось о посещении Владыкою Шамбалы монастырем Нарабанчи и Эрдени-Дзо, подтверждается в разных местах. Юм-Бейсе, неприятное ветреное место. Сам монастырь неуютен, и ламы неприветливы. Над монастырем на горе воздвигнут огромный фаллос...

Бесконечные переговоры о найме каравана. До Шибочена (за Аньси) предположено идти три недели. Конец апреля для верблюдов уже нехорош; уже жарко и шерсть падает, а с нею уходит и верблюжья сила. Находится проводник – старый лама-контрабандист, предлагает провести короткою дорогой через дикие места. Обычно там не ходят, боясь безводья, но лама ходил там не менее двадцати раз и знает, что там есть колодцы и речки, и родники. Но и на обычной дороге весною могут пересохнуть колодцы, и потому лучше идти по краткой тропе. Единственная опасность этого направления – шайки знаменитого Дже-ламы. Но сам он уже убит, а его соучастники рассеялись. Хотя этот район все-таки признается опасным, лама-проводник уверяет, что теперь можно пройти эти места безопасно. И мы предполагаем, что наш проводник не был ли сам доверенным лицом Дже-ламы. Слишком много он знает о нем и очень уверен, что с ним мы пройдем. Знает, как Дже-лама заставлял пленников строить укрепленный город, мимо которого мы пройдем, Решили идти новым путем.

Бесконечна Центральная Гоби. И белая, и розовая, и синяя, и графитно-черная. Вихри

устилают пологие скаты потоком камней. Не попадайте в этот каменный вихрь. Гроза Гоби – высохшие колодцы. Иногда отверстие колодца завалено павшими животными. Можно миновать безводье обходным путем на восток, но там китайские шайки.

Ночь. Костры, Дозорные. В этом ущелье недавно был ограблен караван. И вдруг тишина нарушается сильным винтовочным выстрелом. Затоптаны огни. Залегла цепь наших людей с карабинами. Кто стрелял по лагерю? Где-то лают собаки... Вызывается доброволец на разведку. Условлено: если он запоет, то все благополучно. Настороженная тишина, и наконец из темноты доносится веселая песня. Стрелял китаец – хозяин каравана. Он очень испугался, увидев наши костры. Подумал, что разбойники.

Нирва, ^[250] вожак каравана, насвистывает ветер среди зноя полудня. Как продавец ветра в приморье Древней Греции, монгол протяжно, минорно свистит – точно ветер шевелит головки пустынного ковыля. Ветерок начинается. Монгол кивает нам, чтобы обратили внимание. Продавцы ветров. Какой сюжет для оперы или симфонии!

Из белой гальки по лону Гоби выложены фигуры рукой неизвестного странника. Есть священные надписи, но есть и эротические изображения, отвратительные среди величия пустыни.

Опять нужны предосторожности. Опять нужно надеть монгольские кафтаны. Подходим к городу знаменитого разбойника Дже-ламы, или Тушегун-ламы. На ночь станем где-то близко. В густых сумерках что-то темнеет за холмами. Лаёт собака... Хотя сам Дже-лама недавно убит монголами, но банды его еще не рассеялись. Огни на ночь не разводим. Удваиваем дозоры. На утро мы слышим изумленные восклицания: «Вот и город над нами!». На холме высятся башни и стены – подлинный город. Внушительный и живописный. Юрий и П. К. с карабинами на руке идут исследовать, а монголы провожают их советами осторожности. Следим в бинокли. Но вот наши показались на стене – значит, разбойники покинули замок.

Не простой разбойник-грабитель был Дже-лама. Он окончил курс Петроградского университета на юридическом факультете и стал высоким ламой в Тибете, обладая большими оккультными сведениями. Разве ночной грабитель будет ставить на высоком месте издали зримый город? Какие думы и мечтания тревожили седую голову Дже-ламы, которую долго потом возили на копье по базарам Монголии?.. По Центральной Гоби будет долго жить легенда о Дже-ламе, заманчивый сценарий для синема. ^[251]

К каравану подъезжают какие-то странные верховые и спрашивают монголов о количестве нашего оружия. Монголы что-то шепчут им и размахивают руками, показывая что-то большое, а потом сообщают нам: люди Дже-ламы. Они нас не тронут.

Подходим к Аньси. Неясные слухи о каких-то китайских войсках. Встретиться с ними похуже, чем с людьми Дже-ламы. Обойдем Аньси ночью. Но нирва теряет дорогу. Рассвет застаёт нас перед стенами Аньси. Поворачиваем верблюдов и спешим перейти широкий, быстрый арык. К вечеру мы уже выйдем за пределы Ганьсу и вступим в область Кукунора. На горах видим развалины крепостей – памятники бывших восстаний дунган.

Быстрые реки. Впереди снежная цепь гор Наньшаня.

Кончилась Центральная Гоби. Кончилась безводная Внутренняя Монголия с источенными временем золотоносными хребтами; величественное дно ушедших стремнин, где притаились всякие останки древних гигантов. Первое июня. Уже десять дней мы стоим на серебристых берегах Шибочена. Пылает при восходе солнца Наньшань. Журчит горный поток. Белеют стада коз и баранов: Мелькают всадники – какие-то вести несут? Ползут слухи. Когда же пойдем дальше? Пугают, что не раньше сентября. Причин много. Еще и трава должна вырасти. И верблюды должны утучнеть и обрасти шерстью. И цайдамские опасные топи должны обсохнуть. И Голубая река должна улечься на осень. Ждем вести из Сучжоу и Чанмара, а пока хитрый

Мачен, ученик китайцев, обсчитывает нас. Старый хитрец называет меня «американским королем» и много раз за день скачет от своей ставки до нашего стана.

После удачных лечений монголы просят нас вызвать дождь ввиду неслыханной засухи. Предлагают по пяти долларов от каждой юрты.

Несмотря на все козни Мачена, мы перебрались на Шарагол, под хребет имени Гумбольдта. Вовремя перешли мутный зыбучий Шарагол с его бесчисленными рукавами. Кончок едва не утопил своего серого китайского коня. Стоим у горного ключа на взгорье перед Улан-Даваном (16 000 футов) по дороге на Тибет.

Тибетцы толкуют, что во время бегства далай-ламы в 1904 году при переходе через Чантанг и люди, и кони почувствовали сильное трясение. Далай-лама пояснил, что они находятся в заповедной черте Шамбалы. Много ли знает далай-лама о Шамбале? Таши-лама знает больше.

Пятое июля. Справляют праздник Майтрейи. В палатке Шамбалы происходит долгое служение. Приходит толпа соседних монголов, и их голоса смешиваются с пением наших лам.

Монгольские «дворяне» драпируются широкими складками средневековых кафтанов. Одели серые войлочные шапочки, как будто с картин Гоццоли, и навесили на шею священные киоты и ладанки. Вихрь и песочный буран. В два часа дня пришлось наглухо закрыться в палатках и зажечь свечи.

Рисую план субургана на месте Шамбалы, где останавливался на ночлег Великий Держатель. Одиннадцатого июля нирва из монастыря Кумбум привез пророчества и новую молитву таши-ламы Шамбале.

П. К. уже третий день скачет в Махой за верблюдами.

Составляются три новые книги. Забелели снегом вершины, свеж воздух, и тишина напоминает наши гималайские высоты, куда стремится дух наш. Монголы заглядываются на виды Нью-Йорка. Для них Америка – страна обетованная. Они шепчут: «Это достижение Шамбалы». Не проходит и дня без толков о сказочной Америке.

Четырнадцатого июля годовой праздник монголов. Сооружают новое обо, ^[252] скачки, пированье. Молодежь нашего стана отпросилась на праздник.

С утра беседовали о необходимости паназиатского языка, который хотя бы в примитивной форме примирил бы триста наречий Азии. Вечером наши ламы читали молитвы Майтрейе и Шамбале. Если бы на Западе понимали, что значит в Азии слово Шамбала или Гессер-хан!

Начался дождь и ветер. Половина июля похожа на осень. Ночью в горах шумит ливень.

Среди дождей и грозы долетают самые неожиданные вести. Такое насыщение пространства поражает. Даже имеются вести о проезде здесь Учителя ^[253] сорок лет тому назад. Опять разыгрался настоящий буран и ливень. Холодно.

Двадцатого июля получены указания чрезвычайного значения. Трудновыполнимые, но приближающие следствия. Никто в караване еще не подозревает о ближайшей программе.

На следующий день опять важные вести, и опять спутники не знают о них. Сверяйте эти числа с вашими событиями. Принесли золото от Улан-Давана. Опять вихрь. Рая вообще не слыхала о Христе, ей уже тринадцать лет. Так быстро уходят из жизни даже краеугольные понятия.

Азара первоначально значило – халдейский жрец.

24 июля. Это не только наш день, но и день окончания нашего субургана. Монголы помогают сооружению, привозят сокровище – норбу-ринпоче – камушки и зерна для вложения в чашу субургана. Туда же заложено и Акдордже и Майтрейя Сангха.

Лель – по-индустану означает «красный».

Конец июля. «Иду радостно в бой». Lapis Exilis – блуждающий камень. Вчера буряты пророчествовали что-то сумрачное. Именно: «Посылаю лучшие токи для счастливого решения

дел». Предполагаем выступить через Цайдам к Тибету девятнадцатого августа. Отважился пересечь Цайдам по новому пути.

К вечеру двадцать восьмого прискакал Ч. ^[254] с мечом и кольцом. Не успели выслушать его, как по ущелью вместо мирного ручья хлынул губительный поток. Вот следствие странного ночного шума в горах. Снесло потоком кухню, столовую палатку, шатер Юрия. Мы ходим по пояс в воде. Погибло множество незаменимых вещей. Погибло много монгольских юрт. Ч. ^[255] рассказал, что за день до его отъезда от непонятной причины у Я. сгорели танки, ^[256] присланные нами. Знаменательно. Сопоставляйте.

Кончаем субурган. Старший лама Цайдама приедет освятить его. Князь Курлык-Бейсе прислал посланцев, предлагает свой караван. Знаменательно, ибо этот князь обычно вредил проезжим.

Пятого августа. Нечто очень замечательное. В десять с половиной утра над станом при чистом синем небе пролетел ярко-белый, сверкающий на солнце шаровидный аппарат. Семеро из лагеря наблюдали это необыкновенное явление. Направление – с северо-востока на юг. Энергия А. Брат Д. К. Замечательно!

Седьмого августа освящен субурган. Приехал цайдамский геген. Наехало до тридцати гостей монголов, Служение у субургана. Обещали нам хранить субурган Шамбалы. Лишь бы дунгане не разрушили его.

Бунт среди бурят. Они пошли к китайцам с ложным на нас доносом. Вместо бунтоватых бурят мы взяли трех торгутов. Хорошие стрелки.

После бурятского доноса приехали китайские солдаты с чиновником сининского амбана. Осмотрели наши паспорта. Конечно, опять вымогательство. Заплатили китайцам. Монголы возмущены этим вымогательством.

Неожиданные гости прилетают из пустыни, Под вечер прискакал таинственный незнакомец в золотошитом монгольском наряде. Кто он? Спешно прошел в шатер. Не называя себя, сказал, что он друг наш и должен предупредить о готовящемся нападении на нас на тибетской границе. Предупредил о необходимости усиленных караулов и разведочных разъездов. Сказал и ускакал. Кто он? Наши ламы говорят: «Или вор, или разбойник, или сборщик на монастырь». Всем не понравился роскошный наряд незнакомца. Но он был друг, он хотел помочь. Опять сюжет для оперы.

Девятнадцатого августа мы выступили через Цайдам на Тибет. Памятна ночь в Цайдаме, когда пересекали соляные топи. Остановиться нельзя. Нужно идти сто двадцать миль без отдыха. Во тьме ночи еле заметна тропа. Проходим самой опасной дорогой, не сознавая этого. По сторонам узкой тропы бездонные ямы. Неверный шаг – и вернуться нельзя. Трудно, но зато Цайдам пересечен в новом, кратчайшем направлении. Много неточностей в картах.

Когда мы проходили Цайдам, он оказался совсем не таким, каким он показан на картах; невольно смотрелось на запад там розовели безбрежные пески. Вспоминалось, что от Цайдама до Куэнь-Луня на картах показано сплошное пустынное пространство. Конечно, все это место не исследовано. Между тем там в складках нагорий может быть много замечательного. Из области Хотана и Черчена могли в этом направлении распространиться древние буддийские монастыри. Могли быть интересные отшельничества и памятники-пещеры. Но даже сами монголы мало говорят об этих местах. Толкуют о пропавших в песках караванах, о занесенных городах, но все это в пределах сказаний.

Замечателен жест приветствия у цайдамских монголов. Они поднимают руки так, как будто молятся солнцу. Это так ритмично и красиво! Это напомнило мне прекрасный жест индусских браминов, который я видел в Бенаресе во время часа утренней молитвы. Вспоминаю также и прекрасный жест мусульман, совершающих молитву перед древним мазаром.

Толкуют о каких-то иностранцах, бывших в Тейджинере и скупавших там старинные вещи. Опять говорят, что иностранцы приехали и увезли «бурханов» из Дуньхуана. Очевидно, со знаменитыми пещерными храмами что-то произошло. Уж очень упорно и в разных областях об этом рассказывается. Мало ли вещей похищалось для музеев Европы, но об этих «бурханах» от Кашгара, от Урумчи до самых границ Тибета толкуют.

Полуобглоданные трупы людей и коней у дороги. Это следы недавнего боя монголов с голоками. Монголы снимают юрты и спешат под защиту князя Курлык-Бейсе. Скоро перевал Нейджи, место, о котором предупреждал наш неведомый доброжелатель. Все будто спокойно, но около стоянки найден свежий костер и оброненная длинная трубка. Здесь были люди недавно.

Утром едем как всегда. Впереди Юрий и П. К. в разъезде. Затем все верховые – мы и ламы. За нами на некотором расстоянии – торгуты с мулами. А дальше отстал караван с верблюдами под охраной Голубина, Кончока и Церинга. Впереди нас ущелье с двумя холмами. Елена Ивановна, всегда чуткая, слышит далекий лай собак... Вдруг через ущелье между холмами начинают проскакивать вооруженные всадники, скрываясь за холмом. Санге-лама кричит: «Аранган», то есть разбойники. Даю приказ повернуть назад, чтобы занять вершину холма и соединиться с торгутами. На вершине вместо атакованных мы оказались атакующими и командующими положением. Отряд панагов^[257] остановился, очевидно, не ожидав нашего маневра. К ним подскакали полковник, торгут Очир и бурят Бухаев с грозным предупреждением. Остальные, готовые к бою, наблюдали. Панаги, неожиданно застигнутые, спешили и в знак покорности положили винтовки. Один из них держал длинное копьё – знак объявленной войны. Мы хотели купить это копьё, но они сказали: «Мы не можем продать, это – друг наш». Главное, всегда действуйте смело.

На другой день готовилось еще нападение, но сильная снежная метель с громом расстроила суеверных панагов. И так перешли Нейджи. Любовались огромными стадами диких яков. Одного из них убили торгуты. Впереди нас снежный хребет Ангар-Дакчин, то есть Марко Поло. Смешно давать европейские имена местности, которая издавна имела свои наименования. К ночи умер от кровотечения монгольский лама. Жаль.

За Ангар-Дакчином – Кокушили, те самые Кокуши, которые знают староверы на Алтае, эти искатели Беловодья. Тут уже недалеко заповедные границы. Счастливо минуем реки. Ни весной, ни летом их не перейти верхом. Но сейчас, осенью, вода не выше стремян, и только две лошади завязли. Даже Голубая река с ее быстрым течением не явилась препятствием.

Ждем тибетские посты. Почему их нет? Что-то забелело вдали... Снег? Но нигде кругом снега нет... Шатер? Но это нечто слишком большое. Оказалось, гигантский гейзер глауберовой соли. Белоснежная, сверкающая на солнце глыба – уже заповедная граница.

XII. Тибет (1927—1928)

6 октября

Точно черные пауки на длинных ногах, притаились черные палатки тибетцев, подтянутые на длинейших веревках. Пограничные разъезды отбирают наш паспорт и предлагают стоять два дня, пока они привезут ответ генерала хорчичаба, то есть от главного правителя области Хор и главнокомандующего северным фронтом. Какие цветистые титулы!

Стоим среди болотистой равнины, поросшей убогой колючей травой. На горизонте виднеется озеро и «умершие» горы. Называют их «умершими», ибо они похожи на настоящее кладбище. Когда-то великие горы, может быть, соперники Эвереста, разрушились, распались мелким щебнем. Глубокие долины заполнились, и получилось нагорье в 15 000 футов (~ 4 600 м), открытое свирепым ветрам. Перед самыми знаменательными местами, перед небесными Гималаями, попадаете в жуткую тундру. Кони скользят и оступаются среди уродливых кочек. Ни птицы, ни зверя.

Юрий валится в седле и почти падает с коня. Мы подскочили и сняли его с коня. Пульса почти нет. Дали два сильных приема дигиталиса, растираем руки. Ему становится легче.

Впереди плохо чувствует себя Елена Ивановна. Из последних сообщают, что лама Малонов упал с коня и лежит без чувств на дороге. Доктор спешит туда. Как неприветливо встречает нас Тибет.

Пестрое знамя с покривившимся навершием. Музыка – барабаны и волынки. Стрельба салюта. В глубине шатра маленькая фигурка генерала в ярко-желтом халате. На круглой китайской шапке крестообразное аккордже из рубинов. Ласковая речь и опять просьба побыть у него в лагере только два дня. Затем генерал провожает нас в наш стан со знаменем и музыкой и с пестрой толпой свиты.

В полной ненужности проходят впечатления приема у Капшепа. Знамя с покривившимся навершием, бутафорский меч, нечистота под драгоценными камнями, вся старая китайщина, от которой сами китайцы уже отказались. Она и непригодна для жизни и уже потеряла прежнюю декоративность, ибо ушло качество производства. Вся тонкость художества исчезла. Выступила вся неприглядность и убогость. Вероятно, генерал думал, что впечатление от его желтого халата было очень велико. Но даже ближайший его конвой был оборван и украшен пуговицами трех армий, но не тибетской. Там же, где не хватало чужой пуговицы, там с особым успехом красовалась английская булавка. Ружья сомнительной пригодности, но зато множество музыкантов. Опять барабанный бой и салютные выстрелы. Генерал со всею разношерстной толпой провожает нас в наш лагерь. Заодно любопытствует посмотреть наши вещи, объявляя, чтобы «руки меньших чинов не касались вещей великих людей».

Капшепа будто бы приезжал, чтобы уладить какие-то волнения среди хорпа.^[258] Но он будто бы также запретил охоту на мускусных баранов. Совершенно непонятно, почему можно убивать домашних баранов, яков, но все находящееся в диком состоянии защищается. Впрочем, население держится иного мнения и стреляет куланов.

Наш тибетец Чампа умирает. Он был нам полезен при столкновении с панагами и при решении монголов бросить нас после Нейджи. Но как только Чампа дошел до Тибета, его природа взяла верх, а при переезде к лагерю хорчичаба он отделился от нас, забрал пять верблюдов, нашу палатку и прервал все отношения с нами. Какова тибетская благодарность!

Даже тибетец не выдерживает здешнего климата. Это уже третий покойник в караване. Монгольский лама умер от воспаления легких, харчинский лама – от высот. Не чуяли ли мертвеца медведи, когда подбирались к лагерю в ночь его смерти? Но им недолго пришлось ждать; уже утром труп был оставлен им на съедение.

Генерал Капшепа принял наш подарок и уехал в Кам. И ласковые два дня превращаются в свирепые пять месяцев нашего стояния в летних палатках при морозах свыше 60 °С, при ураганных вихрях на высоте 15 000 футов (~ 4 600 м). Оставлен с нами всегда пьяный майор и дикие оборванцы солдаты. Запрещено говорить с проходящими караванами; запрещено покупать пищу от населения. Медленно погибает караван. Каждый день у палаток новые трупы, и стаи диких псов шумно делят свою новую трапезу. Из 104 караванных животных погибает девяносто. Умерло пять человек: три монгольских ламы и два тибетца. Малонов отекает от сердечных припадков и наконец тоже умирает. Жена приставленного к нам майора заболевает воспалением легких и умирает. Грифы и орлы спорят со стаями собак о добыче.

Письмо мое к далай-ламе найдено на дороге в изорванном виде, а гонец будто бы исчез. Перехвачены мои письма к полковнику Бейли – британскому резиденту в Сиккиме, и к генеральному консулу Соединенных Штатов в Калькутте. Запрещено идти назад, запрещено двинуться вперед. Возмутительно! Несмотря на знание Юрием тибетского языка, мы можем лишь изучать тибетскую жизнь во всем ее неприкрашенном виде, но помочь своему положению не можем. Тибетцы лгут ежедневно. Говорят, что телеграф между Лхасой и Индией уничтожен, ибо теперь Тибет не нуждается в сношении с «пелингами»; что лхасское правительство не принимает во внимание свидетельство доктора о наших болезнях; что наш паспорт потеряли по дороге, но хотя тут же свидетели опровергают эту выдумку. Говорят о пропавших гонцах генерала^[259]. Вместо помощи майор запрещает покупать пищу в соседних аилах, препятствует переговорам с проходившим караваном и безбожно обсчитывает на размене китайских долларов. Доктор пророчествует о грядущих смертельных заболеваниях при крепнущих морозах. Н. В. предлагает переодетым пробраться в Индию, но без языка и при его росте это кончилось бы печально.

Весь народ – эти черные хоры, как маленькие нибелунги, беспокойны. Спят сидя, едят сырое мясо, прикрыты полуистлевшими, черными от копоти костров меховыми кафтанами. Они шепчут: «Завален край неслыханным снегом. Падут наши яки и бараны. Не будет у нас цампы (ячменя), умрут наши дети и мы умрем. А все несчастье оттого, что правительство поступает с великими приезжими людьми бесчеловечно».

Гадают ламы, и все у них выходит хорошо, и что вестник с добрым ответом уже едет, уже завтра прискачет. Но дни тянутся. Крепнут морозы и вихри. На белой равнине нет никого. Падают кони и верблюды. За ночь подходят дрожащие животные к самым палаткам, дергают веревки, точно стучатся, а на рассвете находим их мертвыми. И закутанные в овчину наши люди тащат павших за несколько шагов от лагеря. Иначе стаи диких собак и грифы-могильщики не дадут покоя. Одна стая собак, около пятнадцати, уже пробовала нападать на людей. Весь день оружие остается при нас. Хочет майор купить наше оружие, чтобы лишить нас средств всякой защиты. Берегите оружие.

Опять морозы, вихри, запрещение покупать пищу и сноситься с проходящими караванами. Приходы лживого и пьяного майора. Восстание и отделение наших лам-бурят, думавших ложью и клеветой на нас улучшить свое положение.

И так каждый день среди мерзлой равнины с вялыми мрачными очертаниями мертвых гор. Затем сделали небольшой переезд из Чунаргена в Шаруген^[260]. Всего два часа пути, и опять тот же плен. Просили пустить нас в ставку Капшепа в Каме, ответили: «нельзя». Просили пропустить нас Восточным Тибетом – опять «ме, ме, ме». Просили вообще отпустить нас назад

– «ме, ме, ме». Все «ме, ме, ме». А в то же время генерал Капшепа пишет нам нелепое письмо о «каплях милосердия, упдающих с пресветлых пальцев далай-ламы». Так проходят недели. И вдруг сами губернаторы Нагчу едут.

Неслыханное дело, чтобы оба губернатора одновременно выезжали. Они пришли в черных очках, в мохнатых малахаях; шумели, чтобы навести страх. Удивлялись, что мы придаем значение тибетскому паспорту, и вообще вели себя глупо и нагло. Один из них – бывший лама, как говорят, задушивший сининского амбана. Другой – старый маньчжурист-чиновник, проевший зубы на кляузах. Мы терпеливо пережили все их благоглупости. Теперь нас перевезут в Нагчу, но ведь это тот же плен. А затем будто бы «упадут капли милосердия» и нам разрешат пройти на Сикким. Конечно, будет избран самый нелепый путь. Конечно, при всяком удобном случае еще задержат, еще потребуют подарки, но все-таки когда-то двинемся. Кто из нас надеется, что наш плен ограничится ста днями, но не будет ли правильнее предположить сто пятьдесят дней, да прикиньте еще все задержки по пути. Значит, на все задержание положите полгода. Конечно, за это время тибетцы дают нам необычайный случай знакомиться с их жизнью, обычаями и этикой. Без сношений с губернаторами, генералом, дзонг-пенами, офицерами, старшинами и ламами мы не могли бы составить убеждение о действительности Тибета.

Свиреп предрассветный мороз. Конечно, более 70°C. Утром у доктора замерз коньяк. Сколько же градусов было, чтобы крепкое вино замерзло? Доктор по-прежнему пессимистичен и ждет опасностей. Здоровье Н. В. и П. К. плохое. Очеру предсказана смерть. Хорошо держатся Людмила и Рая, или, как тибетцы зовут их, Мила и Рея.

Какие скучные холмы между Чунаргеном и Нагчу. Давно разрушились горы, и сейчас распадаются кучи щебня и гальки. Ни куста, ни дерева; только высокие, неприятные коням кочки с усатой колючей травой. Говорят нам, что, придя к Центральному Тибету, мы будем поражены переменой природы. Но другие усмеваются, говоря, что до самых Гималаев будем следовать кладбищем разрушенных гор. Бедные хорпа. Зубы их выпадают от цинги, мускулы дряблы. Сил меньше, чем у тринадцатилетней Раи. Конечно, тощее сырое мясо и горсть сырой цампы не дадут здоровья. И как безмерна подозрительность друг к другу. Не верят никому, боятся, готовы ждать постоянной напасти. Монголы, несмотря на дунганских каверзных чиновников, сравнительно с тибетцами – свободные люди.

Повсюду знаки креста. И старые монгольские монеты несторианских ханов – с крестом, и над древним буддийским монастырем под Пекином – крест, и на чепраке седла – крест, и налобник уздечки снабжен крестом. Даже и на камнях Ладака и Синьцзяна – кресты. Несториане и манихеи широко прошли по Азии. На фресках монастырей – кресты, на узоре кафтана, на четках, на бусах, на ладанках – тот же крест. Не свастика со струями огня, но равноконечный, вечный символ жизни. На китайских шапках тибетских генералов горит рубиновое крестообразное дордже. Конь счастья несет знак его. Старые бронзовые фибулы, может быть, из могил, – крест в круге.

Всюду же и знаки Чинтамани. И колонки домов, и стены глинобиток отмечены этим трижды мощным изображением. Налобники мулов, чеканные серебряные сосуды, военное знамя, лист деревянной гравюры, молитвенный флаг усилены символом мощи.

Сравните современный сказ с первообразом. Теперь говорят: «И стал на земле великий голод, и погибали люди, и не могли жить более. Тогда благие Бодхисаттвы послали дождь из риса. Какое множество пищи, что не только напитались все люди, но они принесли горы риса и сложили из риса храмы и чортены. Такой величины храмы, что не обойти их и в несколько лет, а один главный чортен не обойти в несколько дней. Это место существует на острове, где некогда процветало истинное учение Благословенного».

Надо понимать: настал на земле великий духовный голод, и не могли более существовать в темном состоянии люди. Тогда Великие Учителя послали настоящий ливень духовной пищи. Поднятое этой благодатью человечество сложило великие памятники духовных достижений. Размеры этих достижений необъятны. Учение Шамбалы существует в защищенном месте, и мощь его проявится скоро.

Любопытны монастыри бон-по – черной веры, враждебной Будде. Настоящая черная месса по всем правилам люцифериан. Обратное хождение, обратные ритуалы, на месте Будды вымышленное лицо с теми же биографическими подробностями. Покровитель черной веры тоже царского рода и сопровождается подобными же атрибутами. Последователи черной веры очень многочисленны и не пускают буддистов в свои храмы. Вместо священного «ОУМ» они потребляют «А». Настало время сказать определенно о тибетском «буддизме».

Вспоминаем, сколько раз тибетцы повторяли нам, что на Западе нет буддизма и что там вообще буддизма не знают. Сколько раз тибетцы презрительно говорили о японцах, китайцах, монголах, сиккимцах и о хиньяне Бирмы и Цейлона. Неслыханное самомнение отделило Тибет от всего мира. Лучшие люди бегут из Тибета и не желают возвращаться в произвол дикого правительства. Невежество закрыло глаза Тибету. Страна лишилась своего духовного вождя – ушел из Тибета таши-лама. Тибетцы не хотят познавать и учиться. Ученые ламы переходят границу Индии. Бегут переодетые: кто одевается торговцем, кто надевает парик и гримирует лицо. Среди ужасающей грязи, зловония и падали в Нагчу тибетский чиновник удивленно говорит нам: «Если Нагчу вам кажется грязным, то что сказали бы вы о Лхасе, где даже питьевая вода иногда насыщена отбросами». По пути узнаем, что Ринпоче из Чумби не в Китае, а в монастыре Гум. И этот умный лама понял, что сейчас невозможно оставаться в Тибете.

Ни одному сообщению нельзя верить. Все мертво кругом. За пять месяцев по главной дороге на Китай и Монголию прошло три каравана. Тибетцы-кочевники шепчут о трудных временах для Лхасы. Конечно, в подобном состоянии страна существовать не может. Наконец губернаторы Нагчу удовлетворились подарками и после сообщения, что деньги у нас кончились, решили отправить нас кружным путем через Чантанг на Намру-дзонг, Шендза-дзонг, через не показанные на картах перевалы в 20 600 футов (~ 6 300 м) высоты, на Сага-дзонг, через Брахмапутру, на Тингри-дзонг, на Шекар-дзонг, на Кампа-дзонг и через Сепо-ла на Сикким. Очевидно, решили показать нам все области Тибета, чтобы у нас не оставалось сомнения в этой стране. Хотя не легкий путь, но от Улан-Батор-Хото до Сиккима никто еще не проходил.

Непонятно, для чего дзонг-пены (власти) тибетских дзонгов (крепостей) стараются показать себя с самой отвратительной стороны. «Смотрите, мол, какие мы грязные, вонючие, невежественные и лживые». Народ рассказывает о лхасском девашунге (правительстве) мрачные истории. Недовольства и восстания.

Интересны одни лишь развалины старого Тибета. Эти древние башни и стены складывали какие-то иные люди. Строители их знали и о Гессер-хане и о Владыке Шамбалы. Здесь были и ашрамы Великих махатм. Но ведь теперь ничего этого не осталось.

Вспоминаю камни «чуждских» могил на Алтае; там прошли готы, пропитавшие своим влиянием всю Европу. Вот и в Трансгималаях мы встречаем такие же древние могилы. Находим места древних святилищ, которые рождали мысль о солнечном культе друидов. Мечи северян, жителей Трансгималаев, могли быть выбраны из готской могилы в южно-русских степях. Наплечные фибулы гатских погребений, разве не напоминают они пряжки тибетских племен. И почему Лхаса когда-то называлась Гота? И откуда название племени – готл? Откуда, куда и как двигались гонимые ледниками и суровыми моренами прародители готов? Нет ли в застывшем обиходе северян-тибетцев древних черт их ушедших собратий? Удивительно: один хорпа напоминает Мольера, другой годился бы для типа д'Артаньяна, третий похож на итальянского

корсара, четвертый с длинными прядями волос близок портрету Халса или Паламедеса, а тот, черный и мрачный, с орлиным носом, разве он не палач Филиппа Второго? Не будем бояться сопоставлять то, что ярко бросается в глаза.

«Ки-хохо» – несется клич из стана голоков. «Хой-хе» – отвечает наш стан. Так всю ночь взаимно предупреждают врагов о недреманной бдительности стана. Но, конечно, голоки уже осведомились о нашем оружии, учли всю боеспособность. Решение сделано в нашу пользу, и сегодня мы увидим дружественный лик опасных кочевников.

Черная вера бон-по так гармонична с черными палатками. На длинных веревках, как хищные пауки, бесформенно чернеют палатки. Около них черные пятна или отбросов или падали. Сухость воздуха уменьшает зловоние тления. Пронзительный ветер уносит высохшие кости. Вспоминаем широковещательное полномочие ургинского доньера. Как поразительно отличен Тибет на расстоянии. Толкуют и шепчут о восстаниях...

На каждой остановке то же самое. Если остановка у обычного аила, то и хлопот не будет с животными. Если в местечке живет старшина, то уже обеспечены неприятные разговоры. Но если вы попадаете в дзонг или монастырь, то будьте готовы к задержанию. Ничто не приготовлено, несмотря на несколько даиков-писем, посланных вперед заблаговременно. Окажется, что дайки вообще не дошли, что будто бы ошибкой их послали в другом направлении. Окажется, что аилы, где имеются животные, очень далеко, и потребуются несколько дней, пока соберут яков и коней. Наконец, окажется, что по обыкновению крестьяне просто не слушают дзонг-пена и не желают исполнять его приказ. Слишком он грабил их, слишком многое за ним известно, и крестьяне взяли его в руки. Опять дзонг-пен предложит нам самим вести переговоры с крестьянами и написать в аилы наше письмо за нашей печатью; и печать должна быть красной, иначе же нам придется простоять около дзонга немало дней. Или так бывает, что один старшина предлагает нам арестовать другого непокорного. Сам ведет нас в его ставку и предлагает связать и отправить в Лхасу. Было и так: наши торгуты накрепко скрутили за спиною руки старшины, и тогда его сородичи пришли с высунутыми языками и согласились исполнить указ далай-ламы. Или губернатор предлагал нам арестовать местного майора и самим везти его связанным в Лхасу. При таком обороте дел майор понизил тон и сделался сговорчивым.

Когда люди лгут для своей выгоды, еще можно, с огорчением, понять их низкие намерения, но когда они лгут против самих себя, тогда все становится окончательно мрачно непонятным. Что только ни рассказывается тибетцами друг про друга, про правительство, про самого далай-ламу. Даже сочетали его с какой-то монахиней. Приписали ему убийство и отравление лам и сановников. Прямо делают из правителя какого-то изверга.

Перед Сага-дзангом два неожиданных перевала, один показан на картах, но другой, еще больший, более 20 000 футов (~ 6 100 м), не указан. Впрочем, эта дорога на картах показана лишь пунктиром. Никто, видимо, по ней не ходил. Есть другая обычная южная дорога, но тибетское правительство посылает нас именно северной неисследованной тропой: пусть, мол, лучше узнают нашу страну.

По пути старшины отказываются давать животных и опять просят вместо паспорта правительства всюду посылать письмо за нашей печатью. Народ не послушает приказа из Лхасы. Но наша сургучная гербовая печать производит большое впечатление.

С гребня перевала показалась мощная белая цепь снежных великанов. Ведь это уже Непал и долгожданные Гималаи по ту сторону Брахмапутры.

Сага-дзонг также маленькое нищенское селение; питаются трупами животных, в ячмень добавляют мелкую гальку. Нас задерживают и опять бесконечно лгут. Менданги осквернены дохлыми собаками и всякой скверной.

В стане некоторое волнение. Мы подходим к Брахмапутре, той самой, которая берет исток

из священного Манасаравара – озера великих Нагов. Здесь родилась мудрая Ригведа, здесь близок священный Кайлас, куда ходят пилигримы, предчувствуя, на каком великом пути лежат эти места. Уже попадаются вереницы пилигримов; они с копьями, мрачные и всклокоченные.

Нет, эти ничего не знают. Просто ползают в безделии по лицу земли. Не грабят ли при случае?

Среди скал и песков, в лиловых и пурпурных тонах течет Брахмапутра. В мае она еще не полна, но разливы берегов показывают, насколько увеличивается река за июнь, когда к таянию снегов прибавятся еще и дожди. К Брахмапутре еще большее уважение, чем к Голубой реке. Голубая Янцзыцзян – длиннейшая в мире река, но Брахмапутра, сын Брахмы, овеяна богатым узором преданий. Она связывает священное русло Ганга с Гималаями, а Манасаравар близок к Сатледжу и началу великого Инда. Там же зародилась и Ариаварта.

Рассказывает монгольский лама «Жил очень ученый и замечательный геше. Но он носил всегда самое скромное одеяние. Вот пошел геше навестить своего учителя, бывшего настоятелем большого лабрана.^[261] Увидели напыщенные приближенные настоятеля скромного посетителя и прогнали его. И еще раз пришел геше, и еще раз выгнали его. Тогда пошел геше к торговцу на базар и просил его одолжить ему богатое платье, и положил геше за пояс несколько камней, видом похожих на слитки китайского серебра, и в этом виде был немедленно допущен к своему учителю. Вошел геше, снял свое богатое платье, вынул из-за пояса камни и сложил все это в угол. Потом поклонился камням и платью, и только потом отдал поклон своему учителю.

Тот спросил геше: «Разве не я ваш учитель? Почему же раньше меня вы кланяетесь камням и одежде?».

«Правда, – отвечает геше, – вы мой учитель, но без этих вещей я не мог дойти до вас, а потому я поклонился тому, что довело меня до моего почтенного учителя».

Недалеко от Брахмапутры прислонились к скалам Чату-Гомпа пять монастырей, из них два красной секты и три бон-по, черной веры. Притом монастыри черной веры выглядят гораздо и новее, и чище, нежели красной секты. Из окон большого дуканга красного монастыря торчит солома, вокруг уныло бродят несколько лам безнадежно запущенного вида. Черноверцы, узнав, что мы сочувствуем буддизму, просят к их монастырям даже не приближаться.

С удивлением рассматриваем *шо* – единственно ходячую медную монету Тибета. Ни серебра, ни золота ни в дзонгах, ни у народа мы не видели. Хотя на маленьких медяках чеканка плохая, но зато громкая надпись: «Правительство победное во всех направлениях». Удивительно, что полу-шо и четверть-шо размерами больше самого шо.

Вот и переправа через Брахмапутру около монастыря Чи-ту. Небольшая лодка – паром с резным коньком на носу. Особенно трудно грузить верблюдов. Течение довольно быстрое.

Тингри-дзонг хотя и называется сильной крепостью, но представляет жалкое игрушечное укрепление, имевшее значение разве до изобретения пороха. Монастыря нет, но есть субурганы красной секты со страшными ликами и полосами, как знак принадлежности к красной секте. Вспоминаем те же страшные лики на тантрических танках. Чего только на них нет! И магические мечи, и содранные человеческие кожи, и страшные рожи с оскаленными зубами, и обращенные вниз треугольники. Весь набор черной магии.

Около Тингри-дзонга показался Эверест во всей его сверкающей красоте.

Встречаем людей, знавших Свена Гедина. Хвалят его и жалеют, что он не говорил по-тибетски. Слышал здесь о Фильхнере. Сложены уже какие-то легенды, что он на Голубой реке оставил трех мальчиков, а также мышь, хорька и суслика. Откуда сие? Конечно, без знания языка было бы совсем трудно. Такое счастье, что знание Юрия самими тибетцами ставится вторым после сэра Чарльза Белла, которого нам называли «офицер мира», ибо он вел мирные переговоры.

Старый монастырь Чундю, принадлежащий к королевскому монастырю Са-кья. Видимо, под древними стенами происходило многое. Вот зонтик над большим субурганом – знак прежнего королевского отличия. Вот обвалившиеся китайские стены – память порабощения Тибета. Вот длинный ряд старинных субурганов – память о временах спокойного века. Вот нагромождение старых и новых закоулков и построек – вид современного нищего Тибета.

Другое тоже старинное место – Шекар-дзонг. Когда тибетцы были смелыми орлами, они не боялись взлетать на отвесные скалы и лепить на кручах свои защищенные святыни. Целая декорация башен, переходов и храмов. Но теперь тибетцы спустились в долину. Начальники уже не живут в замке, а ютятся внизу, обирая народ произвольными, жестокими поборами. Только издали привлекательны старые дзонги Тибета. Цены на продукты велики до бессмыслия. Мешок плохого ячменя в 29 фунтов (причем в этом числе до 5 фунтов камней) стоит в дзонгах 11 норсангов, то есть около 9 рупий. Маленький кусок ячменного сахара – около 4-5 рупий. Лошадь на два дня пути – 8 рупий, а грузовой як – 4 рупии.

Наши переходы неравномерны. То они кратки, то вдруг идем почти рысью девять часов. Спешим к Кампа-дзонгу, последнему дзонгу перед границей Сиккима. Где же замок? Долго не принимаем массив, далеко видный уже, за дзонг. Правда, строение поставлено высоко, сливаясь со скалою. Дзонг-пен приветливее прочих. Кажется, сильно пьет, но все-таки проявляет хоть какую-нибудь деятельность.

Еще выше дзонга на скалах вознесся монастырь. Теперь там всего восемь лам. Но ведь там двор, отмеченный в «Письмах». Там была школа, основанная махатмами, теперь школы уже давно нет. Опять лхасское правительство мешало ее жизни. Но старики еще помнят, что здесь была «религиозная школа», и помнят про «высоких азара» из Индии.

Последний перевал Сепо-ла; он легче всех прочих. Проезжаем бирюзовое озерко – исток реки Лачен. Скромными ручьями начинается поток, который через два дня пути уже будет шуметь и сделается непроходимым без моста. Первый аромат целебного балю и первые приземистые кедры. Впереди цветы рододендронов. И настоящая земляника.

Из всех наших верблюдов два перешли Гималаи. Один родом из Балагуна (Северная Монголия), другой из Цайдама. Они будут первыми, дошедшими до Гангтока – столицы Сиккима. Оставим их махарадже Сиккима. По всему пути от Нагчу до Гангтока верблюды привлекали толпы любопытных. Ведь этих зверей по всему этому пути вообще не видали. От Лхасы до Калькутты верблюды не водятся.

В Тангу уже ждал нас дом – дак-бунгало и даже кем-то забытые журналы 27-го года. Ведь более года мы вообще пробыли без известий из внешнего мира.

Сказка водопадов! Целая симфония из узорчатых струй. Несколько дней идем книзу. Мимо нас проходят все пояса растительности. Наконец показались пальмы, и около реки прошли два леопарда, красочно-желтые с густыми черно-теплыми пятнами. Все перевидано. И черные с белым ошейником медведи Чантанга, и серны, и аргали,^[262] и каменные круторогие бараны, и наконец нарядные леопарды.

Скромная финская миссия в Лачене. Приветливая мисс Кронквист, одиноко заброшенная среди скал. Ее рассказы об обвалах, угрожающих по всему Сиккиму. Неужели по южной стороне Гималаев идет тот же мертвящий процесс, который разложил вершины Чантанга? Под шум потока Лачена, который родился и окреп на наших глазах, вспоминаем Иматру и Финляндию и симпатичного Реландера и Аксея Галлек-Каллела. Такие же синие дали в Финляндии.

Подводим итоги состояния каравана. Американское снаряжение выдержало все испытания. Сундуки «Белбер» прошли из Америки четыре года по всей Азии через все переправы и перевалы без единого повреждения. Палатки «Аберкромби и Фитч» тоже устояли под всеми вихрями.

Затем осталась легкая часть пути до Гангтока. Гостеприимный дом британского резидента Ф. Бейли. Рассказываем о нашем пути. Полковник знает тибетцев и потому ничему не удивляется. Одно обстоятельство его изумляет: зачем было держать нас всю зиму на высотах? Посланы письма в Америку. Нам дан надежный сардар до Дарджилинга. Мы сделаем весь путь от Гангтока в один день. Но придется переменить три мотора, ибо на Тишпе только что снесен мост и нужна пересадка. Значит, в один день три мотора и десять миль на лошадях – крутой подъем от Тишпы через Пешок.

Нужно собрать и обработать все собранные материалы. Не скоро удастся все это. Юрий, доктор, Н. В. и П. К. тоже готовят записки. Быстро разлетятся спутники – кто в Италию, кто в Китай, кто в Австралию. Всюду вспомнят неповторенную красоту Гималаев. Наш путь шел от Гималаев и обратно к ним. Величествен Каракорум и ледяное царство Сассера. Прекрасен Куэнь-Лунь. Фантастичен Тянь-Шань – Небесные горы. Широкий кругозор Алтая. Декоративен Наньшань. Суров Ангар-Дакчин. Но все это только пролог перед невыразимым величием Гималаев.

Наши друзья в Сиккиме рассказывают нам, что зимою еще они слышали, что перед Нагчу стоят сильные отряды русской кавалерии. Такое сведение причиняло много беспокойства. Между тем это была одна из очередных нелепых легенд о нас. За эти годы мне пришлось побывать и французским и американским королем, и командиром русского корпуса, и королем всех буддистов. Успел даже два раза умереть. Успел быть одновременно в Америке, в Сибири и в Тибете. По словам цайдамских монголов, я вел войну с сининским амбанем; а по словам хотанского даотая, я привез маленькую пушку, которая в десять минут уничтожит весь Хотан и его сто тысяч жителей. Мы ко всему привыкли, и никакими «достоверными» слухами удивить нас нельзя. Монголы твердо запомнили об Амери-хан. Так претворилось «American» в какого-то воителя. Из Лхасы нам передавали целые сказки, и мы с трудом находили в них свои признаки.

Странно и дивно идти теми самыми местами, где проходили махатмы. Здесь была основанная Ими школа. В двух днях пути от Сага-дзонга был один из ашрамов, недалеко от Брахмапутры. Здесь останавливался махатма, спеша по неотложному делу, и стояла здесь синяя скромная палатка. В то время когда в Европе спорят о существовании махатм, когда индусы проникновенно молчаливы о Них, сколько людей в просторах Азии не только знают махатм, не только видели Их, но и знают многие реальные случаи Их дел и появлений. Всегда жданные, нежданно махатмы творили в просторах Азии великую, особую жизнь. Когда нужно, Они проявлялись. Если нужно, Они проходили незаметно, как обычные путники. Они не пишут на скалах имен Своих, но сердца знающих хранят эти имена крепче скал. Зачем подозревать сказку, воображение, вымысел, когда в реальных формах запечатлены сведения о махатмах.

В спешке, в случайном любопытстве – не узнаете даже простого химического опыта. Те, кто в бездельном разговоре касаются вопроса о махатмах, разве они достигнут чего-либо? Разве их пустое любопытство будет удовлетворено? Сколько людей хотели бы получить письмо от махатм, но разве оно изменило бы их жизнь? Оно вошло бы как минута изумления и смущения, а затем опять все вернулось бы к прежней рутине, без всякого следа.

Часто изумляются, отчего люди, знающие махатм, так различны по своему общественному положению? Но отчего Бёме был сапожником? Неужели размер сознания измеряется лишь внешними отличиями? Дела махатм и Их поручения ученикам рассказаны в литературе, которая совсем не так мала, как кажется незнающим ее. Эти дела касаются как внутреннего сознания, так и внешних событий мирового значения. И проявляются тогда, когда нужно.

Ученые часто называют разговоры о махатмах предрассудком. Это те ученые, которые махатм не видели. Но Крукс или Оливер Лодж не станут так говорить. Вивекананда, всегда стоявший за рациональность наблюдений, знает махатм. Знают Их многие индусы и так берегут

Их имена, что даже готовы отрицать существование Их, лишь бы не выдать, не предать.

Лишь бы не предать! Какое очарование заложено в этом понятии Гуру, в этих ступенях восхождения.

Но многие стучатся в эти двери великого знания. Часто Они не признаются в этом, даже сердятся, если этот вопрос затрагивается. Сколько молодых людей хотели бы искренно вступить в переписку с Гуру! Пробуют найти наставника, по-своему стучатся. И сколько из них находят разочарование, ибо стучались не по адресу и не было достаточно энергии устремления, чтобы получить истинный ответ.

«Какая это лаборатория», – может воскликнуть, кто подходит к техническим приемам познания. Да, именно лаборатория, где труд и настойчивость и неустрашимость являются ключами врат. Но зато в этом здоровом рационализме, в этом истинном и бесстрашном материализме растут крылья духа, крылья сознания. Не оторванное от жизни, не уводящее, но созидательное – таково учение махатм. Они говорят о научных основах существования. Они направляют к овладению энергиями. Они говорят о тех победах труда, которые превратят жизнь в праздник. Все предлагаемое Ими не призрачно, не эфемерно, но реально и касается самого всестороннего изучения возможностей, предлагаемых нам жизнью. Без суеверия и без предрассудков. Разве ученики махатм делаются изуверами, сектантами? Наоборот, они становятся особо жизненными людьми, побеждая в жизни и лишь ненадолго удаляясь в те далекие горы, чтобы омыться в излучениях праны. В самых темных местах Тибета знают о махатмах. Знают много воспоминаний и легенд. Но сейчас внимание направлено на предсказания о возвращении таши-ламы, во всей его славе.

В Лхасе на улицах запрещено электричество. Запрещен кинематограф. С прошлого года в Тибете запрещено светским людям стричь волосы, носить европейскую обувь и опять приказано носить длинные халаты. Современные формы и обычаи армии названы красными обычаями и запрещены. Так рассказывается самими тибетцами. Значит и то небольшое, что открывало Тибету путь к обновлению пресечено и отвергнуто. Значит, опять остается мрак невежества, со всеми суевериями, убийствами, пытками и отравлениями. Этот мрак оправдывается недопустимыми суевериями.

Так, отравитель человека высокого положения будто бы получает себе все счастье и преимущества отравленного. Существуют какие-то семьи, в которых право отравительства передается как родовое преимущество, и в семье хранится состав особого яда. Потому расположенные тибетцы советуют быть очень осторожными с чужою пищею. Можно слышать многие рассказы, как люди были отравлены чаем или пищей, присланной им на дом как бы в знак особого уважения. Это напоминает старые повести об отравленных предметах и особенно кольцах. Такие кинжалы и кольца с приспособлениями для помещения яда приходилось видеть. Такие вещи бывали и непальской работы. Видимо, и там подобные обычаи издавна процветали. Передают, что до сих пор при погребении махараджи старший брамин должен съесть кусок мяса покойного, и за это съевший попадет в верхние сферы неба. Много рассказывают такого, чему даже трудно поверить. Если привести рассказы о способах лечения, то тоже не верится, что сказанное относится к нашему времени. Но тем не менее с пищей надо быть очень осторожными, тем более что помимо намеренного отравления могут быть случаи недоброкачества. Сушеное мясо может быть несвежим. Зерно – перемешано со всякой грязью. Хлеб – недопечен. А китайские консервы, вследствие долгого пути и плохой упаковки, могут быть испорчены. Конечно, одна и та же посуда служит для всевозможных, неожиданных употреблений. Невежество и чистота не уживаются.

Все-таки пройдена прямая дорога от Монголии через Цайдам, Тибет и Гималаи. Сперва тропею Дже-ламы, потом пересекая в новом направлении Цайдам, через дзонги Тибета, по

горным проходам хранилищ снегов. Помог ли нам в пути паспорт далай-ламы? Помог ли паспорт, данный «в величественном снежном дворце» губернаторами Нагчу? Конечно, сундук серебряных рупий или китайских долларов помог бы больше. Но зато мы видели, как старшины отказывались признать приказ Лхасы. Сами губернаторы предлагали самочинные меры. И мы имеем право сказать, как зря избитый солдатами тибетец говорил нам, выплевывая кровь разбитых зубов: «Видите, как обращается девашунг со своим народом».

Есть что-то сужденное в умирании старого Тибета. Колесо закона повернулось. Тайна ушла. Тибету некого охранять, и никто не хранит Тибет. Исключительность положения как хранителя буддизма более не принадлежит Тибету, ибо буддизм, по завету Благословенного, делается мировым достоянием. Глубокому учению не нужны суеверия. Исканию истины противны предрассудки.

Первое изображение Благословенного получено Тибетом от Непала и Китая. Получено только в седьмом веке, более чем через тысячу лет после учения и жизни Благословенного. Получено после того, как в Индии сложилась уже блестящая литература последователей буддизма. Получено первое изображение тогда, когда уже по всей Азии высились прекрасные вихары, перед которым дуканги Тибета стоят как бедные младшие братья. Теперь, когда возникает мысль о восстановлении истинного буддизма, и эта волна минует Тибет.

Возьмем черную магию Тибета. Вспомним их оживающие трупы, знаменитое ролланг-воскресение, которое не что иное, как грубая форма вампиризма. Вспомним блуждающих духов, которые убивают и всячески злоумышляют, причем часто бывают духами именно лам. Вспомним злые заклинания и наваждения, которыми вооружаются ламы для запугивания темного народа. Вспомним самоубивающие магические кинжалы, темные гаданья, заговоры, оборотней, принявших вид зверей, и всякие измышления злой воли. Во-первых, все это очень дурно, и такие темные занятия лам не свидетельствуют в их пользу. Во-вторых, колдуны Малабарского берега воспроизводят всю черную некромантию гораздо сильнее. О них знают, их опасаются, но никто не поклоняется им и не считает их священными личностями. Малабарские «чудеса» опередили Тибет.

Многие писавшие о Тибете называли его «чудо из чудес». Но это название могло относиться или к прошлому Тибету, или к непониманию тех писателей, загипнотизированных традицией. Правда, можно было назвать чудом школу, образованную махатмами около Кампа-дзонга. Но ведь уже много лет эта школа не существует. И кем же нарушена она? Теми лхасскими ламами, которые не имеют ничего общего с тем многим замечательным, совершившимся на территории Тибета. Все это – прошлое. Теперь же немногие тибетские ламы имеют зачаточные формы левитации, материализации, проблески воли и ясновидения. Но самое большое испытание для лам – если, при их сомнении, вы предложите им: «Спросите вашего оракула, что я сейчас думаю и какие намерения имею?». Тогда гадатель и прозорливец окажется отсутствующим, а ламы приходят в смущение. Те же, кто развил в себе ясновидение, не живут в монастырях, не живут в Лхасе.

Правда, в горах бывают удивительные явления, но они не имеют отношения к ламству. Вспоминаем этот поразительный огонь в палатке, опять бывший на Чантанге. Вспоминаем волны тепла среди жестоких морозов. Вспоминаем многие проявления тонких энергий, но ведь Лхаса-то тут ни при чем! Поразительно проходить местами, где еще недавно были ашрамы.

Но самая необычайная встреча не будет иметь ничего общего с правительством далай-ламы. Смешение двух совершенно различных понятий следует расчленивать. И Тибет не имеет более права укрываться за не принадлежащей ему таинственностью. Рад, что мы шли открыто, что мы спрашивали открыто тибетское правительство и говорили с тибетцами открыто. Старая тропа переодеваний слишком импозантна для Тибета. Сейчас он должен сказать открытое слово.

Было бы нелепо осуждать все миллионное население Тибета. Опять ламы могут стать образованными. Опять может появиться просвещенное правительство. И народ снова может обрести восхождение. Многое, что представляется «павшим», просто еще «не поднялось».

В Учении истинных заветов Благословенного имеются практические указания касательно всей жизни. При некотором прилежании можно ознакомиться и принять к руководству эти благие наставления. Теперь же те, которые позорят Учение, и негодные чины правительства должны понять, что их преступная деятельность осуждена и не может продолжаться.

Тибет провожает нас грустным сообщением. Наши три торгута – Очир, Дордже и Манджи – в сорока милях от Гьянцзе подверглись нападению тибетцев. Двое торгутов убиты и третий ранен. Деньги и вещи ограблены. И так даже единственная будто бы упорядоченная и охраненная дорога от Индии на Лхасу уже в руках разбойников. Жаль бедных торгутов, возвращавшихся с заработком в родные кочевья. Они были храбрые люди. Надо думать, нападение было из предательской засады, иначе они дорого отдали бы жизнь. Запросили мы британского резидента, чем можно помочь раненому. Природный тибетец хорошего типа говорит: «Раньше разбойники были на севере Тибета, но при нынешнем правительстве – они по всему Тибету. И само правительство не отличается от них», – с безнадежным жестом оканчивает огорченный тибетец. Сколько порядочных тибетцев, столько ученых лам должно страдать из-за недоброкачества правителей.

По другой версии, наши монголы дошли до Лхасы, но там были схвачены и брошены в тибетскую тюрьму. Во всяком случае, наши бедные торгуты отведали беду.

Последний слух из Тибета совершенно странен. Говорят, что все монголы собираются покинуть Тибет ввиду трудных обычаев правительства. Наконец, говорят, что сам далай-лама собирается бежать из Тибета. Если даже это просто слух, то во всяком случае замечательный для настоящего положения.

Еще слух: тибетцы рассказывают, что хорчичаб купил свое назначение командующего северным фронтом за три тысячи норсангов. Не дорого.

Еще слух: бедный Церинг, наш монгол, также пострадал. По пути из Нагчу в Лхасу его ограбили, и теперь он просит милостыню на лхасском базаре. Шедуб, ехавший в Лхасу на десять лет, уже мечтает вырваться оттуда. И его и Кедуба совершенно обобрали в Лхасе. Кедуб тоже ищет случая выехать скорее, а ведь как стремился. Ламаджаб пробыл в Лхасе всего два месяца, лишился всех денег и уходит с каким-то караваном в Монголию. Благополучно дошли домой в Шарагольчи лама Санге, лама Таши и Кончок, потому что бросили намерение идти в Лхасу и повернули из Нагчу обратно. Жаль, жаль торгутов; как бодро носились они за куланами и дикими яками. Н. В. уже в Италии. Доктор, П. К. и Г. уже в Китае. Так разошелся последний состав. Новые работы. Новое здание начато в Америке. И закончится оно субурганом.

Тибетцы, переехавшие в Сикким, говорят: «Прежде в Тибете звучали трубы в храмах, но теперь раздаются лишь трубы войны». «Генералы Тибета слишком слабы, чтобы сражаться с внешним врагом, зато они умеют притеснять своих безоружных крестьян». «Все ученые ламы покидают Тибет, и теперь истинное учение надо искать за границей Тибета». «Теперь в Тибете мало кто знает о Шамбале, все учение забыто». «Тяжелое время пришло для Тибета. Девашунг (правительство) такой же ничтожный, как мизинец на руке». «Теперь придет год дракона. Прошлый год был годом тигра, а за ним будет год овцы – не будет ли легче тогда?» «По пророчеству – таши-лама ранее трех лет не вернется в Тибет».

«Много тысяч лам перешло индийскую границу, спасаясь от теперешнего ужасного правления Тибета». «Далай-лама удалился от дел и затворился».

Много чего толкуют. Нас нагоняет наш лама из Харчина. Думал пробыть в Лхасе десять лет, а пробыл всего три месяца. Обобранный, спасается из Тибета. С ним вместе бегут еще три

ученых ламы из Ташилунпо.

Новости из Сиккима. Монастырь в Гуме расширяется. Прибавились новые постройки. Стены покрыты живописью. Также улучшаются монастыри в Калимпонге и Курсеонге. Везде помогает Геше Ринпоче из Чумби. Везде, где он прошел, вырастают изображения Майтрейи. Настоятель Гума по-прежнему хлопочет. По-прежнему там работает наш художник геше ларива. Все хорошо, дружественно.

Во всяком случае даже сами тибетцы, то есть более разумные и удалившиеся за границу, понимают, что так продолжаться не может. Страна с миллионами населения не может отказаться от всех признаков цивилизации. Но продолжать отрицание всего иностранного и тайком покупать хотя бы третьесортные продукты иноземного производства и самим стремиться проникать через все границы уже недопустимо. Это шутовство невежества уже замечено и делается невозможным. Границы могут быть закрыты. Также нельзя иметь за границей тибетских доньеров-консулов с широковещательными полномочиями и не признавать документов, выдаваемых этими государственными чинами. Нельзя называть себя «Океан Знания», будучи невежественным. Нельзя называть себя «Победным во всех направлениях» когда тибетское войско вообще непригодно для современного боя. Вообще нельзя лгать, по привычке к безнаказанности.

Как жаль, что лик Тибета затемнился мрачной действительностью. Но друзья остаются друзьями.

Спросили меня: «Как будете теперь говорить о Тибете?». Как всегда, буду возносить свет и поражать тьму. Только правдою исправляются несовершенства. Если таши-лама возбудил к себе общее уважение, это нужно сказать. Если лхасское правительство создало вокруг себя отвращение, и это должно быть сказано. Спросили: «Но ведь тибетцы не любят правду?». Не все, и мы будем с теми, которые желают совершенствоваться и исполнять учение Благословенного. Кроме того, духовный водитель Тибета вовсе не далай-лама, а таши-лама, о котором известно все хорошее. «Обычаи Панчен Ринпоче (таши-ламы) совсем другие», – так говорят тибетцы. Теперь же совсем недавно Лхаса схватывала родственников таши-ламы и заковывала их в цепи. Дзонг-пен в Паридзонге обрезал женщинам уши, нескольким мужчинам – руки и ноги. Четверо умерло под мучениями. Все это известно от самих же тибетцев. Они осуждают теперешнее положение Тибета сильнее нас. Они ждут исполнения пророчества о возвращении таши-ламы, когда он будет единым главою Тибета и Драгоценное Учение при нем процветет снова.

Но Гималаи и Сикким закрывают Тибет. Нигде нет такого сверкания, такой духовной насыщенности, как среди этих драгоценных снегов. Нигде нет такого определительного слова, как в Сиккиме. Здесь ко всему прибавляется понятие геройства. Мужчины – герои, женщины – герои, скалы – герои, деревья – герои, водопады – герои, орлы – герои... Сюда шли великие отшельники, ибо где же в два перехода можно подняться от тропической растительности до вечного снега. Все стадии напряжения сознания здесь. Приветлив Сикким. Приветлив махараджа Сиккима. Приветлив резидент. Приветлив Ладен Ла. И опять священная долина Ташидинга, как средоточие накоплений тайны и сокровищ. Это значительное место для всего Сиккима и Бутана. И старик настоятель Ташидинга еще жив, но постарел и уже не сходит со своей священной горы. И опять близость великой Индии.

Опять индус поет: «Как могу я говорить о самом Создателе, если знаю невыразимую красоту Гималаев».

Геше Ринпоче, настоятель донкара в Чумби, знает, что на север от Канченджанги лежит пещера. Вход в нее очень узок, но затем она расширяется и приводит в целый город. Настоятель многое знает и просит молчать до времени. Должное следствие получается лишь во времени, когда соблюден точный срок. Сознание Геше глубоко. Он видит далекие события. Выходя как

бы из полудремоты сосредоточения, он говорит о самых неожиданных действиях, о дальних отсутствующих людях. «Как ей трудно, как она мучается», – вдруг замечает он и начинает молиться за лицо (Е. И.), находящееся за тысячу миль, которое болело в это время. По старому обычаю высоких лам, настоятель спать не ложится, но проводит ночные часы сидя. Сейчас он является главою Сиккима, ибо, по завету, истинное Учение уйдет из Тибета. Настоятель знает о Шамбале во всем ее значении. Он заботится о восстановлении Учения и готов встретить новую эру.

Донкар в Чумби принадлежит к Ташилунпо. Около Шигацзе имели пребывание Великие. И все, что исходит оттуда, имеет на себе добрые знаки.

Сказано, как будет проявляться новая эра: «Раньше вспыхнет неслыханная война всех народов. Затем встанет брат на брата. Моря крови прольются. И люди перестанут понимать друг друга. Люди забудут, что значит слово Учитель. Но именно тогда появятся Учителя и во всех концах земли зазвучит истинное учение. Люди начнут собираться к слову истины, но те, кто полны темноты и незнания, будут препятствовать. Как алмаз, горит свет на башне Владыки Шамбалы. Один камень на кольце Его стоит больше всех сокровищ мира. Даже те, кто случайно помогли учению Шамбалы, получают теперь же стократное воздаяние. Уже перевоплотились многие воители учения истины. Пройдут всего немногие годы, когда будут слышны мощные шаги Владыки Обновителя жизни. Можно уже замечать небывалые явления и можно встретить необыкновенных людей. Уже открываются врата знания, и спелые плоды упадают с дерева».

Вот еще изображение Шамбалы, мандала Шамбалы в которой знающие узнают намеки действительности. Наверху *идам*,^[263] как знак стихийной мощи, и тот таши-лама который написал очень закрытую книгу «Путь в Шамбалу». В середине изображения снежные горы образуют круг. Узнаются три белых границы. В центре – как бы долина со многими постройками. Можно различить точно два разреза, как бы планы башен. На башне Сам Он, свет которого сияет в сужденное время. Внизу мощное воинство ведет победную битву. Победа духа на великом поле жизни.

Конечно, мы знаем, как во всей Азии ожидается наступление новой эры. Каждый толкует по-своему, кто ближе, кто дальше; кто прекрасно, кто извращенно; но все об одном и том же сужденном сроке. Особенно захватывающе видеть такое сознание на местах, когда не засохшая краска печатной буквы, но сам звук, само слово человеческое непосредственно выражает волнующую мировую мысль. Ценно слышать ее и повторять. Родина Гессер-хана – Ладак знает твердо, что время обновления мира уже наступило. Хотан помнит о знаках времени Майтрейи над древнею ступою. Калмыки в Карашаре ждут скорое появление чаши Будды. На Алтае ойроты отворачиваются от шаманизма и складывают новые моления ожидаемому Белому Бурхану. Вестник Бурхана, благой Ойрот, уже едет по миру. Монголы помнят о появлениях Владыки Мира и готовят дуканг Шамбалы. На Чантанге славословят Гессер-хана и толкуют о заповедных границах Шамбалы. На Брахмапутре знают об ашрамах махатм и помнят чудесных Азаров. Евреи ждут у моста Мессию. Мусульмане ожидают Мунтазара. В Исфагане белый конь уже оседлан. Христиане Св. Фомы чают пришествие и носят на себе тайные знаки. Индусы знают Калки Аватара.^[264] И китайцы на Новый год зажигают огни перед изображением Гессер-хана – Владыки Мира. Ригден-Джапо, Владыка, несется над пустынями, держит свой сужденный путь на Восток. Кто-то незрячий скажет: «Так ли все это? Нет ли здесь преувеличения? Не приняты ли отрывки пережитков за верования будущего?»

Значит, вопрошающий никогда не был на Востоке. Если вы были в этих местах, если вы прошли многие тысячи миль, если вы сами говорили со многими народами, то вы знаете всю жизненность этих устремлений. Вы поймете, отчего об этих священных понятиях говорят в тиши вечера, наедине, тихим задумчивым говором; отчего замолчат при каждом новом пришедшем.

Если же скажете, что при госте можно продолжить беседу, то ваши слова встретят с поклоном. И получаете молчаливый, полный значения поклон не вы, но Сам Великий Майтрейя.

---

notes

Чермное море — название Красного моря в русских переводах Библии.

«*Рамаяна*» — древнеиндийская эпическая поэма о Раме и о его войне с ракшасами (демонами-гигантами), в которой вместе с Рамой сражались обезьяны под предводительством Ханумана.

Майтрейя — грядущий Будда, олицетворяющий собой чаяния всего буддийского мира, от Цейлона до ламаистских монастырей Сибири.

Хинаяна и *махаяна* — «малая колесница» и «великая колесница». Хинаяна – южная школа буддизма; махаяна – северная школа, распространенная помимо Северной Индии, в Тибете, Монголии, Китае, Японии.

Ступа — монумент конической формы, воздвигаемый над останками Будды, архатов и других великих людей.

Хануман, Рама и Рáвана — персонажи «Рамаяны». Хануман, царь обезьян, – верный соратник героя эпоса, Рамы, в его борьбе с Раваном, царем демонов, похитившим жену Рамы Ситу, что и явилось причиной этой великой войны. Глубокие параллели просматриваются между этим эпосом и «Илиадой».

Веды — откровения или священные писания индийцев. Ведические тексты разделяются на две большие части: экзотерические – «раздел действий и трудов» и «раздел знания». В последний входят Упанишады.

«Махабхáрата» – великий индийский эпос, включающий в себя «Бхагавадгиту».

Наваб — титул правителей областей Индии.

Бабу (индустани) – образованный человек.

Садху — святой человек; странствующий отшельник.

Хатха-йог — практикующий хатха-йогу, низший вид йоги; человек, применяющий физические средства с целью достижения духовного саморазвития.

Акбар (Великий) — один из величайших императоров Индии, покровитель религий, искусств и наук; правил в 1555—1605 гг.

Пуэбло — племена американских индейцев; также их селения.

Санта-Фе – главный город штата Нью-Мексико на юго-западе США.

Бунгало, дак-бунгало — легкая постройка с верандами; гостиница.

Стокзунд — пригород Стокгольма.

Ибн-Фадлан — арабский путешественник и писатель X в. н. э.

Световит — верховное божество неба у древних славян. При его храме содержался особый белый конь, на котором, по поверью, Световит (Святовит) выезжал по ночам сражаться с демонами тьмы.

Тримурти — Троица; в современной концепции – Брахма-творец, Вишну-хранитель и Шива-разрушитель. В древней традиции – Индра, Агни и Сурья (воздух, огонь и солнце); глубочайшая философия лежит в основе этого символизма.

Веданта – дуалистическая религиозно-философская система, представляющая собой результат философского истолкования Упанишад.

Адвайта – монистическое направление в Веданте.

Далай-лама — светский правитель Тибета с резиденцией в Потале в Лхасе.

Шерпы — тибетская народность в Непале.

Ария Самадж — просветительно-националистическая индуистская организация, созданная в 1875 г.

Кам и голоки — племена в Тибете.

Зигфрид — король нибелунгов в германском эпосе.

Сикким — княжество на северо-востоке Индии.

Ринпоче (римпоче) — «великая драгоценность», эпитет высших духовных лиц Тибета.

Лама — монах или священник.

Шамбала — страна, в которой, согласно верованию Азии, пребывает грядущий Владыка Мира и его воинство.

Атиша — основатель буддийской школы XI в., проповедник буддизма в Тибете.

Миларена (1040—1123) – буддийский поэт-отшельник, тибетский Орфей.

Гопи — пастушки, возлюбленные Кришны.

Лель и *Купава* — персонажи древнерусского фольклора, действующие лица оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка».

Терафим — предмет, на который сознательно наслаивается психическая энергия с той или иной целью.

Малабарские холмы — юго-западное побережье полуострова Индостан.

Саиб (индустани) – господин.

Мемсаиб (индустани) – госпожа.

Лемурия – материк, который, по эзотерическому учению, предшествовал Атлантиде.

Асанга, или *Арьясанга* — основатель школы йогачаров (IV в.) махаяны; по преданию, получил учение от самого Майтрейи.

«Дао дэ цзин» — Указатель Пути; «Книга Совершенства Природы», написанная великим китайским философом Лао-цзы. Дао – символ Абсолюта, Бесконечности.

Упанишады — часть эзотерического раздела Вед.

«*Бхагавадгита*» — «Божественная Песнь». Эпическая поэма о Кришне, одна из частей «Махабхараты».

Наги — мудрые змеи; также племена, почитающие змей.

Таши-лама — духовный глава Тибета, проживающий в монастыре Ташилунпо, близ Шигацзе. Впервые в истории он бежал из Тибета, тем самым осуществились древние пророчества.

Потала — дворец далай-ламы в Лхасе.

Тара — главное женское божество буддизма, символ Богини-Матери, Милосердной, покровительницы человечества.

Пураны — сборник космогонических писаний; предполагается, что составителем его был Вьяса, автор «Махабхараты».

Кушо (тиб.) – господин.

Чинтамани — Священный Камень, одно из величайших сокровищ мира.

Гум — монастырь на границе Сиккима и Непала.

Архат — в буддизме – человек, достигший четвертой ступени на пути к Нирване; он не подлежит более перевоплощению на Земле.

Каббала — сокрытая мудрость еврейских раввинов средневековья.

Санге — здесь, очевидно, название церемониальных танцев.

Хадак (хатык) – церемониальный шарф, преподносится как почетный дар.

Субурган (монг.) – то же, что ступа.

Великий Рангит — река в Сиккиме, приток р. Тишта.

Колесо жизни — символ великого цикла жизни, продвижения духа или «я» сквозь низшую природу.

Колеса Иезекииля — мистический символ, описанный пророком Иезекиилем.

Шекли — древнееврейские монеты.

Чандрагупта Маурья — первый буддийский правитель Индии в 322—298 гг. до н. э., дед Ашоки.

Сергий Радонежский (1314—1392) – один из самых любимых русских святителей, строитель русской духовной культуры.

Бодхисаттвы – от *бодхи* (озарение или пробуждение) и *саттва* (сущность). Ученики Будд, добровольно отказавшиеся от личного освобождения и, по примеру Учителя, вступившие на долгий, тягостный и тернистый путь помощи человечеству. Почитание многих бодхисаттв нашло развитие только в махаяне; тем не менее почитание одного Бодхисаттвы, Майтрейи как преемника, избранного самим Буддой, принято и в хинаяне.

Друиды — жрецы древних кельтов.

Кампо Санто — название итальянских кладбищ.

Орлиные гнезда Фаэнцы и Монте Фальконе — средневековые замки Северной Италии.

Богдохан — религиозный глава буддистов Монголии, называемый «живым Буддой».

Хутухта — одно из высших званий ламаистского духовенства Монголии.

Лама оказался прав.

Художник живет в доме, где пребывал Далай-лама. – *Примечание 1-го изд.*

Амбань — китайский наместник.

Средняя Азия, среднеазиатский — в настоящей главе и отчасти в дальнейшем употребляется в значении *серединная, Центральная Азия, центрально-азиатский*.

Дзон-Капа (1357—1419) – основатель «желтой секты», одной из двух крупнейших в Тибете.

АУМ — священное слово.

Бабур (1483—1530) – потомок Чингисхана и Тимура, завоевавший Индию и основавший династию Великих Моголов.

Канченджанга — священная гора в Сиккиме.

Падма Самбхава – основатель «красной секты» (VIII в. н. э.), одной из двух крупнейших в Тибете.

Тантра — книги средневекового буддизма, описывающие мистические упражнения.

Чома де Кёрёш (1784—1842) – венгерский путешественник и ученый.

Сенген-лама — воплощенный лама, настоятель Агпа-дацана в Ташилунпо.

Менданг — каменное возвышение на перевалах, обычно обращенное на восток, служащее ламам местом для медитаций.

Амрита — напиток богов, эликсир жизни.

Танжерини — мандарини.

Раху — демон, похитивший часть амриты у богов.

Авалокитешвара – величайший Бодхисаттва в северном буддизме, спаситель и освободитель. Обычно изображается многоруким и многоликим.

Мажента — красная анилиновая краска.

Владыка Мира — Грядущий Правитель, чье великое воплощение (аватар) ожидается по всей Азии.

Дхармапала — покровитель или хранитель закона, учения.

Мунтазар – Мессия, ожидаемый мусульманами.

Гаруда — царь птиц, ездовое животное (носитель) Вишну.

«Трон Соломона» — гора в Кашмире.

Бон-по — добуддийская вера Тибета, опирающаяся на магические обряды.

Джахангир — император из династии Великих Моголов, сын Акбара Великого, правил в 1605—1627 гг.

Таксила — древняя столица Гандхары.

Асвагоша (Ашвагоша) — великий буддийский поэт, живший около первого века н. э.

Авантисвамин — кашмирский царь (раджа) в 855—883 гг. н. э. и поэт-лирик. Основал город Авантипур.

Ашока – индийский император из династии Маурья, исключительно ревностный распространитель буддизма. Воздвиг тысячи святилищ и рассылал миссионеров по всему восточному миру. Правил в 268—232 гг. до н. э.

«Весна священная» — балет, признанный одним из самых выдающихся современных произведений. Создан совместно композитором И. Стравинским и Н. Рерихом, который написал либретто (основанное на древних весенних обрядах) и декорации.

Жадеит — ценный поделочный камень.

Гандхара – древняя область вокруг Пешавара, где сочетались греческое и индийское искусство.

Шах-Джахан — сын Джахангира, император Индии в 1628—1658 гг.

Аурангзеб — император из династии Великих Моголов, сын Шах-Джахана, правил в 1659—1707 гг.

Махадева — Великий Бог, эпитет Шивы.

Романеска — «романский» стиль в европейской архитектуре (X—XIII вв.).

Гор — египетский бог, последний из божественных правителей Египта, считающийся сыном Изиды и Осириса.

Урей — змей, священный символ на головном уборе Озириса и других божеств, а также фараонов.

Сихмет — египетская богиня войны.

Сенусерт III – египетский фараон XII династии (Среднее царство), правил в 1884 – ок. 1849 гг. до н. э.

Джинны — элементалы, духи природы.

Валгалла (Вальхалла) – чертоги *Одина* (верховного бога скандинавского эпоса), вечная обитель павших героев.

Фибула — застежка для одежды в виде заколки со щитком.

Жальник — кладбище, погост на русском Севере.

Ладак — хребет и историческая область в Западных Гималаях.

Ситар, сааз — щипковые струнные музыкальные инструменты.

Виктрола — патефон.

Сараха — великий брамин, развивший учение махаяны и тайной тантры; предшественник Нагарджуны.

Нагарджуна — основатель школы мадхьямиков (ок. II в. н. э.) махаяны.

Беноццо Гоццоли (1420—1497) – итальянский живописец, автор фресок ливанского Кампо Санто.

Герри мет де Блес (ок. 1480—1550) – фламандский живописец.

Несториане – христиане-последователи Нестория, патриарха Константинопольского (428—431), утверждавшего, что Иисус Христос был рожден человеком и лишь впоследствии стал Сыном Божиим. На Эфесском соборе 431 г. Несторий был осужден как еретик и отправлен в ссылку. Его последователи бежали, в основном в Иран, и впоследствии распространились по всей Азии.

Гуаньинь — богиня милосердия в буддизме Китая.

Кашьяпа — главный жрец одной из сект огнепоклонников. После его обращения все его последователи тоже приняли буддизм.

Раджагриха, Весали и Патна — места проведения первых буддийских соборов.

Алара Калама — знаменитый мудрец, некоторое время бывший учителем Будды.

Уддака Рамапутта — аскет-брамин, в течение нескольких лет был наставником Готамы Будды.

Ригведа — первая из четырех Вед, священных писаний индийцев.

Белый Бурхан — имя Грядущего Будды у алтайцев.

Урувела — место, где Будда провел шесть лет в медитации.

Наиранжара — река на северо-востоке Индии.

Евсевий (ок. 256—ок. 340) – епископ Кесарии (Палестина), известен как отец церковной истории.

Митра — древнеиранский бог солнца. Глубоко связан с высшим оккультизмом, принципы которого раскрывались в мистериях Митры.

Климент Александрийский (ум. ок. 215) – «отец церкви» и плодовитый писатель.

Ипатия (370—415) – знаменитая женщина-философ, жившая в Александрии.

Иероним (347—419) – считается одним из наиболее ученых «отцов церкви».

Ориген (185—254) – самый сведущий из всех «отцов церкви» и всех раннехристианских писателей.

Митрополит — высшее церковное звание в православной церкви.

Амос — древнееврейский пророк.

Балтистанцы — жители Балтистана, области на севере Кашмира.

Драс — населенный пункт на пути из Кашмира в Ладак.

Дарды — мусульманские народности, живущие на севере Индии.

Африди — племена, обитающие в окрестностях Пешавара.

Хошун — территориально-административная единица в Монголии; также отряд воинов одного хошуна.

Асторцы — жители Астора, области Кашмира.

Шикари — индийский охотник.

Маульбек — монастырь около Лэ.

Фа Сянь — китайский буддист-паломник, посетивший в 399—414 гг. Центральную Азию, Индию и Цейлон.

Гессер-хан — имя великого Грядущего; герой, монголо-тибетского героического эпоса.

Ламаюра — монастырь около Лэ.

Манджушри — один из главных Бодхисаттв, Владыка Знания и Мудрости.

Лхамо — «хранительница закона» в ламаизме, карающая предателей веры.

Махакала — эпитет Шивы; один из Дхармапал.

Дюрандаль — меч Роланда, героя французской эпической поэмы «Песнь о Роланде».

Бругума — жена Гессер-хана.

Брунгильда — героиня германо-скандинавского эпоса.

Локи — бог огня-разрушителя в германо-скандинавском эпосе.

Саньясин — индийский аскет.

Франке А. Х. – знаток Тибета, автор книги «Древности индийского Тибета».

«Эпизоды из незаписанной истории» — в книге приведены свидетельства о встречах с Учителями.

Ассур — главное божество ассирийской мифологии; родоначальник ассирийцев.

Хеми — монастырь около Лэ.

Гелонг (тиб.) – духовное звание; монах.

Шайок — правый приток Инда.

Зоравар — предводитель вооруженных орд племени догра, вторгавшихся в Западный Тибет из Кашмира.

Эбиониты — раннехристианская секта II—IV вв., члены которой верили в мессианство Христа, не считая его божеством.

Епифаний (ок. 310—403) – епископ, учитель и друг Иеронима, выступавший с яростной критикой Оригена.

Ирине́й (ок. 135—202) – один из первых «отцов церкви».

Нубра — правый приток реки Шайок.

Террит — населенный пункт на р. Нубра к северу от Лэ.

Чантанг — Северное Тибетское нагорье.

Чортен (тиб.) – то же, что *ступа*.

Ахмадие — исламская секта, основанная в конце XIX в. М. Г. Ахмадом, считавшим себя Мессией для мусульман и христиан и Кришной для индусов в одном лице.

Геген — высокое духовное звание.

великий учитель

Сарты — общее название народов Восточного Туркестана в России.

Яхтан — небольшой деревянный сундучок, обтянутый кожей.

Пелинг — европеец, человек с Запада.

Ахун — образованное, ученое лицо у мусульман.

Пещеры Дуньхуана — пещерный буддийский монастырь Цяньфодун («Пещеры тысячи Будд») неподалеку от Дуньхуана.

Ринпоче — здесь в смысле *Панчен Ринпоче*, титул таши-ламы.

Дардистан — область на севере Индии, где живут дарды.

Дастархан (тюрк.) – угощенье.

Майдан — площадь, базар.

Такла-Макан — огромная пустыня, покрывающая центральную часть Синь-цзяна.

Тохары — народ, о котором писал Фа Сянь и другие паломники.

Бек — мелкий чиновник; также титул местной знати.

Даотай — китайский чиновник.

Ямынь — канцелярия местных властей; присутственное место.

Свен Гедин (1865—1952) – шведский путешественник, исследователь Центральной Азии.

Вильгельм Фильхнер (1877—1957) – известный немецкий исследователь Тибета.

Сутры — священные книги. Буддийские Сутры составляют второй раздел Трипитаки — буддийского канона.

Чарльз Альфред Белл — британский политический эмиссар в Сиккиме и Бутане; в 1921 г. сопровождал дипломатическую миссию в Лхасу.

Аурел Стейн — выдающийся английский археолог, исследователь Центральной Азии.

Джон Маршалл — крупный английский археолог, генеральный директор археологической службы в Индии.

Ганьсу — провинция Китая, примыкающая к северо-восточной границе Тибета.

Остия — морские ворота Рима.

Поль Пеллио (1878—1945) – выдающийся французский востоковед.

Бай (тюрк.) – богатей.

в Париже

Лянгар — постоялый двор.

китайского

Дягилев С. П. (1872—1929) – видный русский художественный и театральный деятель, руководитель балетной группы.

Больш А. Р. – солист балета в труппе Дягилева.

Чекмень — верхняя одежда, кафтан.

Чепраси (индустани) – посыльный, курьер, служащий.

Уйгуры — группа тюркских племен, входивших в Тюркский каганат, после его распада создавшая в VIII в. Уйгурское государство на реке Орхон. Оно было разгромлено в 840 г., и часть уйгур откочевала за Восточный Туркестан.

Лекок А. – немецкий археолог, исследователь Центральной Азии.

Кейсар — вариант имени Гессер-хана.

Торгуты — западные монголы (олёты), говорящие на торгутском диалекте монгэльского языка.

Ганджур («Ганжур») – собрание священных буддийских текстов в 108 томах.

Тамаша — веселое представление.

Дунгане — китайские мусульмане.

Якуб-бек (1820—1877) – предводитель антикитайского дунганского восстания в Синьцзяне. Выступления дунган в различных районах Китая продолжались с 1862 по 1877 г. и были жестоко подавлены.

Мафакеш (тюрк.) – владельцы маф (повозок).

Арбакеши, керакеши (тюрк.) – владельцы арб (телег) и владельцы лошадей.

6 четвертей — около 1 м; одна четверть (аршина) составляет 17,78 см.

Master Institute — Институт объединенных искусств в Нью-Йорке.

Рескинизм — теория английского искусствоведа и публициста Джона Рескина (1819—1900), призывавшего к возрождению средневекового ручного труда.

Бакиа — сказатель, певец.

Геджак — музыкальный струнный смычковый инструмент с шарообразным резонатором.

Аюши-хан — «царь» ойратов, при котором в начале XVII в. часть их откочевала из Джунгарии к нижнему течению Волги, где они стали именоваться калмыками.

Бурхан — Будда или божество вообще, также их изображения; здесь, очевидно, перевоплощение высокого духовного лица.

Дигнитарий — сановник.

Хунхузы – китайские разбойничьи шайки, действовавшие в Манчжурии.

Богдо-Ула — «Священная Гора», к югу от Урумчи.

Мерв — один из древнейших городов Средней Азии. Его развалины находятся в 30 км к востоку от города Мары в Туркмении.

Начетчик — церковный чтец из прихожан.

Тангуты — общее название кочевых племен тибетских областей Амдо и Кукунор.

Адриан ван Остаде (ок. 1610—1685) – голландский живописец.

Яфетиды — народы, говорящие на яфетических языках (от *Иафет* — сын Ноя).

Геше — ученый монах.

Манзал-Гармо — мать всех добрых богов в бурятской мифологии.

Габала — ритуальный сосуд, изготовленный из верхней части человеческого черепа.

Трипитака – буддийский канон (*Типитака* — на пали), состоит из трех разделов.

Рибхвасы — космические духи.

Сома — священный напиток; также бог Луны, владыка этого напитка.

Джилъ-кор (тиб.), *мандала* — символическое изображение Вселенной в форме круга из кованого золота, серебра или меди либо рисованное.

Юлдусы — высокогорные котловины с пастбищами.

Цаган-хутухта — букв. «белый хутухта».

Шамбатион — река, упоминаемая в Ветхом Завете.

АРА — American Relief Administration, американская организация по оказанию помощи европейским странам, пострадавшим в 1-й мировой войне, действовавшая в 1919—23 гг. под руководством г. Гувера. Принимала участие в помощи голодающим Поволжья в 1921 г.

Барамул — населенный пункт на севере Кашмира.

Оленьи камни — скалы и камни, покрытые древними рисунками.

Керексуры — древние могилы в виде курганов из камней.

Вершник — верховой, всадник.

Вольтер А. А. – русский художник, учившийся у Н. Рериха.

Бальдр — бог добра в скандинавской мифологии.

Дуканг (тиб.) – храм, дом собраний.

Турпаны — птицы отряда гусиных.

Нирва — казначей общины, монастыря.

Синема — кинематограф.

Обо — священные кучи камней, складываемые на перевалах и других возвышенных местах.

МАХАТМЫ

H. B.

H. B.

Танки — знамена-картины с живописным изображением Будды и святых.

Панаги — кочевые племена северо-восточного Тибета.

Хоры, или хорпа — жители области Хор на северо-востоке тибетской провинции Амдо.

в Лхасу

к монастырю бон-по

Лабран — монастырь.

Аргали (архар) — дикий горный баран, обитающий в Средней и Центральной Азии.

Идам — божество-покровитель.

Калки Аватар — грядущее воплощение Вишну.